

КСЮША АНГЕЛ

Я - ЛИЦУНЬЯ

ВАНИЛЬ И КАРАМЕЛЬ

Нельзя жить прошлым, оно никогда не повторится. Нельзя жить будущим, оно еще не наступило. Иногда будущего лучше вообще не знать, Полина — пророчица и уяснила это твердо. Однако ясновидец Гектор считает, что имеет право влиять на будущее хищных. И то, что казалось незыблемым вчера, ломается под воздействием его разрушительного кена. В моменты отчаяния иногда на выручку приходят те, от кого ты совершенно не ждешь помощи. У подножья тибетских гор Полина откроет в себе новый дар, а давно погасшее чувство вспыхнет вновь. Но главное испытание жизнь готовит на десерт. Смерть близких, жертвенный камень и, чем черт не шутит — встречу с легендой...

«Один умирал, настигнутый пулей,
Другой — стрелял из ружья,
Но все мы пили из одного ручья»
Зоя Ященко и Белая гвардия

Пролог

Пламя костра извивалось лентами, а она танцевала.

Помнится, еще давно, когда только узнал Полину, я думал о том, все ли девушки сольвейги такие притягательные. Не все. Но эта рыжая яркая, бесспорно. И любит внимание. Танцует, а сама глядит исподлобья — смотрят ли. Оценивают ли.

Смотрю. И оцениваю. Улыбаюсь.

А сам думаю: зачем я здесь? Барт добр, но все же чувствуется, что я не один из них. Они сторонятся, пугаются чужаков. Хотя тот, другой — Даниил — тут как свой. Я — нет. Но вождь сольвейгов щедро делится знаниями. А я беру — если дают, почему бы не взять.

К тому же она здесь... Смеется неподалеку, я изредка улавливаю отголоски ее смеха. С сольвейгами ей легко, даже грусть из глаз испарилась. А ведь вчера она еще была, и вызывала во мне злость.

У сольвейгов уютно. Тепло.

Впрочем, недостатков тоже хватает. Жизнь в полевых условиях имеет, конечно, свою прелесть, но цивилизация — наше все. И я понимаю Полину, что не осталась.

Хотя она не осталась не потому...

Прошлая ночь все изменила. Не только для меня — уверен, для нее тоже. И я уже не рад обещанию, данному Барту. Впрочем, обещания я не раз нарушал. Заменял другими обещаниями. Умение адаптироваться у меня в крови.

А вот новые способности принесут Полине проблемы, однозначно. Не стоило Барту их открывать... Так было бы проще для меня, бесспорно. А для нее? Она же не сдается. Наделает глупостей, как пить дать.

Ну и пусть. Это уже не раздражает, даже наоборот. Охотники не будут против, особенно если Гектор останется доволен. Охотники ему в рот заглядывают.

А ведь Полина придет и бросит это ему в лицо. Ему и Стейнмоду. Жаль, меня там не будет, люблю такие зрелища.

— Красотка! — восторженный голос выдернул в реальность, и я повернул голову. Раскраснелась. Волосы растрепались, но ей даже идет. И глаза горят, и в них отблески пламени пляшут.

— Что?

— Люсия — красотка, говорю.

— Ну, это да. Несомненно.

— Почему тебя пустили? Сюда, к сольвейгам?

Смотрит подозрительно. Не верит. Правильно, ведь вождь сольвейгов не многим лучше меня. И бесспорно я рад, что она не осталась с ними.

— Тебе не приходило в голову, что мне можно доверять? — произнес я шутливо, но ответа все же ждал. Вчерашняя ночь кое-что изменила, но ближе нас не сделала. Для близости нужно время, и я надеялся, оно у нас есть.

Она пожала плечами и внезапно стала серьезной.

— Я доверяла...

Полина умеет колоться больно. Даже не замечает, как выпускает жало. Для самозащиты. Но я заслужил, поэтому не стал спорить. Просто сказал:

— Не надо о прошлом. Я о нем сожалею.

Положил руку ей на плечо, думал, сбросит. Не сбросила. Смотрела, как танцует рыжая и молчала.

Для меня рыжей не существовало. Никого из них — живущих по собственным законам полухищных, полуясновидцев. Только она. Моя рука на ее плече, которую она не старалась убрать. Ну и наверное, Барт, наблюдающий за нами, прикрытый дымом и искрами от костра. Иногда дым рассеивался, и я видел его взгляд. Немного насмешливый, немного грустный. Исполненный вселенской печали, и за него хотелось сольвейга придумать.

Я не верю в предназначение! Не верю, что ей суждено умереть, а если не умереть, то потерять что-то важное. Это несправедливо. А она, как никто заслуживает справедливости. Счастья.

Даже если не со мной. Хотя если со мной, то всяко лучше. Я не альтруист, а добиваться женщины — нормально для мужчины.

И все же бесит, ведь Барт не признается, что ее ждет. Что придется отнять, чтобы сохранить ей жизнь? Чем пожертвовать? И что вообще может быть хуже драугра?

Охотники? С ними Полина и сама справляется неплохо. Ясновидцы? Так нашелся способ борьбы. Эрик? Что если он потеряет контроль и причинит ей вред? В этом есть резон, в прошлом он не особо отличался сдержанностью. В прошлом, но теперь...

Нужно рассмотреть все варианты. Думай, ты же умеешь, Влад!

Но мысли плавались в том самом костре, а его отголоски танцевали первобытный танец в карих глазах Барта. И показалось, все, что я могу представить — ничто по сравнению с тем, что грядет.

Полина вновь улыбалась, не подозревая о моих тревогах. А зеленое платье Люсии извивалось на прохладном сентябрьском ветру.

Глава 1. Ясновидец

Дэн приехал рано. Вернее, сначала позвонил и разбудил меня, а потом уже приехал. Сказал, это очень важно и не телефонный разговор.

Я встретила его в саду. Я любила сад скади, вернее, не сад даже, а пролесок — он начинался за домом небольшой лужайкой с редко разбросанными на ней ивами. Лужайка смыкалась дубами — настолько мощными, что казалось, им лет по сто. По словам Томи, они осыпались по осени рыжей листвой и швырялись желудями. Вглубь пролеска вела тропа — широкая, мощенная камнем. А по обе стороны дремали скамейки.

На одной из них и ждал меня Дэн. Когда я подошла, он встал и поклонился.

— Привет, правительница скади, — шутливо поприветствовал меня. — Ты уже привыкла к новым обязанностям?

— Я их делегировала, — улыбнулась я. — Истинному вождю.

— Алан так быстро повзрослел?

— Лучше. Его отец вернулся из кана.

— Ого, — присвистнул Дэн. — То-то я смотрю, ты вся светишься! И где же он? Хотелось бы познакомиться со знаменитым Эриком, побывавшем в кане и изощренно убивающем охотников. — Он увидел мой недовольный взгляд и выставил вперед ладони в примирительном жесте: — Я лишь повторяю, что о нем говорят.

— Познакомишься, если удержишься ненадолго. Эрик во Владивостоке по делам.

— У меня есть новости для тебя, — внезапно посерьезнев, сказал Дэн и усадил меня на лавочку. — От Барта.

— Что-то случилось? — насторожилась я. — С ним или с Люсией?

— С ними все окей, а вот с тобой... Гектор нашелся и он в Липецке. Поселился тут со своим кланом, собирает ясновидцев со всего города под свое теплое крылышко. — Дэн поморщился. — Не очень хорошее соседство, Полина.

— Ника! — вырвалось у меня. Глеб же говорил совсем недавно, что она нашла себе покровителя. Теперь понятно, какого. Опасные связи, особенно для Глеба.

— Чего? — не понял Дэн.

— Ничего. Это я так, о своем. Чего хочет этот Гектор? Зачем приехал?

— Барт не знает точно. Тебе ли не понимать, насколько туманными бывают видения. Но он видел опасность для тебя. Не стоит дразнить судьбу и встречаться с озлобленным ясновидцем. И еще... — Дэн огляделся, словно Гектор или его помощники могли подслушивать в кустах. Они не могли — дом скади отлично защищен. — Передай своим, чтобы не питались в черте Липецка. Даже за деньги. Даже если сам смотритель позволит. Гектор не потерпит такого в своем городе.

В своем городе? Серьезно? С каких пор он стал его? Пусть валит в свою Москву, а этот город — наш!

Но вслух я сказала:

— Передам.

— И это... нехорошо сейчас быть одной. Видения не придут вне племени, а они иногда могут предупредить об опасности. Это совет лично от меня. Как от одиночки. Да и Гектор в Липецке — угроза не только для тебя, а для всех хищных, что здесь проживают. Пророчица

хищных городу не помешала бы.

— Предлагаешь мне посвятиться?

— А твой мужчина против? — Он изогнул темную бровь.

— Нет, наоборот... Это я все еще сомневаюсь.

— Лучше бы тебе решиться все же. Убийца, нанявший человека, никуда не делся, уверен. А быть под крылом такого сильного вождя, как Эрик Стейнмод, все же лучше, чем одной.

— Какой замечательный совет!

Эрик появился, как всегда неожиданно, со спины. Присел сзади, обнял меня и протянул руку Дэну.

— Эрик.

— Даниил, — ничуть не смутился Дэн.

— Тот самый, кто спас эту юную леди?

— На самом деле я опоздал... немного. Если бы не заболтался кое с кем, она бы и испугаться не успела.

— Все равно я у тебя в долгу, — серьезно произнес Эрик. — А я всегда отдаю долги.

— Я бы не отказался от беседы о способах убить охотника, — тут же нашелся Дэн.

— Знаешь, а он мне нравится, — шепнул Эрик мне на ухо, и я рассмеялась.

В последнее время мне было невероятно легко. С возвращением Эрика вернулась часть моей души — та, что я наполнила воспоминаниями и спрятала, чтобы не растерять по крупицам. Быт ворует кусочки прошлого, нещадно перемалывая его и рассеивая. Но самое ценное я сохранила.

И скади обрадовались, что я остаюсь. Все, даже Тома. Меня удивило, насколько она стала ближе после возвращения Эрика. И в разговорах с ним неоднократно подчеркивала, как хорошо я справлялась. Мелочь, а приятно. К тому же Роберт ее всячески поддерживал, а после этих разговоров во взглядах Эрика, обращенных на меня, проскальзывала гордость. Это окрыляло невероятно.

Даша только грустила. Сожалела? Сочувствовала Владу? Защитница молчала, а я не спрашивала. Зачем нарываться?

Дэн остался на завтрак, и пока они с Эриком о чем-то оживленно беседовали, я думала о Каролине. Я не посвященная, но она-то атли. И у нее вполне могли быть видения о Гекторе. Пусть туманные, которые она не может расшифровать, но все же. А еще не давала покоя Ника. Если она теперь в клане, чем это грозит Глебу? Остальным атли? Где теперь будут питаться наши хищные? Ведь в городе четыре сильных племени.

Я понимала, что неспроста Гектор появился именно в Липецке. Чувствовала какую-то ниточку, ведущую к правде, но сама правда терялась в тумане. Не хватало фактов. Или времени их сопоставить. А переживания о близких никак не способствовали продуктивной мыслительной деятельности.

Поэтому когда Дэн ушел, а мы с Эриком остались одни, я решительно сказала:

— Мне нужно к атли. Чем быстрее, тем лучше.

Эрик нахмурился. Нет, он не злился — пока не злился, но, казалось, готов был вспыхнуть в любую минуту. Впрочем, я не верила в его злость. Что он такой, каким его описала Даша, и даже Дэн... Дэн не может знать — только верить слухам. А слухи и про меня разные ходят.

— Зачем? — спросил шепотом, проводя пальцем по моей шее справа, размеренно, едва

касаясь.

— Гектор. Ясновидец с особым даром — он в Липецке, и, похоже, надолго. Нужно предупредить атли, чтобы не питались. И Мирослава тоже, он же здесь пока... Альва...

— Это Дэн тебе сказал? — Все такой же голос, тихий и спокойный. Не то, что я — сразу эмоциям поддаюсь. Эрик не теряет контроля и хорошо.

Кивнула.

— Барт... у него было видение. Нехорошее. А Ника... Они же с Глебом, ну...

— Альрик не обрадуется, — покачал головой Эрик. — Не стоит им его дразнить.

— Альрика здесь нет! А Гектор есть. И Ника в его клане.

— Полина... — Его рука теплая, обнимает. И я жмурюсь от удовольствия. Оно прогоняет тревогу, но сейчас это не радует. Тревога обоснована, пусть Эрик и не придает значения. Барт никогда не стал бы пугать, если бы проблема не была серьезной. — Не стоит лезть в дела ясновидцев, особенно таких сильных, как... этот.

— Ты слышал о нем?

— Почему у тебя не было видения? — ответил он вопросом на вопрос. — Сольвейги знают больше, чем ты сама?

— Я не в племени. Одна. У одиночек редко... Тогда о тебе только были. И все. Я даже убийцу не видела, хотя раньше, в атли, непременно бы...

— А в скади все еще не хочешь.

Эрик не спрашивал — утверждал. Отошел от меня, взял блокнот с тумбочки и сделал вид, что ему интересны мои записи о необходимых покупках на следующую неделю. Обиделся? Обижать его не хотелось, но посвящение... Я так привыкла быть одна. То есть я не была никогда фактически, но после изгнания из атли чувствовала себя свободной. Одинокой тоже, но одиночество — обратная сторона медали.

Мной никто не помыкал. Никто не командовал. Не заставлял подчиняться дурацким законам. И, несмотря на то, что я жила в скади, я в любой момент могла... Что? Уйти? А хочу ли я уйти? Здесь мой сын, Эрик, люди, к которым я привязалась. Эрик души не чаял в сыне, часто меня благодарил и подолгу стоял у кровати, глядя, как Алан спит. Такого не сыграешь — Эрик действительно был рад. И это наполняло меня странной легкостью, пьянило, делало счастливой. У меня было все, о чем я мечтала, еще будучи девчонкой. А глупые сомнения пора было перебороть. Ведь сомнения — лишь отголоски прошлого. Прошлого, которое давно пора похоронить.

Похоронить не получалось. Никак. И это злило Эрика.

— Не торопи меня, пожалуйста, — миролюбиво попросила я.

— Не тороплю, — усмехнулся. Поворачиваться не стал, и я не могла видеть ни выражения его лица, ни глаз, которые всегда выдавали его эмоции.

— В атли его пророчица, Лина. — Я решила перевести тему. Размолвок не хотелось, а они неизбежны, если мы продолжим. Эрик начнет убеждать, что мне будет лучше в скади, приводить доводы. Давить. А я не люблю, когда давят. — Возможно, она что-то видела. Лина не особо сильна, потому что...

— Деторожденная, — перебил Эрик. Положил блокнот и повернулся ко мне. Лицо непроницаемо уже — и не поймешь, о чем думает. — Деторожденные всегда слабы, но это можно поправить.

— Поправить? Как?

— Ауны научили меня некоторым фокусам. В том числе и способности усиливать дар

хищных. Я могу помочь Лине стать сильнее, развить способности. Если Влад позволит, конечно.

Влад не позволит. Думаю, он расстроился из-за меня и Эрика. А Лару вот уже год не отпускает в скади. У них с Робом все серьезно, и он готов жениться, но... Она не отречется. Отречение для Ларисы смерти подобно. Она, как и Эрик, живет старыми законами. Она не отречется, а Влад не изгонит. Не разрешит венчаться с Робом. И Эрика к Лине точно не подпустит.

— Но Влад не позволит, — усмехнулся он, подтверждая мои размышления.

— Мы можем попробовать, — сказала я. Прозвучало неубедительно.

— Можем, — кивнул он. — Хорошо, поедем. Мне все равно нужно поговорить с ним о Ларисе. Глупо держать ее силой. Она сильная защитница, конечно, но я слышал, Влад принял в племя нескольких сильных хищных. И среди них есть защитницы.

Принял. Десятерых. Пятерых воинов, двоих целителей и троих защитниц. Глеб говорил, Дарла сильна — возможно, сильнее Лары. Впрочем, в остальном она Ларисе явно уступала — ни чувства такта, ни природной грации девушка не имела и больше походила на героиню сериала о блатных. Она осветляла волосы дешевой краской, отчего они становились желтыми и торчали паклей, вульгарно красилась и пользовалась приторно-сладкими духами, от которых тошнило. Я видела ее всего дважды, но за то время она почему-то решила, что мы с ней хорошие подруги и разболтала пару своих секретов, которые, уверена, знали абсолютно все.

Но как защитница она действительно была сильна. Во всяком случае, по утверждению Глеба. Впрочем, одна защитница хорошо, а две — лучше. Повода изгонять Лару у Влада не было. Да и к Эрику он явно предвзят.

Впрочем, это не дает мне права не предупредить атли об опасности. Все же мы взрослые люди и не должны идти на поводу у собственных обид. Особенно, когда беда стоит у порога.

— Но в дела ясновидцев все равно не лезь, — повторил Эрик очень серьезно. — Гектор нашел способ делиться своим даром с другими. Это требует много сил, но он быстро восстанавливается. Боюсь, рано или поздно хищным придется искать альтернативный источник питания.

— Хочешь сказать, скоро все смогут, как он? — удивилась я.

— Не так скоро, чтобы нашим детям и внукам не хватило питания, но скорее, чем ты думаешь. Гектор очень силен, и я рад, что тебе не нужен их кен.

— Но скади нужен! Атли. Альва. И племени Филиппа. — Я взяла его за руку. — Алану. Тебе. Как мы... как справимся?

— Я решу это, обещаю. — Эрик поцеловал меня в лоб. Затем снял свой амулет и застегнул застежку у меня на шее. Металл приятно охлаждал кожу груди. — Носи его. Не снимай. И если вдруг встретишь ясновидца типа Гектора или его самого, уходи. Быстро. Поняла?

Я посмотрела ему в глаза. Не шутит. Встревожен. Боится?

— Мы не можем защитить свой дом от ясновидца, Полина. — Эрик помолчал немного и добавил: — Пока не можем.

— У меня есть это. — Я указала на амулет Барта, который носила с тех самых пор, как вождь сольвейгов мне его подарил. — Он сделан сольвейгами и защитит от тяги к таким, как Гектор.

— Хорошо, что у тебя такие сильные покровители, — улыбнулся Эрик. — Его тоже не снимай.

— Не буду, — пообещала я. — Но у других скади нет таких. Ни у кого из хищных в Липецке. Мне надо начинать бояться?

— Поехали к атли, — хмуро сказал он и усилил мою тревогу. — Убьем нескольких зайцев.

Лето иссушило землю. Выпило всю влагу, и она истрескалась, а, касаясь подошв, рассыпалась пылью. Листья на деревьях начали желтеть в конце июля, а в августе первые из них начали срываться с веток, устилая пожухлую от жары траву шуршащим ковром.

Лето загоняло людей в дома. Заставило включить кондиционеры и спрятаться, с нетерпением ожидая вечеров, приносящих долгожданную прохладу.

Такое лето я не любила. Оно не давало подпитки, и жила медленнее наполнялась кеном. И каждое утро я с надеждой всматривалась в горизонт в надежде увидеть спасительные тучи. Но воздух был сухим, горячим и обжигал гортань.

Дом атли встретил нас недружелюбно. Не знаю, то ли последний мой визит сюда наложил отпечаток, то ли, правда, нас видеть не особо хотели.

Впрочем, Глеб меня ждал, а это главное.

Лара ждала нас в гостиной. Надеялась. Руки прижала к груди, а пальцы слегка подрагивали. На лице непроницаемая безразличная маска, расплзающаяся по швам. Маска не в силах была скрыть беспокойство.

— Лариса, ты все хорошеешь! — приветливо улыбнулся Эрик.

Ее улыбка вышла нервной.

— Спасибо, Эрик... — Мольба в голосе. Но во взгляде, переведенном на меня, ни капли тепла. Узнаваемая Лара. — Пророчица.

— У меня кое-что есть для тебя, — будто не замечая озабоченности защитницы, бодро сказал Эрик. Протянул ей сверток — в кусок мешковины была завернута продолговатая коробочка.

Лара тут же забыла про меня, бережно открыла подарок и зажала ладонью рот.

— Он не врал...

— Роберт почти никогда не врет. Этот амулет сам Арендрейт делал, а Роб его усилил. Значительно усилил, хочу тебе сказать.

— Он сильный... — Восхищение в голосе. И нас, кажется, уже не существует. Только защитница и кусок грубо ошкуренный дерева на черном шнурке. И уже непонятно, кого она хвалит: Роба, Арендрейта или же сам амулет.

— Нам нужен Влад, — произнес Эрик, и голос его изменился. Стал резче. Жестче. И тон приказной прорезался, я слышала такой в разговорах с Антоном и Тamarой. А ведь Лара еще не скади...

— Нет, погоди, мне нужно... — Она схватила его за руку. Покосилась на лестницу, потом на меня. — Поговорить. Недолго.

И наедине. Рядом со мной откровенничать защитница не хотела.

— Найду Глеба, — сказала я Эрику и оставила их одних.

Я была чужой в этом доме. Совершенно. Если в прошлый раз он еще сомневался, стоит ли меня принимать, то теперь отвергал. Нет, гостеприимно стелил ковры под ноги, сеял на плечи мягкий свет, манил запахом кофе из кухни, и я даже могла сама его приготовить. Но тайны дом не раскрывал. Крылся. А я крылась от него.

Гостья. И если все пойдет, как задумано, так и останется...

До комнаты Глеба иногда дойти непросто. Она дальше по коридору, а до нее три пары дверей. Одна из них — дверь Влада. Иногда она очень не вовремя открывается, и я начинаю жалеть, что не обладаю даром призрака. Так бы юркнуть в стену и сбежать. Но нужно улыбаться и здороваться. Говорить. О чем? Понятия не имею.

— Увидел вас в окно. — Разговор начал Влад и приветствие, видимо, решил опустить за ненадобностью. — Если Эрик снова будет убеждать меня отпустить Лару, а тебя взял, как группу поддержки, спешу тебя разочаровать. Я ее не отпущу.

— Мы здесь не из-за Лары. Во всяком случае, я.

— Соскучилась?

Ответ на этот вопрос его больше интересует.

— Знаешь, твои эти шуточки... не в тему, — нахмурилась я и сложила руки на груди. — У меня есть послание от сольвейгов, если интересно, могу поделиться. А если нет, тогда...

— Входи. — Он распахнул дверь.

Выражение лица уже не шутливое, и саркастические фразы, похоже, решил приберечь на потом. Что ж, возможно, у нас и получится диалог. Какой-никакой...

В его комнате все изменилось. Новая мебель. Шторы. Балдахин нет. И стиль — рубленый, современный. Углы, линии. Стекло. Металл. Мертвые растения в вазе. Полка над кроватью на изогнутых ножках. Ничего лишнего. Броская простота. Только цвет все тот же — бордовый, подавляющий. И входить совсем не хочется. Но я вхожу — все же я взрослая уже, и призраков прошлого больше не боюсь.

Влад прикрыл дверь и приблизился. Не настолько, чтобы я испытывала дискомфорт, но где-то у той самой границы. Там и остановился и не сводил с меня хищного взгляда. Ждал.

— Твоя пророчица... — начала я издалека. — Лина... У нее не было видений о чем-то необычном? Какие-то опасности, которые ты бы не воспринял всерьез из-за их... нелепости?

— Ты пришла рассказать или выпрашивать?

— Я помочь хочу! Ты говорил, она... недостаточно сильная. Вот я и...

— Как твои вопросы помогут ей стать сильнее?

— Они никак, а вот Эрик...

— Эрик? Seriously? Это шутка такая? — зло поинтересовался он.

— Барт просил передать, что в Липецк приехал Гектор, — серьезно сказала я. — Если ты не в курсе, у него такие же способности, как и у Ники, только он в несколько раз сильнее. И зол, как черт. Ищет хищного, который выпил его дочь несколько лет назад. Говорят, он всех нас ненавидит. Нельзя питаться в городе, Влад. Не уверена, что в окрестностях можно. А еще Гектор готовит последователей, а дар свой умеет передавать другим. Ты действительно хочешь воевать сейчас и выяснять отношения? Барт не стал бы тревожиться, если бы опасность не была реальной. Если Лина может увидеть что-то...

— Ты можешь, — перебил он. — Всегда могла. Зачем тебе помощь деторожденной? Ты одна из сильнейших пророчиц, что я встречал.

— Но я одиночка. У меня нет племени.

— Так в этом все дело? — Влад шагнул ко мне, нарушая мысленно поставленные мной границы. Черту, отмеряющую расстояние, на котором я могу свободно думать рядом с ним.

Нет, это уже не те же чувства, что были вызваны проклятием. Это что-то древнее. Сильнее. Опаснее. То, что нельзя разрушить. Оно несет хаос и боль. Экстаз и потери. Разочарования. А значит, не имеет права на существование.

— Дело в том, что ты не можешь признать себе, что не хочешь в скади? Как ты сама только что сказала: не время для игр. Если все так серьезно, определись уже.

— Я не атли давно. И ты знаешь это!

Раздражение вырывается свистом, и я сжимаю кулаки. Что же он меня постоянно учит? Я так давно ушла, а он все равно. Бесит!

— Пока не атли, — спокойно ответил Влад. — Это легко исправить. Сегодня же. Только скажи.

— Вот всегда ты все портишь! — бессильно прошептала я. — Эрик может помочь Лине. Она станет сильнее, возможно, даже полноценной пророчицей. Он даже не просит ничего взамен!

— Он и так слишком много у меня забрал.

— Эрик ничего у тебя не забирал.

— Вот как? А как же это? — В мгновение расстояние между нами сводится на нет. Его рука держит мой подбородок, а глаза сверкают у самого лица. Злые. Опасные. Как и он сам.

Глупая идея — этот разговор. Некоторых людей невозможно исправить, но я все еще пытаюсь. Спаси. Ведь когда-то мы были семьей. Давно... Моментами.

И хочется вырваться, сбросить наваждение. Но я почему-то этого не делаю.

Влад сам отпустил. Спустя секунду или несколько минут. Время всегда теряет счет, когда сознание застывает в каком-то моменте.

— Впрочем, возможно, я ошибся, и он не все забрал, — ядовито выдохнул Влад, и реальность хлынула на меня ледяным душем. Нельзя так больше делать. И позволять себе слабости. Все это — в прошлом. Влад, мое влечение, попытки его понять и исправить. Я теперь с Эриком, и не позволю это разрушить.

— Не делай так больше! — прошипела я.

— Гляди-ка, ты снова можешь вести диалог, — усмехнулся Влад. — Что ж, я не против — пусть усиливает ее дар, или что там он собрался делать. Что касается ясновидцев, я не верю, что этот Гектор, или как его там, сможет помешать хищным питаться, все же в городе заправляют охотники, Полина. Охотники диктуют условия. И система питания хищных налажена. Мы им платим, они дают нам возможность жить. Это может тебе не нравиться, но так оно и есть. Хищным нужен кен — от этого никуда не деться.

— Боюсь, у Гектора иная точка зрения.

— И что об этом думает Стейнмод?

Я сунула руку за пазуху и достала амулет. Тяжелый, он, несмотря на жару, охлаждал ладонь. А значит, мне ничего не угрожает. Пока...

— Эрик не снимал его никогда. И вот отдал мне. Думаю, объяснять больше не нужно...

Влад некоторое время молчал, а затем кивнул. Поверил? Возможно. Хотелось бы, чтобы поверил. Чтобы все они поверили. Пусть у меня не было видений в последнее время, но предчувствия были. Плохие. И чем больше я думала о Гекторе, тем тревожнее становилось на душе.

— И как будет происходить это... усиление? — скептически поинтересовался Влад. — Надеюсь, Эрик не заморочит голову еще одной моей пророчице? С того момента, как скади вернулись, у девушек атли проснулась странная тяга к ним.

— У девушек атли? — саркастично спросила я. — Насколько мне известно, только Лара из атли хочет в скади. И то исключительно из-за Роба. Изгнал бы ты ее, нехорошо мучить девушку.

— Лара — сильная защитница. Чистокровная. Без обид, но даже если бы я был лучшим другом Эрика, не отпустил бы Ларису.

— Лишить кого-то счастья ради амбиций — это так по-твоему!

— Амбиций? Я вообще-то вождь, если ты забыла? К тому же ты сама мне не раз повторяла, что ты больше не атли. Так что и не вмешивайся.

— Хорошо, не буду. Но в следующий раз, когда ты скажешь мне, что я — атли...

Я не договорила. Даже на ногах, кажется, устоять не смогла. Упала? Не помню. Помню боль в правом виске. И кисель вместо воздуха — ни вдохнуть, ни выдохнуть. Я погрузилась в него, выпала из реальности. Утонула в серой жиже внезапного видения.

День. И солнце светит ярко. Сегодня особенно тепло, хотя еще два дня назад казалось, что осень победила. Но лето вернулось, легло на плечи теплой шалью из света, и только листва, усеявшая землю под тополями, напоминало о том, что природа засыпает.

Я бы и сама уснула. Прямо здесь, на лавочке, не поднимаясь в квартиру. Глаза болят — опухли, наверное. И в груди тяжело. Амулет жжется, только смысл? Он не поможет...

Влад рядом, и я должна сказать ему что-то... Что? Не помню. Серая жижа не дает, туманит сознание.

А через секунду я вижу ясновидца. Невдалеке, метрах в пяти всего. В сером костюме без галстука, верхняя пуговица рубашки небрежно расстегнута и являет миру рваный белесый шрам на шее. Шрам — единственное, что портит его. В остальном он идеален. В меру высок. Подтянут. Русые с проседью волосы зачесаны назад. Пристальный взгляд вскрывает душу.

Боюсь ли я? Наверное. Немного. Он ведь может убить. В любую секунду стереть меня словно и не было. Может, потому и пришел.

Но он пришел не потому...

Гектор больше не смотрит на меня, я ему неинтересна. И когда я понимаю, зачем он явился, становится поздно что-то менять.

Влад уже близко, пара шагов — и коснется. И у него нет моего амулета. Никакой защиты от дурманящего зова. Я успеваю вскрикнуть, но он уже касается Гектора. Ладонь в ладонь...

Раньше это было страхом для них. Теперь — для нас.

— Ты — лакомый кусочек, — говорит Влад и крепче сжимает его руку.

Выпить ясновидца — секундное дело. И через миг он, пошатываясь, отпускает ладонь Гектора. А тот падает перед ним на колени. Прямо как был, в отливающих серебром брюках на грязный асфальт.

Неужели он и правда... Не поднимется? Выпит окончательно? Побежден? Влад сильный, и, быть может...

Не может.

Гектор поднимает голову. Улыбается, и все во мне холодеет от этой улыбки.

— Сделано, — шепчет он, и я задыхаюсь, тону в серой мгле, вдыхаю липкий, противный туман отчаяния...

— Полина? — Голос раздавался из глубины. Или я была на глубине? Выныривать не хотелось, а голова раскалывалась на сотню мелких кусочков. — Очнись, слышишь!

Слышу. И даже пытаюсь. Не получается. Пока мощный толчок не выбрасывает меня в реальность.

В реальности светло и больно. И я шурюсь, едва сдерживая стон.

— Сейчас пройдет. — Знакомый голос, объятия. Ладонь на лбу, которая прогоняет боль.

Ласковые пальцы на щеках.

— Эрик...

— Я здесь.

Я с трудом разлепила веки. Все еще в комнате Влада. На его кровати. И даже он сам здесь, сидит и встревоженно всматривается в лицо. А Эрик — по другую сторону. Цирк!

Глеб, наверное, отпустил бы какую-нибудь шуточку. Хотя он не отпускает — стоит серьезный, подперев стену, и молчит. А рядом с ним Лина.

— Я... видела Гектора, — прохрипела я и облизала пересохшие губы. — Он... пришел... А мы были на улице. — Повернулась к Владу. — Мы с тобой... И он...

— Что?! — не выдержал Эрик. Показалось, он немного потерял контроль, но ведь Эрик никогда не теряет. — Ты выпила его?

— Не я, — покачала головой. — Влад. Но Гектор не за мной приходил.

Комнату наполнила звенящая тишина. Все молчали, и молчание это было невыносимым, тягостным, поэтому я привстала, с удовольствием отмечая, как приятно шуршит покрывало. Мир не умер. Он просто застыл.

Обрывки видения кружили вокруг и оседали на плечи снежинками. Нужно что-то понять, пока они не растаяли. Что-то важное. И я понимаю. Внезапно. Это же очевидно было с самого начала!

Я подняла глаза на Эрика и сказала:

— Я выпила его раньше.

Эрик побледнел еще больше, а Влад невозмутимо изрек:

— Хм, и что, знаменитый амулет Арендрейта не уберег?

Наверное, ему не стоило этого говорить. Но когда Влад кого слушал? Особенно, когда злился? А он злился, и злость эта множилась с каждой секундой. И вдруг я поняла, что сделала почти все, что собиралась в доме атли, и оставаться больше не было необходимости. Наоборот, захотелось домой, к Алану.

Домой...

Я про себя отметила, что впервые назвала жилище скади домом. Так стоит ли сомневаться?

— У меня есть другой, — ответила машинально и взяла Эрика за руку. — Специально для этого созданный. Его Барт делал лично, так что никакой Гектор мне не страшен.

— Что ж, если ты уверена, то и мне переживать не о чем, — спокойно сказал Влад.

— На твоём месте я бы не был так беспечен, — мрачно буркнул Эрик. — Вождь, у которого была сильная пророчица, должен понимать, что такие видения часто сбываются.

— Это мне говорит вождь, у которого никогда ее не было!

— Хватит уже! — Глеб оттолкнулся от стены и подошел к кровати. — Достали, ей богу.

Выглядел он не очень. Атмосфера из нелепой превратилась в тревожную, комнату заполонил страх, и у каждого он был свой. Лина боялась пошевелиться, словно, напомнив о себе, она разрушила бы негласное перемирие с Владом, ведь пока он не замечает ее, не сможет ругать. Эрик думал о видении, анализировал и мысленно пытался предотвратить. Это было видно по его лицу. Влад не верил в то, что Гектор может навредить ему. Или делал вид, что не верит. И смотрел на меня странно. Выжидающе.

У меня было видение о нем. Бесспорный козырь в его убеждениях.

А Глеб... Глеб ошеломленно смотрел в пол.

— Ника в клане Гектора, ведь так? — спросила я, но он не ответил.

Понимал ли он, чем это может обернуться для него? Для всех нас? Понимала ли Ника? Или же просто искала защитника и покровителя? После того, как тебя используют те, кто призван был защищать, в мировоззрении многое меняется.

Я одного не понимала. Почему Влад? И я? Ведь я ни одного ясновидца... в жизни...

Ответ всплыл сам собой. Будто всегда был на поверхности, но мы его просто не замечали.

— Он нашел того, кого искал, — вырвалось у меня. Я повернулась к Владу. — Ты выпил ее, ведь так? И Гектор приехал мстить!

— Кого — ее? — непонимающе спросил он.

— Его дочь, — ответил за меня Эрик.

— Да я знать ее не знаю! — совершенно искренне возразил Влад. — Я не знакомлюсь с родственниками ясновидиц, которых пью.

— Зато они вот хотят с тобой познакомиться!

— Нам пора, — задумчиво произнес Эрик. — Мне нужно подумать...

Это «подумать» прозвучало пессимистично. Эрик верил в силу Гектора, в отличие от Влада. Глеб тоже, казалось, сомневался. Ника наверняка рассказывала об их предводителях только хорошее. А Глеб привык верить близким.

Иногда не стоит...

Лина все так же молчала. Смотрела на меня со смесью страха и раздражения. Боялась, что я вернусь? Сравнивала? Невольно чувствовала себя слабее, и это злило ее? Наверное. Никто виноват, что она была рождена лишь заменой? Наверное, ее предок, принявший непростое для себя решение связать собственную судьбу с судьбой хищного, не подумал о чувствах потомков. Люди недальновидны. Глупы. И совершают ошибки. Я-то знаю не понаслышке, сама, как была, так и осталась человеком.

Деторожденная никогда не станет настолько сильной, как атли по крови, но, возможно, если Эрик поможет Лине, ее дочь будет полноценной пророчицей.

Впрочем, Лине от этого не легче. Влад не думал даже помогать. Когда проходил мимо нее, шепнул, но так, чтобы все слышали:

— Вот такой должна быть пророчица.

И я поняла, что вовсе он ее не ненавидит. Владу на Лину вообще плевать. Она просто заняла мое место. Не специально — не виновата же, что родилась такой. Но Влад все равно не мог смириться.

Они с Эриком еще говорили о чем-то в гостиной. Я не слышала ни слова, стояла рядом с Глебом, а Лина мялась поодаль. Мне захотелось подойти и сказать, что я не останусь. Не вернусь. Поздно уже, да и смысла в этом нет. Но подходить не стала.

Вместо этого сказала Глебу:

— Будь осторожен с Никой.

— Ты хоть понимаешь, что говоришь? — нахмурился он, но в глаза мне не посмотрел. — Просишь не доверять женщине, которую я люблю?

— Не прошу не доверять, — покачала головой. — Прошу быть осторожным.

— Это одно и то же.

— Помнишь, много лет назад, когда я еще толком не знала тебя, а ты — меня, ты сказал, чтобы я не доверяла Владу и что он меня погубит.

Он кивнул.

— И ошибся. Ты ведь жива.

— Ты был прав. Я почти погибла. Если бы не Барт и Люсия, я бы не справилась. Сломалась бы. Не у всех есть такой человек, как Барт. И некоторые ломаются.

— Я не такой.

А в глаза все равно не смотрит. И мне тревожно оттого, что он врет. Возможно, впервые в жизни врет мне. Каждого человека можно сломать. Некоторые люди, входя в нашу жизнь, расширяют душу, делая в ней небольшие трещинки. И если потом посильнее ударить, душа может треснуть и разлететься на мелкие осколки...

Домой мы ехали в полном молчании. Эрик о чем-то сосредоточенно думал, а я смотрела в окно. Ветер поднимал пыль на дороге и швырял ее в лобовое стекло. А на горизонте наливались чернотой ливневые тучи. Скоро хромыхнет, и небо треснет молниями. Разойдется по швам и выльет, наконец, живительную влагу на иссохшую землю. Скоро. Нужно терпение, чтоб дожждаться.

Гроза пришла после обеда. Я уложила Алана, смотрела в окно на низкие, тяжелые тучи и ждала. Душу наполнило умиротворение и спокойствие. Я настолько отрешилась, что не слышала, как подошел Эрик. Он обнял меня за плечи и попросил:

— Полежи со мной.

Согласилась. Заштормила окно и легла. В кровати было уютно, и некоторое время мы просто лежали молча. Я слушала тишину и собственные мысли. А потом сказала:

— То видение... Думаешь, оно сбудется?

— Мы не можем защитить наш дом от ясновидца, малыш, — ласково ответил Эрик. — Поэтому, прошу, никогда не снимай амулет. Даже в душе. И в кровати. Неважно. Всегда носи. Обещаешь?

— Обещаю. — Я прижалась щекой к его плечу.

В комнате тихо. Алан спит. И можно сделать вид, что нам ничего не угрожает.

Иллюзия. У меня много их было. Плотных покрывал, за которыми я пряталась от жестокой реальности. Возможно, если не пряталась бы, ничего плохого не произошло. Или я была бы мертва. Кто знает...

Сейчас, рядом с Эриком хотелось спрятаться вновь. Нет, я не боялась. Тревожилась — да. За Алана. За скади, атли, которые были в большей опасности, чем мы. Если Влад выпил дочь Гектора... Если ясновидец приехал сюда за ним...

Я могу отдать амулет, но что, если Гектор будет мстить не так? Если он решил мучить всех атли, например, чтобы Влад почувствовал себя так же, как чувствовал себя сам ясновидец? Тогда все они в опасности.

Даже я.

Ведь я дорога Владу. Он даже любит меня, наверное. Какой-то странной, больной любовью, которую и любовью-то назвать нельзя. Чувство-мутант, несущее лишь разрушение. Для меня, для самого Влада и всех, кто встанет на пути.

Но Гектору плевать на разрушения, ему нужна месть. И чувство Влада сыграет ясновидцу на руку. Не поэтому ли в видении я поняла, что выпила его?

И это еще один повод сделать то, что решила. С прошлым нужно рвать резко и жестко.

Ведь я уже люблю этот дом. Ивы вокруг, траву. Серую неровность камня, холодную мрачность коридоров, величественность потолков, мебель — массивную и старую. Чердак с картинами. Эрик хоть и запретил туда ходить, я все равно иногда поднимаюсь. Чихаю от пыли и зажимаю рот, чтобы не услышали. Смотрю. Эрик на картине другой. Беспечный еще молодой, никогда не знавший потерь. Как я могла не замечать раньше? Забыла. За то время,

пока он в кане... Полностью потеряла связь. Но сейчас видела четко.

А мой Эрик не спешил открывать душу. Но я и не торопила. Знала, как иногда бывает сложно...

— Эрик...

— Что? — мурлычет он, и из голоса напрочь пропала тревога. Наверное, он тоже укрылся в иллюзии — своей собственной, но я не знала, какой.

— Посвяти меня.

— Что?

Не понял. Не поверил. Потому и переспросил.

— Посвяти меня, — послушно повторила я и добавила: — Если все еще хочешь.

— Ты серьезно?

Конечно, серьезно. Такими вещами не шутят. И я почти готова. Почти... Но я вечно сомневаюсь, поэтому на «почти» можно не обращать внимания.

— Серьезно, — кивнула.

Тепло. Спокойно. И каменные стены защищают. Возможно, это лишь иллюзия, но все лучше, чем ничего.

— Твое видение... из-за него?

— Да. Нет. Не знаю... Из-за всего. Я думала и, наконец, решила. Хочу быть скади. Я ведь мать наследника, и мне можно, так ведь?

— Только поэтому?

— Не торопи, — мягко сказала я и снова прижалась щекой к его коже. Солнцем пахнет. Морем. Горячим песком. И карамелью.

— Не тороплю.

Улыбается. Я не вижу его лица, но по голосу слышно. Доволен. И я довольна.

И я знаю: все у нас будет хорошо.

Глава 2. Недруг из прошлого

К завтраку я не спустилась. Позволила себе поваляться в кровати и даже выпить кофе, который заботливо принесла Эля. Ароматный, со сливками, к нему целительница положила воздушный зефир и заварные пирожные.

Я ждала, когда уедут атли. Не то, чтобы я была не рада, но... старалась не нарываться. Прошлый мой визит к атли Лине только навредил, да и Влада видеть не хотелось. Он будет злиться, когда узнает о посвящении. Или уже злится, потому что знает. Дашу еще никто не отменял.

Влад приезжал три раза в неделю. Сидел с Дашей в кабинете или гулял, пока Эрик занимался с Линой. Иногда даже Лару привозил, и они с Робом долго просиживали на кухне. Впрочем, уверена, им лучше было встречаться вне скади или атли. Спокойнее и уютнее. Они так и делали — сбегали иногда на несколько дней в квартиру защитницы. У них были свои собственные иллюзии.

Посвящение запланировали на завтра. И я, наверное, была готова, или буду... к утру. Чем больше приближался момент, тем волнительней становилось. Тогда, когда с Филиппом в лесу — тоже волновалась. Или не успела? Не помню. Затерлось все. Помню луну и пушистом кружеве облаков, нож, и кровь на траве. Я что-то говорила, жила звенела, пульс стучал в висках.

Но завтра все будет не так. Все племя соберется в месте силы скади. И Эрик самолично примет меня...

Я откинулась на подушки и закрыла глаза.

Завтра.

Скоро.

И я стану частью целого.

Дверь распахнулась резко, и в комнату ввалился Глеб. Растрепанный, в джинсовых шортах по колено и затертой черной майке.

— Фига се ты валяешься! — заявил с порога и с размаха плюхнулся ко мне на кровать. Не то, что я была против, но кофе пролился и крошки теперь по всему покрывалу.

— И тебе доброе утро, — проворчала я, спасая все, что можно было спасти, и водружая это на поднос.

— Там внизу такие страсти, вот я и решил тебя провести.

— А я подумала, ты меня избегаешь. — Посмотрела на него исподлобья. Взгляд больше не отводит. Обо всем подумал и все решил. Рискнуть и никого не слушать. Что ж, я наседать не стану. — Что за страсти?

— Неважно, — отмахнулся Глеб. И потупился.

Скорее всего, внизу говорят о Гекторе, а Глеб просто не хочет меня тревожить. Знает же, да я и сама знаю, что видения всегда сбываются. А значит, и это тоже... Я и Влад, и амулет не спасет. Почему тогда Барт уверял?

Впрочем, Барт — просто сольвейг, и не может просчитать все.

— Влад ждет, что ты вернешься, — перевел тему Глеб. — А это наталкивает на некоторые мысли...

— На мысли? — Я все-таки встала и заправила кровать. Полдень скоро, а я валяюсь.

Алана спланировала на Тамару. Хотя она и рада. Иногда мне кажется, она его считает в какой-то мере своим сыном. Возится, играет, меняет подгузники, кормит. И меня прогоняет. Говорит, негоже невесте вождя выполнять работу няньки. Лукавит. Во-первых, я не невеста, во-вторых, пока еще не скади даже, а, в-третьих, воительнице тоже не пристало. Но она упорно не хочет слушать.

— Ты дала ему повод?

— Чего?! — Я даже забыла про поднос и крошки на нем. И на полу теперь — с покрывала-то я их стряхнула. Да и покрывало это следовало бы снять. Эрик жутко не любит беспорядок, хотя частенько сам его устраивает. Впрочем, если я не нянька, то и не уборщица точно. — Совсем сбрендил?

Глеб пожал плечами.

— Говорю, что вижу. Когда ты только вернулась, он так себя не вел. А после видения...

— Его проблемы, — резко перебила я. — И вообще... Если тебе интересно, завтра я стану скади. Вот так вот!

— Да ладно! Серьезно, что ли?

— Почему бы и нет. Эрик давно этого хочет, а я... устала без племени. А еще этот Гектор. Не хочу бояться больше. К тому же, у нас сын. Куда я от скади денусь?

— Это понятно... — Глеб замаялся, а потом поднял на меня глаза, и в них я увидела сомнения. — Ты готова? Точно?

— Точно, — кивнула. — Я так долго жила у скади, что и так стала их частью. Эрик венчаться хочет, но для меня это пока...

— Страшно, — предположил Глеб.

— Сложно, — поправила я. — Это же навсегда. До смерти. Эрик говорит, что вторую жену не захочет, но как я могу быть уверена? Вдруг однажды он полюбит кого-то еще? Или меня разлюбит? А если насовсем, бесповоротно? Тогда я уже не смогу... уйти. И жить не смогу, я знаю. А посвящение — это лишь формальность. Я и так ему жизнь доверила — давно еще, когда меня отравили. Он обрадовался, когда я сказала. Эрику легче, если он все контролирует. Он не говорит, но я знаю.

Глеб хотел что-то сказать, но дверь снова отворилась, и снова без стука. Неуважение, как по мне. Вообще-то это комната вождя!

Даша входить не стала. Заглянула, кивком отметила присутствие Глеба, и сухо сказала мне:

— Там Тамара в саду. Просила тебя позвать.

И, не дожидаясь ответа, прикрыла дверь.

С Дашей мы не особо ладили. Нет, не ссорились, просто старались не общаться. Я понимала и не пыталась подружиться с ней. Все же она за Влада, в другой команде, так сказать. И не поймет меня.

Даша была, наверное, еще таинственнее, чем Эрик. Тамара все так же ее не любила, но уколоть больше не пыталась. Зачем? Планы по сохранению чистоты крови защитница больше не сорвет, а Эрик не любит склок. Вот они и старались не пересекаться. Хотя мне Тома частенько жаловалась на Дашу, по вечерам, когда мы, уложив Алана, пили чай на кухне, наслаждаясь тишиной и покоем. Я слушала. Но так и не поняла, чем была вызвана их вражда. Она уходила корнями куда-то глубоко в юность воительницы и защитницы. Сомневаюсь, что кто-то из них помнит первопричину.

Я быстро приняла душ и переоделась. На всякий случай захватила подгузники и

салфетки.

— Дождись меня, — бросила Глебу у двери и направилась вниз.

Гостиная была пуста. Я даже удивилась. Думала, Даша с Владом там чай пьют или просто общаются. Я даже сочиняла планы, как пройти незамеченной. Или сделать вид, что очень спешу, и ограничиться банальным «привет».

После недавнего видения не хотелось видеть Влада. Эрик тревожился. Думал, что кровятели во мне проснулись. Он не озвучивал, но я понимала — я бы сама тревожилась. Не думаю, что во мне говорила кровь, я вообще не верю, что кровь умеет говорить или как-то влиять на разум. С тех пор, как проклятие исчезло, я во многом пересмотрела эти свои позиции.

Скорее всего, у меня просто был дар, который не зависит от того, в каком я племени. И в то время, как во мне спала пророчица атли, говорил провидец сольвейгов. Барт когда-то рассказывал, что чем ближе тебе человек эмоционально, тем вероятнее видение о нем. Так было с Эриком, а вот теперь... с Владом...

Но я не хотела сближаться. Потому что невозможно быть близкой сразу двум мужчинам. Нужно выбрать. И я выбрала.

В саду было прохладно. Грозы прошли, оставив после себя прохладу, как подарок. Низкие серые облака, влажность и туманы. Они приходили ночью, и поутру дом тонул в белесом облаке, а к обеду облако исчезало, оставляя на траве росу.

Тамару на нашем обычном месте не оказалось. Я побродила по аллее, ожидая, что из-за поворота вот-вот вынырнет летняя коляска лимонного цвета. Не случилось. Я уже собралась в дом, предполагая, что мы все же разминулись и нужно было проверить вначале на лужайке за правым крылом, ведь знаю же нетерпеливость Тома.

Меня окликнули. Негромко, из зарослей малинника, который в этом году дал обильный урожай. Ягоды были крупными, сочными и сладкими, и мы с Тамарой часто подолгу торчали в саду и лакомились. Иногда с Эриком, но это всегда оканчивалось уже не в саду.

В этот раз мне не повезло с собеседником.

— Довольно вкусно, — похвалил Влад, убирая со штанины прилипшую травинку. Склонил голову набок и спросил: — Ты от меня прячешься?

— А должна? — Я сложила руки не груди, всем видом показывая, что диалог нежелателен. Знала ведь, о чем он будет говорить. Что видение — это признак моей принадлежности к атли. Что мне бы подумать и не принимать поспешных решений. А любой аргумент против вызовет злость. Ссориться не хотелось. — Даша сказала, меня Тома ищет. Ты ее не видел?

— Это была хитрость, — невозмутимо признался Влад. — Иначе бы ты из своей скорлупы не вылезла никогда.

— Знаешь, это так... по-детски! — возмущенно выдохнула я.

— Кто бы говорил. Но я подумал, если Стейнмод проводит так много времени с моей пророчицей, ничего страшного не случится, если мы поговорим несколько минут.

— О чем поговорим?

— Каролина делает успехи. Признаться, не ожидал.

Поднялся ветер, растрепал ветви ив, и листья ответили возмущенным шелестом. Облака испуганно побежали на север, солнце сверкнуло, и его лучи запутались у Влада в волосах.

— Рада за нее, — ответила я. — И за тебя.

— А еще мне птичка на хвосте принесла, что скади ждет пополнение, — безразличным

тоном продолжил он, разглядывая собственные туфли. — Скоро.

— Птичку Дашей зовут? — нахмурилась я.

— Какая разница, как зовут птичку! Это так?

— Возможно, — уклончиво ответила я.

— Вот я и подумал, не будет ли это... хм... неприятно для нас. Все же в прошлом...

— Вот именно, что в прошлом, — перебила я. — Причем, давно. К чему это все, Влад?

Если ты думаешь, что поговорив с тобой, я не посвящусь в скади, ты ошибаешься. Все решено уже.

— Ты... чего?! — Он даже в лице поменялся.

— Не надо этого... Ничего не надо. И разговор этой глупый.

Я вздохнула. Сложно. С ним всегда сложно, а теперь — особенно. Посвятиться в скади — не просто решение. Я кардинально меняю свою жизнь, и все планы Влада касательно моего возвращения летят в пропасть.

— Когда?.. — хрипло спросил он. На меня не смотрел. А небо нахмурилось снова. И ветер поднялся. Прохладно. Нужно было кофту накинуть.

— Завтра. Но ты и так знаешь, верно? Для того и попросил Дашу меня выманить.

— Не знал. До теперь. И ты... ты не собиралась даже сказать? Посвятилась бы молча?!

Возмущен. Растерян. И взгляд метает молнии.

— Ты мне больше не вождь, чтобы я у тебя разрешения спрашивала! — рассерженно ответила я.

— Ты — атли по крови. Всегда была атли, даже когда жила с сольвейгами. А теперь... что же ты творишь?! Это же не игры совсем. Из скади нельзя будет уйти, когда вздумается. И ты никогда больше...

— Знаю.

— Ты могла жить с ними без посвящения. Ты — мать наследника, не выгнали бы.

Несколько секунд он стоял молча, а потом усмехнулся и сказал тихо:

— Ненавижу Эрика Стеймода.

Слишком тихо. Угрожающе. И еще тише:

— Знаешь, поединки возможны не только между соплеменниками.

Я вздохнула. Потерла виски. Устала. От разборок и вообще. Неужели я не заслужила немного покоя? Без гнетущих разговоров и пугающих видений?

— Это глупо. Эрик убьет тебя, а я и так слишком многих потеряла.

— Ты всегда меня недооценивала!

— А ты настолько тщеславен, что сделал акцент на одной части предложения, полностью исключив вторую.

— Я могу многое сказать и многое сделать, но беда в том, что я не знаю, что из всего этого принесет нужный результат.

— Твоя беда в том, что словами ты пытаешься манипулировать мной, — с обидой произнесла я.

— Я пытаюсь уберечь тебя от ошибки, которую ты потом не сможешь исправить.

— Это моя жизнь. Не твоя, не Эрика. Моя. И я буду решать, что делать.

— Недели две назад ты почти решила вернуться в атли, — ядовито возразил он. — И если бы не Стеймод, вернулась бы. Так в чем тут выбор? Или мотивация. В том, что ты с ним спишь? Это, по-твоему, взрослое решение?

— Я его люблю, ясно! Но ты... тебе не понять.

— Конечно, куда уж мне.

Обиделся. Отвернулся и кулаки сжал. Вечно все у нас, не как у людей. Так может, и общаться не стоит совсем. Попрощаться сейчас. Навсегда. Навсегда не получится, но попробовать-то стоит.

— Ты говорил про пополнение скади, — устало произнесла я и почесала лоб. Уйти бы, но на негативной ноте прощаться не хотелось. — Я думала, ты меня имел в виду.

— Не тебя. Другую девушку.

— Я ее знаю?

— Лично — нет, — улыбнулся хитро. — А вот Глеб... Глеб знает очень хорошо.

— Причем тут... — и тут до меня дошло. Догадка была нелепой. — Быть не может!

— А что тут удивительного? — Он пожал плечами. — Атли и скади всегда тесно общались. Глеб дружил с Эриком, я — с Дашей. В гости друг к другу ездили, устраивали пикники всякие, праздники.

— Эрик знает, что она хотела убить тебя? — сдавленно спросила я. На Влада не смотрела, взгляд опустила вниз, на смятую траву справа от мощенной камнем дорожки. Зеленая, сочная, она прорастала в трещинках и приближалась к центру тропинки. И сдаваться не собиралась — наползала на камень, дробила его. Выживала.

— Конечно, знает. Он еще в прошлом году вытащил ее, только в Липецк везти не стал — Даша упростила. Понимаешь ли... — Он ковырнул каблуком коричневый бугорок муравейника. — В Липецке у меня есть некоторое... влияние. Не так просто ввезти сюда человека, которого я не хочу видеть в городе.

— И что же изменилось?

— Считай это проявлением благородства.

Или хитрости. Ведь зная, что Юлиана — скади, есть все шансы, что я не посвящусь.

Она ведь... она стреляла в нас! И если бы была чуть более меткой, а у Глеба реакция похуже, мы были бы мертвы. А теперь... Что теперь? Улыбаться ей, как соплеменнице? Соединить кен у источника, будто ничего не произошло? И постоянно ждать удара в спину?

На обед была рыба. И ореховый соус, который так любит Эрик. Лина улыбалась и хвалила еду, и вообще казалось, у них с Эриком гораздо больше общего, чем у меня с ним когда-либо будет. Она послушная. Тихая. Глаза опускает, и ресницы дрожат. Лина никогда не пойдет против вождя — Влад вон обижает, а она терпит. Такой должна быть хищная. Я раньше не замечала, а сейчас...

Красная куртка. Снег — белый, сверкающий в ярком свете включенных фар. Кровь темная, почти бордовая и липнет к рукам. Стекает в снежное крошево, впитывается, растекается неровной кляксой. Потом больница, и запах — противный, дурманящий. Нашатырь и хлорка. Болезнь. Тучи спустились низко, и небо давит.

— Плохо? — Теплая рука на щеке, и я возвращаюсь из прошлого.

— Нет, я...

Глаза Влада смотрят прямо в душу, и слова застревают у меня в глотке. Он сидит напротив и делает вид, что ничего не произошло. Ест. Улыбается Даше. И следит за мной. Но удовольствия я ему не доставлю.

Улыбка вышла вымученной.

— Голова болит.

Я не врала — голова и правда разболелась. Мыслей было слишком много. Воспоминаний, которые, я думала, мертвы. Они ожили. Напали стаей и загнали в угол.

Страх. Сильные руки на плечах, и я падаю на колени, а затем заваливаюсь набок в хрустящий снег. Ползу, упираясь локтями, и ладони покрываются липким. Тошнотворный запах.

— Давай, помогу. — Снова голос из реальности. Успокаивающий, тихий. Мой якорь, не дающий потеряться в огромном океане сомнений. Почему все так вышло? Почему всегда все так выходит?

— Не здесь, хорошо?

Я встала, и Эрик поднялся следом. Извинился и попрощался с атли. Я ждала. Мне хотелось поскорее уйти. А еще больше хотелось забыть: и прошлое, и внезапный разговор с Владом. Если бы я не знала, можно было бы смириться... потом. А теперь снова нужно выбирать.

В комнате стало легче. Не было испытывающих взглядов, и напряжение отпустило. Не то, чтоб совсем, но немного.

Привычным движением одна ладонь Эрика легла мне на лоб, а вторая — на затылок. И боль ушла.

— Ты тревожишься. — Он смотрел в глаза и, хоть и не задал вопроса, ответа ждал. Чувствовал, наверное. Он всегда чувствует, когда я сомневаюсь. Возможно, у меня есть для этого отдельная маска. Характерный прищур или же складка на лбу. А может, мой кен говорит Эрику.

— Тревожусь, — кивнула. — Мне сегодня сказали, что Юлиана приезжает. Вот я и...

За окном сгущались тучи. Минута — и рванет. Треснет небо, и из трещинок польется. Не ливень — грозы ушли — тихий, успокаивающий, надежный дождь. Затяжной. Надо бы на улицу выйти, но дождусь, когда атли уедут.

— Приезжает, — честно признался Эрик. — Это имеет такое значение?

— Шutiшь? Она сломала Глебу жизнь. Чуть не убила Влада, и если бы не его реакция и мое невероятное везение, я, возможно, была бы мертва.

— Ты? — Удивлен. Не знает. Никто не известил? Даша не сказала, а Влад, тем более, не стал. Зачем, если можно сорвать посвящение? Хотя о посвящении он не знал, а вот Даша — Даша была в курсе. И снова применила свою излюбленную тактику — выжидание. Что ж, на этот раз я буду умнее.

— Я была там. Мы приехали... — Я запнулась. — Неважно.

— Собирались пожениться, — криво улыбнулся Эрик. — Мне говорили о сорвавшемся венчании.

— Нет, не собирались. Влад собирался, а я вообще не знала, куда еду. — Я почесала лоб и вздохнула. — Я и не знала, что она скади. До сегодня. А теперь...

— Теперь из-за нее ты сомневаешься. — Эрик отвернулся и посмотрел в окно. Накапывал дождь. Он оставлял на стекле кляксы, стекающие вниз неровными дорожками. И просторная комната, минуту назад еще бывшая уютной, нависала идеально ровным потолком и сжимала стенами. — Зачем она сделала это?

— Тебе лучше знать — ты ее вождь. Я с ней не разговаривала, не до того было. Думаю, она ревновала. Ну, или психопатка твоя Юлиана. Только выяснять это не хочется, извини.

— И поэтому ты не посвятишься, верно? — Обида в голосе. Еле заметная, разбавленная пониманием и мудростью. Та, которую хотелось сдержать, но не вышло. И я понимаю его эту обиду. Мне и самой обидно.

Что я могла ответить? Мало времени. Чертовски мало, чтобы подумать. Но ведь

посвящение можно и отложить. А Даша не сказала, когда я еще правила. Не хотела шокировать? Берегла, как аргумент? А что? С помощью Юлианы она легко помогла бы Владу сманить меня обратно в атли.

Все же хорошо, что Эрик вернулся. Я в интригах ничего не понимаю.

В дверь мягко постучали. К счастью, наверное, потому как молчание понемногу начинало напрягать. Эрик ждал ответа, ответ не рождался. Ничего не рождалось, кроме желания сбежать. Это инерция. Привычка из прошлого, которую необходимо искоренить. Мне некуда бежать да и незачем. Если я откажусь от посвящения, Эрик поймет и не станет давить. Расстроится, но решение мое примет. Только вот... он радовался, и я была счастлива. Все складывалось хорошо, пока я не узнала о Юлиане.

В проем двери осторожно просунула голову Лина.

— Я забыла спросить... — Она замялась и глаза опустила.

— Сейчас вернусь, — шепнул мне Эрик и вышел.

Кислорода больше стало. Как и места для маневров. Я подошла к окну и потянула ручку, выпуская внутрь прохладный, влажный воздух и мелкие капли дождя. Закрыла глаза и попыталась избавиться от плохих мыслей. Вышло не очень.

— Ты и правда приболела или от Влада сбежала?

Я вздрогнула и резко повернулась. И когда Глеб успел войти? Еще и пугает. Знает же, что нельзя ко мне подкрадываться. Отголоски прошлого...

Прошрое Глеба оставило отпечаток на его лице. Безрадостное.

— Я не знала, что Юлиана скади, — сказала я и вновь посмотрела в окно. Дождь заштриховал серым двор. Ивы склонились и, казалось, хотят напиться из луж, которые пузырились и ширились, растекаясь.

— Тогда было пофигу, а потом забылось. Эрик не говорил мне, что хочет... ну, ты поняла. А когда сказал, было пофигу уже мне.

— Тебе правда все равно? Потому что я теперь не знаю, что делать... Она скади, и я... смогу ли?

— Брось, Полевая! Ты счастлива? Эрика любишь? Вот что должно быть главным. А она вообще не должна тебя волновать. — Он провел пальцем по подоконнику, размазывая воду. Пытался казаться безразличным, но выходило плохо.

— А тебя?

— А что я?

— Ты мой друг.

— И останусь им. Поверь, если ты станешь скади, ничего не изменится. Она столько лет жизни мне испортила, чуть не угрохала Влада, а теперь еще и ты из-за нее счастливой не будешь? Ну уж нет! Не позволяй ей влиять на твое будущее. Все же ты сильнее, Полевая. В сто раз. Поэтому решай, как будет лучше тебе.

— Я хочу в скади, — честно призналась я.

— Тогда забей и посвятись. Убьешь нескольких зайцев. Влад погорюет и успокоится. Перебесится. Вернет Диркову, ну или женится еще на ком. А так ты его невольно удержишь. Нехорошо.

— Я его не держу. Он сам держится.

— Да пофигу. Вам нужно отпустить друг друга. Иначе так и будете мучиться. Все ведь перегорело, верно?

Я вздохнула, вытянула руку и подставила ладони под живительные капли. Жила

откликнулась сразу, по первому зову. И кен закипел в венах. Или то была кровь атли?

— Верно, — прошептала я в открытое окно.

Эрик вернулся, впустив сквозняк. Августовский воздух пах приближающейся осенью, сыростью и прелой листвой. Зябко стало, и я обняла себя за плечи. Глеб встряхнулся, и тут же стал обычным моим, беззаботным Глебом. Маска. Та, которую просто необходимо носить на людях. Заиметь себе, что ли? С масками жить проще. Нацепил, и никто не видит, что у тебя внутри творится. Никто не достает, а главное, не сможет это использовать против тебя.

Они с Эриком говорили о чем-то. О вещах, не настолько важных в данный момент, но подходящих, чтобы заполнить неловкое молчание. А меня окутало странное спокойствие. Сомнения ушли, их растворила вода, льющаяся с неба, или же уверения Глеба.

А потом Глеб ушел, поцеловав меня в лоб, и мы с Эриком снова остались вдвоем. Он подошел и закрыл окно. Обнял меня сзади и положил подбородок мне на затылок. Теплый. А у меня кожа от холода мурашками покрылась.

— Хочу, чтобы ты осталась, — сказал он тихо. — Со мной. Навсегда. Знаю, ты не веришь в «навсегда», потому и бежишь. Но я эгоист, и все равно хочу...

— Ты прав, не верю.

Голос, пропитанный горечью прошлого, как заварным кремом. Только крем этот невкусный, прелый и вызывает тошноту. Жаль, что прошлое нельзя стереть и снова научиться быть наивной.

— Как вождь, я часто принимал непростые решения. А сейчас не знаю, что делать. Веришь?

— Верю, — кивнула.

— Но если судить объективно, отбросив эмоции, картина вырисовывается следующая. У меня есть защитница. Скади по крови. Достаточно сильная, но не суперталант. У Юлианы есть дар, но развивать его она не стремится, ей хватает, да и мне, по сути, тоже. А еще у меня есть пророчица. Сильная. Это особенно волнительно, потому что в скади пророчицы никогда не было. Защитницы были — их много. А вот с пророчицей не сложилось. К тому же, ты — мать наследника, а это обязывает меня заботиться о тебе.

— Это ни к чему тебя не обязывает, — возразила я, но он резко меня перебил:

— Помолчи. Обязывает. И как вождя, и как мужчину. Так вот если соединить все эти факторы, а так же тот факт, что Юлиану никогда особенно в скади не любили... Племя — сложный организм, и мало чем отличается от обычного человеческого коллектива. Так вот если все это учесть, то выбирать-то мне, по сути, не надо.

— Не надо? — Я удивленно развернулась к нему, позабыв о запрете на звуки.

— Не надо, — повторил Эрик. — Скади любят тебя, они присягали тебе на верность. Полина. Понимаешь, что это значит? Они признали тебя, несмотря на кровь. И я... при других обстоятельствах, наверное, расстроился бы. Мне и нужно расстраиваться — ты ведь чужая, а закон крови я ценю превыше всех остальных законов.

— А ты не расстроился? — Замерла в ожидании ответа. Дождь размеренно стучал по стеклу, просился внутрь, но его не пускали. В этой комнате было место лишь для двоих.

Эрик покачал головой. Улыбнулся. Улыбка у него, как солнышко — сразу теплее становится. И ты жмуришься, выпрашивая еще...

— Нет. Мне обидно, что ты сейчас отстраняешься, будто для тебя это был всего лишь долг.

— Сначала так и было, — честно призналась я.

— А теперь?

— А теперь я их полюбила.

— Они тебя тоже. Поэтому если ты будешь настаивать, мне придется оставить Юлиану там, где она сейчас. Одну. В чужом городе, вдали от племени, в котором она рождена. По мере возможности я буду заботиться о ней и защищать — она ведь скади. И меня поймут. Как вождя.

— Но ты не хочешь, — продолжила я.

— Кроме того, что я вождь, я еще и человек. Я вообще считаю, мы мало отличаемся от людей. Кеном разве. И укладом жизни, который этот кен диктует. В остальном все мы — люди. И, как люди, привязываемся к другим людям. Это нормально. Даже если отбросить кровь... да все отбросить к черту! Я знаю ее с детства. Мы росли вместе, выросли. Ну, некоторые из нас выросли, а некоторые... некоторым не суждено стать мудрыми. В силу характера или обстоятельств. Или собственного желания. Юлиана, бесспорно, импульсивна и во многом еще ребенок. Капризный ребенок — красивая кукла, которой привыкли восхищаться. Она стержовна и даже меркантильна, но ты удивишься, узнав, сколько в мире меркантильных женщин. И это неплохо, наверное... Все же иногда нужно напоминать мужчинам, что они добытчики и защитники. — Он вздохнул и помолчал, словно потерял мысль и изо всех сил старался ее найти. — У всех есть недостатки. Но кроме них, у этой девочки есть и положительные стороны. Она добрая и умеет сострадать. Сильная. И ошибки свои признает. Кроме того, ее родители... Они погибли, когда она ребенком была. И их кен — он вот тут. — Эрик взял мою ладонь и положил себе на живот. — Бьется во мне. Как и частички их душ.

— Я не прошу ее прогонять. Но мне сложно после того... Я испугалась, Эрик. Черт, я так испугалась тогда! Я маленькой была еще, многого не знала, и не понимала, зачем она... почему...

— Понимаю. Не хочешь спросить ее об этом? Уверен, она не будет против поговорить.

— Пока я не хочу с ней разговаривать, — честно призналась я.

— Хорошо. Но я прошу — не как вождь, нет, на это у меня пока права нет. Как твой мужчина. Дай ей шанс, ведь каждый из нас заслуживает второго шанса. Но это просьба — не более. И я пойму, если откажешь.

— Не откажу.

— Правда?

— Правда. — Я обхватила его руками за талию и прижалась так крепко, как только смогла.

Из своей жизни и горького опыта прошлого я вынесла одну простую вещь. Счастье хрупко. Быстротечно. Пугливо, как дикая лань. И больше всего боится оно именно гордыни и нежелания идти на компромиссы.

А Эрик... он мой. Я давно это решила. Даже тогда, когда думала, что он не вернется, понимала, что никогда не забуду, не сотру его из памяти. И готова была этой памятью жить — она была ярче и красочнее любого настоящего дня.

Эрик не давил на меня, и это безумно подкупало. Побуждало доверять. А скади... я и правда привыкла к ним. И Алан, независимо от того, посвящу я или нет, останется скади. Лучше я буду присматривать за ним изнутри.

К тому же... Я никому не говорила, но чем больше находилась рядом с Эриком, тем

больше хотелось, забыв о сомнениях, принять другое, полузапретное, дикое и притягательное предложение.

Сбежать от мира.

Поехать к источнику.

И соединиться навсегда, слиться в одно, раствориться в Эрике, растворить его в себе.

Это желание я гнала от себя, но оно возвращалось с каждым днем все чаще. В такие минуты я позволяла себе немного помечтать. И захлебывалась счастьем, полностью тебя теряя.

Глава 3. Изнутри

Свечи были повсюду. На полу — полукругом, очерчивающим священное место, на стенах — в массивных чугунных подсвечниках, покрытых оплавившимся воском. Огромная низкая люстра насчитывала, казалось, штук сто свечей.

Огонь плясал на верхушках фитилей, словно хотел взлететь, но у него не выходило. В унисон танцевали тени, удлинённые, причудливые, словно первобытные люди, или не люди даже — хищные древнего племени ар — отдавали дань богам этим ритуальным танцем.

Стены исчезали, растворялся потолок, обрастая высоким, звездным небом. И я буквально слышала, как шумели огромные вековые дубы и кричали совы. Представляла костер — высокий, яркий, пышущий пламенем. От него во все стороны, словно фейерверк, разлетались искры. А Херсир грел огрубевшие от кочевой жизни ладони и улыбался, глядя на извивающихся в танце женщин.

Но, конечно же, все было не так.

Стены остались и потолок, с которого свисала огромная люстра. Просторная комната — единственная в этом доме. Он строился специально еще прапрадедом Эрика для ритуалов скади.

Место силы. И силы тут много. Строение пропиталось кеном и кровью, преобразая их в дикую, почти первобытную энергетику, буквально заставляющую дрожать колени. Благоговеть. Место пьянило, подчиняло и заставляло жить по его правилам. Неправда, что у дома нет души. У места силы племени хищных она есть всегда. Сплетенная из кусочков душ каждого посвященного, каждого погребенного в этой земле, каждого принесенного в жертву. Незримый призрак, нашептывающий на ухо легенды, давно похороненные и забытые.

И скади слушали. Стояли у стен, склонив головы, отрешенные и сосредоточенные. И на их плечах тоже плясали тени.

Меня привезла Тамара. Сначала долго готовила — заставила два часа отмокать в ванной с эфирными маслами, и у каждого из них было свое влияние на ауру, которое, как убеждала Тома, поможет мне легче войти в семью. Лимон — привыкнуть к новому. Лаванда подарит спокойствие. Розовое дерево снимет психологические барьеры. Сандал позволит раскрыться...

После ванны воительница до красноты растирала мне кожу спиртовой настойкой, и тело горело изнутри, а жила ныла в предвкушении.

Ритуалы. Они важны для скади. Важны для Эрика. И для меня.

На моем плече Тамара нарисовала хной птицу. Ласточку в полете. Символ перемен и новых свершений. Воительница удивительно хорошо рисовала, я даже залюбовалась.

А потом она облачила меня в бесформенное, мешковатое одеяние до колен. Белое. Цвет чистоты и новизны. Сама же Тома оделась в красное. Что символизировал ее цвет, я не спросила. Воинственность? Страсть? Кровь? Красный я не любила.

Роберт выглядел торжественно. Белый плащ с золотыми оборками на широких рукавах застегивался на плече большой пряжкой в виде головы тигра и струился длинным шлейфом. Голову жреца украшал венок из высушенных листьев дуба. Дуб символизировал мощь и силу, и почитался скади как родовое дерево. Когда мы вошли, Роб приветливо улыбнулся. Остальные скади тоже подняли головы.

Я задыхалась. От торжественности обстановки, от запаха сандала и мирры, растекающегося по воздуху и смешивающегося с ароматом воска. От волнения, которое сдавило грудь.

Эрик стоял в стороне. Высокий и огромный — особенно огромный здесь, в ставшей внезапно тесной комнате, окруженный людьми, которые его любили. Обнаженный торс. Струящиеся по плечам волосы, отливающие серебром. Широкие черные шаровары низкой посадки, открывающие босые ступни. Дикий, как сам Херсир. Впервые в жизни я ощутила настолько сильный трепет перед силой.словно кен всех погибших скади враз проснулся, наполнил Эрика и окутал невидимым на первый взгляд ореолом величия.

Я сглотнула.

Еще шаг, и ничего уже не изменить.

Тамара слегка подтолкнула меня в спину, побуждая этот шаг сделать.

И я шагнула...

Комната качнулась, а свечи, казалось, отпустили на волю огонь. И языки пламени обезумели от напряжения. Тени извивались на стенах и, казалось, жили собственной жизнью. Потуши огонь — они так и останутся танцевать.

Еще шаг, и мир замирает на грани безумия. А я смотрю. Смотрю в его глаза, ведь куда еще я могу смотреть? Пронизывающий взгляд, настойчивый, требовательный. Не мой мужчина, а вождь древнего племени скади смотрит на меня. И это правильно. Здесь нет места личным связям, есть другие — магические, неразрывные. Вечные.

— Подойди, — торжественно произнес Роберт, и я вздрогнула.

И вот что-то уже ведет меня, словно не я управляю собственным телом, а кто-то другой. Невидимый кукловод, дергающий за ниточки. Это место. Прекрасное, древнее место с удивительной историей.

Близость манит и пугает одновременно.

А потом Эрик улыбнулся. И я потерялась...

Были слова. Знакомые и новые. Опасные и нужные. И клятвы — сдавленные, горячие, они жгли гортань и вырывались, оставляя налет пепла на губах. Рисунок на плече расцветал, и краска, казалось, проникала в кровь. И кровь шумела, подобно морю, заглушая звуки реальности. Шепотки скади. Вздохи. Шарканье ног.

Жила готова была взорваться. Прикосновение к ладони осыпалось искрами на пол. Лезвие ритуального ножа зловеще сверкнуло.

— Не бойся, — шепнул Эрик.

— Не боюсь, — соврала я.

Боль — яркая, короткая вспышка. Мой кен. Его кен. Знакомая смесь, но новая — сегодня. Клятва глубинным кеном, и жила впустила карамель совсем по-другому. Мягкая. Подчинилась.

И взорвалась счастьем, отпуская меня на волю. Я так долго... существовала... без этого...

Так долго...

Забыла. И как вообще жила? Как хищный может жить без племени?!

Пол холодит колени, и эта прохлада пьянит еще больше. А Эрик такой высокий, еще выше, чем обычно. Гора. Многовековой дуб, сильный и надежный. Несгибаемый.

Мой вождь.

— Я принимаю твою власть надо мной, — слышу откуда-то издалека свой уверенный

голос, амулет плавит грудь, и его энергия касается сердца.

Ощущения снесли крышу напрочь. Я стояла, покачиваясь, в большом кругу. Переплетенные пальцы, ладони, источающие кен. Сладкий. Опьяняющий. Сандал. Свежая мята. Терпкий мускус. Весенний ландыш. Они проникали в кровь, смешивались, навеки оставляя во мне частичку других людей. Родных. Мое племя. Теперь по-настоящему мое.

И я изменилась. Настолько, что на секунду стало страшно. Но лишь на секунду, потому что во всем водовороте энергетик основной была все же знакомая карамель. Дурманящая, восхитительная и давно привычная.

Кажется, я смеялась. И танцевала. А бесформенное одеяние развевалось вокруг меня куполом. Совсем захмелела...

А на улице обняла старую, полусохшую яблоню и закрыла глаза. Стоять трудно было, и от усилий слезы на глазах выступили. Сдержаться не удалось, как и рыдания. Грудь рвало, внутри что-то ломалось, перестраивалось, менялось непоправимо, быстро.

Мне не было плохо. Было ли хорошо? Не знаю... Чувства обострились настолько, что я не могла их контролировать. Я жила. Дышала. Воздух был тяжелым, резким. И ветер, ласкающий обнаженные плечи, обжигал.

Тома обнимала и гладила меня по спине, приговаривая:

— Правильно. Все правильно. Отпусти...

И я отпустила. Прощлое, настойчиво цепляющееся за меня. Обиды. Сомнения. Страхи. Все это вышло слезами, и я удивилась, насколько в душе стало больше места. Его я заполню любовью к новой семье. И, наконец, стану абсолютно счастливой.

К сожалению, абсолюта не существует. А я вечно кидаюсь в крайности.

Скади устроили для меня праздник. Поздравляли. Обнимали. Старались коснуться. А Эрик наблюдал. Изучал? Под его взглядом тело горело, откликаясь.

Даша держалась в стороне, и мне почему-то невыносимо захотелось подойти и попросить ее не злиться. Ведь мы теперь одна семья, и нехорошо таить обиды. Но я не подошла. Что-то удержало. Мы не были близки и вряд ли будем. Жаль, ведь она сестра Эрика, а Эрика я люблю.

Мне было хорошо. Глубокая ночь окутала дом, но спать не хотелось. Алан тихо посапывал в колыбельке, а я не могла стереть с лица глупую улыбку.

Как же так все вышло, что я стала счастливой? Что произошло? И разве это возможно для меня — счастье?

Возможно. Стоит, общается с Антоном и взгляды на меня кидает многозначительные. Улыбается уголками губ. И я улыбаюсь в ответ.

— Надеюсь, мы вскоре снова поедem к очагу, — подмигнул мне Роберт. — Теперь уже втроем.

— Возможно, — улыбнулась я. — Мы не спешим.

— И правильно. Спешка в этом деле не нужна. — Он пригубил вино из бокала и с интересом добавил: — У тебя особенный кен. Никогда такого не чувствовал.

— Я — сольвейг, — пожала плечами. — От этого больше проблем, чем пользы.

— Уверен, Эрик справится.

— Разве что он, — пошутила я.

— Ты все еще общаешься с... со своим бывшим вождем? — Роб отвел взгляд, но вопрос явно волновал его сильно.

— Ну... — замялась я. — Общаюсь — сильно сказано. В последнее время стараюсь с

ним не пересекаться. А что?

— Было бы неплохо, если бы ты попросила... Ну или хотя бы попыталась попросить отпустить Ларису.

— Я просила, — кисло ответила я. — Тщетно. Влад не отпустит Лару.

— Очень жаль, потому что я бы хотел...

— Жениться?

Покраснел. Даже не знала, что Роб умеет краснеть. У смуглых людей это вообще плохо выражено.

— Подожди немного. — Я коснулась его руки, желая поддержать. — Пройдет время и, возможно...

— Спасибо.

Не за что. Пока не за что. Но я попробую еще раз. Как-нибудь потом, когда новость о моем посвящении в скади обрстет другими, более интересными и скандальными новостями. Когда Влад смирится. Ну или хотя бы...

Что? Он никогда не смирится. Но поймет, что уйти из скади я не смогу. Не отрекусь, а Эрик не отпустит. Должен же понимать, что я не брошу сына. И у нас больше никогда... Нет, этого Влад не поймет. Особенно, если венчание. И навсегда. Я и Эрик. Эрик и я. Возможно ли такое?

Возможно. Ведь я уже почти поверила.

Простыни пахнут карамелью и, наверное, лотосом. Я устала. Лежу и смотрю в потолок, по которому плывут тени шелестящих за окном листьев. Блаженство — бабочка на ладони, и я боюсь спугнуть. Эрик водит большим пальцем у меня по ладони, выписывая круги. Амулет приятно холодит грудь.

— Арендрейт, он... какой? — лениво спросила я, прижимая его палец своим.

— Древний, — ответил Эрик и высвободился из плена. Это такая игра: я ловлю, он убегает. — Мудрый. И хитрый.

— Как ты попал в его мир.

— Я много где бывал. Искал силы и славы. Глупый был.

— Почему глупый?

— Потому что самое ценное всегда под носом. Если бы не бегал, мы бы встретились раньше. И тебе бы не пришлось...

— Я рада, что пришлось, — перебила я. — Иначе не оценила бы.

— А теперь оценила?

Улыбается хитро. И я поцелую стираю эту улыбку.

— Оценила.

— Я вот думаю, может, мне еще пару лет погулять, чтобы ты за меня замуж пошла.

— Не люблю, когда манипулируют, — наигранно надулась я.

— Мне это незачем, — снова улыбнулся. — Я могу повлиять. Как вождь. — Коснулся губами щеки. — Приказать...

— Дурак!

Он рассмеялся, и я рассмеялась тоже.

— Я тебя сразу захотел, — честно признался Эрик, и от веселости не осталось и следа. — Еще в кабинете. Ты злая были и несчастная, наверное. Но тогда я не знал. А потом подкараулил тебя ночью.

— Хитрец, — шепнула я ему на ухо.

— Но тогда ты не была моей. Ты долго не была моей.

— Теперь твоя.

— Моя, — кивнул.

Кто ж знал, что все запутается так, что невозможно станет распутать?

Утром Антон привез Юлиану. Скади собрались в гостиной. Ждали. И радовались вроде, только Даша нервно мяла манжеты атласной блузы. Даша злилась. На Эрика — за непростительное предательство вернуть в дом ту, которая предала. Ее. Влада. Меня. Меня Юлиана не предавала, но в то утро я буквально чувствовала, как защитница скади, потомок Первого мысленно искала во мне поддержку. Бросала резкие взгляды на брата и умоляющие — на меня. Я не знала, чего она ждала. Не уверена, что ждала чего-то сама.

Она вошла следом за Антоном.

Невысокая. Худенькая. Смуглая кожа и большие ярко-синие глаза. Длинные изогнутые ресницы. Тонкая линия губ. Волосы русые, густые и длинные, ниже талии. Блестят, лоснятся силой. Талия тонкая, ровная спина. Красивая. Наверное, была бы еще красивее, если бы я не относилась к ней с опаской.

Я не ненавидела. Но неприязнь была.

— Эрик! — Юлиана кинулась ему на шею и крепко прижалась, словно соскучилась безумно. Наверное, так и было — она ведь скади, и пока мы все жили в этом доме, ей пришлось прозябать в изгнании.

Отлипнув, наконец, от Эрика, девушка покосилась на меня недоверчиво.

— Это Полина, — представил меня Эрик. — Наша новая сестра.

Тонкие пальцы. И руки изящные. Совсем не предназначены, чтобы держать оружие. Из чего она стреляла? Странно, что я не поинтересовалась тогда.

Она смотрела на меня приветливо. Не узнала? Узнала, но раскаивается? Или не раскаивается и притворяется душкой?

Я ей не верила.

— Полина была атли, — зачем-то добавил Эрик и замолчал.

Чего ждал? Реакции? Испуга? Раскаяния?

— О... — сказала она и замолчала. А потом встрепенулась. — Я... Мне жаль, что я тогда... Но я никому не хотела причинять вред! Просто... Наваждение какое-то.

— Наваждение — это страшно, — согласилась я. — У каждого бывает.

Она несмело улыбнулась, и улыбка была теплой.

— Я в такие моменты всегда беру оружие и иду стрелять в людей, — добавила я безразлично.

Улыбка померкла, а Эрик слегка сжал мою руку. Знаю, я обещала дать ей шанс. Обещала... Но не думала, что разозлюсь. Кровь — это просто кровь, если она не вытекает из тела того, кто тебе дорог. А так да, просто красная липкая жидкость.

— Он наговорил мне... много чего наговорил, — попыталась оправдаться защитница. — А девушке той я зла не желала. Просто хотела его наказать.

— И целиться, наверное, умеешь прекрасно, — съязвила я. — Иначе бы не стала стрелять в них, когда они стояли так близко друг от друга.

— Полина, — мягко осадил меня Эрик, и я замолчала. Отвернулась и руки сложила на груди. Не получится у меня ее понять. И простить тоже. Забыть — тем более.

— Полине сложно, — пояснил он Юлиане. — Сложнее, чем любому из нас, тебя понять.

— Потому что она — атли, — согласилась защитница и тут же исправилась: — Ну, раньше...

— Потому что она там была. Все видела. Испугалась.

— Ты... та женщина?! — Теперь она удивилась. По-настоящему. Действительно не знала или играет?

— Я, — кивнула.

— Но как же... вы же... венчаться приехали. Я думала, вы потом... Влад женился, и я...

— Не на мне.

Говорить с ней больше не хотелось.

— Я обещал Полине, что ты больше не станешь делать глупостей и с ней будешь вести себя предельно вежливо. А ты знаешь, как я ценю собственное слово.

В последнем предложении прозвучала неприкрытая угроза. Уверена, Юлиана прониклась. Все скади проникались. Только Тома позволяла себе вольности. Впрочем, Эрик не проникался. Если уж что решил, то от задуманного не отступал.

— Мне хватило глупостей, — мрачно ответила Юлиана. На меня больше не смотрела. Обвела жадным взглядом гостиную, словно восстанавливала в памяти те дни, когда она жила здесь, со всеми, была частью племени. Пока ее не вырвали и не посадили в клетку.

Даша не обращала на нее внимания, словно Юлианы и не существовало. Отвернулась к окну и копалась в телефоне. Тонкие пальцы быстро набирали сообщение на телефоне. Владу пишет? Или у меня уже паранойя?

Воссоединились мы в тот же день. Кен у Юлианы был терпкий, кисловатый, но какой-то разбавленный и невнятный. Эрик сказал, это из-за того, что она давно не питалась. Выглядела она слабой и измученной и после поездки к источнику пошла наверх спать. Было видно, что мои отношения с Эриком ее не обрадовали, но вела себя защитница предельно вежливо и отчужденно, не придерешься. Дружить с ней не хотелось. Для себя я решила, что буду по возможности ее избегать. В конце концов, Эрик не просил меня ее любить.

Впрочем, Юлиана была меньшей из моих проблем. Вскоре пришла осень, а с ней вернулись сны о девушке в поле — заплаканной и несчастной. И тревога настойчивым зудом поселилась в душе. Я гнала ее, как могла. Зря, наверное, ведь интуиция пророчицы никогда не врет.

Я слишком хотела быть просто счастливой.

Счастье делает нас беспечными, заставляет забыть об опасностях. Иногда они приходят оттуда, откуда их вовсе не ждешь. Честность только кажется абсолютной. А амулет сольвейгов не панацея от опасного ясновидца, особенно если он давно и тщательно спланировал разрушить твою жизнь...

Глава 4. Лидия

Остаток лета выдался спокойным и нежарким. Уже в конце августа почувствовалась осень — она заполняла прохладные вечера, сыпала желтыми листьями и свистела ветром. Тенистая аллея в саду склади сделалась уютной и по-осеннему красивой, и мы с Тamarой пару раз встретили ежей прямо на мощенной камнем тропинке. В воздухе летали паутинки, а мухи, словно чувствуя приближения холодов, усиленно жужжали в пропитанном последним теплом воздухе.

По выходным я выбиралась с Аланом в город, и мы с Глебом гуляли в парке. Иногда он брал с собой Нику, и тогда у меня в душе селилось странное чувство тревоги и неизбежности беды. Нет, она нравилась мне. Веселая, непосредственная, общительная. И к Глебу у нее, кажется, была сильная привязанность, но... Предостережение Барта никак не шло из головы.

Однажды я даже набралась смелости и спросила Нику о предводителе их клана. Не называя имен, просто поинтересовалась, хорошо ли ей живется, большой ли у них клан, и как ясновидцы чувствуют себя в городе, полном хищных. Она ответила, что хорошо. И чувствуют они себя комфортно. Спокойно. В клане ясновидца нельзя обидеть, и охотники больше ее не достают. Впрочем, Мишель и Марк мертвы, а Петру важнее сохранить порядок в городе.

И ни слова о ненависти Гектора к хищным. Ника не в курсе? Ненависть скрыть можно, но помутившуюся рассудком дочь не скроешь... Не думаю, что Гектор держит ее вдали от себя. Скорее всего, она тоже в клане, а значит...

Я ловила пристальные и обвиняющие взгляды Глеба и больше не приставала.

В склади все обошлось без происшествий. Юлиана старалась не попадаться мне на глаза, и это несказанно радовало. Остальные же общались со мной, словно я с рождения склади и никакой чужой крови во мне не было. Только Даша грустила все чаще, и я часто замечала ее задумчивый взгляд, направленный в окно. Она изредка поглядывала на телефон, но тот молчал, и защитница мрачнела все больше.

Влад уехал на следующий день после моего посвящения, и с тех пор не объявлялся. Не звонил и никак не выходил на связь. Глеба оставил за главного. Подумать только, Глеба! Того, кому власть претила больше всего. Впрочем, сам Глеб тоже не жаловался. Много на эту тему мы не разговаривали, но он как-то обронил, что Владу было тяжело принять мое посвящение, и он взял себе тайм-аут. Я согласилась, что так будет лучше. Атти и склади живут в одном городе, нехорошо будет, если племена начнут враждовать из-за меня. Глупо. Политику и чувства нельзя смешивать...

Эрик в последнее время был очень занят. Возвращался поздно вечером, а то и глубокой ночью, ложился и прижимался ко мне. Утыкался носом в шею, молчал, и я явно чувствовала, что его что-то тревожит. Я спрашивала, но на все вопросы он отвечал уклончиво:

— Это работа, малыш. Разберусь.

И я начинала тихо ненавидеть эту его работу, которая проложила складку беспокойства у него на лбу и занимала почти все его время. Даже когда Эрик был рядом, я чувствовала, что он далеко. Там, куда мне доступа не было. И я снова пожалела, что не умею читать мысли.

Умела бы, возможно, не случилось бы то, что случилось...

Гектор появился в середине сентября. Нет, он не пришел к нам в дом, как опасался Эрик. Не подждал меня на улице, как Влада в видении. Ясновидец появился там, где я его вовсе не ждала. Но сначала мне пришло смс. Милое, романтическое, с приглашением. Вечер на двоих в квартире Эрика. Свечи и ужин. Ровно в семь и не опаздывай.

Я улыбалась целый день, а в шесть вызвала такси. Знакомый подъезд, уютная кабина лифта, дверь квартиры, скрежет ключа в скважине и волнение. Откуда? Ведь это же Эрик — мой Эрик, знакомый, родной, теплый. И вроде повода нет, но тревога не отпускала. Амулет пылал, словно ему моя тревога тоже передавалась.

В квартире было тихо. Только окно на кухне хлопнуло, возмущаясь сквозняку. Эрик открыл? Зачем? Холодно ведь, и тучи сгустились. Сомкнулись плотным серым покрывалом, заволокли небо. Неуютно. А ведь не должно быть, я люблю такую погоду.

Я аккуратно прикрыла дверь, и замок зловеще щелкнул.

— Эрик? — позвала настороженно. Тишина. Не пришел еще? Ну вот, а ведь просил не опаздывать...

Окно снова громко стукнуло, зашуршав зажеванной занавеской, и я отправилась его закрывать. И так и застыла на пороге, потому что на табуретке, у того самого окна, в белой ситцевой ночной рубашке, поджав колени, сидела та самая девушка, которая мне снилась. Она смотрела на меня затравленно, широко распахнутыми глазами.

А потом куда-то выше моего плеча — испуганно и обреченно. Я инстинктивно обернулась, но так и не поняла, что она там увидела. Что-то тяжелое опустилось мне на голову, где-то в отдалении эхом послышался глухой звук, в ушах зашумело, и мир погас...

...Открывать глаза было трудно. Веки будто бы свинцом налились, а во рту пересохло. Сознание возвращалось медленно, словно выпутывалось из вязкого, мутного киселя. Синие стены. Окно. Штора — знакомая, тяжелая, собранная складками. Плазма на стене. На стуле — скопом вещи. Эрик будет ругаться, нужно убрать...

Я лежу и пытаюсь понять, что со мной случилось, а потом чья-то ладонь с силой бьет меня по щеке.

— Очнулась?

Повернула голову, в глазах тут же поплыли багровые круги.

— Я пойду, Гектор. — Уже другой голос — дрожащий и пропитанный страхом. — Она опасна.

— Уже нет.

Я пытаюсь сфокусироваться и натыкаюсь на внимательный взгляд. Инстинктивно отползаю назад и стараюсь нащупать спасительный амулет Барта.

— Это ищешь? — насмешливо спросил Гектор и вытянул руку вперед, а в ней на кожаном ремне болталось мое единственное спасение.

Любимое кресло Эрика было ему велико, но держался ясновидец так, будто это его собственный, законно захваченный трон.

Молодой охотник — а именно ему принадлежал испуганный взгляд и опасения касательно моего коварства — стоял у самой двери, словно готовился в любую секунду выскочить из спальни.

Девушка из сна сидела по правую руку от Гектора и теребила полы своей ночнушки, которая задралась выше колен.

— Краски, — бормотала она. — Он не успел принести.

Тогда я поняла, кто она...

Из окна безразлично смотрело вечернее небо. Занавеска покачивалась — на кухне окно так и не закрыли, наверное. Прохладно. Или почему меня так знобит?

— Уведи Лидию, — скомандовал Гектор охотнику, не сводя с меня пронизывающего взгляда.

Охотник пару секунд простоял в нерешительности, а потом, косясь на меня с опаской, подошел к девушке.

— Идем, милая, — ласково попросил и погладил по голове.

— Он не принес краски! — выкрикнула она и расплакалась. Царапнула запястья ногтями, и на бледной коже тут же красными полосами вспухли следы. Даже кровь, кажется, выступила. — И кисти. Как мне рисовать? И что? Смотри, небо погасло, и ее погасят скоро. — Она указала на меня, и я поежилась.

Погасят? Что это значит? Стало дурно, закружилась голова. Затылок неприятно пульсировал. Раскалившийся амулет Эрика жег кожу и ужасно отвлекал.

Охотник еще раз испуганно взглянул на меня. Боится, что ударю. И я могу, только... Смысл? Если и нужно кого-то жахнуть в этой комнате, то не охотника.

Кен послушно заструился к ладоням, я придвинулась ближе к спинке кровати и облокотилась на нее. Взгляда с Гектора не сводила, как и он с меня. Тяжелого, ненавидящего взгляда. Но за что меня-то ненавидеть? Разве я сделала ее такой? Впрочем, ненависть не знает никаких «за что»...

Охотнику удалось успокоить и увести девушку. Недалеко — я слышала, как она всхлипывала на кухне, а ветер все так же нещадно стучал окном.

— И что теперь? — спросила я хрипло, осторожно потрогав пальцами шишку на затылке.

— Думаю, ты ударишь, — невозмутимо ответил ясновидец. — А когда поймешь, что ничего не вышло, начнешь паниковать.

— С чего мне паниковать? — наигранно спокойно парировала я. — Охотник ушел, а ты мне не страшен.

Гектор улыбнулся уголками губ, но улыбка эта была обманчиво-добродушной. Он изучал меня. Реакцию. Контроль. Повадки. Ждал. Чего?

— Ты мне мешаешь, — признался ясновидец.

— Мешаю? Я?

Жила приятно напряглась, готовясь к удару. Кен бурлил в венах.

— Именно.

Гектор поднялся и подошел ближе. Прямая спина, но плечи немного сутулятся, словно несут на себе весь мир. Ясновидец устал. Вымотался. И в отчаянии. Рядом с ним появилась жажда — дикая, неконтролируемая. И амулет в его ладони стал ненужным. Мешал. Захотелось его выкинуть.

— Понимаешь... Лидия больна. — Гектор присел рядом, и желание стало почти невыносимым. Прикоснуться. Выпить. Это ведь нужно, чтобы выжить! Каждому хищному нужно.

Каждому, но не мне...

— Не из-за меня, — прошептала я. На ответ в полный голос не хватало сил.

— Но из-за тебя несчастна.

Глаза в глаза, и глаза эти не врут. Он действительно верит, что если убьет меня, его дочь станет счастливее.

— Не понимаю... — пробормотала я и отвела взгляд. Сдалась. Он сильнее, так стоит ли сопротивляться?

Стоит. Всегда нужно держаться до конца. Почему же тогда не получается? Ведь он такой восхитительный, сидит рядом, смотрит... Ждет.

Где-то на задворках сознания отозвался звук входной двери. Перед глазами плыло, желание усилилось.

— Давай же, девочка, — беззлобно произнес ясновидец. — Ты же понимаешь, что не сдержишься. Не лучше ли разом со всем покончить?

— 3-зачем?

— Ответ тебе не понравится.

Я ударила, наверное, из упрямства. Или просто нужно было куда-то деть скопившийся кен. Последнее усилие. Гектор рассмеялся — задорно, хрипло.

— Твой свет не причинит мне вреда, — сказал спокойно. — У него моя природа. Ты не можешь навредить, иначе как...

— Выпить, — закончила я за него.

— И ты этого хочешь.

— Хочу, — призналась я. Нашла его руку. Теплая, мягкая ладонь послушно легла в мою.

— Гектор!

Громкий возглас заставил поморщиться. Он здесь лишний, всю идиллию разрушил. Но я все равно повернула голову. Эрик. Напуган? Растерян? Застыл в проеме двери, заслонив его весь. И смотрит на Гектора. Или на меня? Какая разница?

— Да, вот так бывает, — улыбнулся ясновидец, и я с шумом выдохнула.

Кен. Сладкий. Чарующий. Пьянящий. Взрывается во мне сотнями атомных бомб. Я закусила губу и откинулась на спинку кровати. Закрыла глаза. Наслаждалась. Потерялась полностью.

А затем поток прекратился. Прохладный воздух приятно холодил ладонь — ту самую, которая с жаждой впитывала кен. За секунду до...

С трудом удалось разлепить веки. Гектор на полу. В метре от него рассыпанные тюбики с масляными красками. Кисти рядом, беспорядочной грудой. А Эрик рядом — растерянный и злой. Смотрит на меня обвиняюще.

Почему? Ну почему он так смотрит?! Мне ведь так хорошо... Мне просто... кайфово! Неужели он не понимает, что Гектор — мой первый? Офигительно притягательный, вкусный ясновидец.

— Она — скади, а ты обещал не трогать скади! — выдохнул Эрик и повернулся к Гектору.

— Сильна... — пробормотал ясновидец, становясь на колени и отряхивая штаны. На Эрика не смотрел. Выглядел потерянным и слабым. И был похож... черт, да он же выглядит точь-в-точь как Леня, когда Влад... Разве он не особенный? Разве не должен остаться нормальным после того, как... — Единицы и нули... Ставки сделаны, господа, заберите выигрыш. Ставки, ставки... Что мы будем делать завтра? Завтра мы будем готовиться... Рисовать. Она так любит рисовать... Гектор умеет делать ставки.

Дослушать мне не дали. Эрик шагнул к кровати, схватил меня за руку, а через миг мы уже были в другой квартире.

Серый диван разложен — кажется, я оставила его так перед перемещением в Венген. Шторы задернуты. На стеклянном столике журналы — Глеб, кажется оставил. И пыли

много... Давно я тут не была.

— Что происходит? — спросила растерянно, скорее у себя, чем у Эрика.

Он же взял меня за плечи и с силой сжал.

— Ты останешься здесь. Будешь сидеть, пока за тобой не придут! Поняла?

— Эрик...

— Я спросил, поняла?!

— Поняла, но...

Он не дослушал. Отпустил меня и исчез, словно его тут и не было вовсе. Желудок скрутило спазмом, и я еле успела добежать до ванной. Рвало меня минут пять, а потом накатило дикое бессилие. Я кое-как добралась до дивана, рухнула и уснула, как была, в одежде.

Проснувшись оттого, что кто-то теребил меня за плечо. Открыла глаза — Тамара. Склонилась надо мной и ждет. А я с трудом могу понять, где нахожусь...

Воспоминания вернулись через пару секунд. Синяя спальня Эрика. Гектор — пленительный и сладкий. Испуганные глаза его дочери. Охотник. Краски на полу...

— Ты как? — встревоженно спросила воительница и присела рядом. — Жива?

— Где Эрик?

Голос был хриплым, слова раздирали горло. Безумно хотелось пить. А до кухни — несколько метров. Подняться бы еще...

— Попросил тебя забрать, — нахмурилась Тома. — Объяснять что-то отказался наотрез. Вы поссорились?

— Мне нужно найти Эрика. — Я решительно поднялась с дивана, но тут же упала обратно. Голова закружилась, перед глазами поплыли багровые круги. Жила напряглась и отозвалась дикой болью. И тут я поняла...

От меня больше ничего не зависит. Совсем. И если Гектор захочет, я умру. Он убьет, не приближаясь, стоит ему только захотеть. Но тогда... почему я все еще жива?

Я мало того, что была жива — я чувствовала невероятный прилив сил. Кена было так много, что жила не справлялась, оттого и болела, пытаясь подстроиться под новый ритм. Вены горели огнем, ладони чесались, и я вновь ощутила, что не могу себя контролировать. Как тогда, когда Рихар...

Нет! Теперь я сильнее. Справлюсь. Только Эрика все же найду.

— Эрик выключил телефон, Полина, — очень серьезно сказала Тома. — Его не будет несколько дней. Все дела он перепоручил Антону.

— Не будет? А как же...

Я посмотрела в потолок и попыталась сосредоточиться. Как все это произошло? И что именно произошло?! А главное, почему Эрик позволил Гектору... Разве что... он не знал, что я приду. Но кто тогда отправил смс? И как Гектор оказался в его квартире, черт возьми?! Дочь привел, переодел в ночнушку, словно... А что если он ее не приводил? Что, если...

Нет, нельзя себя накручивать! Нужно найти Эрика и попросить все объяснить.

Все же я проверила слова Тамары, набрала Эрика. «Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети» — тревожная фраза. Тревожная, как и будущее, которое больше не виделось мне радужным.

— Мне нужно найти Эрика, — повторила я, скорее чтобы убедить себя, чем Тому, и села. Голова все еще кружилась, но меньше, и через минуту я смогла встать.

Все не так плохо. Справлюсь. Выясню все и найду способ все исправить. Меня пытался

съесть драугр, что мне какой-то озлобленный ясновидец? В конце концов, я всегда выпутывалась. Сначала выжить — затем думать о том, как все наладить.

— Эрик запретил его искать... — Тамара опустила глаза в пол.

— Ты плохо меня знаешь, если думаешь, что меня остановят его запреты!

— Не нарывайся. По-моему, он очень зол...

— Я зла не меньше. И я не боюсь Эрика, Тома. А сейчас мне меньше всего хочется подчиняться глупым приказам.

Воительница покачала головой, но ничего не ответила. В глаза не смотрела. Казалось, она вообще боится что-либо говорить. Нет, не боится, просто не хочет. И ей тоже не нравится то, что происходит.

А что собственно происходит?!

— Присмотри за Аланом, — попросила я. — Не оставляй его, хорошо? — Я взяла ее за руку и заставила посмотреть на себя. — Я могу доверить тебе сына, Тамара?

Она вздохнула.

— Что будешь делать?

— Попытаюсь понять, что случилось, и все исправить.

— Поля...

— Если нужно будет, я пойду к Альрику, но не позволю какому-то злобному старику разрушить мою жизнь!

Несколько секунд она смотрела на меня, казалось, удивленно, а затем улыбнулась, и улыбка эта не была доброй.

— А ты сильная. Мне это нравится. Я порву за Алана, так что не переживай.

— Спасибо.

Душ немного отрезвил, и через пару часов я вышла на свежий воздух. Потеплело. Ветер утих, тучи развеялись, и ярко светило солнце, напоминая об ушедшем лете. Грело плечи.

Таблетки наушников в ушах, и звуки внешнего мира исчезают, преображая картинку. Каждая песня — история, накладывающая отпечаток на реальность. Подошва кроссовок легко касается асфальта. Как же давно я не бегала!

Тело приятно реагировало на движение. Ненужные, глупые мысли выветрились на первом километре. Несколько кварталов — не так уж много. Или много? Каждый миг без Эрика усиливал тоску, но я заставила себя засунуть ее поглубже.

Бежать. Когда двигаешься, все так безнадежно. К сожалению, цель всегда приближается, и рано или поздно приходится остановиться.

Квартира встретила тишиной. Молчала и выглядела пустынной. Только вчерашние запахи все еще остались. Эмоции. Неконтролируемый страх молодого охотника жался к стенам, пугаясь яркой ненависти ясновидца. Растерянность Лидии обосновалась на кухне, где плотно прикрытое на этот раз окно показывало улицу...

А в спальне разрослась невидимой паутиной ярость Эрика. Кен Гектора пах весенней травой — свежий и приторный запах. Он оседал на этой паутине росой, усиливая отчаяние.

Одежды на стуле не было, и в комнату вернулся идеальный порядок. Идеальный... Нежилой. Давящая пустота. Обреченность. Почему?

Телефон выдавал стандартную фразу про недоступность абонента. И когда Эрик стал для меня недоступен? Вчерашний день все изменил, но я не могла понять, как именно, и чем это мне грозит.

Чертовы ясновидцы! Нет, не ясновидцы — чертов Гектор! Злость переросла в отчаяние

— горькое, терпкое, удушающее. Я присела на кровать и закрыла лицо руками. Сознание вяло подкидывало возможные сценарии развития событий, оканчивающиеся всегда одинаково — моей смертью.

Боялась ли я? Страх смерти не было, словно кен Гектора в жиле убил его. Был другой — страх лишиться чего-то важного, жизненно необходимого. Только вот я не понимала, как этого избежать.

И если бы я знала, куда идти. Если бы... Хотя... Я ведь знаю!

Мысль была такой логичной и неожиданно правильной, что я даже подпрыгнула на месте. Тот, кто все заварил, знает ответы. Тот, по чьему мнению, я мешаю счастью Лидии. И если Эрик не посчитал нужным объяснить мне все, я найду объяснение сама.

Ясновидцы живут кланом, и лишь один человек может знать, где находится их жилище.

На этот раз такси ехало долго, и я ходила по квартире, заламывая руки, пытаюсь справиться с гнетущим ожиданием. Стемнело, и на небе высыпали звезды. Они зажигались постепенно, прорывая темный небосвод, словно прокалывая его иголкой. Впускали холодный, далекий свет, приближали следующий день, который почему-то обещал проблемы.

Дорога до дома атли показалась бесконечной. Я откинулась на спинку сиденья и старалась не свихнуться. Километр. Еще один. Поля и деревья по обе стороны от дороги, швыряющие желтые листья на землю. Все тонуло в темноте, лишь кусочек шершавого асфальта с выбоинами неизменно освещался фарами. Природа умирала, и частичка меня умирала с ней. Нет, не из-за осени. В глубине души я уже понимала, что происходит...

Верить не хотелось. Понимать — тем более. Несколько часов неопределенности, отделяющие меня от жестокой правды. Правды, которую впервые в жизни не хотелось знать. Вернуться бы в позавчера, наполненное спасительным незнанием.

К сожалению, время невозможно повернуть вспять.

Наконец, такси подъехало к дому. Ворота почему-то были открыты, а на парковке притаился бордовый «Форд» Даши... Мотоцикл Глеба припарковался неподалеку. Он дома. А ведь у меня даже мысли не возникло, что его может не быть. Не позвонила ведь, чтобы проверить. Интуиция или отчаяние, перерастающее в панику? Руки тряслись, ответ не находился.

В гостиной меня встретил Кирилл. Обнял так крепко, словно мы не виделись вечность. Впервые я не была ему рада. Впервые мне было все равно...

— Мне нужен Глеб. Он...

— В кабинете. Даша приехала и они... Поля, все нормально?

— Нет, — честно призналась я, но объяснять не стала — некогда. Почти бегом добралась до заветной двери, распахнула ее и застыла на пороге... Захлебнулась словами, которые застряли в горле.

В расслабленной позе, с легкой улыбкой на краешке стола полусидел Влад. Улыбка тут же сползла с его лица, а взгляд стал серьезным. Я попятилась на шаг и сглотнула.

— Привет, Полина, — спокойно произнес вождь атли.

— О, ты вернулся...

— Это мой дом.

Верно, его. И я тут лишняя. Давно. Слишком мало пространства, когда мы вместе. Иногда мне кажется, даже города с его окрестностями мало...

— Я к тебе. — Нахмурившись, обернулась к Глебу. Даша на диване как-то странно

вжалась в спинку. Не к добру.

Глеб кивнул и вышел со мной. В коридоре дышалось легче, даже сердце забилося ровнее — и чем дальше от кабинета, тем надежнее. Я устала. И от постоянного напряжения жилы, и от странных перемен в организме после поглощения Гектора, и от тревоги за Эрика, которая множилась, росла, вытесняя остальные чувства.

— Случилось чего? — спросил Глеб и взял меня за плечи. — Ты бледная.

— Случилось, — кивнула. — Мне нужен адрес клана Ники.

— Зачем? — Насторожился. Даже глаза прищурил.

— Боюсь, у Гектора есть кое-что на Эрика, — мрачно ответила я.

— Что?

— Я выпила его вчера. Этот гад сорвал амулет Барта... Долго объяснять. Отвезешь?

— А там ты войдешь в дом и эпично испепелишь всех кеном сольвейга, — раздался насмешливый голос со стороны двери. — Ах нет, постойте. Ясновидцам-то от него не будет ничего!

— Тебя не учили, что подслушивать нехорошо? — огрызнулась я, но Влад и бровью не повел.

— Ты злишься, значит, напугана. А если ты напугана, все плохо. Так?

Я ничего не ответила, поэтому он продолжил:

— Ты, наверное, не в курсе, что дом Гектора охраняют охотники? Не наши — приезжие. Его собственные собачонки, и есть довольно сильные. Да и не добьешься ты ничего. Что хочешь услышать от Гектора? И что сделаешь, чтобы он это сказал? Ты не можешь ударить, только подставишься. Нельзя нападать на ясновидцев в городе.

— На хищных, значит, можно нападать?!

— Ты его выпила. Здесь, на территории Петра. Узнает смотритель, будет судить тебя, даже Эрик не отмажет.

— Всегда есть Альрик! Думаю, ему интересно будет узнать, что Гектор решил прибрать Липецк к рукам и влияет на Эрика.

— А с чего ты взяла, что на него кто-то влияет?

Этот вопрос заставил меня замолчать.

Эрик пришел в квартиру, не зная, что я там. Пришел... к кому? Краски принес, а ведь она говорила о красках. И о том, что должна рисовать. Нехорошие мысли, гони их, Полина!

— Эрик звонил мне утром, — как бы между прочим сказала Даша, вынырнула из-за плеча Влада и лениво осмотрела маникюр. — Сказал, что у него дела, но проблем нет, так что может...

— Может, что? — раздраженно выдохнула я, но она не ответила, лишь вздохнула и облокотилась на стену. — Хорошая попытка, Даша, но дважды я не поведусь. — Развернулась к Глебу. — Так отвезешь?

— У тебя нет плана, Поля, — беззлобно возразил Влад. — Что ты думаешь, случится когда ты приедешь туда? Гектор выдаст тебе Эрика на блюде с голубой каемочкой?

— Я не буду сидеть и ждать, понятно! Разве это честно, что ясновидцы могут... вот так... — Задохнулась возмущением, глаза защипали слезами. Несправедливо! Почему снова я? Почему всегда я?!

— Мысль про Альрика была не такой уж плохой, — похвалил Влад. — Но на ее осуществление нужно время.

— Я не буду ждать, — уперлась я.

— Я так и думал. — Он отошел в сторону и сделал приглашающий жест обратно в кабинет. — Проходи, обсудим.

— Зачем ты мне помогаешь? — покосилась на него недоверчиво.

— По-твоему, я настолько гад, что начну сейчас злорадствовать? — с неподдельным удивлением спросил он. — Ты мне не чужая. К тому же, Гектор — не только твоя проблема. Лично я не в восторге, что он поселился в моем городе. Если правила существуют для нас, они должны существовать и для ясновидцев. Система несовершенна, но мы не будем мириться с несправедливостью.

Я глубоко вздохнула и шагнула в кабинет. Мягкий свет приятно обволакивал мебель и наполнял комнату уютом. Знакомая. Забытая. Но запахи остались теми же — лимонный полироль и хвоя. Тяжелая темно-зеленая штора ниспадала каскадом и почти полностью закрывала окно. Лишь в небольшой трещинке виднелось небо — холодное и высокое, усыпанное бисером звезд.

Влад снова присел на краешек стола. Глеб и Даша молчаливыми призраками последовали за нами, Глеб прикрыл за собой дверь и с мрачным видом подошел к окну. Даша присела на диванчик у стены.

А мне впервые за последнее время стало безумно одиноко. Словно мир огромный, а я в нем — маленькая песчинка, которую вот-вот сдует ветер. И я затеряюсь в миллиардах таких же точно песчинок...

— Ты думаешь, что Эрик в тот доме. — Влад не спрашивал — утверждал, и я подняла на него глаза. — Я пока не вижу в этом логики, но допускаю такую мысль. Если он действительно там, наш приход не будет выглядеть как нападение. Ты скади, вполне логично, что ищешь своего вождя. Только вот попасть внутрь будет непросто. Этот дом охраняют охотники, и не один. Они почувствуют наше приближение, если не замаскироваться.

— Наше? — растерянно переспросила я.

— Не думаешь же ты, что я тебя одну отпущу.

— Зачем?..

— Мне казалось, ты хотела действовать, а не говорить. Давай все вопросы потом?

— Ладно, — кивнула я. — Хорошо.

Неожиданная помощь была мне нужна. Нет, не так — жизненно необходима. Казалось, еще секунда варения в собственном соку — и я свихнусь...

— Нужно хорошо замаскироваться, — повторил Влад. — Потому узнать, сколько охотников охраняет дом. Если подойдем поближе, думаю, справлюсь. Глеб будет страховать, если что, сразу позвонит Андрею. С твоего зрителя толку мало.

— А внутри? Как нам найти Эрика в доме?

— Ты начинаешь правильно мыслить, когда успокоишься. Вы же обменивались недавно, верно? Ты можешь его чувствовать.

Он сказал это безразличным голосом, но мне почему-то стало неловко. Я потупилась и пробормотала:

— Я не умею.

— Я помогу.

Снова захотелось спросить, зачем он это делает, но я не стала. Помогает и хорошо. Потом подумаю о последствиях. А сейчас... сейчас мне реально нужна помощь.

— Глеб, выгони машину. — Влад извлек из кармана ключи и бросил их Глебу. Он

поймал их и так же мрачно вышел, не сказав ни слова. Не верит, что Ника могла знать. Разочаровываться в близких всегда неприятно. Больно. И, кажется, я уже на пути к новому разочарованию... — Даша поможет с защитой.

Влад шагнул ко мне и взял за руку. От неожиданности я вздрогнула, но ладонь не отняла. Это прикосновение — земное, теплое — единственное, что связывало меня с реальностью. Кончики пальцев заискрились недавно полученным кеном. Выскрести бы его весь, до остатка! К сожалению, я не могу. Я теперь мало что могу...

Влад на секунду прикрыл глаза, словно наслаждаясь. А потом сказал:

— Ты все еще пахнешь им. Силен...

— Ненавижу его, — призналась я.

— Но тебе понравилось, признай.

Поколебавшись, я кивнула.

— Твой первый.

— И последний, — отрезала я. — Так что нужно делать?

Даша расстаралась, ставя на нас защиту и укутывая мороком. Я чувствовала себя, словно меня задохнули в кокон из ваты, даже кровь, казалось, бежала медленнее, а то и вовсе застала в венах. Кен Гектора стал терпким и горчил на языке, ладони занемели.

Даша вымоталась, прилегла на диван и задремала. Глеб выгнал машину и ждал нас на пороге.

— Только сильно не усердствуй, — попросил Влад, и я рассеянно кивнула. Мыслями была далеко — в доме ясновидца, который в любую секунду мог меня убить. Страх так и не проснулся, мной завладело странное безразличие, словно душе ввели наркоз. Или морок защитницы так действует?

Готовясь к поездке, я понимала, что не вернусь прежней. Мир раскололся на «до» и «после». На светлый и темный кусок реальности, и светлый подходил к концу.

— Тебе не стоит со мной идти, — сказала спокойно. — Видение...

— Сбудется днем, — перебил Влад. — Или не сбудется вообще. Не нарывайся там, хорошо? Найди Эрика, остальное я сделаю сам.

— Спасибо. — Я подавила ненужное смятение. Раскисать нельзя. Снова нужно быть сильной, а ведь я уже почти забыла, как это делается. Растерялась. Думать о чем-то другом было сложно, но я старалась. — Где ты был?

— Соскучилась? — Взгляд лукавый и совсем не обиженный. Если Влад и злился на меня за посвящение, то показывать этого не собирался. Ну и ладно. Потом все равно всплывет, а сегодня мне это не нужно.

Пожала плечами и посмотрела на аккуратно сложенные на коленях ладони. Нужно встать и идти, но идти никуда не хотелось. В доме Гектора меня ничего хорошего не ждало. И я уже готовилась к капитуляции...

— В одном интересном месте. Возможно, покажу... потом. Сейчас нужно успокоиться. Ничего плохого не случится, слышишь?

Снова кивнула — чисто машинально. Врет. Случится. Совсем скоро случится — это плохое я чувствовала затылком, словно сквозняк неизбежности.

— Даша?

Влад взглянул на нее и тепло улыбнулся.

— Пусть спит, нам она вряд ли пригодится. Она защитница, а не воин.

Словно мы собирались драться...

— Посмотри на меня.

Поднимаю глаза, пытаюсь сфокусироваться. Влад серьезен. И свет торшерной лампы серебрит его волосы. А на лбу морщинки новые, незнакомые мне... Складка у губ. Напряжен. Рука привычным жестом заправляет волосы мне за ухо. Непослушная, вечно лезет в глаза...

— Мы найдем его.

И я не нашла ничего лучше, чем снова кивнуть.

Ехали мы молча, каждый в своих мыслях. Глеб за рулем, потому как только он знал дорогу. Влад рядом, на переднем сидении. Я смотрела ему в макушку, и ощущение дежа вю усиливалось, обрастало новыми деталями, которые я вряд ли уже забуду. Запах сандала. Сжатые в кулаки ладони. Раздражение Глеба. Он постукивал большими пальцами по кожаному чехлу руля и как-то излишне резко выкручивал в нужный поворот.

Дом Гектора расположился в спальном районе, среди многих похожих домов — опрятных и просторных, но не пышущих роскошью. Средний класс. Двухэтажный, с зеленой крышей из профнастила — он утопал в окрашенных желтым кленах и тополях. За кованым забором из изящно переплетенных прутьев раскинулся дворик с аккуратными клумбами и дорожками, уложенными розовой плиткой. У деревянной беседки притаилась детская коляска, рядом ветер раскачивал качели...

Казалось, дом и окружающее его пространство умиротворено и спит, но это ощущение, конечно же, было ложным.

Воздух стал жутко терпким, не хотел вдыхаться, и я машинально положила руки на капот, пытаюсь отдышаться. Голова кружилась, кончики пальцев покалывали от напряжения.

Влад приобнял меня за плечи и велел Глебу:

— Оставайся на улице. Если через двадцать минут не вернемся, звони Андрею. Скажи, что срочно нужен Альрик, должок потом отдам.

Должок? Какой такой...

Глеб мрачно кивнул, но ничего не ответил. Молча смотрел на дом с неприкрытой уже злостью. Я тоже должна злиться, но не могу.

— Идем.

Моя ладонь утонула в большой и теплой ладони. Я шагнула следом, удивляясь, насколько слабыми были колени. Дрожали. И я вся дрожала от напряжения.

Калитка оказалась открытой. Пустынный двор, мягкий свет из окон, запятнавший дорожку... Ветер, рвущий листья с деревьев и швыряющий их — мертвые, полусухие — нам под ноги. Зловещая тишина под звездным небом, высоким, утыканным звездами. Лишь наши шаги... шуршат листвой... выдают нас...

Ладонь Влада крепче сжала мою, и я заставила себя собраться. Дверь совсем рядом, за поворотом. Я уже вижу ее — коричневую, с большим доводчиком и декоративным молоточком. Над ней куполом поликарбонатный козырек крыльца...

— Стоять! — Резкий выкрик, словно вырванный кем-то из дешевого боевика, заставил вздрогнуть и обернуться. Охотник. Молодой. Сильный. Мы можем справиться, если только...

— Спокойно, — примирительно произнес Влад, выпустил мою руку и выставил ладони вперед, показывая, что мы не драться пришли. — Мы ищем Эрика Стейнмода, вождя скади. Есть инфа, что он у вас.

— Ни шагу больше, — нахмурился охотник и выпустил щупальца. Моя жила тут же

напряглась, кен послушно заструился к ладоням.

Пусть только попробует!

Влад решительным движением задвинул меня за спину и шагнул к охотнику.

— Какие проблемы? Мы просто ищем Эрика.

— Не положено, — сериальной фразой ответил охотник и напрягся.

— Мы чтим законы.

Еще один шаг, и охотник совершенно растерялся такому напору. А последний стал роковым. Влад дернулся, коснулся его лба и сказал:

— Спи.

Охотник закатил глаза и послушно улегся на траву. Не упал, а именно улегся, даже ладонь под щеку засунул.

— Что это было? — ошеломленно спросила я, не в силах отвести взгляд от мирно посапывающего на клумбе мужчины.

— Потом расскажу, — уклончиво ответил Влад, воровато осмотрелся и снова схватил меня за руку. — Идем скорее.

Дверь поддавалась сразу, почти без усилий. Нас встретила просторная веранда, где пахло булочками, корицей и кофе.

И тишина.

Полумрак. Плетеные стулья, круглый столик, на нем — кофейник и чашки. Деревянный ошкуренный пол. Окно в полстены. На широком подоконнике — цветы. Невысокие фикусы, белые фиалки, драцена в широком и низком горшке, украшенном лепниной. Плющ, заполонивший стену, словно паутина.

Кроссовки шаркали по полу, сердце гулко стучало в груди. Веранда оканчивалась еще одной дверью, ведущей дом. На пороге Влад остановил меня и взял за плечи.

— Могут быть еще охотники. Сосредоточься, ты чувствуешь его?

Я закрыла глаза, несколько раз глубоко вдохнула. Ничего. Совсем. Или?..

Где-то наверху... несколько шагов по коридору... Спальня. Тюлевые занавески развеваются на ветру. Окно открыто, и прохладный воздух заполонил комнату. Кровать раскурочена. Одеяло на полу. А у окна — мольберт.

— На втором этаже, — прошептала я, и Влад кивнул.

— Мы входим, ты сразу ищешь лестницу и бежишь, поняла? На меня не смотришь, не оглядываешься, ищешь Эрика. От этого жизни наши зависят.

— Поняла, — решительно ответила я и сжала кулаки. Я не раскисну сейчас. Не позволю себе раскиснуть в доме у ясновидца.

— Умничка, — улыбнулся Влад и толкнул дверь.

В гостиной было светло. Яркая люстра под потолком искрилась хрустальными гранями. На стенах отсвечивали разноцветные светильники, разбавляя воздух малиновым и синим. Мебели почти не было, лишь пара кресел и пуфик. А еще круглый стол и три стула — наверное, комната использовалась и как столовая. Ковер на полу — старый и затертый — портил обстановку.

Лестница находилась прямо по курсу. Винтовая, извивалась змеей и ползла под потолок, оканчиваясь широкой площадкой, уходящей в коридор. В неизвестность. Туда, где прятался от меня Эрик. Почему?

Я чувствовала себя грабителем, забравшимся в чужой дом воровать серебряные ложки. Адреналин заставлял сердце бешено колотиться, а колени трястись.

Я не заметила, откуда появился охотник. Откуда-то слева, вынырнул из неизвестности и сложил руки на груди.

— Так-так, — сказал насмешливо. — Зверушки.

Этот был старше. Опытнее. И не боялся.

— Беги, — резко велел мне Влад, подтолкнул к лестнице и повернулся к нему.

Но я ведь могу... могу ударить. Помочь. Он не справится один. Или справится?

Найти Эрика. Ради нас же самих. Назад дороги нет. Если не найдем, нас заберут и будут судить. И Эрик не поможет, наверное. Во всяком случае, Владу — он-то не скади...

Я побежала. Кроссовки скользили по полированному дереву ступеней и противно скрипели. Уже наверху, на самой последней я обернулась. Охотников было двое. Они пока не выпустили щупальца, но ведь скоро... вот-вот...

— Влад! — жалобно позвала я, окончательно растерявшись.

— Беги! — рявкнул он, даже не обернувшись.

Полумрак коридора. Запах свежей краски. Лака. Страх, клубящийся под потолком. И надежда. Именно она вела меня вперед. Именно она давала силы действовать...

Я подходила к каждой двери и задерживалась на секунду. Не та. Снова не та. И снова. В конце коридор резко сворачивал вправо. Именно там, за поворотом я и натолкнулась на четвертого... Влипла ему в грудь, отступила на шаг, споткнулась и рухнула на спину. Позвоночник пронзило болью, в горле пересохло, и, казалось, я не могу пошевелиться.

— Ух ты, зверушка! — обрадовался охотник и шагнул ко мне. Без особых усилий поднял за шкуру, второй рукой собрал мои запястья за спиной и больно сжал. — Вот Петр обрадуется.

Нет, нет! Я не могу так облажаться. Прийти в дом к ясновидцу, чтобы найти Эрика, и в итоге попасть на суд к охотникам. В ту самую пыточную, которая...

— Эрик! — закричала я, захлебываясь собственным ужасом. Руки. Мне бы освободить руки. Охотник зажал мне рот ладонью и поволол вниз. А заветная дверь, которую я искала, полыхнула за спиной невидимым всплеском. Я не дошла всего лишь пару шагов. Пары шагов не хватило, чтобы...

Чтобы что? Эрик здесь, в этом доме. Он не напуган, не в отчаянии — его кен говорил мне это. Не связан и не пленен. Он в комнате, с той женщиной, которая...

Влад, наверное, тоже не смог отбиться. Стоял на коленях в гостиной и смотрел, как я спускаюсь, а двое держали его. Напрасно. Все было напрасно. Теперь нас ждет суд... Что ж, возможно, хоть на суд Эрик соизволит явиться.

Я разозлилась. Обида была острой, удушающей. Колючей. Рвала грудь, впивалась в лопатки, поднималась вверх, к затылку.

Меня бросила на пол, рядом с Владом, и я снова ударилась — но теперь уже коленями. Поморщилась и впила ногтями в ладони. Руки уже были свободны, но что-то подсказывало, что драться сейчас — плохая идея...

А потом на вершине лестницы появился Гектор. Высокий, поджарый, уверенный в себе. Даже синий спортивный костюм, выдавший виды, ему шел. Подбородок слегка вздернут, а в глазах — превосходство. Захотелось плюнуть ему в лицо, но это было бы глупее, чем драться.

— Что за шум? — абсолютно спокойно спросил он у охотника — того, что привел меня.

— Вот, звери. — Он пренебрежительно ткнул в меня пальцем. — Пробрались. Игорь во дворе... спит. — И опасно покосился на Влада. Тот лишь ухмыльнулся, не сводя с

ясновидца изучающего взгляда.

— Где Эрик? — хрипло спросила я. — Ты держишь его здесь, в этом доме, так? Шантажируешь тем, что я...

— Питалась, — перебил он зло. — Не будь я таким, как есть, ты лишила бы нормальной жизни человека.

— Не будь ты таким, как есть, я бы тебя не выпила! — огрызнулась я.

— Ищешь Эрика? — коварно прищурился Гектор. — Так вот же он. — Посмотрел куда-то в глубину коридора, откуда через секунду вынырнула знакомая фигура. Те самые штаны, которые были на нем в день посвящения. Рубашка полурасстегнута. Бесстрастный взгляд. И нелепый талисман — девушка, цепляющаяся за его руку. С широко распахнутыми глазами, которые смотрели прямо на меня.

— Кажется, к тебе гости, — спокойно сказал ясновидец.

Эрик скользнул по нам безразличным взглядом и кивнул.

— Вижу.

Сердце на миг остановилось, а потом забилось сильнее. Вот он стоит. Не плененный веревками и цепями. Только совсем чужой и на меня не смотрит...

— Девушка, видимо, считает, что тебя тут удерживают силой, — усмехнулся Гектор. Этот на меня смотрел. Едко, пронизывающе, и от взгляда этого хотелось удавиться.

— Мое упущение, — бесстрастно ответил Эрик. — Ты позволишь нам поговорить наедине?

— Располагайтесь. — Гектор гостеприимно указал на кресла. — Что прикажешь делать с ее... спутником? Он вырубил Игоря и дебоширил тут.

— Отпусти. Думаю, он не со зла. Решил поиграть в рыцаря немного.

— Чего только мужчина не сделает ради женщины! — Ясновидец закатил глаза и обратился к охотникам, которые держали Влада: — Выведите его и отпустите на все четыре стороны. — Затем посмотрел на меня и прищурился. Умный. Опасный. Хитрый. Враг. — Сильная хищная. Необычная даже для сольвейга. Ты можешь прославиться.

— Я не нуждаюсь в твоих похвалах! — прошипела я и повернулась к Эрику. — Что происходит?

— Уведи Лидию, — попросил он Гектора, даже не взглянув на меня. — Незачем ей это слушать...

— Они говорили со мной, — тут же откликнулась девушка и сильнее вцепилась в его рубашку. Пальцы побелели от напряжения, а ткань рукава натянулась. — Снова. Они звали, а я не знаю, куда положила краски... Я совершенно забыла. Кисточки при мне, но как рисовать без красок?

— Я приду, и мы вместе найдем их, — успокоил ее Эрик и мягко улыбнулся. От улыбки этой — нежной, трепетной и посвященной не мне — в грудь будто кипятком плеснули, и дышать стало нечем. Мир завертелся, в глазах потемнело, а щеки обожгло влагой. Я плачу? Я действительно плачу в доме у этого... этого... — Просто подожди, хорошо.

Ясновидица посмотрела на меня и вдруг рассмеялась — заливисто, звонко. Будто ее переполнила радость, и ей некуда было ее деть.

— Она горит! Светится изнутри, Эрик!

— Да, — мрачно произнес он.

— Папа, я увидела солнце! Впервые за долгие годы. Было темно, и вот... солнце. Разве не замечательно?

— Это не солнце, — раздраженно ответил Гектор и добавил: — Ты ошиблась.

Он шагнул к ней, взял за плечи и увел вглубь коридора. Охотники подняли Влада и вывели из гостиной.

Я не смотрела. Ни на них, на Гектора с его сумасшедшей дочерью, ни на Влада. Все, что я видела в тот момент, на чем могла сосредоточиться — это Эрик. Мой Эрик, который говорил мне когда-то, что любит. Мой Эрик, который клялся защищать. Который делился со мной кеном, которому я отдала... Я все ему отдала, а теперь... Что теперь?

Он на меня по-прежнему не смотрел. Наверное, ступени в тот момент казались ему привлекательнее, иначе зачем на них так пялиться? Гладко отполированные, скользкие. Интересно, как она по ним ходит? Или одна не спускается? Может, он всегда рядом, чтоб поддержать, как тогда со мной...

Меня поддерживать уже не нужно. Стою. Даже колени не дрожат. Только воздуха все еще не хватает — вдохи получаются маленькими, а выдохи прерывистыми. И в груди все еще горячо.

— Лидия — дочь Гектора? — зачем-то спросила я. Зачем? Ведь знаю же...

— Да, — коротко ответил Эрик.

И поднял на меня глаза. Пустой, безразличный взгляд. Ни капли тепла. Сожаления. Участия.

— Что происходит? — Голос мой сорвался на писк.

— Не следовало приходить, Полина.

— Ты ушел, ничего не сказал, и я... — Слезы снова покатались по щекам. Я больше не ненавидела себя за них — перед Эриком-то не нужно крыться. Он же мой. Мой!

— И велел тебе оставаться на месте, — твердо ответил он.

— Ничего не объяснив? По-твоему, я кто?

— А я? — сверкнул он глазами. — Ты столько лет живешь среди хищных и так до сих пор и не поняла, что мужчина сам может решать, куда и с кем ему идти? Я должен провести ликбез, серьезно?

— Но я... мы же... Эрик!

— У меня есть право выбирать. Всегда было. И будет. Ты должна это принять.

— Принять что?

— Ты взрослая девочка и все понимаешь.

— Не верю... — Я замотала головой и нахмурилась. — Это он тебя вынудил, так ведь? Гектор.

— Ты серьезно считаешь, что меня можно заставить? — усмехнулся он. — Меня?! Я думал, ты хорошо меня знаешь.

Заставили. Я чувствовала. А он врал. И от лжи этой, вынужденной, горькой, было так паршиво, что внутри все занемело. Ложь во спасение — снова на те же грабли, Полина! Еще раз я не выдержу.

Кивнула. Закусила губу от обиды. Она рвала грудь, желая выплеснуться, явиться миру. Эрику. Гектору. Всем им. И девушку ту я невольно ненавидела, хотя ненавидеть ее было не за что. Несчастливая. Изувеченная подобными мне...

— Жаль, если мы не поняли друг друга, — добавил Эрик. Я на него больше не смотрела — не могла. Просто развернулась и...

Запах корицы проник в гостиную. Приторный, тошнотворный, дурманящий. Шаги давались трудно, ноги будто цепями связали, но я шла. Понимала: если остановлюсь, то не

выдержу — брошусь ему на шею, буду умолять, плакать, унижаться.

Просить не оставлять. Глупо. Он все решил, пусть и защищает. Даже не поделился, хотя знает — я говорила, что чувствовала после того, как Влад... и Герда...

Хотя это не одно и то же.

Тогда почему так больно? Почему кажется, я вот-вот упаду? И внутренности сплывились в комок...

Охотника на клумбе не было, унесли в дом, наверное. А может, проснулся и сам пошел. Подошвы шаркали по гладкой розовой плитке.

Ее рука у него на рукаве. Глаза горят. И в спальне — мольберт. Краски. И... Мне нельзя смотреть на картины...

Влад с Глебом ждали у машины. Глеб курил и пинал бордюр. Влад потирал по всей вероятности ушибленный локоть. Увидев меня, они выпрямились и на лицах тревогу нарисовали. Рыцари, блин. И чего добились?

— Не стоило нам вообще приходить, — тихо сказала я и тоже пнула. Зачем-то колесо. Помогло мало, только ногу ушибла и сигнализация сработала.

— Так я не понял, с Эриком-то что? — поинтересовался Глеб, но Влад осадил его:

— Помолчи!

Пикнул сигнализацией, открыл мне дверцу, и я села. Откинулась головой на спинку и закрыла глаза. все было нереальным и таким настоящим, что хотелось царапать запястья. Ощутить физическую боль, чтобы хоть немного затереть другую. Невыносимую, жгучую, выжигающую.

Глеб сел рядом со мной и взял мою руку.

— Переживем, — бросил зло.

Переживем.

Безразличие. Обман. Незнание. И даже воспоминания о той комнате: открытое окно, мольберт, расстеленная кровать.

— Переночуешь у нас, — утвердительно произнес Влад. Уверенный, как всегда. Ни капли сомнения.

— Нет! — резко ответила я. — Хочу домой. К себе домой.

Бежать туда, куда я всегда бежала зализывать раны. В дом без защиты, но кому теперь нужно на меня нападать? Гектор не станет, а остальному миру я безразлична...

Я не сдамся. Одна ночь слабости и вернусь в строй. У меня есть сын. Племя. Обязанности. То, ради чего стоит жить.

Я не одна.

И Гектор, как бы ни старался, не сломит меня. Я найду способ. Переверну весь мир, отыщу лучшего жреца, колдуна, если нужно будет, пойду к Альрику, но избавлюсь от убийственного кена. И тогда...

Что тогда?

Мимо мелькали витрины, неоновые вывески, яркие фонари. На улицах веселились компании. Девушки смеялись, запрокидывая головы и довольно жмурясь от внимания мужчин. Они еще не знают, что на свете бывает такое. Когда не хочется дышать. Когда воздух больше не нужен.

Но я дышала. Инстинкты не убьешь.

Меня тоже не убьешь. Пытались уже. Выживу!

Но амулет Эрика горел на груди, будто говорил: без него умрешь. Что осталось у меня

без него?

Я. Осталась я. А значит, не все потеряно.

Глава 5. Мудрость Тибета

— Приезжай! Сегодня же, — настойчиво сказала Ира в трубку. — Крег сильный жрец и что-нибудь придумает. Он вылечит тебя от этого... Я даже подумать не могла, что такое возможно!

— Возможно, как видишь, — мрачно ответила я и допила давно остывший кофе. В окне бушевала осень: плевалась дождем и била почти голыми ветками в стекло. И вроде моя кухня. Кофеварка на столе в углу. Тостер. Микроволновка у холодильника. Плита с присохшим бульоном, который у меня так и не хватило сил отмыть. И несмотря на это, все чужое. Не так, как в доме скади, где я проводила дни. Где на толстом ворсистом ковре учился ползать мой сын.

И днем все было хорошо. Полубессмысленная болтовня Эли, рассказы Томи о произошедшем за ночь. Я даже улыбалась, когда Алан хватал ее за нос и пытался оторвать. И, казалось, дыра в душе становилась немного меньше.

Но ночевать там я не могла. Как только входила в ту комнату, становилось невыносимо дышать. Мне бы дали другую — не проблема, пустых комнат в доме было достаточно — но я все равно не хотела пока там ночевать. Да и не уснула бы. К тому же, Тамара говорила, Эрик приходит именно по ночам. Долго стоит у кровати сына, смотрит и молчит. Жалеет ли? Хотя с чего ему жалеть? Как он сам выразился неделю назад, он мужчина. У него может быть множество детей от многих женщин...

Черт, какая же я дура!

— Крег говорит, у него есть парочка идей, как избавить тебя от этого, — не унималась Ира. — Иногда он удивляет меня своим креативом. Приедешь?

— Приеду, — согласилась я. Нельзя упускать шанс, пусть он и мизерный. Заодно и подругу повидать. Все же рядом с Ирой всегда становится легче, особенно когда душа изорвана в клочья. Привычка. Тогда Ира меня вытащила...

— Вот и замечательно! — обрадовалась подруга. — Скажу Крегу.

— У тебя... у вас все хорошо?

— Конечно, все замечательно!

Голос ее был радостным, но внутри не проходило чувство, что она лишь прячется. Возможно, скоро мне тоже придется прятаться... Скоро, но не прямо сейчас. Прямо сейчас у меня дела поважнее — не люблю, когда мою жизнь контролируют, особенно всякие злые ясновидцы.

Но если Гектора с его стремлением сделать дочь счастливой можно было понять, то Эрика, который всегда был честен со мной, хотелось придушить за ложь. Злость сменялась сожалением и дикой тоской, от которой спрятаться было тяжело.

Глеб за эту неделю заходил два раза — хмурый и небритый. От него пахло бензином, костром и сигаретным дымом, под глазами пролегли синяки — последствия бессонных ночей. Он приходил и ложился на диван. Устраивал голову у меня на коленях, сжимал мою ладонь и делал вид, что спит.

Но на самом деле он не спал. Думал. И мысли эти множились новым разочарованием.

Она была в том доме. Ника. Жила там, подчинялась Гектору и все знала. Призналась Глебу в этом еще в тот вечер. Сказала, что Гектор в своем праве помочь Лидии.

Помочь? Чем? Привязав к ней Эрика таким способом? Лишая его свободы выбора? Хотя кому ты врешь, Полина, Эрик сделал выбор. Естественно, чтобы спасти меня, я ведь скади, и он чувствует ответственность.

За мои чувства ответственности не было. Но когда Глеб был рядом, я почти полностью успокаивалась.

Ира права, Крег действительно сильный жрец. Но кроме того, он прогрессивный. Наплевал на мнение собственного вождя и живет с замужней женщиной. Скорее всего, в ритуалах он такой же экспериментатор. К тому же, я ничего не теряю, если съезжу в Москву. Не думаю, что Гектору расстояние помешает от меня избавиться, но чем дальше я буду от Эрика, тем ему спокойнее. Если исходить из логики моих предположений.

Но сначала нужно увидеть Алана, неизвестно, сколько времени займут попытки Крега избавить меня от кена Гектора. А сына с собой брать — плохая идея. Все же ребенку скади место в племени.

Хорошо, что Эрик почти не появлялся в доме, и за все это время я ни разу его не встретила. Впрочем, приходил он всегда, когда меня не было — наверное, специально, чтобы не дразнить судьбу. Ведь наш обмен давал и ему возможность чувствовать, где я нахожусь. На этот раз я долго не сидела и, уложив Алана на дневной сон, отправилась обратно в город. Собрать вещи, позвонить Глебу и на автовокзал. А потом... потом подумаю. Нужно использовать каждую возможность.

Поднимаясь по лестнице, я настолько задумалась, что не сразу заметила на площадке Мирослава. Он судорожно пытался открыть дверь своей квартиры, но ключ никак не хотел попадать в замочную скважину.

— Мир, — окликнула я, и он резко обернулся. Бледный. И бисеринки пота на лбу... Темно-синяя ветровка съехала на одно плечо, а волосы растрепались, и челка падала на лоб, закрывая один глаз. Не к добру. — Что-то случилось?

— Случилось, — кивнул он, шагнул ко мне и крепко сжал мои плечи. — Я до Эрика не дозвонюсь никак, а еще Влад не берет трубку. Это стремно, потому как в городе сейчас опасно. Нужно уезжать, Полина!

— Так... — Я аккуратно высвободилась и взяла его за руку. — Давай я тебя чаем напою, и ты мне все расскажешь.

Я впахнула вяло сопротивляющегося Мирослава в квартиру и закрыла дверь. Пока вскипал чайник, готовила чашки и смотрела на него исподлобья. Напуган. Растерян. И действительно считает, что нужно срочно уезжать.

— Что ты здесь делаешь? — внезапно спросил он и посмотрел на меня лихорадочно блестящими глазами. — Одной сейчас опасно, Поля.

— Опасно потому, что...

— Потому что ясновидцы умеют очень много теперь. Вероника — та, что Влада сдала, еще цветочки. В городе есть еще один. Опаснее.

— Гектор, — кивнула я и спокойно налила кипятка в чашки.

— Верно, — настороженно сказал Мирослав. — Откуда знаешь?

— Познакомились уже, — мрачно ответила я и присела рядом.

— Познакомились... в каком смысле? — Он напрягся, и напряжение это потоком растеклось в воздухе, окружило, сдавливая и подавляя. Что-то было во взгляде Мирослава, что-то знакомое, беспросветное и...

— Ты тоже, да? — внезапно осенило меня. — Ты выпил Гектора!

— Тоже? — И больше во взгляде не осталось неуверенности. Только испуг — удушающий, дикий. Мирослав боялся. Нет, он был на грани. Только вот...

Почему никто из них не задумывался об этом, когда питался? Ни разу за всю свою жизнь никто из них не подумал, а каково им — ясновидцам, у которых отнимали больше, чем просто кен. Не убивая, номинально хищные лишали каждого из них жизни. Семьи. Права на счастье.

Я ненавидела Гектора. Нет, не за то, что не пила ясновидцев, а он так поступил со мной. Не за то, что растоптал мое счастье ради счастья своего ребенка. В какой-то мере я могла понять. Разумом. Но сердце — сердце рвалось на части. Боль всегда рождает злость, а злость перерастает в ненависть, это неизбежно. Мы враги, и этого не изменить.

Но почему они все — мои друзья, знакомые, соплеменники, да и сам Эрик, наверняка — не задумываются, каково на самом деле выпитым ясновидцам? Когда темнота становится нормой, а собственный разум больше не подчиняется тебе?

— А Влад разве не предупредил тебя? — спросила я, размешивая сахар в чашке. Тоже мне, друг называется!

— Он говорил, но я...

— Не верил, — закончила я за него и криво улыбнулась. Беспечный. Все они, даже Глеб...

Горечь подступила в горлу и откликнулась изжогой. Наверное, нужно правильно питаться. Наверное... как-нибудь потом.

— Я был в Твери. В Липецке стало очень мало места, знаешь ли... — Он резко дернулся, большие теплые ладони накрыли мои. Холодные. Я только теперь поняла, насколько замерзла, нет, вымерзла внутри. Покрылась инеем. Затаилась.

— Хотел вернуть племя домой, — догадалась я. Мирослав кивнул. Сидел, сжимал мои руки, словно не мог поверить, что мы теперь в одной лодке. Только я буду жить — уверена, что буду, ведь Эрик не позволит Гектору... Будет возиться с Лидией, таскать ей краски, рисовать, подтыкать одеяло, ложиться рядом, обнимать. А я... Я буду жить. Здесь или у скади — неважно.

А вот на счет Мирослава уверенности не было. Да он и сам понял — поздно только. Да и что он мог против магической притягательности ясновидца?

Холодильник возмущенно буркнул и затих. На стене тикали часы, разбавляя гнетущую тишину.

— Я что-нибудь придумаю, — пообещала я скорее себе, чем ему. Мы не были близки. Давно, а может, и никогда, но он всегда был добр ко мне. Заботился. Ну, так, как он сам понимает слово «забота». — Обязательно!

— Послушай... — Он отпустил мою руку и погладил по щеке. — Мы найдем выход! Я слышал, есть хищные, которые умеют избавлять от этого. Мифический шанс, но все же... Поехали со мной!

— Куда? — усмехнулась я. — Ты знаешь, где они живут?

Мирослав замотал головой и потупился.

— Кто они?

— Полина...

— Я поеду в Москву. Говорят, жрец андвари очень силен. Это реальный адрес и реальная попытка.

— Хорошо, — кивнул он. — Поезжай. Я тоже буду искать. Если успею. Если он не убьет

меня раньше.

— Не убьет, — уверенно сказала я, хотя уверенности в этом не было. Такими темпами Гектор всех моих друзей подсадит на свой ядовитый кен. Скади, конечно, не тронет, но остальные-то не застрахованы.

— Найди их, — попросила я. — И будь на связи. Если Крег отыщет способ...

— Ты позвонишь, понял, — согласился он. Посмотрел на меня очень серьезно и добавил: — Ходят слухи, Гектор тоже побывал в кане.

Спину будто кипятком облили. Волосы на затылке зашевелились, а ладони вспотели. Занавеска таинственно шевельнулась, хотя окно и было закрыто. Холодильник рассерженно забурчал.

А я не могла понять, как была такой идиоткой все это время.

Гектор сильный. Умный. Настолько, что сам Эрик остерегался его. Эрик, который справился с Гердой. Который убил сильного колдуна. Который самого Тана восхитил, а ведь ему тысяча лет была!

Гектор пропадал на время. А вернулся почти в одно и то же время с Эриком... С Эриком, который пришел из кана не ради меня. Конечно, с чего бы, ведь я перед уходом ясно дала понять, что вернусь к Владу. Уверена, к скади Эрик тоже не особо спешил — смирился с тем, что Даша будет править за столько лет-то. Научил ее всему. Верил, что она справится, ведь искренне удивился тому, что Тома выступила против нее. Выволочку сделал — ей и Робу. Уверена, если бы не мы с Аланом, выволочкой дело не закончилось бы...

Но вернулся он ради чего-то важного, чего-то, что не давало ему покоя.

Ради Лидии.

А встретил в своем доме меня.

Пожалел? Испытывал благодарность за сына? Хотел снова ощутить кен сольвейга? Он не ответит, а я...

Хотелось умереть. Прямо там, на кухне, лечь и уснуть. Чтобы темнота вокруг крошечная, теплая. И снов никаких, только покой.

Темноты не было, был Мирослав. Он ничего не говорил, просто держал за руку, но мне казалось, жалость ядовитым газом сочится под кожу, растворяется в крови, бежит по венам.

Но жалость — не то чувство, которое хотелось вызывать. Я сильная. Всегда была. И сейчас нужно думать о том, что делать дальше. Пострадать всегда успею.

— Мне нужно... — Я высвободилась и отвернулась. — Позвонить и вообще... Я Ирсе обещала, что приеду сегодня. Если потороплюсь, еще успею на автобус.

— Да, конечно. — Мирослав понял намек и встал. — Будь на связи, хорошо?

— Хорошо, — кивнула я, хотя думала уже совсем о другом...

Жизнь совершенно непредсказуема. И когда тебе кажется, что стабильность уже наступила, она делает тебе подножку, и ты снова летишь, сбиваешь коленки в кровь, хотя столько раз зарекался — ни-ни на те же грабли.

Похоже, грабли — моя тема. Что ж, тогда чего бояться? Когда нечего терять, все намного проще.

Проводив Мирослава, я взяла телефон. Пара-тройка длинных гудков сменилась лаконичным «слушаю».

Я глубоко вздохнула и выдохнула:

— Привет, Влад.

Молчание в трубке длилось несколько секунд. Несколько длинных, мучительных

секунд, в течение которых я несколько раз успела пожалеть о том, что вообще позвонила. И еще раз убедиться в необходимости звонка. Мирослав мой друг, и ситуация у него похожая на мою. И если мне нужно сейчас подумать о себе, то кто подумает о нем? Возможно, если пойти к Альрику, Первозданный поможет. А Влад, как никто другой из хищных, может поспособствовать.

— Не ожидал твоего звонка, — наконец, сказал он.

— Сама не ожидала, что позвоню, — честно призналась я. — У Мирослава проблемы. Большие.

— Говори.

Я рассказала вкратце. И о нашей беседе, и о растерянном виде вождя альва, и о возможных выходах. Влад слушал молча, и иногда казалось, вообще отключился, и я говорю сама с собой.

— Мирослав будет искать тех хищных. И если ты его друг, может, поможешь?

— А тебе кто поможет? — безразлично спросил Влад, и я так и представила его — сидящего в своем кресле в кабинете, откинувшегося на спинку и лениво смотрящего в потолок. Как всегда, спокойного и уверенного. Не то, что я.

— Я поеду в Москву. Ира говорила...

— Крег ничего не сделает с влиянием Гектора, — отрезал он, и в голосе проявились командирские нотки. — Он, конечно, сильный жрец и экспериментировать любит, но тут он бессилен.

— Ты не можешь знать, — упрямо заявила я.

— Ты где сейчас? У себя? Я приеду.

— Думаю, не стоит...

— Давай ты не будешь спорить, — ласково, словно разговаривая с маленьким ребенком, перебил Влад. — Жди, скоро буду.

И повесил трубку. Он так всегда. Все решает, командует и не оставляет выбора. И вот я уже ни капельки не жалею, что ушла из атли!

Из окна смотрело солнце. Теплое, сентябрьское, не прогревающее до костей, но рождающее меланхолию и ностальгию по ушедшему лету. Лето выдалось счастливым. Пропитанные запахом жасмина ночи в таинственном саду скади, под усыпанным крупными звездами небом. Воздух, которым невозможно надыхаться. Рука в руке. Губы горячие, настойчивые, шепот на ухо, тихий смех. Радость оттого, что это, возможно, навсегда.

Не навсегда.

Все, что у меня осталось — воспоминания. И квартира эта, которую я тихо ненавидела, в стенах которой хотелось удавиться от одиночества и отчаяния. Уж лучше в Москву — к надежде. Скептического настроения Влада я не разделяла. Крег — это лишь попытка. Не получится, буду пытаться еще. И еще. И так до тех пор, пока не найду способ. Если ясновидца научились контролировать нас, то и я смогу научиться контролировать их кен. В конце концов, я сольвейг, во мне половина их крови.

И может быть...

Барт! Барт, возможно, знает способ. Хотя нет, он бы сказал. И тогда, когда предупреждал меня о Гекторе, успокоил бы. Уверил, что мне не о чем переживать. Но он предостерегал, значит, сам боится. Значит, к нему нельзя. Вдруг кен Гектора — что-то типа жучка, навигатора, который приведет ясновидца к сольвейгам? Я не могу так рисковать.

Вещи я сложила быстро. Несколько маек, спортивные штаны, сменное белье. Зубная

щетка, косметика, книга в дорогу. Эрик подарил мне читалку, но бумажные я все равно любила больше. Тактильные ощущения очень важны — ты словно прикасаешься к истории, проникаешь в нее. С тач-устройствами такого не было, словно терялась вся магия книги, ее очарование, а оставался пластик и стекло, через которое ты смотришь плохо поставленный спектакль.

Квартира давила. Слишком маленькая по сравнению с домом, в котором я привыкла жить. Тесная. Наполненная призраками прошлого, в котором меня похищали и пытались убить. Где колдун подарил черную розу, а Влад приходил прощаться. Где Кира... Нет, Киры не было никогда. И переболело все, просто...

Тут жила другая девушка. И сейчас я становлюсь новой собой. Предательства меняют сильно. Закаляют — да, но как побочный эффект, добавляют толстокожести, а это всегда плохо. И вот мне уже почти не больно — словно внутри есть кнопка, отключающая чувства. Все до единого...

На улице дышалось лучше. Асфальт у подъезда был забросан мусором — бумажки от конфет, окурки, пожухлые листья. На клумбах сиреневым и розовым пестрели сентябрины, ветер колыхал огромные головки астр. В детстве, помню, были обычные, розовые и белые. И на первое сентября в школу я несла огромный, в пол моего роста букет, окруженная его сладковатым, немного терпким запахом.

Теперь вывели много новых сортов — голубые и малиновые, бордовые и лимонные, с набитыми, пышными бутонами, они ярким пятном выделялись на серой клумбе.

Я присела на лавочку, сумку поставила рядом и закрыла лицо руками. Плакать не хотелось, но глаза жгло, и они слезились сами. Ныло под лопатками, а амулет, который у меня так и не хватило духа снять, привычно жег кожу на груди. Инстинктивно нащупала его и сжала в ладони. Словно частичка Эрика была со мной. Того Эрика, который не говорил мне ужасных слов...

— Совсем плохо?

Я вздрогнула и подняла голову. Влад сидел рядом и смотрел прямо перед собой, вид у него при этом был умиротворенный и безмятежный, словно ему только что не сообщили о проблемах друга. И словно мои его тоже мало волновали.

— Справлюсь, — огрызнулась я и тоже отвернулась. Не знаю, почему я на него злилась. То ли из-за того, что он так спокоен, то ли на уровне рефлексов. А может, мне просто было плохо, и держать это внутри оказалось невыносимо. — Мирославу помощи.

— Помогу, — кивнул и посмотрел на меня лукаво. — Но сначала тебе.

— Думаю, не стоит, — промямлила я.

— Ошибаешься, очень даже стоит. А я вовремя — гляди, кто к нам пришел!

Влад указал рукой в направлении стоянки для машин, где в вальяжной, расслабленной позе стоял Гектор. В сером костюме, лоснящемся на солнце. Волосы с проседью переливаются. И рваный шрам на шее — словно сигнал к бегству.

— Пойду, поздороваюсь, — как ни в чем не бывало, весело подмигнул Влад и встал.

— Нет, не смей! — прошипела я, а потом пропал голос. Его словно и не было никогда, а я не умела говорить. Только рот открывала и хватала губами воздух — вязкий, терпкий, словно пропитавшийся ароматом тех самых астр. И встать тоже не могла — прилипла к лавочке пятой точкой, а ноги налились свинцом. Голова вдруг стала тяжелой, перед глазами поплыли багровые круги, а в сознании возник насмешливый голос Гектора:

— Теперь ты полностью подконтрольна. Смотри, что я умею. Смотри и помни: я могу

сделать с тобой все, что угодно. С тобой и с ним. Он-то не невинная овечка.

Влад не был. И считал ясновидцев кормом, созданным специально для того, чтобы мы жили. Он всегда относился к ним потребительски — этот чудовищный, упрямый, жестокий и такой невозможный эгоист. Эгоист, который находится у порога к гибели. И делает к нему шаг...

В ушах шумело, и я почти ничего не слышала, только смотрела. Со стороны все казалось естественным — два взрослых мужчины встретились и пожимают друг другу руки. На лицах легкие улыбки, словно они рады встретиться вот тут, в обычном дворе липецкой новостройки, обсудить дела или общих знакомых, поинтересоваться состоянием здоровья или просто выпить кофе в ближайшей кофейне.

Видимость иногда обманчива...

Гектор вздрогнул, пошатнулся и, разорвав рукопожатие, судорожно коснулся виска. Шум в ушах мгновенно прекратился, тяжесть ушла из тела, в глазах прояснилось. Я тут же вскочила на ноги и кинулась к ним, но поздно. Словно в замедленной съемке наблюдала, как сильный, непобедимый ясновидец опускается на колени, прямо на пыльный, заброшенный мусором асфальт.

— Ты — лишь еда, — злорадно сказал Влад и склонился к нему. Я схватила его за руку и попыталась оттащить, но это было все равно, что пытаться сдвинуть с места каменную глыбу весом с тонну. Ясновидец тяжело дышал, и Влад добавил, словно добивая: — Еда. Не забывай!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Гектор поднял голову. Медленно, словно ему тяжело было шевелиться. Взгляд затуманился — то ли болью, то ли временным безумием. Вот так рождается вражда. Впервые родилась в древнем скандинавском лесу, где Херсир и Гарди не поделили девушку. Где один посчитал себя лучше другого. Выше. Сильнее. Влиятельней.

Гектор улыбнулся. Слабо, едва-едва, словно ему тяжело было — не то, что улыбаться — дышать.

— Сделано, — прохрипел он, и от слова этого — ледяного, фатального — у меня внутри все замерло. Даже сердце, казалось, перестало биться. В горле пересохло от страха, а во рту ощущался вкус тех самых треклятых астр. Странно, ведь я никогда не пробовали ни лепесточка, но почему-то была уверена, что именно такие они на вкус. Горькие, как поражение...

Влада качнуло в сторону. В мою сторону, к слову, и он всем своим весом на меня беззастенчиво облокотился, и я изо всех сил постаралась его удержать. Обняла и уперлась кроссовками в асфальт. Смотрела на Гектора и только на него. А он смотрел на меня, и больше не улыбался. Бессмысленность из глаз исчезла, остался лишь холодный расчет. Ясновидец встал и брезгливо отряхнул штаны.

— И что теперь? Убьешь его мне назло? — резко спросила я. — Меня-то убить не можешь.

— Могу, — спокойно ответил он. — Но не буду. Ты — залог счастья Лидии.

— Счастья? По-твоему, это счастье? Когда мужчина рядом с твоей дочерью лишь потому, что ты его запугал?

— А она как это поймет? — язвительно поинтересовался Гектор. — Ведь после того, как твой распрекрасный Эрик выпил ее, она мало похожа на внимательную к деталям женщину.

— Эрик... что?!

— Думаешь, мне легко видеть его рядом с ней? Принимать в своем доме, словно дорогого гостя, угощать, разговаривать? Но она улыбается рядом с ним. Улыбается! Впервые за долгие годы, в течение которых единственное, что я слышал от нее — душераздирающий крик. И поверь, я сделаю все, чтобы она улыбалась и дальше.

— Зачем Влад?.. — спросила я и отвела глаза. Смотреть на него было невыносимо. Чувство вины за то, чего ты не совершал — неправильное чувство.

— Не хочу, чтобы ты искала способы избавиться от моего кена. А ведь ты будешь, не так ли? — Он кивнул на сумку, сиротливо стоящую на лавочке. — Живи, воспитывай сына, общайся с друзьями. Ты девочка хорошая, не то, что этот... — Он презрительно кивнул на Влада.

— Так теперь ты шантажируешь не только Эрика, но и меня? — с горечью спросила я. — Не буду искать, Влад останется жить, так? Думаешь, Лидия одобрила бы?

— Не тебе меня судить! — прошипел он и подался вперед, отчего я непроизвольно вздрогнула и отступила на шаг. Влад снова пошатнулся, так что пришлось его крепко обнять. Он уткнулся носом мне в волосы и горячо задышал в макушку.

Черт-черт-черт! Ну как можно было так подставиться? Особенно после видения. Кому, как не ему знать — мои всегда сбываются?

— Помнится мне, ради дочери ты впустила нали, — уже спокойнее продолжил Гектор.

— Она не была... — Я замолчала, пытаюсь подавить слезы обиды. Разрывало от противоречивых чувств. С одной стороны, Гектор разрушал мою жизнь. Лишил дорогого человека, стабильности, надежды на счастье. А с другой... с другой я могла понять его, как никто. Когда страдает ребенок, разве можно оставаться в стороне?

— Не суть. Помни, твоя жизнь зависит от Эрика, а его, — он ткнул указательным пальцем Владу в грудь, отчего его вновь качнуло, — от тебя.

Прощаться не стал — просто развернулся и пошел прочь.

Умный. Продуманный. Сильный.

Отчаявшийся отец.

Могла ли я его судить?

— Идем, — сдавленно прошептала, боясь, что вот-вот расплачусь от обиды. Сильнее обхватила Влада за талию. Наверное, теперь он сутки будет пьян. Меня тогда еще и рвало. Ничего, отлежится, оправится, мне теперь спешить некуда...

— Ты пахнешь хорошо, — выдохнул он мне в волосы и тоже обнял.

— Знаю, ты сейчас не в адеквате, но приставать не позволю, — строго осадил я его и повела в сторону лавочки.

— Вообще-то я и сам могу идти, — лукаво сказал Влад на полпути. — Но так мне нравится больше.

Я осторожно разомкнула объятия, отступила на шаг и посмотрела ему в лицо. Ни следа опьянения — только насмешка.

— Ну вот зачем ты это сделала? Так хорошо было, — наигранно расстроился он и склонил голову набок.

— Ты... не пьян?

— И не был. Так как, готова от этого избавиться?

— То есть как — не был? — опешила я. Попыталась отыскать на его лице следы лукавства. Ни капли. Серьезен. Уверен. Ни капли не сомневается. И ждет.

— Он не первый, — пожал плечами Влад. — И не первый, чей кен я могу контролировать.

— Но ведь Гектор...

— И не только Гектор, — перебил он. — Думаешь, после той девицы я не искал выход? Если так, ты плохо меня знаешь. Давай обсудим уже на месте. Ты ведь не станешь сидеть сложа руки, верно? Мне Гектор ничего не сделает, а вот у тебя все еще проблемы. Будешь ждать, когда ясновидца переклинит, и он тебя прибьет?

— Эрик... — выдохнула я и замолчала.

Эрик с Лидией. В той комнате наверху, или в уютной гостиной, или на кухне пьет кофе и ломает ей булочки. Неважно. Мне он сейчас не поможет.

Под бордюром слезалась и гнила листва. Влажная, липкая, мертвая... Она ждала. Холода. Промозглых дождей. Снега, чтобы спрятаться под его мягким покрывалом и окончательно умереть.

А я жива.

— Разберешься потом, — безразлично ответил Влад. — Едем?

— Куда? — хрипло спросила я.

— Тебе понравится.

Запах кожи в новом салоне смешивался с легким сандаловым ароматом освежителя. Из динамиков доносилась легкая музыка, автомобиль легко скользил по трассе. Мы ехали на запад, эпично — в закат, словно старались догнать красное зарево, которое зловещим пятном разлилось на горизонте.

Припарковались странно — у строительного супермаркета на окраине. Влад достал телефон и набрал номер. На меня не смотрел, а мне было просто любопытно, куда мы едем и зачем. Выглядел он уверенно, расслабленно и немного устало, что сбивало с толку. Гектор ведь должен был добавить ему сил, а не отнять. На следующее утро после того, как я вышила ясновидца, несмотря на апатию и тоску, я ощущала большой подъем. На физиологическом уровне. А Влад буквально засыпал на ходу.

— Ты скоро? — вяло спросил он в трубку. — Мы уже ждем. — А потом через некоторое время добавил: — Ничего, справимся. Я поделюсь.

И отключился.

В машине повисло гнетущее молчание, причем угнетало оно только меня. Влад расслабился, откинулся на спинку сиденья и прикрыл глаза. Выглядел при этом безмятежно и знакомо до дрожи в коленях. Руки свободно лежат на руле. Легкая кожаная куртка полурасстегнута, воротник приподнят и топорщит волосы у самой шеи. Размеренное дыхание. Вдох-выдох. И снова я ничего не знаю, не в курсе, что будет дальше.

Все зависит от него. Ненавистное чувство. Ненавистное и меланхолично нужное. Окунаюсь в прошлое, как в прорубь — сначала обжигает холодом, затем жаром. Боюсь. Будущего. Неизвестности. Довериться.

Себя.

— Зачем мы здесь? — пытаюсь освободиться от наваждения, спросила я.

Влад открыл глаза. Будто и правда дремал, а я его разбудила.

— Ждем кое-кого, — ответил спокойно.

— Это я поняла. Кого?

— Кое-кого по имени Даниил. Знаешь такого?

— Дэн? Но откуда...

— Долго объяснять. Но если вкратце, меня с ним познакомил Барт.

Что? Барт? Наверное, моя вселенная умирает, иначе как объяснить такие аномалии? Барт никогда не показывается хищным из других племен. Ну, разве что андвари. А Владу, после того, как он... после драугра... Нет, не верю.

— Ага, конечно! — вырвалось у меня, и ответом был удивленный взгляд и иронично приподнятая бровь.

— Считаешь, я недостойн?

Считаю. Нет, я знаю это. Таких, как Влад, нельзя пускать к сольвейгам. Впрочем, может, Барт и не пускал. Может, он просто... решил познакомиться.

Зачем?!

Отвечать Владу я не стала — отвернулась к окну и посмотрела на постепенно темнеющее небо — чистое, синее, с проступающими отверстиями звезд. Из отверстий лился свет, до нас не доставал, и мы оставались под холодными искусственными потоками фонарей. Проезжавшие мимо машины, выруливающие из парковки, окатывали нас порцией света своих фар.

Мне не хотелось света. Темнота намного уютнее, в ней незаметны эмоции, проступающие на лице. Те, которые совершенно не хотелось показывать, особенно Владу. Но они упрямо рвались наружу, выступали влагой на глазах, и приходилось часто моргать, чтобы не разреветься. Думать о несущественном. О не выстиранном белье. Недомытых чашках, оставшихся на кухне после визита Мирослава. О несбывшихся планах...

Ира! Нужно Ире позвонить, она же ждет, а я тут... сижу, с Владом. Что за наваждение вообще?! Нужно было ехать в Москву, не терять день. Я так и планировала, пока Гектор не явился. А теперь... А что теперь? Я ведь даже не знаю, что происходит.

Ира взяла трубку после первого гудка и сразу спросила:

— Ты в пути?

— Я не приеду сегодня, извини. — Покосилась на Влада и добавила: — Обстоятельства изменились.

— Все плохо? Если все плохо, приезжай немедленно! Крег говорит, он нашел выход.

— Серьезно? — оживилась я. Даже на кресле привстала и заерзала. — Какие-то шаманские штучки?

— Он тренировался и многое знает, — гордо ответила подруга. Гордиться своим мужчиной всегда приятно. И я, быть может, еще успею на последний автобус. Или уже завтра утром. Если Влад не соврал, и Гектор не навредит ему, это шанс. Шанс избавиться навсегда от разрушительного кена и...

И что? Спасти Эрика? Разве это не его вина? Разве Лидия не заслужила кусочка покоя?

Пока я размышляла, Влад бесцеремонно забрал у меня телефон и бросил короткое:

— Она со мной. — Около минуты просто слушал, а потом закончил стальным тоном: — Я сам.

И повесил трубку. А еще говорил, что с женой нашел общий язык! Злится ведь. Даже желваки на скулах ходят и взгляд ледяной.

— Такту ты так и не научился, — саркастично заметила я.

— Зато я могу тебе помочь, — бесстрастно парировал он.

— Крег тоже может.

— То есть ему ты доверяешь больше, чем мне?

— Я любому прохожему доверяю больше, чем тебе, уж извини, — нахмурилась я.

— Поля... — Его голос смягчился, рука легла мне на плечо. Осторожно так, будто боясь спугнуть, будто я могу открыть дверцу, выскочить на улицу и бежать без оглядки. Бежать я не собиралась. Некуда было, да и устала. Насыщенный день, испуг, недоумение. Попытки что-то понять. С Владом всегда так. Он никогда не объясняет, только действует, и от этого чувствуешь себя марионеткой. — Я правда хочу помочь. И могу.

— Как? — прямо спросила я, снова повернулась к нему и сложила руки на груди. — Как конкретно ты можешь помочь?

— Так, как Барт помог мне, — ответил он, и я открыла рот от удивления. Барт помог ему? Как? И главное, зачем? Он же не сольвейг, он же просто...

Я собиралась сказать что-то колкое. Что-то в духе наших обычных перепалок. Но внезапно задняя дверца машины открылась, и внутрь просунулось улыбающееся лицо Дэна.

— Хай, — поздоровался он, будто не было ничего удивительного, что мы все встретились здесь при таких обстоятельствах. Затем повернулся к Владу и указал на тележку из супермаркета, на которой большой грудой были свалены спальные мешки, рюкзаки, набитые всякой всячиной, мотки веревок, упаковка туалетной бумаги и еще много дребедени: — Может, поможешь?

Я ждала, пока они сгрузят купленную Дэном утварь в багажник. С неба злобно скалилась налитая ядом полная луна. Холодно светили звезды. Весь мир, казалось, стал враждебным, злым. Так и норовил уколоть. И я с ужасом поняла, что на кожаном сиденье, спрятавшаяся за тонированным стеклом от посторонних взглядов, я начинаю себя жалеть...

Все, что жизнь отмеряла мне — капельку счастья, растворенную в банке страданий. И банка эта настолько переполнилась, что готова была выплеснуться на окружающих. Я понимала, что быть рядом с любимым — еще не все. В мире есть много того, ради чего стоит жить. Сын. Племя. Друзья. Сила. Та, что бурлила в жиле, лилась по венам, смертоносный кен, делающий меня особенной. Таким, как я, не принято себя жалеть. А я жалела.

Хотелось тепла. Того, что было и которое просыпалось песком сквозь пальцы. Пролилось дождевой водой и впиталось в землю. От которого остались лишь воспоминания. Легкий карамельный шлейф. И в завершение — холодный, чужой взгляд.

Мне не было больно, больше нет. Но на несколько минут, пока мужчины отвлеклись на покупки, я расклеилась. Смотрела в окно на ошетилившийся мир и не понимала, зачем он нужен мне.

А потом Влад с Дэном сели в машину, и жалость пришлось прогнать. Она ушла сама, клубясь невидимым туманом над головой и возмущаясь, что я посмела от нее отказаться. А зачем просочилась в щель слегка опущенного стекла, уступая место прохладному и свежему воздуху.

— Попалась-таки? — сочувственно спросил Дэн, и я кивнула.

Мы тронулись. И уже почти в конце пути я поняла, куда мы едем. Источник атли. Место, подарившее мне благословение и проклятие. Туда, где огромной черной глыбой пугал жертвенный камень, усыпанный трещинами и пропитанный кровью. Чужой. Моей. Где кен каждого атли буквально ощущался в воздухе.

Место, которое не выдают чужакам...

— Здесь безопасно, — сказал Влад глубоким, низким голосом, от которого почему-то дрогнули колени.

— Отлично, — словно не замечая напряжения, ответил Дэн и вышел из машины.

— Порядок? — спросил Влад теперь уже у меня.

Я кивнула. Повернуться к нему так и не смогла — смотрела на здание. Темная черепица, белые стены... Сила. Воздух наэлектризован. Искрится эмоциями — не выплеснутыми, яркими.

— Оставим машину здесь.

— Куда мы... — Я замолчала. Слова выдавливались с трудом, отчаянно прорываясь сквозь осипшее горло. Амулет Эрика приятно холодил кожу, но облегчения я не испытывала. Безопасность. Мнимая, как всегда.

— Эй... — Сильная рука притянула к себе, и я уткнулась носом в плечо. Сандал, мускус, ваниль. И неизвестные мне, новые нотки, которые я не могла определить.

Все меняются, и Влад тоже. Наверное... Хотелось бы верить, что жизнь не стоит на месте, а там, впереди ждет свет и радость. Не только меня.

— Все будет хорошо.

Простая фраза. Банальная. Он редко такие говорит. Но от этих слов в груди разлилось тепло, а глаза снова защипало слезами. Жалость вернулась, скопилась за стеклом и ласково просилась внутрь. Не пускай ее, только не пускай! Если поддамся, останусь на месте. Увязну в ее вязком тумане, словно в болоте. И никогда не выберусь. Никогда...

— Соберись, пророчица, — словно прочитав мои мысли, твердо сказал Влад. Отстранил меня и слезы вытер. Заплакала все же. А ведь зарекалась — перед ним никогда. — Ты же сильная девочка...

Шершавые пальцы на щеке. Шепот горячий, обжигающий. Тепло. То самое, которого мне так не хватало. То самое, от которого нужно держаться подальше.

Сторишь. Расплавись, и тебя не станет. Только вот если поддашься, жалость к себе никогда не отпустит. Слабость — нормальное явление, с каждым бывает. Но поддашься ей, пропитаешься, как бисквит сиропом, и сама станешь слабой. Изнутри. Навсегда.

— Я в порядке. — Отстранилась резко, что Влад бесспорно принял за враждебность и тут же нацепил маску — свою любимую, слепленную из невозмутимости, с мазками сарказма и иронии, с холодным взглядом и полуулыбкой, не обозначающей ничего.

— Прекрасно.

И вышел из машины, а я дала себе еще две минуты. Один на один со слабостью. Она уходить не спешила и сидела на плече черным вороном. Стараясь избавиться от наваждения, я провела по плечам ладонями, будто стряхивая ненужное. И вышла наружу — в пугающий, враждебный мир.

Покупки были выгружены из багажника и компактно упаковывались в рюкзаки и пакеты побольше.

— Держи, — мимоходом бросил мне Дэн, отвлекаясь от запихивания очередного фонарика в рюкзак, который надулся и, казалось, готов был лопнуть от важности оттого, что вмещает в себя столько барахла. Дэн протянул руку. В ней был зажат шнурок, на котором болтался знакомый мне, но оказавшийся бесполезным амулет. — Это чтобы мы успели добраться.

Я без лишних вопросов взяла его и надела на шею. Наверное, он имеет защитную силу не только от влечения. Скорее всего, Гектор просто не узнает, что меня нет в городе. Хорошо бы. Умирать не хотелось...

Влад нацепил мне на плечи рюкзак с пол моего роста и вручил пакет в придачу. От этого я почувствовала себя ломовой лошадью. Колени подогнулись, а пятки, казалось,

погрузили в земле. Сам он взял два рюкзака — по одному на каждое плечо, и пакет в левую руку.

— Готовы? — спросил Дэн и шагнул ко мне. Взял за руку и крепко сжал ладонь. Ситуация все больше походила на бессмыслицу, хотя логика в ней был. К Барту. К сольвейгам. В безопасность. Хотя бы ненадолго.

Влад подошел к нам и поинтересовался:

— Справишься? Если что, могу поделиться.

— Надеюсь, хватит, — отмахнулся тот и взял его за руку.

Со стороны мы, наверное, напоминали трех сумасшедших с барахлом, готовящихся водить хоровод вокруг несуществующей елки. Впрочем, меня уже давно мало волновало, как я выгляжу со стороны. Да и со стороны это продолжалось всего пару секунд.

Я глубоко вдохнула и закрыла глаза. Знакомое ощущение головокружения, легкая тошнота, которую я уже давно научилась не замечать. А затем воздух — другой, не липецкий. Сладкий, пьянящий, свежий настолько, насколько вообще может быть свежим воздух. И тишина.

Разлепив веки, я замерла. Равнина вокруг — куда достает взгляд — вся укрытая туманом. В нем утопают ноги, трава и редкие валуны, высунувшие макушки из белесой дымки. На горизонте белые колпаки гор отражают лунный свет и сами сияют. А перед ними темными неровностями — холмы. Звезды на небе, низкие, крупные, прячутся за редкими перьями облаков. Кажется, руку протяни — снимешь любую.

— Это Тибет, — пояснил Влад, и я ощутила на волосах его дыхание. — Тяжело?

— Холодно, — ответила я, поправляя лямку рюкзака. — Куда теперь?

— Вперед, — ответил за него Дэн. — Пройти придется немного, защита Барта не пропустит телепорт.

И мы шли. Долго. В сторону гор, которые медленно приближались. Ноги оскальзывались на влажных от тумана камнях, утопали в мокрой, противной траве. Лямки рюкзака натерли ключицы, и я часто останавливалась, чтобы поправить их. Ручки пакета отдавили пальцы, и в середине пути Влад у меня его забрал.

И когда уже почти закончились силы, и я готова была улечься прямо там, в мокрую траву, мы заметили огни. Горели костры, а вокруг нечеткими силуэтами проявились освещенные небольшими фонариками палатки. Вскоре стали видны люди, снующие между ними. Слегка сгорбленный силуэт Алеши с неизменной связкой дров и топором за поясом. Яркая куртка Юлия. Широкая, развевающаяся юбка Люсии. И неподвижные, близкие очертания Барта, который смотрел в темноту, прямо на нас.

Он нас ждал.

А потом будто черта, отделяющая мир сольвейгов от внешнего мира, осталась позади, и я ощутила облегчение. К нам спешили люди. Окружили, взяли пакеты из рук, сняли тяжелый рюкзак у меня со спины и принялись обнимать. Я не знала, кто. Все, наверное, ведь мы так давно не виделись. Много слов — восторженных, горячих — на разных языках, но в основном на английском, который я так и не удосужилась выучить.

Люсия что-то шептала на ухо, Барт улыбался, а я... я просто растерялась. Говорила невпопад, хваталась за одежду, оглядывалась. И не знала, что меня ждет.

Меня тут же повели к костру, усадили на раскладной стульчик и вручили алюминиевую кружку.

— Пить, — велела Люсия. И добавила совсем по-русски: — До дна.

Я выпила. Вино было дешевым и сладким, согрело пищевод и тут же задурманило голову. Мне показалось, в черепе образовалась дыра, через которую выходили все тревоги и страхи. Душа освобождалась, и я вдруг поняла, что больше всего на свете хочу тут остаться. Не смогу, конечно, из-за Алана, но хотеть-то можно.

Сольвейги веселились. Радовались нам, расспрашивали Дэна, а Люсия бесстыдно заигрывала с Владом у костра. Улыбалась, щебетала и томно опускала длинные ресницы, касалась его щеки. Из них могла бы получиться красивая пара. Могла бы, но... мне не хотелось об этом думать!

Я встала и отошла в сторону. Где было не так светло, и тени дарили некое подобие безопасности. Заботливо укрывали, отделяя от остальных — людей без дырки в душе. Впрочем, я мало что знала об их душах.

Странно, ведь мы должны чувствовать друг друга. Люсия вот меня чувствует, а я ее — очень редко. Возможно, потому что я скади...

Стою. Слушаю тишину и отдаленный гомон из поселения сольвейгов. Как всегда — палатки, разбитые вокруг костра, раскладные столики и стулья. Связки дров неподалеку. Котелки, фонарики, развешанные у палаток. Запах дыма и жаренной еды.

А на небе — звезды шепчутся. Молчу. Легко. Воздух пьянит, расслабляет. И плохое почти забылось...

— Ну что же ты стоишь? — Оборачиваюсь. За спиной Влад. Лукаво улыбается, в руке стаканчик. Пластиковый. С дешевым вином, которое он не пьет. Никогда раньше не пил. Куртка расстегнута, под ней белый свитер. Идеально белый, если учесть костер, палатки и мазок золы у него на щеке. — Иди, пусть Барт научит тебя избавляться от этого.

— У тебя... вот тут... — Я невольно рассмеялась. В обществе сольвейгов было по-домашнему тепло и как обычно уютно. Или это вино ударило в голову? Тревоги отступили за черту заветного круга и сунуться сюда не решались.

— Что? — удивленно спросил Влад.

— Здесь. — Я шагнула к нему, подняла руку и стерла золу со щеки. — Люсия, наверное, измазала...

Посмотрела ему в глаза и замолчала. Прищурился, губы сложились в тонкую линию. Смотрит на меня жадно, голодным взглядом, словно я... словно... И тепло, уснувшее в груди, растет, множится, жжется, разрывает.

— Спасибо, — шепнула и отвела взгляд. — За сегодня и... за все.

— Обращайся, — ответил он хрипло.

А жалость вокруг шипела, сгорая, и осыпалась пеплом. На траву. На камни. Нам на плечи. Под холодным блеском безразличных звезд.

Глава 6. Новый дар

Сказать было легче, чем сделать. Вернее, сделать было бы легко, если бы кто-то собирался избавлять меня от кена Гектора. Барт не собирался, велел стараться самой. Мол, если сделаю это, у меня будет нечто вроде иммунитета от зова ясновидца, а еще мне не причинит вреда его кен. Этому научились многие сольвейги, этому научился Влад. Редкий дар для обычного хищного. О том, почему он здесь и почему Барт открылся ему, вождь сольвейгов особо не распространялся. Сказал, что видит больше, чем любой другой из присутствующих. Знает будущее...

Он знал всех нас. То, что нас ждет или может ждать. Я не хотела спрашивать. Знание будущего никогда не приносило счастья. Я понимала, что видения Барта сбудутся, мои ведь сбывались всегда. Даже последнее — то, что легко можно было предотвратить, воплотилось в реальности. Влад, конечно, все красиво обыграл, но я так не умею.

Если пойму, что впереди только тьма — не выживу. Не смогу. А я видела тьму в глазах Барта... Далекую, сгущающуюся на горизонте неизбежность. И не хотела знать. Во всяком случае, в ту ночь.

Пробовали мы долго, часа два. Мои ладони горели, а живот болел, и я держалась за него руками.

— Связь сохраняется навсегда, — говорил Барт. — Между тобой и выпитым. Именно благодаря ей Гектор чувствует тебя. Каждый ясновидец чувствует того, кто его выпил. Видения не дают забыть...

— Видения? — удивилась я. — Но разве после этого они не...

— Нет, Полина. Они не теряют дар. Они теряют разум. Именно этого просил Херсир на горе молитв.

— Получается, они все еще могут видеть будущее... — Я ошеломленно уставилась на поверхность спальника, на котором сидела. Барт примостился на раскладном стульчике рядом. В его палатке было как всегда просторно и светло. Под куполом покачивался фонарик в резном корпусе, а на небольшом пластиковом столике притаился давно остывший чай.

— Могут. И видят. Будущее ранит их, переплетается с прошлым и настоящим, и они не могут отличить одно от другого. Им не хватает кена, ведь именно кен помогает нам управлять способностями. Ясновидцы не восстанавливаются сами, как и хищные, но они и не могут поглощать. Природа оказала им услугу — они не умирают от истощения. Но разум — плата за жизнь.

— Жестокая плата, не находишь?

Барт улыбнулся. Хитро так и в то же время мудро. В уголках его глаз сеточкой залегли морщинки, а взгляд был теплым и добрым. Его не волновали проблемы ясновидцев не потому, что ему плевать. Барт понимал, что нельзя помочь всему миру.

А я вот еще нет.

Мне казалось, если постараться, то можно изменить все вокруг. Тогда я еще не знала, что менять нужно себя...

— Смотря что ты любишь больше: свободу или жизнь.

— Ты говоришь, как Влад, — проворчала я.

— Потому что его правда мне близка. Потому что мы оба — вожди.

— Вожди, не дающие права выбора своим соплеменникам, — язвительно дополнила я.

Барт склонился ко мне, и я смогла рассмотреть темные прожилки на шоколадной радужке его глаз. От него пахло костром и мятой — Барт любил мятный чай и постоянно его заваривал.

— У тебя будет выбор. И сейчас, и в будущем.

— Тот самый, о котором ты говорил?

— От судьбы не уйдешь... — Он снова сел ровно, и мне показалось, во взгляде вождя сольвейгов мелькнуло сожаление. А может, игра теней и света — ночью им есть, где разгуляться. — Пробуй еще. Зацепи ладонью и потяни на себя — он весь и выйдет.

Если б я знала, что цеплять. Кен Гектора растворился в крови и стал частью моего собственного, а нить, о которой твердил вождь сольвейгов, я нащупать не могла. И вместо того, чтобы вытянуть кен ясновида, выплескивала свой.

Я устала. Хотелось спать. Веки налились свинцом и нещадно слипались.

— Отдохни. — Шепот Барта влился в сознание медом, успокаивая.

Он погладил меня по плечу и вышел, не погасив свет. Свет мешал. Лился, казалось, отовсюду и слепил. Невероятным усилием я заставила себя встать и выбраться из палатки.

Звезды спустились ниже. Заполонили небосвод и прогнали облака. Небо стало ясным, туман рассеялся, обнажая траву и камни, а также силуэты гор, которые возвышались огромными глыбами и сверкали заснеженными макушками. Тишина вокруг казалась гробовой.

Почти все сольвейги уже улеглись, лишь Юлий необычно тихо сидел у костра и ворошил угли. Плечи юноши опустились, голова покачивалась из стороны в сторону, словно маятник — методично и медленно. Он даже не заметил меня, когда я прошла мимо. Люсия и Влад стояли неподалеку, у ее палатки. Он допивал вино, а она что-то шептала ему, иногда подаваясь вперед и касаясь губами щеки.

Я отвернулась и пошла в противоположном направлении. Одиночество больше не давило, наоборот, казалось благословением. Воздух пропитался тишиной — величественной и целебной. Трава все еще была влажной, но я все равно присела. Обняла руками колени и закрыла глаза...

Степь. Вокруг ничего, кроме бескрайней степи. Босые ноги приятно щекочет ковыль, а надо мной небо — высокое, темное. Несмотря на темноту, видно хорошо, и я смотрю вперед — туда, где небо касается горизонта, где полная луна уложила на землю свой сырнй бок.

— Это лабиринт, — грустно говорит Лидия и садится у моих ног. Трава обнимает ее за обнаженные плечи и укачивает. — Из него не выйти, если нет света.

— Ты потеряла его, — понимающе киваю. — Эрик забрал.

— Это ничего. — Она поднимает ко мне лицо, и теплая улыбка лишает последних крупниц самообладания. Я плачу от жалости — к ней, к себе, ко всем тем, кого уже не спасти. Я плачу, а она улыбается — такова теперь наша судьба. — Ведь у тебя он есть. Ты выведешь меня.

— Я не могу, милая. Если бы могла...

Присаживаюсь рядом, касаюсь ее кожи — горячей, влажной. Туман клубится, стелется по земле, путаясь в высокой траве, оседая росой нам на плечи.

— Можешь, — кивает она и отворачивается. В ее голосе — разочарование, и я меньше всего хочу его слышать. Словно я могу помочь и отказываюсь. Словно я предательница, и не

Эрик, а я самолично лишила ее мира. Я бы отдала, все отдала ей в тот миг.

Я и отдала. Не во сне — в реальности, но от этого не легче.

— Совсем измучила себя, пророчица, — говорит Влад, и я поворачиваюсь вправо. Туман вязкий, сковывает движения, и я едва могу разглядеть лицо в белесой его пелене. — На-ка, держи.

И протягивает руку. Я касаюсь, не подумав, инстинктивно. На уровне рефлексов — слушать его. Доверять. И во сне это не кажется больше таким ужасным.

И уже когда его пальцы переплетаются с моими, я понимаю, что он дает мне... Захлебываюсь, тону, а Лидия смеется под темнеющим небом, а в ее мутных глазах плескается торжество.

Меня тронули за плечо — осторожно, будто боясь потревожить. Я с трудом разлепила глаза. Лежу. Небо прямо перед глазами. Влажная трава холодит затылок. А рядом, на траве Влад. Улыбается хитро, перекинул через меня руку и сидит так близко, что даже дыхание перехватило.

Эти эмоции — последствия того сна, Полина, что же еще? Сейчас встанешь, пройдешься, и все пройдет. Все-все...

— Дожилась: спишь под открытым небом, — пошутил он, и я сглотнула.

Вопреки моим опасениям, Влад резко отстранился, поднялся на ноги и протянул руку. Оцепенение ушло вместе с ним. Ночь плевалась волшебством, белые звезды осыпали холодным светом, словно блестками. Они лежали на плечах у Влада и сверкали.

— Вставай, простудишься, — насмешливо сказал он, и я осторожно коснулась его ладони. Дежа вю. Слишком яркий, неправильный сон. Как и предположения, что бы он мог значить.

Сонливость как рукой сняло, и я поняла, что на самом деле озябла. Ночи в сентябре холодные и промозглые, хотя здесь, почти на краю света это поначалу и не заметно.

— Как успехи? — спросил Влад, пока я отряхивалась.

— Никак, — пожаловалась я. — Ничего у меня не получается, какой-то неправильный я сольвейг.

— Да брось. Не у всех получается сразу. К тому же, Гектор у тебя первый — сложно понять, где его кен, где твой. Нужна практика.

— Мы несколько часов практиковались безрезультатно. Не уверена, что у меня вообще получится. К тому же, сон этот странный...

— Сон?

— Лидия, — пояснила я. — Она часто мне снится, просит помочь. Говорит, что я могу ее вывести из тьмы, словно можно вернуть ясновидца к жизни...

— Сны тебе снятся не просто так. — Влад многозначительно посмотрел в небо, стараясь выразить безразличие. — Хотя ты права, помочь ей уже нельзя.

— Не уверена, что вообще должна ей помогать. Эрик справляется лучше...

Не знаю, зачем сказала это. Вырвалось. Обидой, жгучей, горькой, разъедающей душу. Отчаянием, сменившимся смирением. Тоской, приглушенной присутствием сольвейгов. Но я знала: как только вернусь домой, все это вернется тоже. И обида, и отчаяние, и тоска. А остаться здесь нельзя.

К тому же, меня много лет учили преданности, и сейчас, несмотря на размолвки с Эриком, я ощущала дикое желание ему помочь. Скади должны держаться вместе, иначе все это лишено смысла.

— Прекрати себя изводить, — твердо произнес Влад и снова на меня посмотрел. Одним из своих козырных взглядов, которые я никогда не выдерживала. Выдержала. Прищуриться, правда, пришлось. — Все ошибаются. Тебе повезло, что ты узнала Стеймода... таким.

— Таким?

— Спокойным, — спустя несколько секунд ответил Влад. Он будто подбирал слово, чтобы описать нынешнее состояние Эрика.

— Даша говорила, что в прошлом у него были проблемы с контролем. — Я отвела взгляд на траву. Она примялась в том месте, где я лежала. Отличный способ спрятаться в степи. И спрятать глаза.

— Проблемы — слабо сказано, — усмехнулся он. — Он был абсолютно непредсказуем. В одну секунду и улыбался, и убивал. Убивал, кстати, тоже улыбаясь. Одно время мы думали, он вообще помутился, а потом ничего — попустило.

— О... — сказала я и замолчала. Щеки полыхнули, жар поднялся к ушам, которые, наверное, безбожно покраснели. Хорошо, что ночь и волосы у меня длинные. Говорить с Владом об Эрике было жутко неудобно.

— А девицу эту я вспомнил, — как ни в чем не бывало, продолжил Влад. — Потом уже, когда мы домой приехали. Таскалась она за ним, глупая. Любовь, все дела. Нам лет по двадцать было, охотились вместе иногда. Ну вот она и прицепилась. Эрику-то что — он мужик, попользовался и выкинул. — Поймал мой возмущенный взгляд и плотоядно улыбнулся: — А ты думала, он ангел?

— Ничего я не думала, — зло ответила я. — А твое отношение к полигамии и женщинам в частности мне давно известно.

— Оно не только мое, Полина. Так устроен наш мир.

— Но не мой!

— Не твой, — кивнул. А потом, видимо, решил вернуться к теме, которую мы обсуждали: — В общем, надоела ему эта Лидия. А если провести аналогии, ясновидцы — потенциальные охотники. Охотников Стейнмод ненавидит, вот и...

— Выпил ее, — закончила я.

Слова были горькими на вкус. Правда иногда бывает такой — горькой, острой, и ее хочется запить. Вином, например, там наверняка еще осталось.

Не знаю, чего я ждала. Наверное, того, что у Эрика это вышло случайно, что он не сдержался, ведь Лидия скорее всего унаследовала способности отца. Хотелось выставить ее плохой, а его — хорошим. Не вышло. Уверена, Влад не врал. Да и зачем ему?

— Кто же знал, что папаша у нее не промах, — усмехнулся он.

— Конечно, раньше ведь проблем не возникало, — язвительно ответила я и пошла назад, к палаткам.

Влад нагнал меня у остатков костра. Юлий ушел, тишина опустилась на полянку, освещаемую лишь одиноким фонариком и тусклым светом тлеющий углей. Темнота прятала страхи и разочарования, но от себя-то не спрячешься.

— Что тебе снилось? — спросил Влад. — Вещий сны — важные знаки, и если там что-то было...

— Ничего там не было, — перебила я. — Только степь и Лидия. Ее просьбы спасти, словно у меня есть свет, и я могу ей дорогу осветить. Что-то типа того. А еще она смеялась, когда ты... — Я замолчала, но поздно. Снова сказала лишнего.

Влад отставать не собирался. Развернул меня к себе за плечи и тихо спросил:

— Я — что?

— Ничего.

— Готова пустить все коню под хвост из-за того, что ненавидишь меня?

Ирония в его голосе уверенности не придавала. Близость дурманила, словно тибетский воздух оживил проклятие, разрушенное смертью Тана. Было ли оно вообще?

— Я думала, это ты меня ненавидишь после посвящения в скади, — пробормотала я и отвела взгляд. Горячий воздух вдыхался в легкие и обжигал. И когда он успел нагреться, ведь снаружи так холодно, что кожа покрылась пупырышками. А еще дрожь по телу, предательская, которую не скроешь невозмутимым выражением лица.

— Я никогда тебя не ненавидел, Полина. Глупо было так думать.

— Моя фишечка — думать глупости.

— Вдруг тот сон поможет тебе избавиться от кена Гектора? Разве не для этого мы здесь?

— Не знаю, как один кен поможет избавиться от другого, — поморщилась я. — Ведь именно это ты делал во сне — делился со мной.

— В этом есть смысл — я ведь уже избавлялся от кена ясновидца.

— И чем мне это поможет? — нахмурилась. Взяла длинную палку и пошевелила угли в костре. Они тут же вспыхнули и выстрелили в воздух сотнями ярких искр.

— Понимаешь ли, жила помнит каждый всплеск кена. Каждое твое действие, видение или удар отпечатывается на ней навсегда. Поэтому у мужа и жены иногда бывают одинаковые умения, если изначально дар схож. Моя жила помнит, как я избавился от кена ясновидца и...

— Нет! — перебила я и отвернулась. Бросила палку, отошла в сторону. В груди клокотала злость — беспричинная, сильная. Взрывалась внутри и усиливала дрожь.

— Чего боишься? — Влад подошел ближе. Он не прикасался, но я могла ощущать его дыхание у себя на затылке. Подул несильный, но прохладный ветер, костер плескался искрами, и я, поежившись, обняла себя за плечи.

— Барт тоже избавлялся, — упрямо ответила я. Голос получился сиплым, словно простывшим. Слова чиркнули по горлу шершавыми боками.

— Барта не было в твоём сне.

— Неважно.

— Лишь бы не я? — Шепот перешел в разряд откровенного, темнота перестала быть безопасной и впустила его в мое укрытие — человека, впускать которого совершенно не хотелось. От которого остались лишь обугленные воспоминания и рваные шрамы — на теле и в душе.

— Что если так? — Усвоив истину, что лучшая защита — нападение, я обернулась и сложила руки на груди. — Твое общество приносит проблемы. Всегда.

— Видения не врут. — Он даже глазом не моргнул. И отступить, похоже, не торопился. Тридцать сантиметров — нарушение зоны комфорта. Беспокойство и страх, но отступить я была не намерена.

— Смотря как их трактовать. Помнится, Герда мне тоже снилась. Озеро. И глубина — черная, пугающая. Тогда я неправильно поняла и...

— Сколько можно?! — перебил Влад и схватил меня за плечи. Спокойствие улетучилось, меня окатило волной раздражения и злости. — Я пытался тебя спасти. Тебя! Потому что ты важна. Потому что ты должна жить!

— Мужчины, которым я доверяю, выбирают своеобразные способы меня спасти, — пожалала я плечами.

— Какие были, такие и использовал, — обиженно ответил он и выпустил меня. Отвернулся, и теперь я могла видеть только спину. По спине эмоции читать сложно. — Я не думал о последствиях. Должен был, но не думал. Думал лишь о том, что если ошибусь, ты умрешь. Тебя просто... не будет. А сейчас уже ничего не исправить. — Он снова повернулся ко мне, направив на меня пронзительный, словно лазер, взгляд. — Но можно исправить другое.

— Или испортить.

— Поставишь все на кон из-за личных разногласий? Гектор обычно поступает мудрее. Хочешь, чтобы я согласился, что поступил аморально? Окей, я поступил аморально. Я часто так поступаю.

— Не только со мной. Со всеми. Делаешь, как тебе удобно, не думая о чувствах других.

— Вот как? Чем же я еще тебя задел?

— Отпусти Лару.

Вырвалось. Я не думала о защитнице атли в тот момент. О Роберте, к слову, тоже, но где-то на подсознательном уровне, наверное, мысль о них не давала покоя. О двух людях, которым не повезло родиться в одном племени, и из-за этого они не могут быть счастливы. Мелочь, которая просто не позволит им построить семью.

А может, мне просто хотелось сменить тему. Разбирать прошлые, давно поросшие мхом ошибки не было ни желания, ни сил.

— Внезапно... — пробормотал Влад и отвел взгляд. — Не думал, что тебя так волнует судьба Ларисы.

— С Ларой мы никогда близки не были, — честно призналась я. — Но Роб — хороший человек, он помог мне. А я — скади, если ты забыл.

— Забудешь тут... — усмехнулся. Горько. С примесью неизвестной мне эмоции, вычленить которую я не смогла. — Неудачный год для атли, все красивые девушки сбегают.

— Ничего, новые придут, — пошутила я. — Будто я всю жизнь об этом мечтала: Лара и Юлиана...

— Да уж, расслабиться сложно, — беззлобно пошутил он в ответ. — Хорошо, Полина, я подумаю. Нужно делать шаги навстречу и идти на компромиссы, если хотим общаться нормально. Я готов, а ты?

Я вздохнула. Ночь обволакивала покоем и заражала сонливостью. Но уснуть все равно не выйдет, особенно теперь, когда я знаю, что могу избавиться от «подарка» Гектора. И если есть хоть один, хотя бы маленький шанс, что получится сделать это сегодня...

— Сколько нужно кена?

Влад пожал плечами, стараясь выглядеть безразличным. Не только у меня иногда не выходит...

— Сложно сказать.

— Плохо. Лучше бы знал.

Он насмешливо изогнул бровь и спросил:

— Да, но что ты теряешь?

Голову. Я могу потерять голову. Ориентиров больше нет. Никаких. Вообще. Куча вопросов и стая сомнений, кружащих над ней. Выгрести бы это все из души...

Для того, чтобы чего-то добиться, нужно в первую очередь перестать себе врать.

Сейчас. Здесь. Признаться себе, что плохая идея для душевного равновесия — позволить Владу делиться со мной кеном. Но в одном он прав — вещи сны даны мне не просто так.

Что я получу от этого обмена? Но главный вопрос — что потеряю?

В палатке было темно, холодно и пусто. Лишь спальный мешок на полу отсвечивал люминисцентными полосками. Не очень-то просторно, даже странно, что Влад ночевал здесь. Что он вообще жил с сольвейгами. Барт однажды впустил Дэна, но Дэн — другое, он изменился, а вот Влад... Не думаю, что такие меняются.

— Садись, — велел он и указал на спальник.

Гладкая плащовка холодила ладони. Пахло травой и печеной картошкой — даже сильнее, чем на улице. Там, снаружи, безопасно, а здесь, в замкнутом пространстве накатила паника. И я себе казалась незащищенной и маленькой. Настолько маленькой, что стало страшно.

Воспоминания. Они всегда приходят не вовремя. А ведь я думала, что давно забыла. И встречу у реки, и улыбку, и случайное прикосновение к запястью. Хотя оно наверняка не было случайным... У Влада все запланировано, выверено и для дела. Он не любит терять время зря.

Но сейчас то время «вне-атли» показалось таким настоящим, таким реальным, таким правильным. Тогда я еще не знала о том, насколько ценен мой кен, а драугр не хотел меня опустошить. Тогда я верила, что можно всю жизнь быть счастливой как в один миг — в миг, когда Влад смотрел на меня.

Он и сейчас смотрел, почти как тогда. Только счастья это не приносило. Впрочем, в семнадцать многие смотрят на мир сквозь розовые очки.

Влад молча присел рядом и скрестил ноги по-турецки. Разуться не удосужился. Спальник зашуршал, обозначая свое присутствие. В маленьком, отгороженном от внешнего, мирке каждый звук казался особенно громким. Дыхание вырывалось свистом.

— Холодно? — шепотом спросил Влад и, не дождавшись ответа, снял куртку и накинул мне на плечи.

Она пахла кожей. Костром. Его одеколоном. Чужие запахи окружили, сбивая с толку.

Я боялась. Нет, не так, как боятся смерти или чудищ из сна. Больше. Понимала, что та, кто выйдет из палатки после случившегося, возможно, уже не будет мной. Вернее, будет, но другой, и эти изменения пугали.

— Ты дрожишь... — Он коснулся моих рук. Сначала осторожно, словно боясь обжечься, а потом по-хозяйски, крепко, и принялся растирать. Руки казались ледяными по сравнению с его горячими ладонями. Постепенно тепло возвращалось, наполняло меня и расслабляло.

— Лето кончилось, — зачем-то сказал Влад, и я поймала его взгляд. Молчала. Слов не было, они испарились, развеялись с дымом костра, оставшегося снаружи. — Если будешь прятаться, ничего не выйдет.

— Я не... — Голос сорвался, охрип, и я прокашлялась. — Я не прячусь.

— Хорошо.

Он не предупреждал. Все случилось резко и неожиданно. И следующий выдох вырвался стоном. Я слишком расслабилась, чтобы закрыться, ванильный кен проник под кожу. Опьянил. Сбил с толку.

И подумать бы о том, что я обещала себе когда-то. Не впускать. Не забывать. Не доверять больше. Думать совершенно не получалось. Мысли спутались клубком пушистых ниток и рвались при попытке их распутать. Эмоции стали ярче. Страх растворился в

удовольствию, ладони горели от прикосновений, голова кружилась.

— Если ты будешь делать так, я не смогу тебе помочь, — шепнул Влад мне в ухо, и я вынырнула в реальность. Реальность тоже была туманной, пропитанной ванилью. Я поморгала и мотнула головой. Тут же поняла, что, как в пошлом любовном романе, кусаю губу.

Стало стыдно, уши полыхнули, а Влад улыбнулся.

— А ты думала, будет как? Со мной?

— Чего? — резко спросила я и расцепила ладони. Стыд множился сожалением — не стоило соглашаться.

— Ну, с Эриком было проще — он сразу тебя к себе привязал... так.

— Эрик мне жизнь спас, — возразила я. — Не нужно сравнивать.

— Что ж, возможно, сейчас своим кеном я спасаю его жизнь. Какая ирония судьбы, ведь тебе понравился... процесс.

— Прекрати!

— При обмене нельзя спрятаться, Полина.

— Я не прячусь. Я не... — выдохнула. Ночь плескалась темнотой и пачкала кожу, одежду, оставляя видимыми лишь силуэты. Дышать было трудно, внезапно стало жарко и захотелось наружу — на улицу, под небо с крупными звездами, а лучше войти уйти в горы и прятаться там в какой-нибудь пещере. Лишь бы не здесь... не так... не с Владом. Но я слишком долго убегала, чтобы позволить себе такую роскошь. А сейчас, после случившегося, врать себе не имело смысла. — Что ты хочешь услышать? Что у меня есть к тебе чувства? Они есть. Было бы странно, если бы не было, после всего... после всех лет, что мы прожили в одном доме. Но это ничего не меняет.

— Это меняет все! — выдохнул он яростно и взял меня за руку. От прикосновения последние капли самообладания таяли на глазах. — Для меня.

— Ты можешь надеяться на что угодно, я не могу запретить. Не знаю, что будет завтра, знаю одно: мы верим в то, во что хотим верить. Я верю, что нужно думать сейчас о том, как помочь Эрику. Понимаю, для тебя это неприятно и, возможно, больно, но иначе нельзя. Ты знаешь правила игры, ты играешь в нее столько лет. И сам учил, что нужно быть преданной племени. У меня оно есть. Я — скади, Влад. Этого не изменить. Эрик — мой вождь. Я устала от игр, и больше не буду играть в них. Ни с тобой, ни с кем-то еще.

— Боишься поверить, что я не играю... — Он склонился совсем близко, я могла почувствовать его дыхание на коже. — Почему ты даже не даешь мне шанса доказать?

— У тебя было множество шансов. Может, стоит дать шанс мне решить что-то самой?

Влад на удивление спорить не стал. Кивнул и серьезно сказал:

— Хорошо. Ты чувствуешь его здесь? — Положил руку мне на живот и добавил: — Мой кен?

Чувствую ли я его? Да он, вероятно, шутит! Я теперь его везде чувствую, не только в жиле. В венах. В крови. На коже. Он впитался и стал частью меня. Выгнать бы. Вытравить. Вернуться домой и обо всем забыть. Гектор не собирается меня убивать, Владу он обещал не причинять зла, так зачем все это?

Словно прочитав мои мысли, Влад сказал:

— Поможешь себе, научишься помогать другим. Это важный дар, Полина, так что постарайся почувствовать его.

Другим. Мирослав тоже в опасности. И если он все еще жив, я должна сделать все,

чтобы помочь.

Кивнула.

— Отлично. А теперь отпусти его, позволь ему вести тебя. Отдели кен Гектора. Он серый, без запаха и вкуса.

Серый. Клубится в жиле, распространился по организму ядом, врос невидимыми щупальцами в плоть, просочился в душу. Черт, я никогда его не выгоню!

— Справишься, — подбодрил Влад, и ухо приятно защипало от его дыхания. Он взял меня за руку и положил ладонь туда, где только что лежала его собственная — мне на живот. — Помнишь, как прогоняла нали? Сделай то же, только позволь своему кену вытянуть это из тебя. Просто тяни.

Тянула. Открыла ладони, подцепила серую массу и рванула...

Боль ослепила. Сначала резануло жилу, живот скрутило, а перед глазами поплыли багровые круги, и я закрыла их. Боль юркими змейками поползла вверх, к легким и сердцу, и вниз — к паху и ногам. Она просочилась в руки, начиная с плечей и вниз, к ладоням, сводя тело судорогой, лишая самообладания.

— Больно... — простонала я и попыталась отнять руку от живота. Влад не позволил — прижал еще сильнее, почти вдавил и приказал:

— Не смей! Продолжай.

Продолжала. Вернее, продолжало тело, разум ведь отключился. Боль стала частью меня, растворила в себе, и меня не стало. Совсем. От меня осталась ладонь и жила, выталкивающая кен ясновидца. Он цеплялся, словно паразит, и выходить не хотел. Шипел, плавился, переплавляя меня, заставляя кричать от боли.

Я кричала. Кусала губы до крови. Билась в конвульсиях, а Влад держал меня, обнимая за спину, и шептал что-то ласковое, ненавязчивое. Мне было все равно. Хотелось его прибить. Ударить, чтобы замолчал. Лишь бы прекратить это, прекратить боль...

Не знаю, сколько это длилось — несколько минут, часов или же вечность.

Сначала возвратились запахи. Дым костра. Musk. Ваниль. Потом звуки — прерывистое дыхание и шепот. Затем, постепенно, начиная от кончиков пальцев, мелкими покалываниями, вернулись ощущения собственного тела.

— Больно, — повторила я. — Ты не сказал, что будет так больно.

— Не сказал, — спокойно ответил Влад и поцеловал меня в висок.

— Ненавижу тебя!

— Разве ты не этого хотела — свободы? — иронично спросил он, и я выдохнула.

Свобода. Она всегда дается слишком тяжело. И за нее всегда приходится чем-то расплачиваться: раздирать тело на части или же принимать в жизнь одиночество. Одиночество больше не пугало. Стало все равно...

Свободна. Во мне больше нет отравы. Я вольна делать, что хочу. Но хочу ли я?

Хочу. Но вовсе не одиночества. Ваниль все еще плескалась в венах — Влад переборщил. Впрочем, он никогда не делает ничего просто так.

— Тебе было так же больно? — спросила я и повернулась к нему. Тут же об этом пожалела. Он слишком близко. Сидит серьезный и смотрит — не в глаза, на губы. И от взгляда этого тело снова цепенеет. Его кен все еще говорит во мне. Определенно он, что же еще?

— Не так же — у меня гораздо дольше не получалось, — ответил он тихо.

— О... — вырвалось у меня. Я попыталась отвернуться, но он не позволил. Сжал мой

подбородок и потерся носом о мой нос.

— Хочу свое «спасибо», — прошептал, едва касаясь губами моих губ. — Я же всегда поступаю аморально...

Целовался он все так же хорошо. Наверное, это как с ездой на велосипеде — нельзя разучиться. И волосы все такие же мягкие, разве что спутались немного.

Ощущения на грани эйфории и безумия. Шорох спального мешка. Твердая поверхность под спиной. Прохлада на плече, с которого сползла куртка. Стон — произвольный, который и хотелось бы сдержать, да не вышло. Тело после избавления от кена Гектора отказывалось подчиняться напрочь. Вернее, оно подчинялось, но не мне...

— Какое искушение прикоснуться к тебе сейчас, когда ты так хочешь этого, — шепнул Влад мне в самое ухо, рождая миллиарды мурашек. Они поползли от шеи к затылку и вниз — по позвоночнику. — Как остановиться, когда это — единственный момент, когда я смогу убедить тебя?

— Влад, я...

— Нет, молчи! — Указательный палец лег мне на губы. — Ты ведь отправишься спасать его, верно? Ты всегда всех спасаешь... Но сегодня, здесь никого спасать не нужно. Просто позволь себе наделать немного ошибок.

Если бы он не остановился, я бы их наделала. Много. Тех, о которых потом сожалела бы. Я даже понимала это и все равно обнимала. Закрывала глаза и наслаждалась теплом. Тем, о котором забыла. Законсервировала в памяти с пометкой «не вскрывать». Вскрыла. Вспорола консервную банку забытых эмоций и выпустила их на волю...

И да, я не остановилась бы на полпути. Я вообще забыла, что это такое — останавливаться. Если бы он не... если бы...

Влад разорвал поцелуй. Укутал меня курткой. Уткнулся лбом мне в лоб и закрыл глаза.

— Я никогда не перестану бороться, — шепнул. — Слышишь, никогда!

Поразмышлять над его словами не вышло — усталость взяла свое, и я уснула. Сквозь сон почувствовала, как меня бережно сунули внутрь спальника, затем снова обняли и застегнули молнию.

Снов не было. Не было тревожных, будоражащих видений и туманных намеков. Только темнота — теплая и уютная. И покой.

Проснулась я далеко за полдень. Выбралась из мешка, расстегнула палатку и вдохнула свежий, ароматный воздух неизведанного края. Туман рассеялся, и долина заиграла новыми красками, очаровывая. Ржавая трава от ветра шла волнами, льнула к земле и наползала на низкие холмы неподалеку. Прямо за ними, на горизонте бледными макушками горы цепляли облака. А в другой стороне с линией горизонта целовалось озеро. Зеркальная гладь воды изредка покрывалась рябью, словно морщилась от яркого солнца, застывшего в зените...

Жизнь в поселении кипела. Горели костры, готовилась еда, со всех сторон слышался гомон и смех. Уютно. Ну, если не учитывать вечные миграции.

Внезапно захотелось домой. Обнять Алана, вдохнуть молочный запах его макушки, выпить с Элей чаю на кухне. Выслушать жалобы Тома на Дашу. Сказать Роберту, что не все потерянно. Влад ведь обещал подумать...

Воспоминания о сегодняшней ночи вызвали стыд. И вроде как я свободна уже, никому ничего не должна, а все же... Понимала, что в том поступке было мало правильного. Ошибка. Влад полагает, я считаю все, что было между нами ошибкой. Или то, что может быть.

Но ведь ничего не может быть, верно?

Нет, не о том ты должна думать, Полина! Теперь, когда кен Гектора больше не угроза, нужно решить, что делать дальше. Глупо будет просто прийти к нему и заявить: «В тебе нет власти надо мной», как в отечественном фэнтези фильме. Пафосно и ничего мне не даст. Ничего не даст Лидии...

Ее мутные, несчастные глаза преследовали меня. Она просила помочь. Но чем? Черт, чем я могу помочь, когда сделанное — необратимо?!

Ответ пришел сам — холодный, логичный, с привкусом приговора. Отдать ей Эрика. Отказаться от надежд и оставить Гектору право управлять им. Снова соврать. От этих мыслей настроение тут же испортилось, и прекрасные пейзажи больше не радовали.

Ну, почему мы рождены такими? Монстрами, которые причиняют боль, забирая у ясновидцев самое ценное? Почему, чтобы жить, нам нужно отнять жизнь? Кто придумал такую справедливость? И главное — как я смогу с этим жить. Как смогу смотреть на соплеменников, когда видела Лидию во сне? А ведь каждый из них питается, пусть нечасто, но все же...

— Ты весьма своеобразно сбежала вчера от наших занятий. — Барт подошел так незаметно, что я подпрыгнула от неожиданности. Выглядел он замечательно — сразу видно, что выпался и уже позавтракал. — Бессонная ночь?

— Наполовину, — уклончиво ответила я. — Да и не сбежала я. Главное ведь — результат, верно?

— Верно, — кивнул. — И как чувствуешь себя теперь?

— Не сильно отличаюсь от «тогда», — поморщилась я.

— А вот и отличаешься, — загадочно возразил Барт и посмотрел куда-то в сторону. Я проследила за его взглядом и краем глаза заметила, как Алеша и Кшиштоф — один из провидцев сольвейгов — завели в палатку незнакомого щуплого парня. — Не желаешь ли немного позаниматься перед завтраком?

— Позаниматься? Чем?

— Увидишь.

Барт взял меня за руку и увлек к той самой палатке.

Внутри было светло. Под куполом качалась задетая чьей-то головой лампочка на длинном проводе. На кушетке сидел тот самый щуплый и затравленно смотрел на нас с Бартом. Леша и Кшиш держали его с двух сторон за плечи, словно несчастный мог вырваться и крушить все вокруг.

Крушить он вряд ли собирался, а вот убежать мог. В его глазах, похожих на глаза испуганной лани, читалась паника.

— Ясновидец, — шепнул мне на ухо Барт. — Его выпили вчера.

Ну вот, снова. Зачем мы здесь? Чтобы я посмотрела на него и уверилась: хищные — чудовища? Люди, которых я люблю, которым доверяю. Глеб. Ира. Влад. Эрик...

Алан.

Нет-нет, нельзя! Нельзя так думать о сыне!

— Зачем?.. — шепотом спросила я, невольно отступая назад, ближе к спасительному выходу, ближе к миру, к которому я привыкла. Но Барт лишь ухмыльнулся и подтолкнул меня вперед. Туда, где сидел человек без разума.

Он боится. Почему он боится? Ведь ему уже нечего терять.

— Присядь, — велел мне Барт и указал на место у ног ясновидца. Леша свободной

рукой заботливо поставил для меня раскладной стульчик и робко улыбнулся. Я послушно опустилась на стул, на плечо мне легла тяжелая рука вождя сольвейгов.

— Хищные пьют их, и ясновидцы сходят с ума, — продолжил Барт. — Теряются между прошлым и будущим, не могут отличить видений от кошмаров, путаются в собственном разуме. Почему?

— Потому что им нужен кен, чтобы читать будущее, — тоном примерной ученицы ответила я. Ясновидец несколько раз конвульсивно дернулся и затих в руках держащих его сольвейгов.

— Правильно. Но что если вернуть им кен?

— Вернуть? Но ты говорил...

— Забудь все, что я говорил! — перебил он. — Я глуп. Мы все глупы, но мы можем научиться.

— Научиться чему? — заморожено спросила я, наблюдая, как Кшиштов сильнее сжимает плечи юноши, а Алексей приподнимает ему свитер. Живот ясновидца был белым, покрытым редкими волосами и с лиловым шрамом справа. Наверное, недавно аппендикс вырезали. И не только аппендикс.

Барт взял мою руку и бесцеремонно прислонил ладонь к его животу. Ясновидец застонал и снова дернулся, но мужчины крепко держали, и он уставился на меня безумными глазами.

— Не смейте, я принц! — выкрикнул истерично, и от неожиданности я отпрянула.

— Не бойся, Полина, — ласково успокоил Барт, возвращая мою руку на место. — Он не кусается.

— Ты поплатишься! — зло выдохнул юноша прямо мне в лицо. — Он видит тебя. Он плетет паутину, и скоро ты в нее попадешь. Он знает тебя, знает, где ты...

— Уже нет, — прошептала я, понимая, что плачу. Горячие слезы текли по щекам и капали на куртку.

— Чувствуешь его жилу? — тихо спросил Барт.

Я кивнула. Чувствую. Пуста. Сухая, как земля в зной. Потрескалась и болит. Постоянно болит от вечного голода, который не утолить.

— Пуста, — прошептала я, глотая слезы.

Барт присел на корточки рядом со мной и уверенно сказал:

— Так наполни!

— То есть как — наполнить? — опешила я и забрала руку. Ясновидец облегченно выдохнул и уставился на Барта ненавидящим взглядом. Тот не смутился.

— Очень просто. Дай ему свой кен, Полина.

— Разве такое возможно? Разве я... могу?

— Попробуй и увидишь.

Попробовать-то можно, только что это даст? Впрочем, Барт бы не стал просто так предлагать...

Ладонь вернулась на место. На юношу я не смотрела, не выдержала бы страха и отвращения в глазах. Закрыла глаза. Сосредоточилась. Есть только я и кен, а еще пустой сосуд, который нужно наполнить. Просто наполнить, чтобы пустым не был. Жила взволновалась, пахло ванилью — все же кен Влада еще влиял на меня. И все случившееся ночью — результат этого влияния. Мне не стоит переживать, совсем не...

Ладони открылись, и кен потек наружу. Туда, где истрескавшаяся, голодная жила уже

ждала. Она поглощала его жадно, шипя и требуя еще. Я буквально чувствовала ее перекошенный от неожиданного удовольствия рот. Конечно же, у жил не бывает рта, но если бы был, то выглядел бы так, как я его себе представила — сумасшедший оскал голодного животного, которому дали пищу. И вот оно хватает еду без разбора, чавкает и глотает, не пережевывая.

Правда, кен жевать не надо...

Голова закружилась, во рту пересохло, и Барт осторожно отнял мою ладонь от живота ясновидца. Я открыла глаза и встретила с глазами юноши...

Молчит. Смотрит на меня недоуменно, настороженно. И вроде как нужно бояться меня, но не боится. Я в нем. Буквально чувствую, как больная жила оживает, как затягиваются раны и разглаживаются рубцы. Как свет поднимается вверх — к груди, а от нее к подбородку и окутывает голову сиянием.

— Ты... кто? — шепчет он, и я улыбаюсь. Слезы все так же текут, теперь уже больше, что я едва различаю черты его лица. Все как в тумане, и мне... хорошо.

— Полина, пророчица скади, — говорю, но он не верит. Качает головой и обращается к Барту:

— Так не бывает.

— Все когда-нибудь бывает впервые, — улыбается он, и счастье наполняет меня так же, как только что наполнилась жила ясновидца.

Я столько лет страдала от осознания собственной сущности, а теперь поняла, что на самом деле означает быть сольвейгом.

— Иди, — покровительственно велел Барт ясновидцу. — Иди с миром. Дэн проводит тебя домой.

Юноша прищурился, подался вперед. Леша с Кшиштофом больше не удерживали, и он оказался лицом к лицу с Бартом.

— Ты ведь знаешь, верно? Знаешь, что с тобой будет?

Барт кивнул, но ничего не ответил.

— Но... зачем?!

— У каждого свой путь, — спокойно произнес вождь сольвейгов и поднялся. — Это — мой.

— А ты... — Ясновидец перевел взгляд на меня и улыбнулся. — Тебе раскрасят руку. Совсем скоро.

— Необязательно, — буркнул Барт и поднял меня тоже.

Мы вышли из палатки. Свет ослепил. Солнце сверкало, разливая по небу тепло. Оно стекало оттуда, падало нам на плечи и впитывалось в кожу. Тепло. Счастье. И хочется улыбаться, но я все еще плачу.

— Понимаешь теперь, кто ты? — ласково спросил Барт, вытирая слезы с моих щек.

— Но как... и почему сейчас? Разве раньше ты не... То есть я хочу сказать...

— Сольвейги одиночки, — перебил он. — Мы всегда находим детей, когда они только появляются на свет, и забираем их. Родители не против, потому что сольвейгу опасно во внешнем мире.

— Меня не нашли.

— Не нашли, — кивнул. — Позже уже, когда ты в беду попала, я тебя увидел... И Люсия. Она тоже жила во внешнем мире некоторое время.

— Как это связано с ясновидцами? С тем, что мы можем... что умеем... лечить их?

— Ты рождена в своем племени не зря, — улыбнулся Барт и подставил лицо небу. Солнечные лучи путались в его темной бороде, и она отсвечивала рыжими бликами. — Кровь не обманешь, как и жилу. Часть тебя всегда будет атли, Полина, в какое бы племя ты не вошла. Те сольвейги, которые живут здесь, у них тоже есть племена. У меня есть. Я нашел его недавно, тогда и понял, на что способен сольвейг, если придет к истокам. И то, что случилось этой ночью — именно этой ночью, ни ранее, ни позднее — именно это открыло твой дар. И будет открывать каждый раз, когда Влад будет давать тебе кен.

— То есть все потому, что мы... — Я не договорила. Зажала рот рукой и всмотрелась в довольное лицо вождя сольвейгов. Искала признаки лжи или лукавства. Не нашла.

— Я отыскал своего вождя совсем недавно, — совершенно серьезно сказал он. — Совсем еще мальчишка, ему семнадцать, но толковый. И сильный. Я делился с ним кеном, он — со мной. А потом мне приснился сон, что я могу вернуть ясновидцу сущность. Я попробовал — получилось. Тогда я понял, почему, и отправил Люсию в Канаду.

— То есть каждый из нас может, если найдет свое племя?

— Каждый. Но дело в том, что некоторых племен давно уже нет. Охотники буйствовали в войну... А некоторые сольвейги отреклись, чтобы уйти, и путь домой им закрыт.

— Поэтому ты общаешься с Владом? Потому что если я буду с ним... если мы...

— Не только поэтому. Наш мир меняется, Полина. Боюсь, скоро случится нечто страшней любой войны. Сольвейги уже не смогут прятаться, как раньше. Нужно держаться ближе друг к другу, ближе к истокам, иначе не выживем. Я хочу знать, что ты в безопасности, а Влад сможет защитить тебя.

— Я скади, — нахмурилась я. — Влад больше не обязан этого делать, у меня другой вождь — Эрик.

— Я вижу тьму рядом с ним. Она в нем самом, и это плохо. Если не удержит, не справится с собой, станет опасным противником. В первую очередь для тебя.

— Нет. — Помотала головой. — Эрик не причинит мне вреда. То, что он с Лидией... это ради меня — чтобы я жила. Он сильный, даже Герда с ним не справилась.

Барт покачал головой и склонился ко мне. От движения этого, в котором было все — и недоверие, и страх, и предчувствие беды — затылок обдало холодом. Даже солнце, обливающее нас теплом, тепла уже не давало. Только свет — холодный, пронизывающий. Я вздрогнула.

— Уверена, что это благо?

Я тряхнула головой, стараясь избавиться от навязчивых мыслей, рожденных словами Барта. Эрик сильный. Настолько, что если разозлится, то я не смогу... не выстою, когда он направит эту силу против меня.

Но ведь он не станет. Зачем? Я — скади, а скади он бережет...

— Ясновидец сказал, мне разукрасят руку, — выдала я первое, что пришло на ум. Хотелось сменить тему, уйти от неприятных вопросов, чтобы не рождать новые сомнения. Сомнения мне сейчас ни к чему. — Что это значит?

— Не знаю. Знаю лишь, что это опасно для тебя.

— А ты? Что он говорил тебе?

— Мои испытания не должны волновать тебя, Полина, — по-доброму улыбнулся он и обнял меня за плечи. Тепло вернулось, как и ощущение умиротворения после случившегося. — Особенно до завтрака.

Я так и не смогла нормально поесть. Нет, меня ничего не угнетало, просто перед

глазами все еще стоял тот самый ясновидец. И взгляд его, сначала замутненный безумием, а затем чистый, светлый, вьелся в душу, рождая новые мысли, от которых внутри плодилось смятение.

И сразу вспомнился сон. Лидия. Ее рассеянная улыбка и смех, когда Влад делился со мной. Она видела будущее. Знала. Говорила со мной во снах, потому что иначе поговорить не могла.

До вечера я просидела одна, на большом камне, впитавшем тепло солнечного света, и думала о своем.

Долго смотрела на закат, растекающийся по небу красным заревом, окрасивший белые кончики гор. Озеро блестело розовой рябью вдалеке, напоминая о моей личной хельзе, где я впервые увидела Барта.

Сольвейги готовились ко сну. Мыли котелки, гремели ложками, смеялись и подпевали песням, льющимся из проигрывателя. Люсия танцевала. Ее волосы горели в закатном солнце, превратившись в огненную гриву.

А я размышляла о том, что новый дар принесет мне. Все мы — хищные, ясновидцы, охотники, Первозданные и даже драугры — всего лишь энергетические сгустки, окрашенные в разные цвета. В конце концов, все мы просто люди, не стоит забывать об этом.

И я точно знала, что сделаю завтра, когда мы вернемся. Хорошо здесь, среди сольвейгов, где не нужно задумываться о плохом и где можно просто жить. Но мое место там, в трудном, тяжелом мире, полном подножек и шипов. Там мой сын, семья, которую я полюбила. Люди, нуждающиеся во мне. Барт был прав, когда говорил, что мое место там. А здесь... Здесь я могу отдохнуть, набраться сил, ведь сольвейги быстрее восстанавливаются среди своих.

— Ведешь себя, как отшельница. — Влад присел рядом, на медленно остывающий валун и посмотрел вперед — туда, где солнце уже почти скрылось за горами гор, а остатки его стекали за горизонт лиловыми разводами.

— Думаю, — ответила я. — Нужно решить, что делать дальше.

— А разве это не очевидно? Возвращайся, живи своей жизнью. Гектор больше не навредит.

— Он не враг, — возразила я. — Просто... отчаялся.

— Какая разница, что толкает на убийство — ненависть или отчаяние? Какая разница для жертвы?

— Я не жертва. Больше нет.

— Не за что благодарить, — улыбнулся он и прищурился, как довольный кот на солнышке. — Рад был помочь.

— А еще поможешь?

Кажется, я заинтересовала его, потому как он перестал пялиться на горы и повернулся ко мне.

— Я сегодня спасла человека. По-настоящему спасла, вернула его. Барт не говорил?

Влад покачал головой. Не знает или скрывает, что знает? Впрочем, какая разница?

— Я сделала это благодаря тому, что мы менялись вчера. Вернее, что ты... — Вздохнула. Внезапно стало тяжело с ним говорить, ведь я собиралась попросить о том, о чем никогда не думала, что попрошу.

— Ну, спасти тебе не привыкать, — многозначительно усмехнулся он и добавил: — Хочешь спасти еще одного?

— Хочу, — кивнула.

— Тогда отрекись и стань снова атли, — бессовестно пошутил он.

— Очень смешно, — пробормотала, но улыбки сдержать не смогла. — Мне нужен твой кен. Ну, чтобы спасти еще одного. Не тебя! — добавила, видя, как приподнялась в удивлении его бровь.

— Ммм, я знал, что тебе понравилось, но чтобы настолько...

— Перестань! Я серьезно. Мне нужен твой кен, чтобы вернуть Лидию.

— Вернуть?

— Наполнить ее, чтобы она нормальной стала. Именно об этом она просила во сне. Это то, что я могу. Ну когда... твой кен во мне.

— Новый дар, — понял Влад и снова отвернулся. Энтузиазма при этом у него поубавилось и довольным он не выглядел. Странно, мне казалось, как только я скажу, в его голове тут же сложится четкий план, как меня можно использовать. Например, восстанавливать ясновидцев для дальнейшего... Нет, не хочу об этом думать!

— Ты pomoжешь? — осторожно спросила я, стараясь прервать его мыслительную цепочку.

— Нельзя, чтобы об этом даре знали. Не там, где охотники торгуют кеном. И не Гектор, потому что он может использовать это для помощи своим. Использовать тебя.

— Я не позволю себя использовать, — твердо сказала я. И добавила уже тише: — Эрик не позволит.

— Вот как? И где он сейчас — твой Эрик?

— Прошу, не начинай, — поморщилась я и соскользнула с камня в прохладную траву.

— Я о том, что тебя не будут охранять круглые сутки, Поля. А с твоей способностью находить проблемы на свою пятую точку...

— Просто помоги, — перебила я. — Сам говорил, сны мне просто так не снятся. Ты же тот вождь, у которого была пророчица. К тому же... ты ведь хотел, чтобы я ошибок своих наделала! Вот — делаю.

Влад вздохнул, около минуты раздумывал, а затем кивнул.

— Хорошо.

И взял меня за руку.

Солнце окончательно село, и небо окрасилось ночью. Дневные звуки стихли, остался лишь стрекот цикад и звезды. Тишина. Мы. И незащищенность, которую я чувствовала всякий раз, когда открывалась Владу.

Но в этот раз можно и потерпеть. В этот раз все это для благого дела.

Глава 7. Возвращение

— Я так соскучилась! — прошептала я, утыкаясь носом в пахнущую молоком и лавандой макушку. Закусила губу, чтобы не расплакаться. Все вокруг родное. Близкое. Запахи, звуки, вид из окна... Голубые рюши на колыбельке. Аккуратно заправленная постель и парчовые подушки сверху возвышаются холмами. Только я другая. Измененная, и от изменений этих хочется выть.

— Где ты была? — строго спросила Тамара, усаживаясь на стул у окна и заглядывая в глаза — словно в душу смотрела.

— Далеко. Нужно было кое-что... решить.

— Это решение связано с Эриком?

Имя резануло слух. Странно, ведь я и сама его произносила совсем недавно, много думала о нем, сидя у костра сольвейгов. Люсия танцевала, и юбки ее взмывались вверх, словно языки пламени. Но мысли мои были не с ними — не с людьми из моей общности. Мыслями я была в Липецке, в том самом доме, где мучилась та, которую я призвана спасти.

От противоречивых чувств к незнакомой женщине кружилась голова. Я жалела ее. Сочувствовала. И ненавидела. Потому что именно там, вдали от дома поняла, насколько мне плохо оттого, что Эрика рядом нет.

И вроде все, как всегда. Вот я — две руки, две ноги, голова и даже сердце бьется, только кажется, будто из груди его все же вынули, а стучит не оно, а его призрак, который скоро рассеется во мгле и не останется ничего. И меня не останется.

— Не совсем, — уклончиво ответила я. Вспомнился момент у валуна. Ванильный кен, которому сложно сопротивляться. Мне тоже пришлось отдать — ровно столько, чтобы ради спасения Лидии не нужно было жертвовать другим ясновидцем. Мне-то что — сольвейги все равно рано или поздно восстанавливаются сами. Только вот... кажется мне, стало только хуже. И поцелуй тот — неожиданный — жег губы, заставлял щеки гореть, а мысли путаться. Рождал ненужные, неправильные мысли об ошибках.

— Что будешь делать теперь? — Тома не отставала, засыпая меня новыми вопросами, на которые у меня не было вопросов и на которые совершенно не хотелось отвечать. — С Эриком?

— Замариную и отнесу в кладовку, — ядовито пошутила я и усадила Алана в манеж. — Сама подумай, ну что я могу сделать? У него своя жизнь, у меня — своя. Мы не венчались, чтобы контролировать друг друга. Я — скади и Алан — мой сын. Это все, что сейчас связывает меня с Эриком.

— Не думала, что ты так легко сдаешься! — выдохнула она обиженно и отвернулась. — Считаешь, я не поняла, что происходит?

— Эрик сделал свой выбор. Сам. Ты его знаешь — он редко просит совета.

— У него до этого не было таких женщин.

— Таких?

— Любимых, — едко ответила она и снова повернулась. — Вижу же, что мучаетесь оба! И упрямые настолько, что...

— Дело не в упрямстве, — перебила я. — С любимыми так не поступают. Есть такая вещь, как доверие. Эрик мое предал. Не уверена, что хочу за него бороться. Не уверена, что

вообще хочу думать об этом даже. Других проблем полно.

— Эрик любит тебя, Полина. Он мало кого так любит. Когда-то он любил одного человека, и после ее смерти... — Она замолчала и опустила глаза.

Мне показалось, она пожалела о том, что сказала. Бывает, слова сами вырываются и голоса разума не слышат. Но историю Эрика я уже слышала и не раз. От Даши, которая пыталась убедить меня в том, что он неадекватен. Затем от Влада. И от Барта — туманные предположения и страхи. Только вот веры им нет, а Эрика я знаю. Пусть он предатель, пусть я зла на него настолько, что внутри все сжимается и горит от этой злости. Пусть меня съедает ревность оттого, что он там... с Лидией... в той комнате с мольбертом... Но я знаю его, и он никогда не станет тем монстром, которым его описывали. Не со мной.

— Я не собираюсь умирать, Тома, — сказала ласково и взяла воительницу за руку. — За годы после посвящения я научилась выживать. Я не умру, как Божена.

Не умру. Я не могла обещать этого, но уж то, что бороться буду до последнего — это точно.

С Глебом мы встретились на нейтральной территории — в том самом липецком парке, где я впервые поняла, что не смогу питаться. Беседки, увитые диким виноградом, манили уютным полумраком. Лавочку, которую царапал выпитый ясновидец, покрасили ярко-синей краской. На полу дети рассыпали песок, он кучковался в углах и расступился в середине, будто пуская в некий тайный круг, защищающий от злых духов.

Глеб сидел на лавочке, понурившись, и курил. За те дни, что я его не видела, он похудел и осунулс-я, а глаза потеряли былой блеск. Интересно, я сейчас выгляжу так же?

— Ты говорил с ней? — спросила я тихо, боясь потревожить рассеявшуюся в воздухе тоску. — С Никой?

— О чем? — бесстрастно поинтересовался он. — Поступки говорят за нее сами. Красноречиво.

— Это так, но ты сам недавно уверял меня в том, как тяжело ясновидцу без клана. Как трудно пришлось Нике, когда она...

— Хватит! — оборвал он меня и встал. Прошелся до выхода и обратно. — Я делился с ней всем. Рассказывал. О вас с Эриком в том числе. Она спрашивала, а я... Думал, могу доверять. Идиот!

— Глеб...

— Ты понимаешь, что я в какой-то мере тоже виноват?

— Ты не виноват, — решительно возразила я. — Гектор давно это спланировал. Он даже Влада околдовал, чтобы меня контролировать. Или, думаешь, кроме Ники, у него не было шпионов?

— Плевать мне на его шпионов! Она лгала. Мне лгала, Полевая. Да ты и сама понимаешь, не так ли? Эрик тоже врал. Не умеем мы выбирать себе спутников жизни, блин. — Он помолчал несколько секунд, а затем спросил: — Почему он не сказал? Почему именно так... грубо?

Я пожала плечами.

— Мужчины, которых я выбираю, не умеют по-другому выражать заботу. — Они почему-то думают, что я — ваза из фарфора, и правда меня разобьет.

— Ты не ваза, — воинственно кивнул Глеб. — Ты, скорее, кувалда, готовая по этой вазе треснуть.

— Не хочу я никого трескать. Хочу довести это до конца. Просто... помочь Лидии.

— Новый дар не принесет тебе счастья, — поморщившись, повторил он слова Влада.

— Новый дар спасет человека, — возразила я. — А может, и двух. Кстати, ты не знаешь, где сейчас Теплов? Влад звонил ему с утра, но у него телефон выключен. И альва не в курсе, где он. Алекс у руля сейчас, они готовятся к переезду в Тверь.

— Понятия не имею. — Глеб пожал плечами. — Давно его не видел. Ты не думала о том, что Гектор уже мог...

— И не хочу думать. Не хочу предполагать, что кто-то из моих друзей погиб. Пока могу, буду пытаться его выручить.

— А Эрика выручишь? — Любопытный взгляд, серьезное выражение лица. Правда, хочет знать. А я что... Я об Эрике вообще не думаю сейчас, разве что самую малость. Разве что иногда ловлю себя на мысли, что представляю, как он все еще обнимает меня, а нелепый обман между нами не стоит. Ничего не было — все лишь приснилось мне. Нет ни Лидии, ни Гектора, ни разрушительных слов, которые Эрик бросил мне в лицо в гостинной ясновидца.

Есть только мы и солнце. Оно появляется на востоке — неизменно по утрам, и я лениво смотрю, как оно ползет вверх от горизонта. Окно заливают светом комнату, а пальцы Эрика пугаются у меня в волосах.

— Выручу, — шепнула я, глотая колющий ком. — Он мой вождь.

— А Влад тебе кто?

Глеб меня не щадил никогда. Правда бывает немного неприятной, особенно когда хочешь ее скрыть. Влад был той самой правдой, которую не хочешь открывать миру. Воспоминанием, за которое стыдно. И вроде ничего такого не произошло, а все равно стыдно. И отвечать совершенно не хочется.

Только вот Глеб ждет. В глаза заглядывает. И я все равно расскажу. Я могу врать себе, а вот Измайлову так и не научилась.

— Он... все сложно. Там, у сольвейгов, мы менялись кеном, а ты знаешь, как это... сближает.

— Только менялись? Потому что он так ведет себя, будто вы... ну, ты поняла.

— Ничего не было. Почти ничего. А вообще, знаешь, мне сейчас не до любовных переживаний.

— Просто я думаю о том, как бы обида на Эрика не толкнула тебя совершить ошибку.

— Мы каждый день их совершаем. Даже пророки, знающие будущее, потому что никто из нас не может утверждать с уверенностью, что именно то будущее правильное. У меня есть дар — возвращать ясновидцам разум. Это ответственность, в первую очередь. Хищные не научились восстанавливаться, не питаюсь, а мне для того, чтобы дар сработал, нужен кен Влада. — Я тяжело вздохнула и сложила руки на коленях. — Сначала мне хотелось спасти всех. Думала, в этом смысл моей жизни. Но потом поняла, что всех не спасешь. Каждый день с мире сходят с ума ясновидцы. Это наша суть — суть хищных. Мы не выживем без этого.

— Ты вполне выживешь, — поправил меня Глеб. — Ты ведь сольвейг.

— Неважно. Я скади. И пока живу со скади, буду принимать их такими, какие они есть.

— Если ты не хочешь спасти всех, зачем помогать дочери Гектора?

Я улыбнулась. Солнце пробивалось через спутанные лозы, оставляло пятна на листьях, а лучи его плясали на усыпанном песком полу. Солнце впитывалось в кожу, порождая воспоминания о минувшем лете. Счастливом лете, в которое возврата нет.

— Потому что она попросила, — улыбнулась я.

— Или потому, что Эрик сможет вернуться к тебе?

— Нет, не поэтому. Эрик сам виноват, это именно он выпил Лидию. И помочь ей я хочу вовсе не из-за него.

— То есть все так и закончится? Ты и Эрик?

Я пожала плечами.

— Устала бороться. Устала в принципе. Иногда нужно остановиться и принять настоящее таким, какое оно есть.

— Настоящее — это обжималки с Владом? Как по мне, это шаг назад, Полевая. Особенно если учесть, что ни ты, ни он принципов своих не меняли. Влад изменился конечно, но не настолько, чтобы поступиться всем. Пока он тебя хочет, постарается выглядеть няшкой, но когда получит, ты вернешься к тому, с чего начинала. Да и Иру еще никто не отменял. Когда Владу надоест играть в благородство, он ее вернет. Она его жена, от этого никуда не деться.

— Я помню об Ире, Глеб. И Влада знаю достаточно хорошо, чтобы не вестись на его уловки. Но он помог мне, я не могу этого отрицать. Да и собачиться больше не хочется — надоело. Мы взрослые люди, живем в одном городе, он тесно общается с Дашей и бывает у скади. Мне что, делать вид, что его не существует, из-за какого-то там прошлого? Суть в том, Измайлов, что прошлого нет. Как и будущего. Есть только настоящее, и его я в силах изменить. Эрик — вождь скади, а я скади. И поэтому я помогу Лидии.

Думала ли я о том, что будет, когда все закончится? Думала. И представляла. Дом, каменный фундамент которого порос мхом. Сад, сбрасывающий листья с деревьев, которые в предчувствии надвигающейся зимы цеплялись друг за друга ветвями, жались друг к другу, обдуваемые порывами холодного сентябрьского ветра. Кровавые закаты, проступающие через эти ветви напоминанием, что ничего уже не будет как прежде... Что-то внутри меня изменилось, сдвинулось с места, треснуло и пролилось горечью нового разочарования. Это я переносила проще. Наверное, все те, прошлые, были не напрасно...

И Глеб слукавил — прошлое настигало меня не только в атли. Не только с Владом. С Эриком все получилось так же: я, мой вождь и предательство. Карма, наверное. Рок. Фатум. Только дело в том, что я не верю в фатум.

Знаю, что все можно изменить.

Даже себя.

Перед решительным шагом всегда хорошо сделать передышку. Побывать в месте, где тебе комфортно и легко. Где не нужно думать об опасностях и неприятных моментах. Для меня таким местом была комната Алана. Разбросанные по полу игрушки. Запах детской присыпки. Огромный плюшевый ягуар на полу. Погремушка, выскальзывающая из детских ручонков. Тихое кряхтение, когда ручонки эти тянулись, чтобы ее поднять.

Я могла бы сидеть так часами. Только рядом с сыном покой возвращался, и все становилось на свои места. И я была на своем месте, словно выросла в этот дом, а он поглотил меня, растворяя в себе. Куча энергетик, переплетенных между собой. И уже не различить, где кто. Целое. Единое. Семья. А я будто всю жизнь здесь жила. Словно родилась здесь.

Только я не родилась. И мой новый дар не даст об этом забыть.

Андрею я позвонила еще утром и договорилась о встрече. Время поджимало и пора было вызывать такси, а я все никак не могла подняться.

Перед решительным шагом слишком расслабляться вредно...

Я не сразу заметила, как он вошел. Так и сидела, уткнувшись взглядом в никуда и думала. Наслаждалась покоем. Мнимым, потому что он вошел.

Серебряный амулет тут же полыхнул и обжег, заставив вздрогнуть. Второй раз я вздрогнула от льдистого взгляда.

Он тоже не ожидал меня тут увидеть — на миг отпрянул и моргнул, словно пытаюсь сбросить наваждение. Конечно же, ему было бы проще, если бы мы вот так не встретились — случайно, в доме, где множество комнат и где всегда точно знаешь, кто и когда приходит в каждую из них.

Эрик меня не ждал. Удивился и, пытаясь это удивление скрыть, буднично произнес: — Тамара сказала, ты уехала.

Сердце пропустило удар, в сознании сложился в общую картину разлетевшийся на мелкие осколки образ. Небрежная поза, прямая спина, широкие плечи. Он всегда был таким большим? Волосы, собранные в хвост, из которого выбилась непослушная прядь. Глаза — ясные, почти прозрачные — смотрят в упор. И не выдохнуть от этого взгляда — воздух обжигающей лавой опалил легкие. Комната качнулась, расплылась, а потом очертания вновь обрели резкость.

— Вернулась, — хриплым стоном вырвался ответ.

Алан упрямо захныкал в попытке удержать игрушку, и я повернулась к нему. Смотреть на сына было легче, чем на Эрика. Это давало иллюзию стабильности, некое умиротворение, опору, которой так не хватало.

Эрик шагнул внутрь, хлопнула дверь, и я ощутила себя мышью в мышеловке, загнанной в угол зверушкой. Странно, ведь мы не враги. Не друзья.

Кто мы?

— Я уже уйду, — сказала я зачем-то и встала. Комната снова качнулась, колени дрогнули, воздух сгустился, стал темным и вязким, как кисель, и решительно не желал выдыхаться.

— Тебе необязательно уходить, — глухо ответил Эрик. — Я ненадолго. Дела.

Дела. Работа? Или... Лидия ждет? Лучше бы первое, потому как не знаю, как выдержу еще одну встречу в доме Гектора. А ведь в голове все казалось таким простым. Вот я прихожу, выманиваю ясновидицу из убежища, касаюсь ее жилы. По сторонам не смотрю, голову держу прямо. Уверена в себе, ни от кого не завишу. А через минуту Лидия здорова и можно уходить, громко хлопнув дверью. Нет, для начала нужно кое-что сказать Гектору — еще одна причина, по которой я должна пойти туда, в его дом, вылечить ее.

Но именно сейчас в груди жжет ненависть — к ясновидцу, к женщине этой, отнявшей у меня Эрика, к самому Эрику. И кричать хочется, громко, чтобы стекла треснули, чтобы он почувствовал, наконец, что мне больно. Чтобы ему тоже было... и воздух чтобы закончился не только для меня.

— Мне все равно нужно уже... Не только у тебя дела.

Я шагнула к Алану, подняла, чем вызвала недовольное кряхтение. Поцеловала в щеку, теплую, пахнущую молоком. Уходить не хотелось, оставаться — тем более. Эрик с места не двигался, смотрел внимательно и молчал. Впрочем, о чем тут говорить?

Я усадила сына в манеж и решительно шагнула к выходу.

Он стоял у самой двери, прошлось пройти мимо. Затылок опалило жаром, ладони наоборот, словно в холодную воду сунули. Я уже почти спаслась позорным бегством, дверь маячила перед носом долгожданным выходом в коридор, где темные бра и белые стены. Где потолки с лепниной и до лестницы рукой подать. А оттуда через гостиную на улицу, где ветер и тучи гнездятся на небе, собираются в стаи, нависают тяжелыми, полными влаги

животами над притаившейся землей.

Дверь совсем рядом, осталось сделать шаг и потянуть за ручку...

Путь мне преградила широкая фигура, и я буквально уткнулась носом в грудь Эрику. Знакомые запахи окружили и заманили в западню. Меня ихватило лишь на то, чтобы попятиться и поднять на него глаза. Устал. Вблизи это особо было заметно. Тусклый цвет лица, под глазами мешки. И в глазах этих тоска и сожаление — такое не подделаешь. К тому же Эрик плохо умеет притворяться...

В груди теплым комком шевельнулось сочувствие. Безумно, почти непреодолимо захотелось обнять его. Прижаться, уткнуться носом ему в грудь и разреваться, как маленькая.

Вся суть в том, что я уже выросла. Поэтому так и осталась стоять, не сводя с него взгляда. Ожидая, что же он скажет мне. Скажет ли?

Сказал.

— Я не хотел, чтобы так вышло.

— Никто не хотел, — вырвалось у меня. — Но так вышло.

Злость проснулась так же неожиданно, как и сочувствие. Откликнулась в груди горячими взрывами, заколола кончики пальцев, ударила в виски. Я шагнула вперед, решительно отодвинула Эрика в сторону и вышла. Дверью хлопнула, кажется. Десяток шагов по коридору, лестница, просторная гостиная и входная дверь.

Воздух, свежий, влажный, наполнил легкие, голова закружилась от такой долгожданной и ненужной свободы. Я кое-как добрела до знакомой скамейки под ивой и присела. В груди давило от невысказанной, гнетущей обиды, на глаза навернулись слезы. Он был так близко, руку протяни — достанешь. И так далеко, как еще никогда далеко от меня не был.

Все просто... кончилось. Глупые интриги Гектора разрушили все. Впрочем, бред! Мы сами все разрушили — я и Эрик. Мы были недостаточно близки.

Не к месту вспомнился тот поцелуй в палатке. Там все было просто — никаких обязательств, никакой ответственности. И думать не надо было ни о чем. Просто наслаждаться. Кеном, диктующим волю, теплыми губами, объятиями, в которых уютно. И не нужно ничего решать. Не нужно действовать, придумывать планы, просчитывать варианты.

А здесь, дома... Я думала, будет легче. Думала, что смогу и... не смогла. Чуть не сорвалась накануне опасного шага. Нельзя позволять себе раскиснуть. Не сейчас. Но суть была в том, что рядом с Эриком я все еще ощущала себя маленькой и незащищенной. Перед ним никогда не приходилось прятаться, не нужно было притворяться. Все было... идеально. Жаль, что идеально не бывает вечно.

— Полина... — Теплая рука легла на плечо, заставляя поднять голову. — Холодно, а ты даже куртку не надела. На вот, держи.

Роберт накинул мне на плечи свою куртку, и я перестала дрожать. Я дрожала? Тучи на небе опасно сгустились и стали почти черными. Дождь пойдет скоро.

— Я сейчас скажу тебе то, что не имею права говорить, — мягко продолжил Роб, обнимая меня за плечи. — Я дал слово Эрику, а слово для меня очень много значит.

— Тогда, может, не стоит говорить... — устало сказала я и опустила глаза.

— Гектор был в кане вместе с ним. В кане ты не можешь спрятаться, укрыться за мыслями. Там твои мысли может услышать любой. Там-то Гектор и узнал, что именно Эрик выпил Лидию. Как и то, что Эрик чувствует вину перед ней. Перед всеми, кого он... Когда знаешь слабости человека, легко им управлять.

— Зачем ты говоришь мне это?

— Потому что вы мне близки. Вы — скади, моя семья, и мне трудно смотреть, как вы мучаетесь. Оба. И если ты хотя бы попытаешь его понять, ведь он спасает тебя.

— Я понимаю его. Как и тебя. Тамару. Всех скади. И я знаю, почему он так поступил. Хотелось бы, чтобы поступил иначе, но... Эрик такой, какой есть.

— Ты представляла его другим? — горько улыбнулся жрец. — Никто не идеален, Полина. У каждого есть недостатки. Эрик не пьет ясновидцев уже много лет. Из-за той девочки, в частности. Он достает кен иными — гораздо более опасными способами. Он бывал в местах, где лучше не бывать, и встречал существ, которых лучше не встречать. Несколько раз чуть не погиб там, а однажды застрял на два года. Это был сложный период для скади, многие погибли. Но ни разу он не задумался о том, чтобы вернуться к потребительству. Потому что это угнетает Эрика не меньше, чем тебя. Но ты восстанавливаешься самостоятельно, а он не может. Судьба не подарила ему способностей сольвейга.

— Эрику не придется больше жертвовать собой, — пообещала я. — Но и давить на себя я не позволю. Ни ему, ни Томе, ни тебе, ни кому бы то ни было. Сама решу, что делать. А тебе... тебе лучше начать готовиться к свадьбе. Подумай о себе, а с Эриком мы разберемся сами.

— Не думаю, что Влад Вермунд отпустит Ларису, — нахмурился Роб, — а отрывать ее от племени силой я не имею права.

— А если отпустит? — Я поймала недоверчивый и полный надежды взгляд и добавила: — Потому что, мне кажется, так и будет. Скоро.

— Ты... говорила с ним? — Голос его сорвался на хрип. Казалось, об Эрике он и думать забыл.

Я кивнула.

— И еще поговорю. Поверь интуиции пророчицы, Роб, Влад отпустит Лару. А теперь мне нужно позвонить. И уехать на время — закончить дела.

Несколько секунд Роб все еще сидел рядом, молча, сжимая мое плечо, и о чем-то сосредоточенно думал. Затем кивнул и поднялся.

Он уходил, а я смотрела ему в спину. Ива над головой шумела листвой, то ли возмущаясь, то ли предостерегая. Было от чего — я собиралась вновь совершить безумство.

Нужный номер телефона был забит в записной книжке давно — Глеб оставил на всякий случай. Естественно, подписан он был другим именем, конспирация — наше все. Впрочем, набирать мне его еще не приходилось. До сегодня. Именно поэтому, видимо, девушка, которая взяла трубку, сильно удивилась:

— Полина? Что-нибудь случилось? — Затем понизила голос до шепота и со страхом добавила: — Что-нибудь с Глебом?

— Глеб в порядке, — соврала я. Хотя, по сути, не врала — физически ему ничего не угрожало. В отличие от Мирослава. — Дело во мне. И в Лидии. Мне нужна помощь, Ника. Твоя помощь. И не думаю, что ты вправе отказать.

Мы встретились в небольшом кафе на окраине. Рискованно было вот так встречаться, но не рискованнее, чем идти в дом к Гектору. Особенно, если учесть его охранников. Особенно, когда у меня всего один шанс сделать все, как задумала.

Хотелось именно так. Резко. Неожиданно. Чтобы Гектор удивился, растерялся даже. Чтобы не знал, что сказать. Чтобы не улыбался больше так надменно и не смотрел свысока. И больше не лез в чужие жизни.

Ника выглядела напуганной. Постоянно оглядывалась по сторонам и косилась на

официантку, словно та могла вдруг превратиться в Петра или самого Гектора и уличить ее в предательстве. Андрей, напротив, казался спокойным и заинтригованным — молчал и ждал, когда же я объясню, зачем их тут собрала.

А когда я рассказала, посмотрел на меня, как на психа, и выдал:

— Совсем с ума сошла?

— Я же помочь хочу! Я могу помочь. — Я вздохнула и наклонилась ниже, словно нас действительно мог кто-то подслушать. На нас внимания не обращали — обычный будний день, люди обедают, в углу изредка взрывается смехом компания подростков, которым пиво слишком рано, но здесь продают, и поэтому они пришли хорошо провести время. Пахнет кофе и булочками, а через присобранные занавески виден кусок улицы, заштрихованной серым дождем. На тротуаре мелькают разноцветными шляпками раскрытые зонты. Смеркается, вечер на пороге, и успеть бы до ночи, но Андрей, похоже, не согласен с моим безумным планом. Ника побледнела и смотрит пристально, а темные глаза ее лихорадочно блестят на красивом и испуганном лице. — Мне некого больше просить о помощи. Я не пройду одна — у Гектора мощная защита, а после того, как мы с Владом вломились к нему в прошлый раз, уверена, он ее усилил еще больше.

— Поля, я не могу. Это не услуга даже, это... Будет скандал! Альрик...

— Альрик только обрадуется! Представь, как он заинтересуется, когда узнает, что я могу.

— И снова начнет тебя изучать. Ты хоть представляешь, что случится потом? Тебя не оставят в покое никогда.

— Меня и так не оставят, — мрачно ответила я. — Рано или поздно кто-нибудь узнает. А Лидия... Неужели ты не хотел бы, чтобы кто-то из твоих близких вновь стал таким, как прежде?

Андрей помрачнел и покачал головой.

— Я не верю в чудеса, Полина. Больше нет. Повзрослел, перестал искать выходы. Если ты против системы, она убьет тебя. А ты сейчас хочешь пойти против. Хочешь, чтобы я пошел.

— Гектор против системы, — тихо сказала Ника, до этого сидевшая неподвижно. Она тут же оживилась, приосанилась, поправила волосы, темным полотном струящиеся по спине. — Он не верит в то, что охотники принесут нам добро. Гектор знает, как влиять на Петра. — Она повернулась ко мне и прищурилась, словно не доверяла. Словно хотела убедиться, что мои слова — не пустой звук. — Ты действительно вернешь ее? Лидия... снова станет прежней?

— Верну, — пообещала я. — Только помоги. Вы оба мне нужны, иначе ничего не выйдет.

— Я помогу, — решительно заявила ясновидица и посмотрела на Андрея. — Можешь сказать, это все я придумала. Я пришла к тебе и наговорила ерунды. Но ты наблюдатель, пусть и не ее. — Она махнула на меня рукой. — Ты должен проверить. По закону. А Гектора я возьму на себя. Если проведешь ее, тебе ничего не будет.

Андрей колебался. Смотрел на свои руки, обнимающие чашку с давно остывшим чаем, и молчал. Молчали и мы. Я ловила заинтересованные взгляды Ники — похоже, ясновидица до конца не верила, что я говорю правду. Не думала, что так бывает. Наверняка у нее тоже были друзья, близкие, которые пострадали. Да и сама она... Я помнила рассказы Глеба. Если бы не ее способность восстанавливаться, где бы она была? Впрочем, я не могла назвать эту

способность благом.

— Хорошо, — наконец, ответил Андрей. — Я проведу тебя. Только прошу, не облажайся. Второго раза мне не простят.

— Не облажаюсь, — пообещала я, а Ника улыбнулась как-то странно, словно ждала, когда он согласится. Ждала ли? Предвидела? И как они вообще это делают — узнают будущее? Является ли оно обрывочными видениями, как мне, приходит ли во сне или постоянной картинкой маячит на задворках сознания?

Спрашивать я не стала. Не до того было, да и какая разница? Все равно это больше проклятие, чем дар. Иногда будущего лучше не знать...

Мы притормозили у знакомых ворот. Воспоминания часто приходят неожиданно и сбивают с толку. Мои поджидали у калитки, спрятались в кустах сентябрины и набросились на меня, как только я вышла из машины. За кованым забором кипела жизнь. Дождь закончился, и пожилая женщина гуляла с детьми — двое, в ярко-синих плащах, играли на детской площадке, а третьего она методично покачивала в коляске, что-то напевая себе под нос. Молодая и стройная шатенка развешивала белье на сушке. Охотник, тот самый, которого Влад так внезапно усыпил, разговаривал с кем-то по телефону, сидя на окрашенных перилах крыльца. Он смешно болтал правой ногой, уперев левую в пол, и казалось, что качнись он хоть на градус, свалится в кусты. Не свалился. Завидев нас с Андреем, насторожился, отрывисто сказал что-то в трубку и убрал мобильный в карман.

— Я очень рискую, — шепнул Андрей мне на ухо и сжал мой локоть. Довольно сильно сжал, к слову, и я поморщилась.

— Знаю, — ответила так же шепотом. — Все получится, Ника подстрахует.

Ника уехала раньше. Вернулась домой и ждала нас. Во всяком случае, мне хотелось так думать. Хотелось надеяться, что Глеб в чем-то ошибся, и ясновидица не предаст.

— Очень на это надеюсь. А теперь... если умеешь, играй, Полина.

Охотник во дворе сказал что-то ясновидцам. Они покосились на нас с опаской, затем девушка бросила белье в таз и побежала в дом, а женщина принялась собирать детей.

Они боялись. Несмотря на то, что дом охранялся, как лучшая тюрьма, а Гектор был сильнейшим ясновидцем в мире, они все еще боялись меня. Считали врагом. Той, что может лишить каждого из них разума.

Что ж, я люблю удивлять! Я глубоко вздохнула и позволила Андрею вести себя. Тут он главный, а я обвиняемая. Эту роль я привыкла играть, справлюсь.

Калитка жалобно всхлипнула, тень ее метнулась к нашим ногам, словно молчаливый страж, и мы шагнули внутрь. Витая дорожка, мощенная плиткой, по которой скользили кроссовки, мокрые клумбы с яркими бутонами, брошенное в песке ведерко с пасочкой. Мы в детстве готовили с помощью таких пирожки и продавали их в магазине, а деньгами нам служили сорванные с ближайшего тополя листья.

Охотник ждал нас у входа. Приосанился, сложил руки на груди и выглядел отнюдь не дружелюбным. Прожигал меня ненавидящим взглядом а-ля «Явилась? Ну-ну!». По позвоночнику пробежала противная дрожь, в голове зароились сомнения.

Андрей же выглядел уверенным. Подошел к охотнику и, не отпуская моего локтя, протянул руку в приветственном жесте.

— Привет, Игорь. Гектор у себя?

Лицо Игоря посветлело, на нем даже наметилась доброжелательная улыбка, которая тут же померкла, когда он перевел на меня взгляд.

— У себя. Случилось чего?

— Звоночек от Вероники. Похоже, я нашел ту, кого Гектор искал много лет.

— Ту, что Лиду того? Так это... Гектор вроде сам... ну, ты понял. — Он еще раз посмотрел на меня злобно и замолчал. Порыв ветра рванул ветви, и с них посыпались холодные, противные капли — прямо мне за шиворот. Я поежилась. Белье на сушилке взвилось и спуталось, слиплось влажными боками.

— Это Стейнмод, что ли? — насмешливо спросил Андрей и выпихнул меня вперед. — Очевидно же, что он ее выгораживает. Они любовники, она — скади. Все сходится. Но Вероника всегда видит точно, ни одной промашки. Или сомневаешься?

— Я... ну не знаю... Столько лет прошло.

— И, тем не менее, остатки кена не затрешь!

Охотник несколько секунд молчал и о чем-то сосредоточенно думал, а затем снова посмотрел на меня, и, уверена, если бы взглядом можно было убить, я бы упала замертво на мокрую плитку у крыльца. Но увы, охотники убивают лишь одним способом, а на моей жиле печать Арендрейта, так что ему ничего не светит, вот совсем.

— Проходи, — процедил он и отступил в сторону, открывая нам путь в дом.

Ступеньки скрипели под ногами. Семь шагов вверх, деревянные половицы, совсем недавно покрашенные темно-коричневой краской, перила. Дверь. Она поддалась сразу, впуская нас в теплую, пахнущую кофе веранду.

Сердце гупало, в ушах шумело, и если бы я могла сейчас вцепиться в Андрея, непременно сделала бы это, несмотря на дискомфорт. Но я не могла у меня была другая роль. Роль загнанной зверушки, попавшей в западню, с испуганным взглядом и трясущимися руками. Что ж, это мне даже играть не придется — настолько я волновалась. Мне нужно не просто все сделать, но сделать правильно. Я сюда не только Эрика пришла выручать, есть другие люди, которые мне дороги и которых хотелось бы спасти.

Только бы Ника не подвела...

А потом Андрей распахнул дверь в гостиную и втолкнул меня внутрь. Выпустил. На миг я потеряла равновесие, качнулась и чуть не полетела на пол, прямо под ноги тому, кого собиралась обмануть. Гектор стоял близко и улыбался.

— Припоздали вы что-то, — произнес спокойно, и в груди у меня образовался ледяной ком отчаяния. Неужели Ника предала? Неужели...

Позади ясновидца бледной тенью стоял Эрик. Мы встретились взглядами, и я впервые подумала, а вдруг то, что говорили Влад с Дашей хоть на толику правда? Вдруг он сейчас настолько разозлится, что для него перестанет иметь значение спасение чьей-то там жизни? Особенно, если это жизнь той, которая ослушалась... Я заставила себя собраться и вновь посмотреть на ясновидца — с ним во всяком случае все понятно.

— Я к тебе с подарком, — холодным тоном, невозмутимо сказал Андрей и шагнул вперед. Эрик дернулся в сторону, и страх заполонил меня всю — от макушки до пяток. Но он остался стоять на месте, молча, за спиной у того, кто здесь главный.

— Вот как? — невозмутимо улыбнулся Гектор и еще раз окинул меня насмешливым взглядом. — Уверен, что он мне нужен?

— Слышал, ты искал ее много лет.

— Ее я не искал, — раздраженно ответил ясновидец, и веселость его как ветром сдуло. — К чему этот концерт, Андрей? Что ты думаешь, это поменяет?

— Вероника пришла ко мне. Она утверждает, что именно эта девушка выпила твою

дочь.

— Она не делала этого, — покачал головой Гектор. — Лидия выпита давно и не ею.

— Вероника утверждает обратное. Это уже личное. — Андрей опустил голову, словно ему скорбно было признавать слова, которые приходилось говорить. А затем повернулся и взглянул на меня исподлобья, и я увидела охотника, которого впервые встретила в квартире с незаконченным ремонтом, рядом со связанным Глебом и напуганной Ритой. Злого. Разочарованного. Готового убить. — Мне нужно знать.

Амулет Эрика опалил кожу, и я была рада, что они не видят другой — тот, что смастерил для меня Барт. На действии которого держится наш незамысловатый обман. Другим способом я к Лидии не приближусь — Гектор не позволит. Эрик не позволит. А раскрывать карты раньше времени не хотелось.

Ясновидец пожал плечами.

— Позови Нику, — велел охотнику, охраняющему вход, который неслышно скользнул у нас из-за спин и быстро поднялся по лестнице вверх.

— Лидия тоже пусть придет, — бесцеремонно сказал Андрей. — Хочу видеть это сам.

Гектор вздохнул, и на скулах у него заиграли желваки. Он злился, как обычно злится человек, которому лезут в душу и трогают личное, то, что он никому не открывает и не показывает.

— С каких пор ты смотришь за скади? — угрожающе тихо спросил Эрик. За его видимым спокойствием крылась ярость — бурлящая, дикая, неконтролируемая. И если она вырвется наружу, всем будет плохо.

— Тебя не должно это волновать, зверь, — холодно ответил Андрей. — То, что ты ночуешь в этом доме, не делает тебя подобным нам.

Он выплюнул эти слова с ненавистью, и мне показалось, на этот раз она не была наигранной. Андрей ненавидел. Все еще ненавидел хищных... Этого не изменит ничто, ведь он один из них — из ясновидцев, чьи близкие лишились разума. Никогда мы не станем похожи. Но тогда... зачем он помогает мне?

Эрик с шумом выдохнул и шагнул вперед. Перед глазами у меня потемнело от напряжения, и я чудом не закрыла их. Смотрела на Гектора, а он — на меня. Якорь, удерживающий меня в реальности. И, может, мне не стоило ненавидеть его, все же он спасал дочь, но я ненавидела. Ненависть не даст мне расклеиться. Не даст опустить головы.

Не знаю, что случилось бы в гостинной дальше. Предположить сложно, ведь Эрик, когда злится, способен на многое. Но Гектор вдруг поднял руку и жестом заставил его остановиться. Верхняя губа ясновидца пренебрежительно дрогнула, но голос остался спокойным, когда он произнес:

— Эрик, приведи Лидию.

Эрик колебался между «отступить» и «ударить». Колебание это я чувствовала в воздухе, напитавшемся напряжением. Отступил. Опустил голову и кивнул.

— Хорошо.

Кожу опалило его взглядом, тут же бросило в жар, и я слышала собственное дыхание, со свистом вырывающееся из горла. Ника медленно спустилась по лестнице, они переглянулись, и Эрик направился вверх. Ясновидица, как и Андрей, выглядела спокойной. На слегка бледном лице читалась уверенность. И я впервые подумала, что понимаю Глеба. Сильные выбирают сильных. Верные верных. Ника была верна сама себе, а предать себя всегда страшнее, чем предать другого.

Гектор обернулся, гневно посмотрел на нее, но она выдержала. Спустилась и встала рядом с Андреем. На меня не смотрела, подбородок держала высоко поднятым. Глеб гордился бы.

— Ты прекрасно знаешь, кто выпил Лидию, — прошипел Гектор, уже не скрывая злости. — И я знаю. К чему это представление?

— Даже ты можешь ошибаться, — спокойно ответила она.

— Но не в этом. Я искал его много лет. Лидия узнала его, несмотря на... несмотря ни на что.

— Лидия потерялась, ты не можешь принимать ее слова на веру. А Эрик слишком силен, чтобы ему доверять.

— Я нашел тебя, напуганную и одичалую. Использованную охотниками. Приютил. Дал кров и покровительство. Так ты отплатишь мне?

— Я лишь хочу восстановить справедливость.

— Лидия придет, и я покажу охотнику. Покажу, что ты лжешь!

— Не покажешь, — тихо ответила Ника.

«Не сможешь», — добавила я про себя. Не до того будет. Если все получится. Если...

Она была в белом. Просторная ночнушка в пол облегала грудь и свободно струилась вниз от талии. Она липла к ногам, когда Лидия спускалась, крепко держа Эрика под руку. Бледная. Глаза блуждают, не находя ничего знакомого в этом мире. А потом ее взгляд остановился на мне, и на лице расцвела улыбка. Совершенно искренняя улыбка ребенка, увидевшего игрушку, о которой он давно мечтал. Лидия выпустила руку Эрика и, не обращая внимания на возмущенный взгляд отца, подошла ко мне. От нее пахло ландышами. Каштановые волосы курчавились на концах, а на запястьях розовели шрамы от порезов. Она проследила за моим взглядом и пояснила беззаботно:

— Пыталась их вырезать.

— Кого? — спросила я хрипло, сглатывая горечь и часто моргая, чтобы не расплакаться.

— Мысли. Они муравьями ползали, мешали рисовать. Плохие мысли. Смерти, много смертей... Война.

— Война давно закончилась, милая. — Поддавшись необъяснимому порыву, я взяла ее за руку, сжала измазанные краской пальцы.

— Нет, светлячок, — покачала она головой. Между бровями пролегла морщинка скорби. — Она еще не началась. Дышит, сопит мне в спину. Холодно... Они говорят со мной, шепчут постоянно.

— Они?

— Мертвые... Те, кто погибнет на войне.

— Я выпил ее! — резко сказал Эрик Андрею, шагая к нам. На охотника он смотрел с ненавистью, граничащей с безумием. — Это легко доказать.

— Ты пришла меня вывести? — спросила Лидия, которую, похоже, ничуть не тронула злость Эрика. — Я видела тебя во сне...

— Пришла, — кивнула я.

— Пахнешь ванилью. — Она закатила глаза, будто бы удовольствие, которое я ощущала в палатке, ночью, когда Влад делился со мной, передалось и ей. А затем она, не стесняясь мужчин, находившихся в гостиной, среди которых был и тот охотник, Игорь — он незаметно стоял у самой лестницы и смотрел на нас во все глаза — не стесняясь нас с Никой, задрала рубашку, обнажая белый, покрытый лиловыми шрамами живот. Я непроизвольно вздохнула,

а она ласково сказала, будто пыталась меня успокоить: — Я должна была попробовать вырезать и ее. Она болит... Так больно, что даже мысли не ползают...

— Больше не будет, — пообещала я и положила ладонь ей на живот.

Кажется, Гектор говорил что-то, даже кричал. Возмущался. Андрей отвечал — твердо и резко. Около нас метнулась тень, еще одна. Я не смотрела. Имело значение лишь одно — жила Лидии. Изорванная в клочья, с рваными рубцами, пористая, как губка, и сухая.

Болит. Всегда болит. И вот ее боль я уже чувствую физически. Мысли из будущего, которые она не может трактовать. Ужас. Война. Груды тел в грязи. Стекло, застывшие навсегда глаза... Не предотвратить. Это будущее наступит.

И мы... мы умрем.

Я отпрянула и пошатнулась, и кто-то, кажется, Андрей, поддержал меня за плечи.

— Гореть тебе в аду! — выкрикнул Гектор. Он не понимал, что произошло. Лидия не шевелилась, стояла с закрытыми глазами и молчала. Ясновидец шагнул ко мне и выдохнул в лицо: — Я видел твое будущее. Один из близких тебе мужчин умрет, и случится это очень скоро!

И тут же развернулся к дочери.

— Лидия, родная...

— Ммм, — промычала она.

От слов ясновидца на миг стало страшно, а затем тело заполнила слабость. Я облокотилась на Андрея и прикрыла глаза.

— Что ты, к чертям творишь?! — прошипел Эрик мне в самое ухо. — Он убьет тебя.

— Не сможет, — устало ответила я. Руки потянулись к амулету Барта, и через секунду я уже держала его так, чтобы Гектор видел. — Его кена больше нет во мне.

— Ты сделала это... — подала голос Ника. Она глаз не сводила с Лидии, которая глубоко дышала и осторожно осматривалась. Траектория взгляда была простой. Лестница. Игорь, приоткрывший рот от удивления. Потолок, где сверкала гранями хрустальная люстра. Столик с задвинутыми под него стульями. Истертый пол. — Ты вернула ее.

— Лидия... — прошептал Гектор, приподнимая ее подбородок. Вдруг он перестал казаться опасным и злым. Лицо ясновидца смягчилось, нос покраснел, а по щекам потекли слезы.

— Что это было? — ошарашено спросил Эрик. Она подняла на него глаза...

Воздух взорвался оглушительным криком. Громким. Истошным. Лидия смотрела на Эрика и, вцепившись побелевшими пальцами в плечо отца, кричала. Взгляд ее, осознанный и чистый, был наполнен ужасом.

Лидия боялась того, кто много лет назад выпил ее...

— Отойди, — сказала я, собирая последние силы. Похоже, мы с Владом не рассчитали, потому как кена пошло гораздо больше, чем задумывалось. Меня штормило и безумно хотелось спать.

— Что?

— Отойди, она тебя боится!

Эрик послушался, отступил на шаг. Гектор обнял Лидию, одной рукой вытирая слезы, а другой судорожно глядя ее по плечам. Она замолчала и тихонько всхлипывала, испуганно косясь на Эрика. Ника зажала рот ладонью и смотрела на них, будто боялась поверить.

А в моей голове поселились мысли Лидии, роящиеся, как муравьи. Обрывочные, яркие образы осыпались крошечками на границе сознания. Рушились. Но не настолько быстро, чтобы

я не разглядела...

Смерти. Много смертей. Страх, металлическим вкусом осевший во рту. Неизбежность, невозможность ничего изменить.

— Как? — наконец, выдавил из себя Гектор. Отстранил дочь, будто пытаюсь убедиться, что она действительно нормально. — Как так вышло?

— Я видела ее во сне, — дрожащим голосом ответила она и указала на меня рукой. — Ее и мужчину с ванильным кеном. В одном из тех снов, которые не сводили с ума.

Гектор повернулся ко мне — усталый мужчина с едва высохшими на щеках слезами. Беззащитный и тихий. Счастливый и не осознающий еще собственного счастья.

Мне стало жаль его. Ее. Многих из них, которые никогда не испытают того, что испытала Лидия и тот ясновидец из поселения Барта. Никогда не выйдут на свет.

Потому что меня не хватит на всех.

— Спасибо, — тихо произнес Гектор, и на миг мне показалось, он тоже видел. Те страшные отрывки из далекого будущего, пугающие силой, которую мы еще не встречали. В его глазах мелькнуло понимание, и он слегка качнул головой, как бы призывая никому не говорить. Да и что я могу сказать? — Спасибо тебе!

— Мирослав Теплов. Альва... — выдохнула я, с трудом борясь с навалившейся усталостью. — Если он еще жив, не тронь...

— Он будет жить, — пообещал Гектор и снова повернулся к дочери.

Ну вот и все. По-настоящему все. У меня получилось. У нас получилось!

Я поймала восхищенную улыбку Ники, встревоженный взгляд Андрея. Мир завертелся вокруг миллиардами разноцветных огоньков, комната рассыпалась и снова собралась в единую картинку. В глазах зарябило, во рту пересохло, в висках бешено стучал пульс. На Лидию ушло гораздо больше кена, похоже, восстанавливаться придется долго...

— Никто не должен знать, что мы были здесь, — сквозь ватную, плотную пелену пробился голос Андрея. — И о том, что Полина умеет, ни слова. Альрик слишком жесток к своим экспериментам.

— Понимаю. — Гектор повернулся к нам и снова стал Гектором — жестким и сильным. словно и не было тех минут слабости, в которые он позволил себе слезы. Дочь он прижимал к себе, как самое главное сокровище. словно ее снова могли отнять, лишитъ разума, оставить там, в бескрайней степи, в траве, под высоким, немьм небом. — Никто не станет трепаться, а если станет... — Он недобро улыбнулся. Продолжать не стоило — Гектор умел устранять врагов.

Он посмотрел на Эрика. Я ждала ненависти, ведь теперь, когда Лидия здорова, ничто не мешало ему поквитаться с тем, кто лишил его дочери на столько лет. Но увидела другое. Тревогу. И тревога эта с вдыхаемым воздухом передалась мне — странная субстанция смешалась с усталостью и на удивление прибавила сил. Мир снова обрел очертания, гостиная заиграла красками. Только пить все еще хотелось, но попросить у Гектора я не посмела. Я вообще казалась себе теперь тут лишней...

— То убийство. Ты знаешь, что это может быть. Знаешь, чем это грозит ей. — Гектор указал на меня пальцем. — Нам всем. Мы не можем это просто оставить.

— Не можем, — глухо ответил Эрик.

— Так ты пойдешь со мной?

— Пойду.

Я не понимала, о чем они говорят, и понимать не хотела. Внезапно стало безразлично,

что там будет дальше. Если не выплусь хорошенько, просто умру от усталости, и будущее для меня не наступит.

— И я пойду, — пробормотала и, поймав недоуменный взгляд Гектора, добавила: — То есть мы. Домой. Здесь нам больше нечего делать.

Ника догнала нас на крыльце. Развернула меня к себе, крепко обняла и прошептала на ухо:

— Спасибо!

Это было, наверное, самое искреннее спасибо за сегодняшний день. Потому что Гектор, пусть и был благодарен за возвращение Лидии, все же гордость перебороть не смог.

Плевать. Надеюсь, я никогда больше его не увижу.

— Он скучает по тебе, — улыбнулась я и потрепала ее по плечу. — Он никогда не покажет, но он скучает.

Она кивнула и опустила глаза. Привязалась. Может, даже любит. Но для некоторых долг важнее любви. Ника свой долг отдала.

Эрик за нами так и не вышел. Я ждала. Делала вид, что все по плану, но в душе теплилась надежда, что он догонит нас хотя бы у машины. Захочет поговорить, объясниться, но... Он не вышел. И крыльцо, на которое я бросила последний взгляд перед тем, как сесть в машину, пустовало. Ветер трепал белье на сушилке, а фонари отбрасывали молочного цвета круги на дорожку. Даже охотник-страж не вышел нас проводить.

Мы были свободны. Я свободна...

Только вот почему так пусто в груди? Почему он так и не вышел?..

— Ты как? — поинтересовался Андрей и хотел было убрать прядь волос, упавшую мне на лоб, но вовремя отдернул руку. Все же природа позаботилась о том, чтобы между охотником и хищным никогда не возникло связи. Никакой.

— Нормально, — устало ответила я. — Пить только хочется.

— На вот, держи. — Он протянул бутылку минералки, и я долго и с жадностью пила.

Отлипнув от нее, я посмотрела вперед. Впереди была дорога, ведущая в город. Туда, где жизнь кипит и где еще не знают, что я умею и чего это стоит.

— Еще хочешь чего-нибудь? — спросил Андрей.

Я улыбнулась.

— Хочу. Безумно хочу пить чай с бутербродами у тебя на кухне. И пусть Петр катится со своими запретами!

Андрей улыбнулся в ответ и повернул ключ зажигания. Мотор заработал, я откинулась на спинку сиденья и закрыла глаза...

Глава 8. Свидание

Фартук оказался на меня велик, и пришлось подвязать его в нескольких местах, чтобы не сползал. Оладьи жарить я не разучилась. Они выходили пышные, ароматные, и внушительной горкой лежали на большой тарелке. Нужно пошарить у Андрея в холодильнике, вдруг у него есть джем. Оладьи с джемом я обожала еще с детства. Помню, мама пекла, а мы с папой наперегонки ели... Славные были времена.

Выспаться так и не удалось. Всю ночь мучили кошмары, где кто-то за мной неизменно гонялся и хотел убить. Я видела нож в крови и глаза — бесстрастные глаза фанатика, которому нужна была моя жизнь. Или кровь. Или кен. Кто их разберет, этих случайных убийц?

Андрей встал поздно — ближе к обеду, я как раз заканчивала готовить. Прошаркала на кухню в растоптанных тапочках, блаженно закатил глаза и пошутил:

— Отлично выглядишь. На моей кухне и в переднике. Смотри, я могу привыкнуть.

— Боюсь, Альрик не одобрит этой связи! — пошутила я в ответ, и мы рассмеялись.

Напряжение вчерашнего дня спало. На улице распогодилось. Небо было высоким и ясным, без единого облачка, и в окно к нам, ласково улыбаясь, светило солнце.

— Как себя чувствуешь? — спросил Андрей, накладывая себе на тарелку горку оладьей и поливая их сметаной. Джема я, к сожалению, не нашла.

— Немного штормит, но пройдет. Слишком выложились вчера.

— Опасный дар, — заметил охотник и положил кусочек в рот.

— Не опаснее, чем остальные. Привыкну.

— Вернешься к скади? Извини, но у меня в два часа сбор у Петра. Он не любит, когда опаздывают.

— Все нормально, — уверила я. — Ты и так очень помог! Мои планы всегда немного...

— Сумасшедшие, — усмехнулся он.

— Именно. — Я вздохнула и присела за стол. Разгладила несуществующие складки на белой скатерти. — Поеду к скади, там мой дом. Да и по Алану соскучилась безумно.

— Если честно, я не думал, что ты решишься. — Поймав мой вопросительный взгляд, Андрей пояснил: — На посвящение.

— Мы с Эриком были близки. Кто же знал, что так получится...

— Извини, не хотел беречь твои раны.

— Ничего...

Это не раны. Так, царапины. Зудят, но терпимо. Я вообще научилась относиться ко всему проще.

Завтрак с Андреем был самым спокойным временем дня...

Дом скади упрощать мне жизнь не собирался. Хмурился. Стены громоздились исполинскими великанами и заранее осуждали. Высокое небо, какое обычно бывает осенью, холодно смотрело сверху, совершенно не грел ослепительно-белый солнечный диск. Ветер рвал листья, швыряя их под ноги, на мощенную камнем дорожку.

Гостиная пустовала. Лишь часы на каминной полке размеренно тикали, отсчитывая время. На столе стояла забытая кем-то чашка с недопитым чаем. Эрик бы ругался. Он всегда ругается, когда не убрано, хотя сам просто обожает разбрасывать вещи.

Интересно, он домой приходил после... Или все еще с Гектором, расследует таинственное убийство? Странно, что они все еще разговаривают, общаются. Я-то думала, Гектор презрительно и позорно выгонит его из дома.

Помню, как Лидия кричала, испугалась, бедняжка. Каково ей находиться в одном доме с тем, кого она до смерти боится? С тем, с кем она совсем недавно...

Нет, нельзя об этом думать. Есть много других важных мыслей, например, где я теперь буду жить. Оставаться в этом доме, с Эриком, который непременно теперь вернется, желания не было. Гордость все же у меня есть. И если раньше я думала, что он просто защищает меня, то его поведение после того, как Лидия вернулась, о многом говорит. Я ему не нужна. Эрик Стейнмод больше не любит меня.

Скорее всего, у него было время подумать, а удовольствие быть со мной рядом сомнительное. Все же я не принимаю много законов хищных, а это его в какой-то мере ограничивает. Расстанься он со мной, может жениться на ком угодно и не раз. Впрочем, жениться вовсе не обязательно.

Наверное, мне проще оставить все, как есть. Жить на Достоевского, а к Алану приходиться, когда Эрика не будет дома. Нет, я не настолько наивна, чтобы не понимать: нам все равно придется пересекаться. Но лучше сократить количество встреч. Пока не переболит. Пока не перестану вздрагивать каждый раз, когда он входит в комнату.

Одной жить, конечно, небезопасно, но я могу попросить какую-нибудь защитницу об услуге. Например, Лару, все равно она скоро посвятится в скади. Черт, я же обещала Робу спросить о ней Влада!

О том, что телефон был выключен все это время, вспомнила лишь, когда его достала. Я отключила его перед домом Гектора, а включить забыла, слишком устала. Экран засветился яркой заставкой, заиграла приветственная мелодия.

Влад поднял трубку почти сразу.

— Привет, пророчица. Соскучилась?

— Вчера была у Гектора, — опуская приветствие, доложила я.

— Как успехи?

— Лидия здорова. А я выжата совершенно.

— Могу помочь тебе с этим, — многозначительно промурлыкал он в трубку, и я буквально представила себе его лицо — довольное, как морда кота, объевшегося сметаны и разлегшегося отдохнуть на солнышке. Обычные интонации совращения, ничего не поменялось. Что ж, хоть что-то в этом мире стабильно и неизменно.

— Спасибо, справлюсь.

— Как знаешь, — не стал настаивать он. — Ты звонишь из вежливости или...

— Звоню спросить о Ларе. Ты обещал подумать...

— Я подумал, — без промедления ответил Влад. — Если Ларисе настолько хочется в скади, я не буду ее держать.

— То есть ты... изгонишь ее? Правда? — удивилась я.

— Повторю, я готов идти на компромиссы. Предлагаю обсудить это сегодня, часиков в семь. Что скажешь? Поужинаешь со мной?

Я растерялась. Молчала, дышала в трубку, как школьница, и не знала, что сказать. Влад, я, ужин. Опасно...

— Полина?

— Это... неожиданно, — призналась я.

— Как по мне, весьма закономерно, — уверенно возразил он. — Так куда за тобой заехать?

— Не уверена, что это хорошая идея, — нахмурилась я.

— Брось, я же не тебя есть буду, — пошутил он. — В том месте, куда я собираюсь повести тебя, подают кролика в вине и чудесный греческий салат.

— Звучит заманчиво. Хорошо, — согласилась я. Немного отвлечься мне не повредит, особенно после событий с Гектором и Лидией. — Если пообещаешь не давить на меня ни в чем.

— Мне это ни к чему. Ты будешь у скади?

— Нет, у себя. То есть... На Достоевского.

— Ну да, конечно, Стейнмод! — Мне показалось, в его голосе промелькнули ревностные нотки. — Как он воспринял... хм... твои новые способности?

— Понятия не имею, — вырвалось у меня. И уже жалея, что сказала, я добавила тихо: — Еще его не видела.

— Вот как? Он боится в глаза тебе взглянуть?

— Не твое дело! — резко ответила я и решила сменить тему. — Но если тебе интересно, я была у Андрея.

— Всю ночь? Петр не погладит его по головке за это.

— Петру необязательно знать.

— Хорошо, Полина, — на удивление быстро принял правила игры Влад. — Заеду за тобой в семь.

И повесил трубку.

Я несколько раз глубоко вздохнула, стараясь отогнать ненужные образы. Теплая куртка, пахнувшая мускусом, дыхание на щеке, ваниль в венах. Поцелуи — жадные, порывистые. И слова о том, что он будет бороться. И да, я понимала, что это Влад, все тот же Влад, каким я его знала, но... Голос гипнотизировал, а словам хотелось верить. На задворках сознания мелькнула мысль о старых граблях.

Но мне ведь необязательно на них наступать. Всего лишь ужин. Разговор. Бокал вина. Не больше. В конце концов, Влад отпускает Лару, да и на Тибете помог мне, ничего не требуя взамен. Думаю, он заслужил шага навстречу. Возможно, мы сможем нормально общаться, без взаимных претензий и обидок.

Я кивнула, словно старалась убедить сама себя. Развернулась, подняла глаза и... застыла.

— Где ты была всю ночь? — холодно спросил Эрик. Он стоял, облокотившись о стену, всего в нескольких шагах от меня. Сложил руки на груди и ждал ответа.

В воздухе сгустилось опасное напряжение, сердце заколотилось так, что готово было выпрыгнуть из груди, а в голове обрывками кружили мысли. Что он успел услышать и что мне говорить? Стоит ли вообще говорить? Ответить? И как себя вести с ним?

— Ты меня напугал, — сказала первое, что пришло в голову. И ведь ни словом не соврала же, действительно испугалась. Сжимала трясущейся рукой телефон, тщетно пытаюсь спрятать его в карман. То ли карман внезапно стал меньше, то ли с меткостью у меня проблемы.

— Вот как? Извини. — Ни капли раскаяния в голосе. — Просто ты очень избирательно отвечаешь на телефонные звонки.

Черт-черт-черт! Он звонил. Звонил и, наверное, искал, а я... Раскаяние растеклось по

душе едким раствором. И чувство вины проснулось — куда уж без него.

Хотя... какого черта вообще?! Это он должен извиняться, не я! Эрик сказал, что имеет право на личную жизнь. Что ж, я тоже его имею.

— Извинение принято, — стараясь казаться невозмутимой, ответила я и отвернулась. Я пришла сюда не для этого. И вообще мне эти разборки ни к чему. Телефон все же скользнул в карман, позволяя почувствовать себя увереннее. Контролирующей хоть что-то.

— Тебя не было на Достоевского, не было у атли, — остановил меня Эрик на пути к лестнице. Злость сменилась на обиду, смешанную с тревогой. — Я волновался.

— Ты такой заботливый, — съязвила я. — Всего несколько недель прошло, а ты уже начал переживать.

— Полина...

Договорить ему не дали — входная дверь с шумом распахнулась, вошел Маршал в сопровождении Тамары, а за ними Роб — хмурый и бледный. Увидев меня, Тома остановилась, как вкопанная, и Роб влетел ей в плечо. Облегченно выдохнул и покачал головой. Осуждающе так покачал. Смотрел при этом на меня.

— Все хорошо, нашлась пропажа, — спокойным голосом, который резко контрастировал с недавним обвинительным тоном, сказал Эрик.

То есть они искали меня, что ли? Дружно? Зачем? Разве я пропадала? Разве все не закончилось хорошо? Лидия здорова, Гектор доволен, кена его во мне больше нет. Так чего переживать?

Они переживали. Тревога была написана на обычно спокойном лице жреца, она сквозила в мелких продольных морщинках Тома на лбу — когда воительница хмурилась, то морщила лоб, становясь отдаленно похожа на шарпея. Даже Маршал удивленно моргал, не зная, что теперь делать. Лучшая ищейка скади. Странно, что они не вычислили, где я была. Впрочем, энергетика Андрея и не дала бы — охотники умеют прятаться не хуже хищных. И морок напускают отличный.

— Отдыхайте, — велел им Эрик. — И остальным отзвонитесь, пусть едут домой.

Ого, да тут целая поисковая миссия на одну маленькую меня. Даже неловко как-то.

— И не стыдно? — покачала головой Тома. — В городе сумасшедший убийца, а ей — гулять!

Маршал молча удалился, Роб направился на кухню, на ходу набирая чей-то номер.

— Какой убийца? — нахмурилась я.

Если с утра во всем теле ощущалась небольшая слабость, то к середине дня она усилилась, и начинало клонить в сон. Ничего, я сольвейг, восстановлюсь.

— Думаю, нам стоит поговорить об этом подробнее, — иронично заметил Эрик. Тревога ушла, и за небрежностью он старался скрыть облегчение. Рад, что я нашлась, только выразить это не получается. Что ж, сам виноват. Доверие несложно сохранить, нужно лишь постараться. Мы свое не сохранили.

— Говори. — Я сложила руки на груди и холодно на него посмотрела. Во всяком случае, постаралась холодно. Тома воодушевленно следила за нашей начинающейся перепалкой и едва заметно улыбалась.

— Не здесь. Тамара, посмотри, как там Алан. Наверняка он Дарью замучил уже.

Воительница разочарованно вздохнула и повиновалась, оставив нас наедине. Эрик смотрел прямо и открыто, и это раздражало. Я ведь ждала извинений, признаний, безразличия — да чего угодно, только не прямого, изучающего взгляда. Я уже и забыла, что

он может быть таким. Подавляюще большим, сильным, а я так устала.

— Идем, — наконец, скомандовал он и, не дожидаясь моего согласия, направился в коридор.

Полумрак. Тут всегда немного темно, ближайшее окно на кухне, и свет от него практически не проникает сюда. Шаги отдаются в голове глухими звуками, сердце выстукивает в груди неровный ритм. В остальном — тихо. Так тихо, что тишина оглушает. Эрик не оборачивается, словно его не волнует, иду ли я за ним. Иду. Стараюсь поспевать за размашистым шагом и молчу. Любопытство во мне победило обиду, пусть и победа эта временная. Да и я не так беспечна, как раньше — если они искали меня всем отрядом, опасность действительно существует. Эрик не стал бы волноваться понапрасну. Или стал бы? Что если выиграло банальное желание получить то, что хочется? Хотя, нет, скади он пугать не решился бы — справился бы один.

Потому иду. Жду с покорностью, когда он откроет массивную дверь и впустит меня внутрь.

В кабинете почти так же темно, как и в коридоре. Штора задернута, на столе горит лампа — единственный источник света. Матовые пятна его стелятся по столу, распадаются на множество световых пылинок, которые осыпаются на пол, подобно звездной пыли. На стеллажах испуганно притихли книги.

Вхожу. Вдыхаю запах полироли и свежей кожи — Эрик недавно поменял мебель. Сажусь. Стеганный диван неприятно холодит ладони, которые я прячу под колени.

— Ты слаба.

Он смотрит исподлобья, почти жалостливо, и говорит не о том. И если слова эти можно считать прелюдией, предисловием к основному разговору, то за жалость хочется ударить. Злость просыпается снова, будит обиду, я выдыхаю ее — нервно, прерывисто — и она растекается по комнате ядовитым газом.

— Пройдет.

Ответ вырывается шипением. Я не знаю, как с ним говорить. О чем. И главное — зачем? Но он тут главный, и я принимаю правила игры.

Эрик присел рядом, взял за руку. Прикосновение обожгло, заставило поежиться и отстраниться. Он слишком близко, и эмоции зашкаливают. И на секунду показалось, он чужой. Совсем. Не тот человек, которого я знала, которому улыбалась по утрам и рядом с которым засыпала. Другой. Не плохой, не хороший, просто другой. И рядом с ним неудобно, хочется спрятаться в панцирь и затаиться.

Только вот незнакомец этот, нервирующий до зуда в ладонях, влез в шкуру моего Эрика и имел все привилегии вождя.

Кожанный диван раздражающе скрипел и неприятно холодил спину. Лампа светила прямо в лицо, и я поняла, что выбрала безумно неудобную позицию. Было поздно — Эрик удобную занял сам и испытывающе смотрел в глаза. Ну хоть руку отпустил и то хорошо.

— Не нужно защищаться от меня, Полина. Я тебе не враг. Просто давай поговорим. Неважно, о чем.

Для меня важно. Потому что я не знаю, о чем. И как.

Кивнула. Глаза опустила и заметила на колене пыль. И когда измазаться успела? С остервенением потерла его, мысленно благодаря небо за то, что можно куда-то деть руки.

— Начнем с простого. Ты вылечила Лидию. Это было... неожиданно.

Я вздохнула. Это называется начать с простого? Разве? Как раз эта тема для меня была

безумно сложной. Настолько, что не хотелось ее касаться, чтобы не увязнуть. Чтобы она не поглотила, не забрала последние крохи сил.

— Как оказалось, у сольвейгов много скрытых талантов, — уклончиво ответила я.

— Ты была у них? Когда пропадала? Я не чувствовал тебя некоторое время...

— Была. Барт научил меня лечить.

— Ты намного больше связана с ясновидцами, чем думаешь. Ты и остальные сольвейги. Например, человек с ванильным кеном, — повторил он слова Лидии. — Это ведь Барт верно?

Подняла на него глаза. Сказать было и страшно, и невероятно волнительно. Хотелось сказать. Бросить это ему в лицо, гордо подняться и уйти, оставив Эрика вариться в собственных мыслях, как я варилась в ту ночь, когда...

Мелькающие фонари. Витрины. Прохожие, которым все равно. Расплескавшаяся темнота. Влад не смотрит на меня, делает вид, что меня и вовсе в машине нет. Только Глеб недовольно ерзает на заднем сиденье.

А мысли, словно кислота, разъедают душу. Он остался с ней. Он остался... Он...

— Нет, — ответила я и замолчала. Выдержала взгляд и спокойно добавила: — Это Влад.

Ему было интересно, как лечат сольвейги. Как происходят чудеса, о которых ты раньше и помыслить не мог. Как исправляются ошибки — ведь Лидия была его ошибкой. Если бы Эрик так не считал, он бы питался до сих пор, а он не питается. Ищет другие способы восстановиться.

Да, ему было бесспорно интересно, как я помогла Лидии.

До той моей последней фразы.

Нахмурился. Посерьезнел и немного растерялся. И если до того момента еще держал ситуацию под контролем, то тут его потерял. Молчал и смотрел мне в лицо, словно стараясь рассмотреть на нем признаки шутки. Не находил. И оттого хмурился еще больше.

— Он... помог тебе?

Я кивнула. Жаль, что больше нет никакого пятна, нужно было оставить то на потом. На сейчас. Занять руки было нечем, вспотевшие ладони я сунула обратно под колени.

— Как? — Голос тихий и не выражает ничего. Я больше не смотрю в глаза, поэтому не вижу выражения лица. Хочется взглянуть и... страшно. Чувствую себя преступником на допросе.

— Сольвейгу нужен кен вождя по крови, чтобы лечить.

Я даже удивилась, насколько легко мне далась эта фраза. Сказала и сама осознала. Поверила, что произошедшее не приснилось мне. Была и ночь в палатке, и позволенные ласки, и обмен — полноценный уже, когда я еле сдержалась, чтобы не... Чтобы что? В прошлое возврата нет, и тебе это прекрасно известно, Полина.

— Много? — сухо поинтересовался Эрик.

Я пожалала плечами. Почему мне знать? Раньше Влад давал мне кен, только когда я была на грани — истерики или истощения. А я делилась лишь на берегу Дуная.

Для нас такой опыт, считай, в новинку.

Молчание затянулось. Я задержала дыхание и думала, к чему приведет этот разговор. А еще о том, что за эти несколько недель с нами произошло столько всего, и события эти, возможно, навсегда нас друг от друга отдалят. От этой мысли стало горько. По-настоящему. Сильно. В глубине души я не хотела, чтобы все заканчивалось вот так, ничем. Мы ведь даже толком не попробовали, не попытались что-то построить. Жили себе. Наслаждались

счастьем. А потом пришел обиженный ясновидец и все испортил...

Чтобы не думать о плохом, я спросила первое, что пришло на ум:

— Тома говорила о каком-то убийце. И Гектор тогда... ну...

Я, наконец, решилась поднять на него глаза.

Эрик вздохнул. Обреченно так вздохнул. Смотрел прямо перед собой, на лице застыла каменная маска, за которой не видно было эмоций. А потом устало кивнул и поднялся.

— Вчера нашли убитого ясновидца. Нашли по энергетическому следу — Гектор чувствует своих. Его тело бросили на свалке и прикопали мусором.

— Кто-то убил ясновидца? — удивилась я. — Но... зачем?

— Хороший вопрос. И ответ на него неутешителен, если учесть, как именно был убит тот мужчина.

— Как он был убит?

Голос дрожит. Даже не знаю, отчего — то ли от предчувствия беды, то ли оттого, что предыдущую тему мы так бездарно замяли. Наверное, оно к лучшему, но все же обидно. И больно. До сих пор.

— Его убили ритуальным ножом. Выкачали кен. При этом запястья его тоже порезаны, от ладони до локтя.

Я поежилась. Пальцы непроизвольно потянулись к моим — давно забытым, но все еще бугристым шрамам.

Эрик развернулся, проследил за моим движением и кивнул.

— Именно. Второй этап изгнания Девяти. Те, кто был в кане, знает, что нали дело не заканчивается. Всегда можно получить больше. Кена. Знаний. Способностей. — Он сделал паузу и серьезно добавил: — Власти.

— Второй этап? — Дыхание перехватило от ужаса, пальцы с силой сжали запястье. Спрятать бы, стереть эти шрамы! Навсегда избавиться от клейма преданной. Но метки, как проклятие, со мной навсегда...

— Убийство пророчицы — лишь первый. Она же хищная, что значительно упрощает задачу. Затем нужно убить ясновидца. Охотника. И, наконец, Первозданного. Каждый кен имеет свойства. И каждый что-то дает, если знаешь, как правильно взять.

— Ты знаешь...

— Знаю. Как и Гектор. Как и любой, кто был в кане и вернулся. Это значительно сужает поиск.

— Ты ищешь его? Того, кто это делает? Зачем?

— Потому что ясновидца убили в моем городе. Потому что будут еще убийства. Потому что для завершения ритуала безумцу понадобится кен Альрика, а он пока единственный, кто хранит хрупкий мир между нами и охотниками. Потому что, заверши он начатое, он станет настолько сильным, что никто в нашем мире не сможет ему противостоять. Много «потому что». Есть еще одно — личное. — Эрик глубоко вздохнул. — Для скрепления связей полученного кена убийце понадобится уникальная субстанция. Кен, который принимает любой из убитых им существ.

— Кен сольвейга, — догадалась я. Сердце бешено заколотилось, вверх по рукам, начиная от ладоней, поползли противные мурашки.

Наконец, стало понятно волнение Эрика. Я — единственный сольвейг, живущий во внешнем мире. Единственный, к кому беспрепятственно можно добраться. И это делает меня мишенью.

— Я найду его, — пообещал Эрик. — Но пока я ишу... Этот амулет дали тебе сольвейги, верно?

Я рассеянно кивнула. Мир снова перестал быть безопасным. Развалился на части, скалился трещинами и норовил распахнуть новую бездну. Гектор больше не казался мне главной из зол. Да он, по сути, никогда и не был. А вот загадочный убийца, побывавший в кане, внушал по-настоящему осязаемый ужас.

— Не снимай. И постарайся так не исчезать, я не чувствую тебя, пока ты его носишь.

Я снова кивнула. Чисто машинально, наполовину выдернутая из реальности и поглощенная в жуткие, кровавые образы, которые тут же нарисовало воображение.

Нож с застывшими на нем каплями крови. Вспоротая плоть. Крик, замерзающий на выдохе, переходящий в шелестящие звуки. Камень — изрезанная трещинами, пропитанная кровью и кеном глыба. Жизнь, обрывающаяся на вздохе. Темнота...

— ...и не быть такой беспечной, — ловлю кусок фразы Эрика, поднимаю на него глаза и не сразу осознаю, что именно он сказал.

— Беспечной? — Слова вырываются сами, яростные, пропитанные обидой. Если бы не моя «беспечность», он бы до сих пор жил с Лидией и прогибался под Гектора. А навсегда потерянная для мира ясновидица никогда не вышла бы на свет. Беспечность — оставить меня в неведении, превратить в слепого котенка, тыкающегося мордочкой мимо миски.

Я не знала, что делать. Не знала даже, выживу ли. А он — человек, которого я считала родным — ни словом, ни делом не подсказал, как выбраться из ситуации, которую сам и создал.

— Беспечной?! — повторила я и встала. Жила ожила, натянулась, вены заныли от напряжения. Все же сольвейги лучше всего восстанавливаются, когда злы.

Эрик молчал и сверлил меня взглядом. Ждал, наверное, что я начну истерить. И вообще молчание в ответ на возмущение — отличный способ манипуляции. Можно дождаться, когда человек дойдет до точки кипения, а затем использовать эту его слабость. Люди часто используют слабости других людей.

— Знаешь, ты... — Дыхание опаляет горло. Ладони горят, а перед глазами языки пламени. Злость. Чистая злость вырывается из груди, истекает кеном, которого до этого моменты и не было почти. Я же выложились, чтобы исцелить Лидию, так откуда во мне взялось столько кена?

Эрик отпрянул. Не испугался — чего ему бояться, все же я слабее — но отступил. Увеличил расстояние между собой и моей яростью. Но взгляд не смягчился ни на йоту.

— Знаю. Но и ты должна помнить, что присягала мне.

Резкие слова секут душу, оставляя лиловые полосы. Воздух вырывается свистом. Слова закончились, возмущение пронеслось волной огня, сжигая их. Я пытаюсь найти хоть что-то, за что могу зацепиться. Фразу, колкую настолько, чтобы причинить не меньшую боль. Не нахожу, и от этого обида разрастается, кипит в крови.

А потом вспоминаю. Сегодня в семь. Благодарность обратится в месть — не настолько существенную, ведь Эрик и знака не подал, что его задел наш с Владом обмен. Но приятную. Чисто для меня. И плевать, что Эрик говорил об опасности. Сейчас злость сильнее благоразумия.

Опускаю глаза в пол и тоже отступаю на шаг. Еле сдерживаю злорадную улыбку — сама от себя не ожидала такой реакции. Обида растворяется медленно, сменяясь торжеством.

Но я ничего не скажу. Не позволю испортить мне вечер. Амулет Барта скрывает меня

даже от тех, кто был в кане. Наверное, потому, что сам Барт там тоже побывал. Да и Влад заслуживает того, чтобы его предупредили. Эрик вряд ли этим озаботится.

Телефонный звонок заставил вздрогнуть. До этого момента я не подозревала, до чего напряжена. А надпись на дисплее порадовала.

Я подняла на Эрика взгляд и едко бросила:

— Не бойся, не забуду.

Покинуть кабинет было блаженством. Я быстро преодолела коридор, на ходу включаясь в разговор.

— Рада, что ты позвонила.

Я действительно обрадовалась. В частности тому, что можно было уйти, сбежать из-под ледяного взгляда и колких слов. Не того я ждала от разговора с Эриком, но уж что есть.

— Шутишь? С того самого вечера, когда ты сказала, что не приедешь, я места себе не нахожу! — яростно ответила Ира. — Ты пригнала меня в Липецк, а ты знаешь, как мне тяжело здесь находиться. Особенно вместе с Крегом.

— Вы приехали? Давно?

— Вчера. Я звонила тебе, но ты была вне зоны. Что происходит, Полина?

— Все хорошо. Действительно хорошо. Знаешь... а приезжайте ко мне. Через пару часов устроит? Я только с Аланом поздороваюсь и буду. Идет?

— Хорошо, мы будем.

Что ж, не все так плохо. У меня есть друзья, которым не все равно. Которым плевать на власть и кен сольвейга. Они волнуются. Переживают. И вовсе не кичатся своим положением, как некоторые. Нужно уметь ценить то, что есть. И я буду.

На Достоевского я приехала к трем. Немного побыла с Аланом, и это утихомирило злость, kloкочущую в груди. Невозможно злиться на человека, когда безумно любишь его копию. Сын не взял от меня ничего — как внешне, так и характером, упрямым и напористым, пошел в отца.

Я не жаловалась. То, что непростительно взрослым, умиляет в детях.

Ира и Крег уже ждали меня у подъезда. Сидели на лавочке, обнимались и мило ворковали. Хорошо, что Влад не видит, он бы не пережил. Чувство собственности еще никто не отменял, а у него оно иногда на первом месте.

И только там я поняла, насколько сглупила. Пригласила подругу в гости, совершенно забыв о том, что подруга-то эта замужем, причем замужем за человеком, с которым у меня сегодня свидание... Да уж, чувство такта у меня атрофировалось напрочь.

Влад уверял, что они договорились, но вряд ли Ира обрадуется тому, что я, пусть и частично, но вернулась к тому, с чего начинала. Прошное показало, что нам с Владом не суждено ничего построить, но я упрямо не хочу видеть очевидного.

Только вот взгляд льдистых, холодных глаз подстегивал продолжать эту игру. Тон, не терпящий возражений, который Эрик никогда не позволял себе в разговорах со мной, взбесил. Хотя кого я обманываю — он часто пользовался им, когда давал указания Антону. Даже с Томой, одним из близких ему людей, он разговаривал жестко. Но не со мной. Никогда со мной. Когда мы были вместе, когда он говорил, что любит...

Разлюбил? Наверное. Так бывает. Разлука иногда меняет людей.

Ира, завидев меня, встала. Расплылась в улыбке, и меня словно солнечны теплом окатило. Крег тоже поднялся, но его улыбка была больше вежливой, чем радостной. Он всегда четко чувствовал границы, отделяющие личное пространство человека. И никогда их

не пересекал.

Ира обняла меня без лишних приветствий — крепко и горячо. Как мне не хватало ее открытости и честности, слов, которые попадают точно в суть и не дают спрятаться в собственном панцире. Ира всегда меня из него вытаскивала, и тогда, в Москве, если бы не она, я бы сломалась.

От нее пахло розами и жасмином. Давно забытый запах оживил затертый и блеклый образ прошлого, но тут же наполнил его настоящим. Я больше не та, что раньше, как и она.

— Как ты? — В голосе больше страха, чем заботы. Взгляд скользит по лицу, словно стараясь рассмотреть фатальные повреждения. Их нет. Лишь синяки под глазами и впалые щеки, но это мелочи.

— Все хорошо уже. — Улыбка выходит натянутой, хотя я правда рада ее видеть. Соскучилась. И руку сжимаю, боясь отпустить.

— Я боялась. Крег говорил, такие ясновидцы могут убить в секунду... — Она обернулась, ища поддержки в любовнике. Крег кивнул и шагнул к нам, принимая ее жест за разрешение приблизиться.

— Я могу попробовать с этим что-то сделать, — сказал сдержанно. — Не уверен, что получится, но попытаться можно.

— Не нужно уже ничего делать, правда. Я сама справилась. Вернее... Я была у Барта, он помог.

При упоминании вождя сольвейгов, на лице Крега мелькнуло уважение.

— Вы не перестаете удивлять. — Он склонил голову набок. — Зря Рик недооценивает племя Барта.

— Рик многих недооценивает, — фыркнула Ира и крепче сжала мою руку. — Тебя тоже. Впрочем, и Саймон недалеко ушел. Наследник называется!

— Поверь, они знают мои возможности и их границы, — сдавленно улыбнулся жрец. — Выше головы не прыгнешь.

— Ты сильный, — возразила она яростно. — Поля, он невероятно сильный! Если бы ты видела, что он творит. Заклинания, которые ему удаются... — Восторженный взгляд воительницы вновь обратился на любимого.

Любимого ли? Или она просто играет роль.

— Скромность украшает мужчину, — пошутила я. — Идемте, буду вас угощать.

За обедом я рассказала об убийстве. О ритуале умолчала, обронила лишь, что Гектор беспокоится — все же погибший ясновидец из его клана. Если Крег действительно силен, возможно, он поможет? Хотя бы даст направление, куда стоит копать.

Крег долго хмурился и молчал. Водил вилок по тарелке, словно впал в транс, а потом поднял голову и спокойно произнес:

— Интересный случай. Очень похоже на изгнание нали, но, насколько мне известно, там вовсе не ясновидца приносят в жертву.

— Да, — кивнула я. — Пророчицу.

— Возможно, какой-то скучающий хищный из вашего города так питается? Развлекается, так сказать, ведь когда охотники пришли к власти, стало действительно слишком спокойно. Пугающе спокойно, я бы сказал. Совсем не то, что раньше, когда приходилось обвешиваться амулетами, чтобы выйти на улицу.

— Ужас какой, — задумчиво произнесла Ира. — Не думаю, что это кто-то из Липецка, разве что... Говорят, Макаров собрал племя и вернулся. Возможно, кто-то из его

головорезов?

Я покачала головой. Филипп... Да нет, не верю. Он, конечно, амбициозен, но труслив и на такое никогда не пойдет. Особенно в городе Эрика и Влада. Да они прибьют его, если узнают, и никакой Петр не защитит.

— Могу покопаться в летописях, но не уверен, что что-то найду, — предложил Крег.

— Если не затруднит, — приветливо улыбнулась я.

— Ты выглядишь усталой. Так и до истощения недалеко, — засуетилась Ира, вскочила и принялась по-хозяйски шарить у меня в шкафчиках. — Крег сварит карое. Где у тебя травы?

— Не нужно карое, — поморщилась я. При воспоминании о противном напитке, меня передернуло. — Пришлось выложиться немного, но я же сольвейг — восстановлюсь.

— Ты живешь тут одна? — Жрец андвари с любопытством осмотрел кухню. — Неосторожно с твоей стороны, а со стороны твоего вождя — беспечно. Свобода — это хорошо, конечно, но защита тут слабенькая. Ира рассказывала, тебя чуть не убили здесь.

— Я не то, чтобы тут живу... — смутилась я. Ира говорила, что Крег не консервативен, но мужчину из него не вытравишь, как и воспитание. Наверняка он меня осуждал. Может, не явно — все же Ира тоже жила одна некоторое время — но подсознательно. Я видела это в его глазах. Впрочем, восхищение там тоже было. Хотя восхищался он не мной, а сольвейгами в целом. — Так, иногда захожу. Все же мой дом у скади. А сегодня я вообще иду на свидание, совсем скоро.

— Оу, — тут же поникла Ира. — Тогда нам лучше уйти.

На ее лице четко читалось неодобрение.

Стоп, а она откуда знает? Я ведь не говорила, что мы с Владом... И вообще... Он, что ли, разболтал?

— Уйти? Почему?

— Знаешь, я не очень дружна с этим твоим... с Эриком. Папа не любил Стейнмодов, ну и... В общем, в детстве они явно дали понять, что мы им не ровня.

— Ты знаешь Эрика? — удивилась я, напрочь позабыв о внезапной неловкости из-за свидания с Владом.

— Давай, я как-нибудь потом расскажу, хорошо? — ужимисто попросила Ира. — Тебе все равно собираться нужно, а нам выспаться. Я две ночи не спала, о тебе переживала... Знаешь что, приезжай-ка ты к нам в гости. Рик спрашивал про тебя и Лили. Даже Саймон хотя он обычно девушек быстро забывает, заменяя другими. К тому же Дэн у нас бывает часто.

— Приеду, — пообещала я и на прощанье обняла подругу.

— Я позвоню, если Крег найдет что-нибудь.

Они ушли. Квартира наполнилась тишиной и одиночеством. Я быстро приняла душ, надела красное платье с глубоким декольте. Других вечеринок у меня не было, а идти в ресторан в джинсах и кедах было неловко.

До семи оставалось полчаса. Полчаса мучительного, тревожного ожидания... Чего? Ощущений, в которых не хотелось себе признаваться? Ненужных эмоций? Разговоров, что вскроют старые раны?

Или все же того, что древнее проклятие, которое наложила сумасшедшая ведьма, вовсе не разрушила смерть Тана?..

Я не знала. Просто ждала. Закатное небо расплылось кровавыми разводами, свежий воздух приятно охлаждал пылающие щеки. Катастрофически не хватало сигарет, и я кусала

губы, пытаясь справиться с нервозностью.

Влад пришел ровно в семь, словно специально выжидал нужного момента, чтобы эффектно появиться. Выглядел он и в самом деле эффектно — светло-серый костюм выгодно подчеркивал загар, отчего зеленые глаза казались еще зеленее, а взгляд — хищным до безобразия. И я снова потерялась, словно нынешняя «я» исчезла, а на моем месте оказалась та самая семнадцатилетняя девочка, которая его боготворила. Тянулась к нему. Жаждала прикосновений, ласки, внимания.

Ту девочку он во мне больше не видел. Давно. Не знаю, когда именно произошла перемена в восприятии. Наверное, он и сам не знал... Раньше он смотрел на меня по-другому — покровительственно, слегка насмешливо и немного несерьезно. А теперь...

Воздух наэлектризовался, когда Влад медленно скользил по мне взглядом, будто раздевая. Это пугало и заводило одновременно.

Он склонил голову набок и обворожительно улыбнулся.

— Прекрасно выглядишь.

— Спасибо, — ответила я чужим, непривычно низким и глухим голосом. — Я готова.

И переступила порог, будто грань в реальность, из которой возврата нет.

Это было классическое свидание. Ресторан. Дорогое вино, вкусная еда, тихие разговоры, грудной смех. И я ловила себя на мысли, что люблю Владом — его улыбкой, которая с годами стала еще выразительнее, блеском зеленых глаз, низким голосом.

Мягкая скатерть, красиво сервированный стол, до блеска натертые бокалы, свечи с танцующим пламенем на кончике фитиля. Пламя трепетало, словно желая оторваться, потом приседало, раскаиваясь в желании побега. Алая роза в низкой, прямой вазе застыла восковым изваянием. Вежливые официанты.

Прошлое медленно отступало в тень, позволяя мне жить в настоящем. Мнимая свобода опьянила, сделала беспечной. Тревога, рожденная рассказом Эрика, растаяла подобно кубику льда в мягком, приглушенном свете желтых ламп, растворилась в терпком, изумительном вкусе вина, позволяя расслабиться. Ненадолго. На вечер. Разве я не заслужила?

— Ира приехала, — сказала я как бы между прочим, наблюдая за реакцией Влада из-под полуопущенных ресниц. Глотнула вина. Смущения не было, неловкости тоже. — Волновалась, что я не перезвонила.

Влад пожал плечами.

— Ира вольна не предупреждать меня о своих перемещениях. Она давно атли больше формально, чем энергетически.

— Тебе все равно?

Он лукаво улыбнулся.

— Это проверка?

— Нет, просто Ира моя подруга, а эта мнимая свобода так и разит фальшью.

— Вот как? Думаешь, я играю?

— Не знаю, — вздохнула я. — Из меня плохой психолог.

— Полина, — проникновенно промурлыкал он. — Если хочешь что-то спросить, спроси прямо.

Под его настойчивым взглядом захотелось съежиться. Я почувствовала себя неудобно, словно не могла скрыть собственные мысли, и Влад считывал их сразу же, как только они возникали в голове.

— После венчания хода назад нет, — зачем-то сказала я и опустила глаза. Глотнула вина, и оно приятно согрело горло, опускаясь теплом в желудок. От него кружилась голова, и я, должно быть, выпила слишком много, но мне нравилась эта окрыляющая легкость, ощущение свободы и легкой вседозволенности, отсутствия запретов и рамок. Пусть ненадолго, лишь на вечер. На час или два. Просто почувствовать себя нормальной. Земной. Женщиной, а не мешком с кеном.

— А ты хотела бы, чтобы был?

— Неприлично отвечать вопросом на вопрос, — проворчала я и обиженно надулась.

— Я и приличия — вещи несовместимые, — рассмеялся Влад и коснулся моей руки. — Пройдемся? Погода хорошая, хочу тебе кое-что показать.

На улице было прохладно. Фонари и яркие витрины отбрасывали блики на влажный асфальт, и тот разбивал их на мелкие световые капельки, каждая из которых сверкала острыми гранями. Люди вокруг кутались в плащи и палантины, прикрывались шляпами и зонтами. Моросило. Полностью лишенное звезд небо мрачно нависало над головами, и я невольно прижималась к плечу Влада.

На улице вернулись мысли об убийце. Я буквально чувствовала на спине скользкие внимательные взгляды, словно он мог наблюдать за мной из темноты, из одного из мрачных, не освещенных переулков, мимо которых мы проходили.

Каблуки я носить совершенно не умела, приходилось быть внимательной, чтобы лишний раз не споткнуться и не полететь кувырком на мокрый асфальт. Влад лишь посмеивался, поддерживая меня за талию, и один раз позволил себе иронично подчеркнуть, насколько я не привыкла к такой одежде и обуви.

Да, я совершенно не вписываюсь в круг его обычных женщин — всегда одетых элегантно, по моде и умеющих себя подать. Раньше комплексовала по этому поводу, а сейчас... а сейчас пожалела, что все же не надела кеды. Неудобные туфли, кажется, натерли мозоли.

Влад остановился у ограждения элитной новостройки, строительство которой, по моему, закончилось совсем недавно. Набрал кого-то по телефону, а через несколько минут ворота распахнулись, и нас впустил охранник.

Внутри нас встретил не двор — парк.

Газоны, изрезанные выложенными плиткой тропинками, разбросанные беседки, яркая детская площадка с кучей горок, качелей и турников. Небольшая спортивная площадка. И большой фонтан в виде чаши — в центре.

Влад что-то шепнул охраннику и потянул меня к входу в подъезд. Клацнул выключатель, подъезд залило приглушенным светом. Широкая лестница, оштукатуренные стены, дорогая плитка на полу площадок. Широкие перила блестели свеженанесенным лаком.

Уже на лестнице Влад развернулся ко мне и спросил:

— Устала?

Я пожала плечами.

— Ноги болят. Жуткие туфли. Приду домой — выкину.

Он улыбнулся, шагнул ближе и, пока я не успела опомниться, подхватил на руки.

— Лифт не смонтировали еще, — шепнул на ухо и начал подниматься по ступенькам.

— Зачем мы здесь? — так же шепотом спросила я, боясь нарушить некое таинство, волшебство, звенящее в воздухе, такое хрупкое и прекрасное, что страшно было дышать.

Я слышала, как размеренно бьется его сердце, слушала прерывистое дыхание. И без того

короткая юбка моего откровенного платья бессовестно задралась, но я не обращала внимания. Закрыла глаза и вдыхала запах, будоражащий воспоминания.

Мускус и ваниль.

Головокружительно.

— Увидишь, — загадочно ответил Влад.

Остановились мы на последнем этаже, у одной из дверей. Массивная, широкая и явно дорогая — она венчалась глазком в золотой огранке и небольшим молоточком. Стены вокруг декорированы камнем, что создает некую иллюзию входа в пещеру. Чуть левее — домофон с видеозвонком. Желтый светильник на стене, под ним — красивая пальма.

Влад аккуратно поставил меня на пол и вытащил ключи. Замок щелкнул, дверь открылась, выпуская темноту, полную неожиданных, будоражащих воображение тайн.

Темноту развеял свет. Влад шагнул внутрь, щелкнул выключателем, и мы оказались в просторной гостиной, полностью лишенной мебели. Прямо напротив входной двери зияла дырой другая — ведущая, видимо, на кухню. А по правой стороне змеей вилась винтовая лестница, заканчивающаяся широкой площадкой на втором этаже.

Влад взял меня за руку и потащил вверх. Перила холодили ладони, каблуки стучали по новенькому паркету, беспощадно разрушая царившее тут волшебство.

На втором этаже было так же пусто. Гладкий паркет, девственная белизна стен, огромные провалы окон — их было три, от пола до потолка, и одна дверь, ведущая на балкон. Влад открыл ее и впустил внутрь город. А нас выпустил в него.

Сотня огней — разноцветных, ярких и не очень, складывались в небольшие и побольше созвездия, текли ручейками, соединялись и расходились, образуя нечто похожее на паучьи сети. Сотни, тысячи огней, а над ними — небо. Темные разводы индиго, разбавленного сизым, серая вата облаков, сквозь которые проглядывал налитый, полный диск луны.

И все это окружает, обступает с разных сторон на широком — нет, не балконе даже — уступке с высокими перилами, в которые я буквально вцепилась, замороженно рассматривая вид.

Сзади что-то выстрелило, и я даже не сразу поняла, что именно. В руки мне сунули бокал с шампанским, Влад стал рядом и тоже посмотрел вдаль. Выглядел при этом задумчиво.

Я осмотрелась. Довольно просторная терраса, два плетеных кресла, столик, на котором в ведерке со льдом накренилась бутылка. Замысловатые закуски на тарелке. И волшебство вокруг — в воздухе, растворилось невидимым газом. Я вдыхаю и выдыхаю его, от волшебства кружится голова и немеет кожа. Каждая клеточка ее — приемник и передатчик восхищения. Мне хорошо. Легко. И хочется остановить время, чтобы насладиться.

Влад молчит, а я, как всегда, все порчу вопросом.

— Зачем мы здесь?

— Хотел с тобой поделиться кусочком своей жизни.

— Это твоя квартира?

Кивнул и отвернулся. Туда, где огнями манил город. Откуда на террасу врвался ледяной ветер, трепля волосы и обжигая кожу.

— Здесь красиво.

— Я скучаю по тебе. В атли и вообще.

Я громко выдохнула. Наверное, стоило молчать и не заводить этого разговора. Стоять и смотреть на огни. На город. Думать об убийце, просчитывать хода. Да что угодно, только бы

не говорить с Владом о личном.

— Ты молчишь. Плохой знак...

Горечь в голосе. Безысходность. И я понимаю, что очень не хочу его расстраивать.

— Это не знак. Я не могу вернуться в атли, ты же знаешь.

— Ммм, ты не стала продолжать, — как-то странно улыбнулся он. Взял меня за руку и провел большим пальцем по коже запястья. Опасно и волнующе.

— А должна?

— Ты мне скажи.

— Все сложно, Влад. — Я отвернулась, но руку отбирать не стала. Было приятно и хотелось, чтобы он продолжал.

— Потому что ты любишь усложнять, — усмехнулся он и придвинулся ближе. Обнял за плечи, прикрывая их от холодного ветра. Да, так действительно намного лучше. — Ты не с Эриком больше, верно?

— Не с Эриком, — согласилась я. — Но и начинать новые отношения не считаю хорошей идеей.

— Новые? — Светлая бровь иронично изогнулась. Его лицо так близко... Почему хочется, чтобы оно было еще ближе?

Я сглотнула и заставила себя отвести взгляд.

— Хорошо, ты прав, их сложно назвать новыми. Но я все равно не думаю, что торопиться — хорошая идея.

— Ты все еще злишься? — Голос проникновенный, вкрадчивый, отключает тревожные сигналы в моей голове. Заставляет расслабиться. Гипнотизирует.

— Нет, — качаю головой, — не злюсь.

— Тогда что? Разве тебе не было хоть капельку хорошо на Тибете? Когда мы обменивались, ты отвечала на поцелуи.

— Я растерялась. Думала, что умру. Во мне был твой кен, и нечестно сейчас использовать эти аргументы.

— Сейчас в тебе моего кена нет.

— Сейчас нет...

И что? Изменилось ли что-то? Он так же близко, от прикосновений по телу змейками ползет электричество. Голова кружится — то ли от вина, то ли от близости. И я в уже в шаге от того, чтобы самой его поцеловать...

Но все же отступаю. Опускаю глаза осторожно высвобождаю руку и шагаю в сторону. Там, где дует холодный ветер, где сквозь полупрозрачные облака на нас смотрят холодные звезды, легче. Вдыхаю, стараясь выбросить из головы порочные мысли. Делаю глоток, поздно понимая, что не стоило этого делать. Шампанское ударит в голову и толкнет на безрассудство.

— Я не могу, — говорю, стараясь убедить больше себя, чем Влада. — Совсем недавно я была счастлива с другим мужчиной, даже думала о венчании. Впервые в жизни все было настоящим для меня. А теперь ничего нет. Снова. Не лучшее время принимать серьезные решения.

— Лучше бы ты меня поцеловала, — обиженно пробормотал Влад.

— Возможно, так было бы проще, — согласилась я.

— Ты всегда любила усложнять. — В глазах — неудержимый азарт, оттого они блестят, словно те огни, что заполонили город. Еще миг, и он снова близко. От близости этой

перехватывает дыхание, на кончиках пальцев приятно покалывает, ладони горят, несмотря на холодный металл перил. — Я хочу тебя. Просто позволь себе немного удовольствия сегодня. Завтра можешь снова сказать, что наши отношения безнадежны.

— Опасное предложение, — прошептала я и отвернулась.

— Опасное потому, что тебе хочется согласиться?

— Нет. Потому, что завтра ты можешь сделать его снова.

— И у тебя снова будет шанс отказать. Каждый день будет путь к отступлению. У тебя будет все, что ты захочешь! На этот раз я не облажаюсь, пророчица.

— Нет.

С каждым разом все труднее говорить это слово. Оно застывает на выдохе, горчит на губах. А город горит, пылает холодными огнями, осуждает мои слова — от первого до последнего. Здесь, на этом небольшом кусочке бетона, город весь принадлежит Владу.

— Твоя проблема в том, что ты очень много думаешь, Полина. С другими гораздо проще.

— Почему же ты сейчас не с другими? — выдыхаю обиженно и не могу понять причину этой обиды. Он не мой мужчина. Нас давно ничего не связывает. Почему тогда мне совершенно не хочется его ни с кем делить?

Он взял мое лицо в ладони, окатил яростным взглядом. Я слышала его дыхание — прерывистое, громкое. Раздражение электризовало воздух. Злость множилась, расползалась, опаляя холодом.

Влад злился — на меня, на себя, на ситуацию в целом. На мое упрямство, на прошлое, где ему пришлось спасти меня таким диким способом.

Прошлое не исправить, а будущего я боюсь.

— Все просто — я хочу тебя, — резко выдохнул он и выпустил мое лицо. — Ты влезла мне в голову, стала моим наваждением. Приходишь и мучаешь постоянно, словно проклятие действительно существует. И я не уверен, что ты его разрушила. И теперь ты говоришь, что была на грани того, чтобы уйти насовсем. Насовсем — понимаешь, что для меня это значит? Я мог потерять тебя навсегда и даже не догадывался об этом. Не думал, что ты можешь...

— Не могу, — перебила я. — Видишь, ничего не вышло. Можешь радоваться.

— Я не радуюсь тому, что ты несчастлива. Но сложно радоваться за других, когда теряешь что-то важное для себя. — Влад повернулся ко мне и горько усмехнулся. — Тебе не кажется, что ты достаточно меня наказала?

— Я не собиралась тебя наказывать! Я полюбила. Не все в моем мире вертится вокруг тебя, Влад.

— Только в моем все вертится вокруг тебя, — усмехнулся он. — Как ни странно.

Он снова обнял меня, но в этот раз объятия были другими. Я не чувствовала больше желания соблазнить во что бы то ни стало. Тепло вернулось, и я прикрыла глаза, позволив себе насладиться.

— Я могу подождать, Полина, — шепнул Влад мне на ухо. — Я умею ждать.

— Не хочу давать тебе напрасных надежд, — тихо сказала я.

Его ладонь скользнула по щеке, поворачивая мое лицо. Он снова близко, и в голове мелькает мысль, что на этот раз мне не отвертеться. Не убежать. Не отступить и не спрятаться. Я здесь, перед ним, открытая и беззащитная, как раньше. Рука, сжимающая бокал, дрожит.

— Знаешь, я все же не настолько благородный.

Губы его горячи. Настойчивы. И я подаюсь навстречу — чисто инстинктивно, потому что хочу. Непроизвольный стон тонет в поцелуе, рука хватается за поручень, стараясь удержать тело на ногах. Ноги подводят. Колени дрожат и подгибаются, и я с трудом стою. Лишь объятия Влада не дают упасть. Крепкие, удушающие — и мне хочется задохнуться, раствориться в поцелуе.

Да, немного удовольствия не повредит. Так я говорю себе мысленно и обнимаю Влада. Позволяю ему немного больше, чем просто поцелуй. Кожа от его прикосновений плавится, покрывается горящими дорожками, откликается, требует продолжения. Я выгибаюсь еще больше, и вот уже перила вжимаются в поясницу. Не убежать. Не выскользнуть. Я в ловушке.

А потом Влад прерывает поцелуй. Отступает на шаг, и мне снова есть чем дышать. Холодно. Разочарование заполняет тело.

— Здесь мы можем построить что-то вместе. Разрушить старое и выстроить заново. Ты и я. Просто подумай, Полина. Возьми тайм-аут. Я подожду.

По дороге домой Влад молчал. Тишина напрягала, поэтому я заговорила первой. Рассказала об убийстве и подозрениях Эрика. Он слушал и не перебивал, а когда мы вышли, взял меня за руку и пообещал:

— Тебя никто не тронет. Я не позволю.

От обещания в груди стало тепло. Так иногда греет благодарность, но благодарность — не единственное, что я чувствовала. Новая эмоция смущала и сбивала с толку. Я растерялась и совсем не понимала, как теперь себя с ним вести.

— Спасибо за приятный вечер, — шепнул он мне на ухо у самой двери.

— И тебе...

Влад улыбнулся, поправил мне волосы, а потом с отпечатком огромного сожаления на лице спустился вниз. А я осталась. Растерянная, сбитая с толку неожиданной близостью, слегка разочарованная собственным же отказом. Наверное, стоило согласиться. Провести с ним ночь, а завтра сделать вид, что ничего не было. Но внутри что-то протестовало против такого решения. Считало его неправильным.

Я тряхнула головой, стараясь поскорее вернуть возможность нормально мыслить. Здорово. Холодно. Не вышло. Взгляд скользнул по двери Мирослава, я инстинктивно шагнула к ней и нажала на кнопку звонка. Подумала, вдруг он дома. Ответом мне было глухое молчание и темнота, льющаяся из глазка. Если он и дома, то прячется и не откроет. Даже мне.

Я глубоко вздохнула, достала ключи и открыла свою дверь. Вошла, и, не включая свет, прислонилась к ней спиной. Мысли царапались в голове, словно дикие кошки.

— Подумаю об этом завтра, — пробормотала, цитируя Скарлетт О'Хара.

— Подумаешь о чем?

Я вздрогнула, но испугаться не успела. Помещение залил свет и осветил Эрика. Он стоял в проеме двери, ведущей в гостиную со сложенными на груди руками и буравил меня злым взглядом.

— Так о чем ты собралась думать, Полина?

Глава 9. Подарок

— Ты решил меня до смерти сегодня испугать?! — выдыхаю злость вместе со страхом. Термоядерная смесь. Под прозрачным взглядом Эрика самообладание теряется быстро, и ладони начинают трястись.

— Ты же не стесняешься делать то же самое.

— Прости, что? — Я не сразу поняла, о чем он. Дверь за спиной ложно намекала, что можно убежать. Смыться и избежать трудного разговора. Сегодня у меня их было достаточно.

— Уже почти час ночи, Полина. Где, черт возьми, тебя носит?!

— Это не твое дело! — ответила я с ходу, задыхаясь от ярости, которая тут же застелила глаза, окрасила мир в темно-багровые тона. Руки сжались в кулаки, ногти с силой впились в ладони.

— Ошибаешься, — спокойно ответил Эрик. Даже глазом не моргнул. — Я твой вождь.

— Это не делает тебя моим хозяином.

Я выдохнула это и замолчала. Затолкала остатки яростной речи обратно и заставила себя их проглотить. Испугалась, что он разозлится еще больше. А ведь он может. И наказать меня может — за непослушание.

Но Эрик резко перестал злиться. Опустил глаза и глубоко вздохнул.

— Ты права. Не делает. Но ты поступила ужасно глупо и безрассудно — мы же говорили днем.

— Я дома, и со мной все хорошо. — Я решила не сдавать позиции. Небрежно бросила сумку на трюмо и не без наслаждения разулась. Наверное, все же стоит выкинуть эти туфли, все равно носить их не буду. Волдыри на ногах проглядывали даже через чулки. — У меня есть твой номер. Если попаду в неприятности, позвоню.

— Дело в том, что ты можешь не успеть, Полина. — Он осуждающе покачал головой. — Я не ссориться пришел.

— А зачем ты пришел? — Я облокотилась о стенку, понимая, насколько устала. От страха, разъедающего кровь, предложений, от которых почти невозможно отказаться, но приходится, потому что так правильно. А кто я такая, чтобы решать, что правильно, а что нет?

— Если ты собираешься жить здесь, нужно поставить защиту. Но лучше тебе все же остаться со всеми, у склади.

— Не уверена, что сейчас это хорошая идея.

Он кивнул. Окинул меня оценивающим взглядом и как бы между прочим заметил:

— Хорошо выглядишь. Гуляла?

— Немного, — смутилась я. Вид мой вдруг показался очень вызывающим. Красное платье, вырез которого слишком многое позволяет рассмотреть. Да и юбка не особо длинная... Макияж. Туфли на каблуке. И губы горят от чужих поцелуев.

Где я была, Эрик интересоваться не стал. Развернулся и исчез в гостиной, а я поплелась на кухню варить кофе.

Руки тряслись, отчего чашки громко стучали о блюдца. Несколько раз я чуть не выронила сахарницу и дважды вымыла ложку, так как она упала на пол. Энергии

становилось все меньше, истощение давало себе знать — глаза слипались, кухня плыла, очертания мебели двоились. Кофеварка убаюкивающее бормотала и плевалась темной жидкостью в кофейник. Из гостиной доносилась пугающая тишина — если Эрик и ставил защиту, то делал это на удивление бесшумно.

Я открыла окно, и свежий воздух немного прояснил мысли.

Неправильно все это. И свидание сегодняшнее, и его последствия. Мы вдвоем в одной квартире. Ночь. И мне совсем не хочется, чтобы он уходил. Я поняла, что больше не злюсь. Не вижу смысла ссориться, ведь все живы и все хорошо. Лидия здорова, и Эрик не может больше к ней приближаться. От этой мысли — по-детски эгоистичной и злорадной — в груди разлилось приятное тепло.

— Да что со мной такое? — прошептала я, положила голову на стол и закрыла глаза.

Я снова в хельзе. Теплый песок, облака — низкие, тяжелые, белым пухом скользящие над озером. И их близнецы смотрят на небо со дна. Я стою, а ветер ласкает кожу, бесстыдно обнимает меня всю, одежда липнет к телу. Дышу и смотрю, как он идет ко мне — высокий, в широких шароварах, тех самых, в которых меня посвящал. Улыбается, и я улыбаюсь в ответ. Хочется смеяться и танцевать.

Он подходит медленно, и я вздрагиваю от легкого, как перышко, прикосновения к щеке.

Вздрогнула я и в реальности. Открыла глаза. Темно. Потолок в разводах света. Слева — окно, и занавеска шевелится от прохладного ветра. Зябко. Пахнет кофе. А под спиной что-то мягкое.

И лишь через мгновение доходит, что я в спальне, лежу на кровати, а Эрик сидит, склонившись надо мной, и улыбается. Той самой улыбкой, от которой я раньше млела. На которую даже сейчас хочется ответить, но я сдерживаюсь.

— Ты уснула на кухне, — как ни в чем не бывало, говорит он и поправляет мои волосы. Задыхаюсь. Горло жжет злость вперемешку с радостью.

— В спальне ты еще не поставил защиту? — выдыхаю едко. Встать сил нет, отодвинуться тоже. Так и смотрю в его глаза и буквально вижу, как они темнеют — то ли от злости, то ли от разочарования. Шторм в лагуне.

И я тут же жалею: и о брошенной, как снаряд, фразе, и о цели, в которую она попала.

— Нет, я закончил, — ответил Эрик глухо.

Мне хотелось извиниться, но я лишь шепнула горячее «спасибо» и отвела взгляд.

— Мне это ничего не стоило.

Почему-то казалось, что он тоже не хочет уходить. Почти так же не хочет, как я желаю, чтобы он остался. Но причин для этого нет — ни у меня, ни у него. Только обида, а она заставляет играть по своим правилам.

И я понимаю, что он сейчас встанет, выйдет в коридор, а оттуда — в подъезд. И я останусь одна. На ночь. Навсегда...

— Который час? — единственное, что приходит в голову. Но и это заставит его задержаться — пусть ненадолго.

— Полтретьего. — И он снова смотрит в глаза. Потерянная связь налажена, и может быть... — Тебе нужно поспать. Выглядишь усталой.

— Я устала, — соглашаюсь и смотрю в потолок. Ситуация тупиковая, и выхода нет. Или есть?

Внезапная мысль ослепила вспышкой, добавила энтузиазма. Я села на кровати и поправила волосы, стараясь не думать о том, что он так близко. Не думать было сложно —

вот же он, рядом, совсем как раньше. И непривычно чужой.

— Маршал может выследить человека из другого племени? Ну... хотя бы примерно? Мне нужно найти человека, он, скорее всего, уехал, и ему нужна помощь. А я могу помочь.

Эрик посмотрел на меня с любопытством и снова улыбнулся. С его улыбкой вернулось тепло, легло на плечи пушистым пледом. Согрело.

— Кого ты потеряла, Полина?

— Мирослав. Ну, Теплов из альва. Он тоже выпил Гектора и теперь боится, что тот может убить его. Поехал искать хищных, которые умеют, ну... очищать жилу от кена. Он поехал искать сольвейгов, понимаешь?! А я ведь здесь, рядом, и...

— Я подумаю, что можно сделать, — перебил он. Помолчал немного, пристально меня изучая. Я поежилась. В силе ли еще наша договоренность? Сдержит ли Эрик обещание которое давал в прошлом году? И внезапно поняла — мне все равно. Пусть лезет в голову и читает. Мне больше не хочется ничего скрывать.

— Где ты была сегодня вечером? — Вопрос заставляет вздрогнуть. Прямой взгляд не дает шанса укрыться, спрятаться за паутиной несущественных слов.

Опускаю глаза и наверняка краснею.

— Бога ради, Эрик, что за допрос?

Отчаянная попытка отвертеться. Неудачная.

— Просто ответь, Полина.

Он хочет правду. Я всегда была за честность. Вариантов немного...

— Ужинала, — отвечаю уклончиво. В глаза посмотреть все еще не хватает воли.

— Это не ответ.

— Какой вопрос, такой и ответ, — огрызаюсь на автомате, понимая, что все разрушилось. Неожиданное волшебство от его присутствия, нежность, забота. Все. Ничего этого больше не будет, если я скажу то, чего Эрик от меня ждет.

— Я просто хочу знать. — Тихий голос срывает последнюю защиту. Щит разлетается мелкими щепками. Я открыта и... свободна. От свободы этой, некогда желанной, хочется удавиться.

— Я была на свидании, — шепчу и закрываю глаза. И выдыхаю убийственное: — С Владом.

Немая сцена. Недоумение. Недоверчивость во взгляде. А потом понимание...

— Ты... с ним... — Замолчал. И глаза отвел, словно это он, а не я, гулял с другой весь вечер. Тогда, в доме Гектора Эрик наоборот смотрел прямо и не смущался.

— Нет.

— Тогда что? Попытка меня позлить?

— Не все в этом мире крутится вокруг тебя, Эрик! — выпалила я с обидой. — Он помог мне. К тому же, вы не очень-то и отличаетесь друг от друга.

Эрик молчал. Сидел, смотрел в одну точку и не шевелился. Я не без труда встала. Безумно мешало платье, а еще чулки сползли, и кружево вызывающе выглядывало из-под юбки. Нет, не быть мне элегантной леди.

Обида вернулась и стучала в висках барабанной дробью пульса. Словно он может обвинить меня в неверности? Делать оскорбленный вид после того, как сам... с ней... К обиде присоединилась ревность, выедающая душу, словно кислота.

— Не для того я ужинала с ним, чтобы позлить тебя. Но сказала тебе именно для этого!

Я развернулась и направилась в душ. Дверью хлопнула даже. По-детски, полуистерично.

А под струями горячей воды плакала, сдерживая рыдания, прислонившись спиной к еще не успевшей прогреться плитке.

Когда вышла из ванной, Эрика уже не было. Ушел, даже не попрощавшись. Что ж, этого стоило ожидать. Теперь это точно конец. Окончательно и бесповоротно.

И вроде не изменилось ничего, а на душе как-то пусто. Темно. Усталость давит. Я выпила остывший кофе — осушила чашку одним глотком. Он оказался горьким, как и наш с Эриком разговор. Дальше помню смутно. Как-то дошла до кровати, расстелилась даже. И отключилась, как только голова коснулась подушки.

Следующий день выдался хмурым. Сизые тучи, мелкая морось, оставляющая точки на стекле. Серый мир в разводах, прохожие под тусклыми зонтами, заляпанные грязью туловища машин.

Тоска смертная!

Хотелось увидеть сына, но я понимала, что Эрик может быть у скади, и чем обернется для нас новая встреча, неизвестно. Он определенно злился, потому и ушел. Или вконец разочаровался во мне, кто знает.

Не нужно было быть такой резкой, но ведь он сам спросил. А Влад... Черт, я вчера почти согласилась! Совсем мозги выключила, наверное. Это же Влад, такие не меняются. А вчера так хотелось поверить...

Глупо все вышло ночью. И я вела себя глупо. Обидой плевалась, словно ядом. Эрик не любил Лидию, когда был с ней. А я целовалась с человеком, по которому сходила с ума много лет. И Эрик знает это.

Нечестно. Но, скорее всего, месть удалась.

Почему же тогда так горько? И внутри все сжимается, словно я ошибку совершила?

Нет, нельзя чувствовать вину! Это он тебя прогнал, Полина. Брутально бросил в доме Гектора. Ничего не объяснив. Оставил одну бояться смерти, без каких-либо зацепок.

Я умылась холодной водой и выпила кофе. Полегчало. Мир окрасился цветами, еще блеклыми, но все же лучше, чем черно-белый. На балконе дышалось свободно, ладони собирали морось, вены напряглись, наполняясь кеном. Все же странно, что он еще питает меня — защитник атли. Наверное, нельзя до конца избавиться от привязанности крови, если ты не отреченный.

Вспомнились слова Влада о проклятии. Возможно ли это? Или все же то, что между нами — настоящее? Неконтролируемые, неправильные, порочные чувства, которые не затереть. Любовь? Вряд ли. Любви без доверия не бывает. Но с ним хорошо. Иногда. Когда он перестает быть козлом.

В дверь позвонили — пронзительно и громко. На пороге стоял курьер — мальчик лет семнадцати. Он поздоровался и важно протянул мне коробку двадцать на сорок сантиметров. Я расписалась в какой-то его ведомости и закрыла дверь. Открывать было страшновато, но я подумала, что защита Эрика пропустила неизвестную посылку, да и амулет оставался холодным.

Интересно, кто прислал мне это? И зачем?

Осторожно и немного боязно я разорвала упаковочную бумагу. Прямо там, у порога, она с шелестом приземлилась на пол. Я открыла коробку и... обомлела. На стружке из белой бумаги лежала роза. Синяя. Никогда не видела таких цветов — нежный бутон в средоточии имел насыщенный, темно-синий оттенок, в лепестках раскрывался ярким, венчая тонкие, полупрозрачные кончики голубым. Стебель с острыми шипами украшали темно-зеленые,

словно из воска, листья с крупными прожилками. В углу коробки, зарытая в бумажную стружку, чернела небольшая коробочка обтянутая бархатом, а рядом торчала карточка. Я взяла ее и развернула. На тисненной золотом бумаге корявым почерком было нацарапано одно слово: «Эрик». И все. Ни намек, ни объяснения. Только имя.

Я стояла все там же, у двери, и не знала, что делать. Как реагировать. И что все это значит?!

В гостиную я аккуратно опустила коробку на журнальный столик, словно она могла растаять, раствориться несбывшимся чудом, иллюзией. Миражом.

Мне не померещилось. Вот она лежит, оттеняя синим бумагу. Записка тут же. И коробочка. Все по-настоящему.

Набрала воды в вазу и осторожно, боясь поломать, поставила туда цветок. Коробочка на ощупь была мягкой и прохладной. Щелкнул замочек, крышка приподнялась, и на черном бархате подкладки мне явился еще один цветок.

Белый с голубым. Камни переливаются на тонких и нежных лепестках, сверкают, искрятся. Небольшая изящная брошка, настолько хрупкая, что страшно в руки взять.

Голубой лотос.

И я, несмотря на страх, все же беру ее в руки. Они трясутся, и застежка не сразу поддается. Я в старой футболке и спортивных шортах «Адидас», к ним не идут такие изысканные украшения. Но я все равно прикалываю — в районе сердца. Сажусь в кресло. Дыхание сбивается, становится прерывистым, сердце колотится, как сумасшедшее, а в голове всего один вопрос.

Что все это значит для меня? Для нас?

Трясущейся рукой беру телефон, пальцы сами набирают смс.

Всего два слова.

Она прекрасна.

Ответ приходит тут же, с разрывом в пару секунд.

Как и ты.

Сердце стучит еще сильнее, голова кружится от радости. И уже даже не хочется ее скрывать. Перед кем хорохориться? Я одна в квартире. Улыбаюсь глупо и, едва прикасаясь, глажу нежные лепестки.

Поехать к скади. Мне нужно поехать! И повод есть — не нужно ничего выдумывать. Да и не повод это вовсе, я действительно соскучилась по Алану. И не только по нему...

Меня обдало горячей волной предвкушения.

Собиралась я долго, намного дольше, чем на свидание. Почему-то казалось, буду выглядеть нелепо, если прическа растрепается или одежду подберу неправильно. Джинсы и спортивные штаны сразу показались неуместными. Хотелось надеть брошку, но из девчачьего у меня и не было почти ничего. Только красное платье и пара летних сарафанов не по погоде.

Пришлось-таки нацепить джинсы. К ним я подобрала серую шифоновую блузу с воланами, на которой брошь смотрелась очень даже ничего. Туфли выбрасывать я повременила, заклеила мозоли пластырем и, поморщившись, все же всунула туда измученные ступни.

Накрасилась, распустила волосы.

Хотелось быть красивой, хоть немного походить на женщину, а не на подростка.

Пока ехала в такси, считала минуты и смотрела в забрызганное дождем окно. В груди

ширилось, росло, распирало изнутри чувство предвкушения. Я не совсем понимала, чего именно ждала, но безумно хотелось побыстрее приехать.

Добрались мы уже в сумерках. Воздух пах свежестью и прелой листвой, зонт совершенно не спасал от влаги, забиваемой под него порывистым ветром. Осень расплзлась по земле, распласталась, подминая под себя все, на что хватило ее плоского, широкого тела — листья на деревьях, пропитавшийся влагой асфальт, пожухлую траву, потускневшие от грусти дома. Осень дышала, и дыхание ее оседало на небе темно-серым мороком. Осень плакала, плевалась мелкими брызгами. Осень грустила, провожая лето...

В гостиной было шумно. Скади общались в ожидании ужина. Смеялись дети, визгливо бегая вокруг дивана, приглушенно ворковали женщины. Тома что-то с чувством выговаривала Антону, а тот виновато улыбался и кивал. Воительница увидела меня и тут же потеряла к нему всякий интерес. Подошла и крепко обняла, словно меня сто лет не было, и она соскучилась.

— Алан спит, — отрапортовала. — Намокла?

Я покачала головой.

— На такси приехала...

Слова застряли в глотке, амулет на груди тут же вспыхнул жаром, отмечая присутствие хозяина. Эрик стоял неподалеку и не сводил с меня глаз. От взгляда этого — горячего, требовательного — мозг расплавился, и последующие слова Тома воспринимались плохо. Она что-то щебетала и дергала меня за руку, пытаюсь привлечь внимание. Тщетно. Ее не было. Не было их всех — родных и близких людей, которые стали мне семьей. Не было высоких потолков со старинными люстрами, свисающими с них паутиной. Исчезли звуки и запахи, изображение померкло, вздрогнуло и сфокусировалось на одном-единственном человеке.

— Эй, слышишь меня? — Тома обиженно поджала губы. — Ужинать, спрашиваю, будешь?

Наваждение пошло трещинами, лопнуло и осыпалось под ноги мелким крошевом. Сначала вернулись звуки — гомон и смех, низкий голос Антона, который теперь приставал к Эрику.

— Нет, я... не голодна, — выдавила из себя почти насильно.

Роберт возник откуда-то справа. Нерешительно улыбнулся, взял за плечо.

— Спасибо! — сказал совершенно искренне.

А я совершенно искренне удивилась:

— За что?

— Лариса теперь свободна. Скоро она станет одной из нас, и мы, наконец, сможем венчаться.

— Оу...

Вот уж не думала, что Влад так быстро изгонит Лару. Действительно сюрприз, причем не знаешь, какие последствия тебе от него прилетят. Ведь, по сути, именно я упростила его отпустить Лару. А после вчерашнего вечера...

Щеки опалило румянцем, а по рукам, начиная от запястий к плечам побежали мурашки. Губы все еще горели — целоваться на ветру не лучшая идея.

— Я тут ни причем, — пробормотала я смущенно и отвела глаза.

— Конечно, ни причем, — лукаво согласился Роберт и настаивать на продолжении диалога не стал.

— Тамара, убери мой прибор, я тоже не буду ужинать. — Вкрадчивый голос у самого уха заставил вздрогнуть. Меня осторожно взяли под локоть. — Идем, со мной.

Иду. Внутри все замирает, я стараюсь не дышать, поспевая за размашистым шагом своего спутника. Нас впускает таинственная глубина кабинета. Запахи — лака, кожи, кофе и свежей сдобы — окружают со всех сторон. Задернутая штора. Полумрак. Документы, беспорядочно рассыпанные по лакированной спине стола. Диван и кресла на изогнутых ножках притаились и ждут.

И я жду.

Эрик останавливается у стола, его глаза смотрят жадно, испытывающе. И я совершенно не знаю, чем закончится этот вечер для меня.

— Присядь, пожалуйста, — просит он, хотя сам даже не думает садиться. Но я рада присесть — ноги практически не держат, туфли безбожно жмут, а я мысленно удивляюсь, какой сильной может быть иногда власть одного человека над другим. И дело ведь вовсе не в том, что он мой вождь. Когда-то он им не был, и все равно...

Сажусь на диван и ноги поджимаю. Хочется укрыться, но укрыться не могу — я вся на виду, от макушки до пят. И даже внутри, если заглянуть глубоко, тайн почти не осталось.

Эрик раздумывал еще около минуты, а потом тоже шагнул к дивану. Решил не использовать преимущество? Впрочем, у него их масса, не мне тягаться. Хотя и у меня есть одно. Значительное.

Он меня предал.

Поэтому я откинулась на спинку дивана и приготовилась слушать. В конце концов, я имею право на первый шаг с его стороны.

— Это сложнее, чем я думал, — сказал он некоторое время спустя и опустил глаза.

Да уж, нелегко. Причем, ждать не проще, чем говорить.

— Ты теперь скади и важна для племени. Надеюсь, понимаешь, насколько?

— Для племени?

Кажется, он зашел издалека. Сначала для племени, потом для Алана, а затем...

Или нет?

— Подставляться, как ты подставляешься сейчас, опасно. Тот человек, о котором я говорил, использует любую возможность, чтобы взять твой кен.

И снова прямой взгляд. Губы тонкой линией. Осуждающая поза. И я больше ничего не понимаю — зачем он говорит это?

— Ты же поставил защиту, — лепечу бессмысленно.

— На квартиру — да, — кивает. — Но ты же не сидишь в ней безвылазно. Выходишь в магазин. — Он сделал паузу и покачал головой. — Гуляешь по ночам. К тому же, ты можешь увидеть будущее и не сказать. Из вредности.

— То есть это все... чтобы меня вразумить?! — выдыхаю и вскакиваю. Туфли тут же напоминают о недавних похождениях.

Дурацкие туфли! Вся ситуация дурацкая!

И я — дура, если повелась... если подумала...

Эрик в первую очередь — вождь, и заботится о племени. Не обо мне. Не для меня была та роза. И брошь.

Глупо все...

— Ты обижена, и нормально при этом делать все назло.

— Я не обижена, я разочарована. А для того, чтобы попросить человека не делать

глупостей, необязательно дарить цветы!

— Я думал, тебе понравилась роза. — На лице его недоумение — похоже, он действительно не понимает... При всей своей проницательности абсолютно не видит, что происходит. Что он делает. Он же рушит все еще больше!

Хотя, возможно, он хочет именно разрушить...

— Мне понравилась роза, — сказала я устало. — Но тогда я еще не знала, с какой целью ты ее прислал.

— Я прислал ее, чтобы ты не злилась.

— Я и не злилась. До этого момента. — В глотке царапалась обида, глаза защипало от непрошенных слез. Хотелось одновременно ударить Эрика и убежать. Лишь бы не разреветься перед ним, как ребенок... Я глубоко вдохнула и постаралась сохранить спокойствие. — Хорошо, Эрик, я поняла. Я буду паинькой и если увижу что-то, сразу приду к тебе. Я не подставлю скади. А теперь извини, но я к сыну приехала.

Гордо выйти из кабинета оказалось трудно, мозоли болели ужасно. Я сняла туфли уже в детской и прикусила губу. Болели ноги, болело в груди, в районе сердца. И мизинец на левой руке онемел.

Алан спал, засунув в рот большой палец, и выглядел при этом безумно мило. Обиду смыло нежностью, я присела у кровати и, едва касаясь, погладила сына по светлым волосам.

— Твой отец — непроходимый тупица... И как только меня угораздило его полюбить.

Я глупая, если поверила, что все можно исправить. У Эрика была масса возможностей поговорить и объясниться, но он не воспользовался ни одной. Даже вида не подал, что между нами что-то еще может быть. И, наверное, я вижу лишь то, что хочу видеть, искажаю реальность в угоду собственным фантазиям.

Теперь я для него просто скади. Одна из. Он будет заботиться, защищать, обеспечивать комфорт, но никогда больше не посмотрит на меня так, как раньше. Нужно это принять и смириться. В груди жгутся, кусаются несбыточные ожидания, но я переживу. Не в первый раз. И брошь эту снять надо. Глупо носить. Только рука не поднимается...

Может, потом.

Нужно на что-то переключиться, иначе так с ума можно сойти. Потому что перед глазами встают разные картинки, от которых еще больнее.

Лидия в белом, ее рука судорожно хватается за руку Эрика. Гектор злорадствует. Логово врага, который врагом никогда не был... Не он виноват, что Эрик так поступил, бессмысленно перекладывать вину не на те плечи. Ясновидцы в большинстве своем невинные жертвы, даже такие, как Гектор и Ника.

Нике так вообще не повезло — влюбилась в хищного. Полюбить — полюбила, но против семьи и совести пойти не смогла. За что и огребла. И Глеб тоже тупица! Неужели не понимает, что нет в мире абсолютной правды?!

И тут же захотелось настучать ему по голове. И за Нику, и за себя. Вот прям за всех женщин настучать одному мужчине. А потом, когда злость прошла, подумалось, что он там и сам страдает. Не покажет никому, будет замыкаться, но в глубине души ему не менее хреново, чем Нике.

Он там один, а я тут, никак со своими тараканами не разберусь. Друг называется! Забыла о нем совсем, а ведь друзья должны быть рядом.

Глеб ответил не сразу — с третьего звонка. Голос сонный и недовольный.

— Ты спишь, что ли?

— Лег в обед, — буркнул он. — Случилось чего?

— Случилось. Соскучилась.

— Так приезжай. Я дома.

Приехать было заманчиво. Валяться всю ночь на кровати и смотреть фильмы, болтать ни о чем и обо всем. О главном. Ведь мне тоже нужен совет. И поддержка. Как и Глебу. И если мои отношения с Эриком навсегда загублены, то Глеб и Ника еще имеют шанс...

Только вот в свете последнего разговора с Эриком мой отъезд снова покажется безрассудным поступком безрассудной девчонки, которая делает все назло. Хотя... я могу ведь сказать, куда еду. Что ему за дело? Пусть проверит таксиста, а дом атли защищен достаточно, чтобы убийца в него не проник. Да и не проявил он себя по отношению ко мне никак — сколько раз я была одна и ничего. Может, таинственный маньяк, стремящийся к суперсиле, вовсе и не знает о моем существовании. Не сидеть же мне дома, как в тюрьме.

Вниз я спустилась полная решимости. Такси вызвала еще в детской и собиралась дожидаться на улице. Скади снова собрались в гостиной. Пили кофе. Смеялись. Улыбались тепло. Только Юлиана зыркнула на меня как-то осуждающе и тут же отвела взгляд.

Зато Даша была на удивление радушна. Встретила у основания лестницы, лукаво подмигнула.

— Вижу, тебе понравился подарок. — И на брошь кивнула. Я опешила. Она откуда знает вообще? Если только... Впрочем, теперь я знаю, что подарок имел совершенно другой смысл, так что помощь Даши в усмирении меня вполне оправдана.

— Понравился, — кивнула я. — Благодаря ему, я многое поняла.

— Я рада, — совершенно искренне сказала она.

Еще бы ей не радоваться! Даша столько пыталась развести меня с Эриком, и тут он сам меня бросил. Если бы я хоть немного могла разделить ее ликование...

Самое сложное — сделать первый шаг. Особенно трудно, когда при этом еще и туфли жмут, и тебе кажется, что выглядишь ты нелепо в одежде, не соответствующей твоему стилю. После разговора в кабинете на душе остался осадок из разочарования и горечи.

Эрик с Робертом стояли неподалеку и о чем-то тихо общались. Эрик скользнул по мне ничего не выражающим взглядом и отвернулся. Я решила следовать его же сценарию и не портить игру. Подошла. Попыталась сохранить непроницаемое выражение, словно мне и дела нет — ни до подарка, ни до разговора в кабинете. Забыли. Проехали. Хватит страдать.

— Уже уезжаешь? — Роб уловил мое настроение сразу. Нахмурился, и на лице отразилось беспокойство. Не за меня — за нас с Эриком. Наверное, он еще не понимает, что никаких нас больше нет...

— Прослежу, чтобы твоя невеста вещи собрала, — пошутила я и нервно улыбнулась. На Эрика взглянуть было страшно, хотя разум понимал: ему все равно, куда я еду и зачем. Лишь бы цела осталась.

Роб кивнул и опустил глаза, а я все же нашла в себе силы повернуться к Эрику.

— Я вызвала такси. В целях безопасности можешь проверить водителя. Думаю, у атли достаточно безопасно ночью.

— Хорошо, — бесстрастно ответил Эрик и взял меня под локоть. — Я провожу.

На улице разошелся ветер. Буянил, срывал оставшиеся листья с деревьев, холодил пылающие щеки. Зато дышать стало легче, хотя я жутко замерзла и безбожно дрожала, кутаясь в тоненькую курточку.

Такси уже подъехало и ждало меня у входа, отсвечивая желтыми боками. Эрик остановился почему-то на крыльце, облокотился о перила и загадочно посмотрел вдаль. Проверять таксиста не спешил, и я чувствовала себя глупо, дрожа от холода и не зная, что дальше делать. Поэтому напомнила о себе легким покашливанием.

— Он просил тебя приехать? — не поворачивая головы, спросил Эрик будничным голосом, словно уточнял мелкие и несущественные детали. Просто чтобы быть в курсе. Для полной картины.

— Он? — переспросила я, хотя прекрасно поняла, о ком речь.

— Влад.

— Я еду к Глебу, если тебе так интересно. Друзья иногда нуждаются в поддержке, особенно когда расстроены.

— И что же его так расстроило? — все так же безразлично спросил он, что вызвало во мне дикое желание устроить истерику.

Я на грани. Вокруг бушует природа, и внутри у меня все бушует — от несправедливости, собственной глупости, нежелания принимать реальность...

— Ложь, — выдыхаю шипящее. — Мы оба ненавидим ложь.

Эрик развернулся, посмотрел на меня холодно.

Чужой. А был ли когда-нибудь моим? Хоть на миг? И оттого, что я не знаю ответа на этот вопрос, обида становится еще сильнее. Царапается и жалит, словно злое насекомое.

— Ты сказала это специально?

— Да, — бросаю ему в лицо, почти уже не прячась, не скрывая эмоций. Их не удержать — они рвутся изнутри, ломая ребра, прорывая ткани. — Я все говорю специально. И делаю все, чтобы тебя позлить. Чтобы...

Я замолчала, потому что он вдруг оказался рядом. Близко. Невероятно высокий — даже в туфлях нужно голову запрокидывать, чтобы в глаза смотреть. Впрочем, мне не надо — Эрик справляется с этим сам. На щеке его ладонь, горячая, большая, от нее ползет тепло, обволакивает, дурманит. Он весь теплый, большой. И больше не холодно... Даже ветер, кажется, стих.

— Помолчи, — шепчет Эрик ласково, и дыхание его скользит по щеке, путается в волосах. Он шумно дышит. Или это я? — Просто... помолчи немного.

Молчу. Сложно говорить, когда тебя целуют. Становлюсь на цыпочки, насколько это вообще возможно на каблуках, обнимаю за шею. Крепко. Запускаю руки в волосы, стягиваю резинку, и они каскадом рассыпаются по плечам.

Радуюсь. Злюсь. Захлебываюсь восторгом.

Мира нет. Нет холодного сентябрьского ветра, каменных стен за спиной, массивных деревянных перил. Даже пол под нами будто исчез, а мы парим где-то в невесомости.

Мира нет. Неба нет. Нет таксиста в желтой с шашечками машине. Полуголых деревьев, склонившихся в поклоне старинному особняку. Низких туч, брызгающих дождем.

Только мы.

Горячие губы. Руки Эрика — одна у меня на затылке, вторая на талии. Его велюровый свитер приятно щекочет ладони. За спиной — внезапно — твердая поверхность колонны. Она ледяная, но Эрик горячий, и мне не холодно.

— Подожди минуту, — шепчет он на ухо, и я автоматически киваю. Дыхание сбивается. Кажется, я совсем разучилась дышать...

А через минуту Эрик вернулся, как ни в чем не бывало, с лукавой улыбкой на лице.

Таксист медленно вырулил и скрылся за воротами.

А ко мне возвращалось сознание — медленно, вместе с ознобом, который теперь ощущался явно, и я сильнее запахла полы короткой куртки. И обида вернулась, несмотря на то, что он вот стоит, улыбается, и вроде бы все, как я хотела и ждала...

Нет, не все! Так не поступают. Нельзя сначала оттолкнуть, затем позвать снова и ждать, что все будет, как раньше. Что забудется безразличие и цинизм, с которыми он прогнал меня.

Я нахмурилась и сложила руки на груди.

— Зачем ты это сделал?

— Поцеловал тебя или отправил таксиста? — иронично поинтересовался Эрик, а затем он примирительно улыбнулся. Той самой светлой улыбкой. От которой возвращается тепло. И пошутил: — Он мне не понравился.

— Так себе отговорка, — съязвила я.

— Такси будет ехать не меньше получаса, я могу доставить тебя в секунду. Подари мне полчаса.

Он снова шагнул ко мне. Изменившийся Эрик. Ласковый Эрик с виноватой улыбкой.

— Замерзла? — спросил, обнимая. Я невольно закрыла глаза, вдохнула его запах — карамель, кедр и пачули. Сладкий и терпкий, сильный. Так бы и обнимала всю ночь, и плевать, что ноги болят.

Но обнимать нельзя — обида все еще душит, и я уперлась ему в грудь руками, чисто из упрямства. Эрик, похоже, даже не заметил. Шепнул лишь:

— Вдохни поглубже. — А через миг мы уже были у него в квартире.

Синее на синем. И из окна темно-синим смотрит осенняя ночь. Ветер стучит в окно голыми ветвями. Комната и Эрик в ней подавляют. Полумрак или скорее полусвет, льющийся из светильников над кроватью. И сама кровать — именно здесь Гектор заставил меня выпить его. Именно здесь Эрик впервые стал другим. Здесь у меня меньше шансов сохранить остатки самообладания, внутри собираются в стаю последние крупницы злости.

— Разве ты не все сказал? — Я отступила на шаг и сложила руки на груди. Под подарком Эрика, приколотым к тонкой ткани блузы, где-то внутри, за пластом из мышц и ребер, отчаянно билось сердце. Дыхание сбилось, на выдохе обжигало обветренные губы.

— Ты ответила на поцелуй, — задумчиво произнес Эрик.

— Ты застал врасплох, — попыталась оправдаться я. Вышло фальшиво.

— Мне не хотелось, чтобы ты ехала к атли. И сейчас не хочется.

— Думаю, их дом защищен достаточно хорошо, и тебе не стоит волноваться.

— Не поэтому.

— А почему?

— Разве непонятно? — Он посмотрел на меня так, будто я не замечала очевидного, и его это раздражало. Напряженный, отчего карамельная дымка окружает его ореолом, идет рябью по воздуху, рискуя заполнить пространство просторной спальни. — Хочу, чтобы ты снова моей была. Понимаю, что глупо этого хотеть после всего, но... Есть в русском языке слово из пяти букв.

Он нервно улыбнулся, словно ему стало неловко за то, что только что сказал.

Я покачала головой.

— Когда любят, так не делают.

— Как, Полина? — Он шагнул ко мне и снова оказался близко, мне пришлось пятиться

и в итоге упереться подколенными впадинами в кровать. Невыгодная позиция, отступить больше некуда.

Хочу ли я отступить? Изнутри, обжигая, слезами рвалась обида.

— Ты солгал. Там, в доме Гектора, сказал, что она... — рыдания подавить не удалось, и я всхлипнула. Казалось, не дам воли чувствам, они разорвут изнутри и оставят в груди дыру. — Заставил поверить, что любишь ее!

Эрика, казалось, даже не задело. Он пожал плечами и, не раздумывая, ответил:

— Когда мы с тобой стояли на том пустыре, который открывал портал в кан, ты сказала, что вернешься к Владу и любишь его. Я тоже тебе поверил. Так в чем разница?

Это было неожиданно, я даже растерялась. Стояла и глупо хлопала ресницами, пытаюсь придумать достойный ответ. Его не было. Нечестно! Тот случай не в счет. Я ведь... я ведь... о нем думала... Разве нет?

— Я тогда тоже злился, но в итоге понял, почему ты так поступила. Это было глупо, но ты хотела мне добра. Как и я хотел сохранить тебе жизнь. Жизнь, понимаешь?! Разве что-то имело бы значение, если бы умерла? — Он глубоко вздохнул и опустил глаза. — Я бы сорвался, натворил глупостей. А кроме тебя, у меня есть еще и племя, мне нужно думать о скади. Я — вождь, Полина.

— Давай вышьем это на твоей майке! — выдохнула я остатки злости, хотя в душе поняла уже — он прав. Мне нечего ему предъявить. Эрик спасал меня, и я на его месте, скорее всего, поступила бы так же. Но обида иррациональна, а я иногда совершенно не умею контролировать собственный язык... — Не успел это повторять? Вы, вожди, думаете, мы забываем это!

Его глаза потемнели, мне показалось, что карамельная аура тоже, окутала его сгустками тьмы — беспросветной, пугающей. Руки сжали в кулаки, словно он готовился нападать. Нападать на меня.

— Я не все, Полина. Помни это!

Голос оставался спокойным, но лучше бы он крикнул, ей богу. Жар в груди тут же угас, затылок обдало холодом, а в горле застрял ком из невысказанных, обидных слов.

Я испугалась. Сильно. Впервые в жизни испугалась Эрика...

Страх вытеснил остальные эмоции, он был таким сильным, как в детстве, когда я встретила на повороте на нашу улицу с огромной рычащей псиной. Тогда, если бы вовремя не подоспел хозяин, я могла пострадать.

Сейчас хозяина не было. Да и вряд ли Эрика смог бы кто-нибудь удержать. И так же, как тогда в детстве, не зная, куда деть собственную беспомощность, я разревелась. Села на кровать, обняла себя за плечи и плакала. А вокруг сгущалась, обволакивала, подавляла чужая аура.

Рядом со мной подавилась кровать, теплые руки легли на плечо, сгребли в охапку, приподняли, усадили на колени.

— Прости, малыш, я не хотел напугать... — Растерянный голос прячется в моих волосах, ладони неуверенно гладят по спине. А меня уже не остановить — плотина рухнула, освобождая все то, что копилось внутри все эти недели.

Боль. Обида. Разочарование. Страх неизвестности. Прошлые комплексы, от которых, казалось, я избавилась. Испуг от странного поведения Эрика.

А он словно сам испугался. Сидел, прижимал меня к себе и покачивал, как маленькую. По голове гладил, по спине, и от рук его — больших и сильных — по телу разливалось тепло.

Грело. Убаюкивало. Утешало.

Слезы закончились резко, раз — и нет их. Я всхлипывала, уткнувшись Эрику в плечо. И только теперь, рядом с ним, обнимая его, вдыхая его запах, поняла, насколько мне его не хватало. Насколько жизнь без него стала бессмысленной и серой.

— Прости, — шепнул он и поцеловал меня в висок.

Поднять на него глаза я не решилась. Вцепилась еще сильнее и положила голову ему на плечо.

— Мне было больно. И да, есть разница. Тогда, у портала, я действительно сказала это. Но то были лишь слова. Ты же был с ней... и ту комнату я видела... и кровать, и...

— Полина. — Эрик слегка отстранил меня и заставил посмотреть в глаза. Покачал головой, словно я сказала огромную глупость. — У меня никогда ничего такого не было с Лидией. И с Гектором я говорил, что не стану. Пытался вразумить, а в тот день, когда ты пришла, мы договорились, что он не станет тебе вредить, даже если я вернусь. Я действительно хотел помочь Лидии, ведь она из-за меня такая. Приходил бы, навещал, но остальное... Она же безумная была, неужели ты действительно думаешь, что я мог... — Он громко выдохнул и грустно улыбнулся. — Глупенькая.

— Не было?..

Я боялась поверить. Хотела, но... Я ведь помнила: и комнату, залитую светом закатного солнца, и расстеленную кровать, и краски на полу. И Лидию, бледную, испуганную, цепляющуюся за Эрика, как за якорь. И его самого — заботливого, сильного, надежного.

— Конечно, не было.

Уверенный. В глаза смотрит. И на лице — ни тени лжи. И я снова чувствую себя дурой. Все это я время я считала, что он... а он нет... А я сама... И на Тибете, и вчера... Предательница!

— Почему ты не сказал? — вырвалось само, с обидой — теперь уже на собственную глупость. — Не пришел ко мне, не объяснил? Думаешь, я не поняла бы?

— Не поняла бы, — кивнул. Ссадил меня на кровать, а сам встал и подошел к окну. Плечи опустились, в воздухе мрачно клубилась безысходность — теперь уже его собственная. — И не поймешь. Глупо было надеяться, что прошлое можно забыть.

— Прошное?

Я ничего не понимаю, но хочется, чтобы он говорил. Чтобы не замыкался. А он молчит. Смотрит в черноту ночи и думает о своем, а я жалею, что у меня нет дара — читать мысли. Как все было бы проще, если бы он был. И каким глупым кажется теперь мое собственное требование...

Сижу и жду, Эрик не шевелится, словно решает, стоит ли мне говорить. Светлые волосы рассыпаны по плечам, блестят и серебруются. И я невольно люблюсь. Не хочется никуда уходить. Полчаса — это мало, остаться бы здесь навсегда.

— Все совершали ошибки в прошлом. — Он начинает говорить резко, и я вздрагиваю. — Мои нельзя назвать ошибками. Я много натворил, тебе говорили, наверное. — В голосе слышится ирония и горечь, отчего теперь уже мне хочется усадить его на колени и жалеть. — Дарья не могла промолчать. Так вот то, что тебе говорили — мелочи по сравнению с тем, что я делал. И с тем, что хотел сделать.

— Ты сорвался, — отвечаю, и голос дрожит. — После смерти мамы...

— Я стал чудовищем. И ненавидел весь мир. А девочка эта, Лидия, просто подвернулась под руку. Она была одной из, но она была особенной. Ее я ненавидел больше остальных.

— Она была похожа на Божену? — строю я догадки.

Эрик развернулся ко мне. На лице — непонятное выражение, то ли презрение, то ли жалость, то ли страх оттого, что он все это говорит мне.

— Нет, не была. Она полюбила меня. А монстров не любят.

— Ты не монстр! — Я встаю решительно и шагаю к нему. Вдыхаю карамельный запах, обнимаю за талию, и щекой прижимаюсь к груди. Его сердце стучит громко и быстро. Но обнимать в ответ Эрик не спешит.

— Вчера я снова почувствовал это — желание убивать. И сейчас чувствую. Я могу навредить тебе, Полина.

— Не можешь, — шепчу упрямо, и снова слезы текут. Горячие, крупные. Впитываются в ткань его свитера, и на нем расплзается мокрое пятно. — Я не верю.

— Не тебе, так Владу. — Его голос теплеет, рука скользит по моим волосам, и я невольно жмурюсь от долгожданной ласки. — Он козел, конечно, но тебя любит. И, наверное, тебе действительно было бы лучше...

— Нет! — перебиваю я яростно и поднимаю на него глаза. — Не смей решать, что для меня лучше! Сама решу.

— Разве не решила еще? — горько улыбается, и улыбка эта значит что-то плохое, необратимое для нас. Но руку не убирает, и надежда есть.

— С чего ты взял, что решила?

— Я влез тебе в голову вчера, — беззастенчиво выдает он. — Извини.

Но в голосе раскаяния нет. Оно и понятно — ведь в голове моей вчера были весьма определенные мысли...

— О... — выдыхаю я и опускаю глаза. Щеки тут же вспыхивают, а в груди разливается стыд.

— Знаю, ты этого не любишь, но я не удержался. Свидание прошло бурно.

— Ты мог просто спросить. Незачем было лезть в голову.

— Ты сказала бы правду?

— Конечно!

— Хорошо, я спрошу. — Он приподнимает мой подбородок и фиксирует его ладонью — не отвертеться. Смотрю в глаза и замираю, как кролик перед удавом. — Когда вы менялись кеном, что ты чувствовала?

— Я... ну я...

— Тебе понравилось. — Кивает. — И вчера тебе понравилось тоже.

— Зачем спрашивать, когда знаешь ответ?

— В том-то и дело, что знаю. Всегда знал. Потому и поверил тебе на том пустыре. Потому и удивился, когда вернулся из кана, что ты живешь у скади.

— Мне было обидно, понятно! — перебила я. — Все это время. Я думала, ты спишь с другой женщиной. И мы больше никогда... и вообще...

— Знаю. Но и ты должна знать кое-что обо мне. О моем прошлом, потому что, кажется, оно возвращается. И я не уверен, что могу это контролировать.

— Эрик...

Хочется сказать правильные слова, но я не знаю правильных. Да и есть ли они? Есть я, и есть он, а еще понимание: он — тот, кого я всю жизнь искала. А прошлое есть у всех. Оно иногда возвращается, врывается в размеренную, устоявшуюся жизнь, искушает, пугает, возрождает старые комплексы. Но суть в том, что оно — прошлое. И туда, как известно,

возврата нет.

Эрик хмурится и на меня не смотрит. Сомневается. И снова готов отказаться от меня — теперь уже в угоду собственным тараканам. Только вот я не готова. Я больше не ребенок и знаю: отношения создаются большим трудом. Нужно прилагать усилия, идти на уступки, быть терпимее и учиться понимать.

Поэтому я обнимаю его. Крепко. Прижимаюсь к влажному от собственных слез свитеру и шепчу:

— Мне все равно. Я люблю тебя.

Замер. Не верит. Наверняка думает, что ослышался или я соврала. Но я ведь не лгу. Действительно понимаю: он лучшее, что было со мной. А прошлое... оно и у меня есть. Зеленоглазое прошлое, заставляющее сомневаться. Только вот в жизни нужно идти либо вперед, либо никуда. Сольвейги не отступают.

— Люблю тебя, слышишь!

Он молчит еще около минуты. Дышит шумно, сжимает мое плечо, словно боится выпустить. Пальцы путаются в моих волосах, и я поднимаю голову. Хочу видеть его глаза. Нахожу. В них — надежда. И я верю — мы все переживем, со всем справимся. Мне надоело плакать и страдать.

Не помню, когда он поцеловал меня. Или то была я?

Треск одежды и барабанная дробь пуговиц по паркету. Теперь и блузу придется выкинуть вместе с туфлями. Прохладный шелк покрывала под обнаженной спиной. Горячее дыхание на ключице. Непроизвольный стон. Переплетение пальцев, жар ладоней. И карамель. Неразбавленная, сладкая, пьянящая.

— Не уверен, что мне хватит полчаса, — шепнул Эрик мне на ухо.

Мне уж точно не хватит: не то, что полчаса — жизни. И я уже никуда его не отпущу, никому не отдам. Потому что за счастье нужно бороться. Даже если бороться придется с собой.

Глава 10. Точки над «і»

Постельное белье пропахло карамелью. Сердце стучало, как сумасшедшее, дыхание сбилось. Кожа отливала синевой. Переплетенные пальцы, вспотевшие ладони. Приятная усталость. Двигаться совершенно не хотелось, даже глаза открывать было лень. Лежать бы вот так, в темноте, наслаждаться теплом и бездействием. Застыть во времени, зарезервировать себе секунду в прошлом. Остаться в ней навсегда.

— Уверена, что все еще хочешь к атли? — Голос Эрика спокоен, но чувствуется: он не хочет, чтобы я уходила. Я тоже не горю желанием, но обещала Глебу. Давно его не видела, а ему нелегко сейчас.

— Глебу тяжело сейчас. Из-за Ники.

— Пойти против Гектора для Вероники — все равно, что покинуть клан. Она и так рисковала, когда ты пришла.

— Знаю.

— Глеб взрослый человек, и поймет...

— Не поймет, — перебила я. — Если мозги не вставить. Глеб — идеалист, и Ника была его идеалом. Теперь нет. И ему нужно понять: идеальных не бывает. Если хочешь провести с человеком жизнь, нужно уметь принимать не только достоинства, но и недостатки.

— Жизнь? — усмехнулся Эрик. — Странно это слышать от тебя.

— Думаешь, я никогда не хотела? — обиженно поинтересовалась я.

— Думаю, хотела. Только боялась. Трусишка.

— Уже не боюсь.

— Вот как? — Он слегка отстранил меня и в глаза заглянул. Не верит. Хмурится. А я улыбаюсь, потому что поняла — действительно не боюсь. Готова. Хочу этого.

Улыбнулась неуверенно. По напряженному лицу Эрика в последний раз скользнула тень сомнения. Скользнула и рассеялась.

— Правда?

Я кивнула.

— Только... не делай больно.

Глупая фраза. Нельзя этого требовать, понимаю. В жизни может многое произойти. Но вырвалось — назад не заберешь.

Эрик прижал к себе так крепко, что думала, кости треснут. И шепнул одно слово:

— Никогда...

Ничего не значащее слово, которое обычно не оправдывает своего значения. Но в тот момент хотелось поверить. Нельзя оскорблять настоящее — оно может просто уйти искать лучших хозяев.

В мире хищных женщина вручает свою судьбу мужчине. Всегда. Сложно оставаться независимой, когда законы против тебя. Можно сколько угодно хорохориться и говорить, что можно поменять систему, но один в поле не воин. Живя в социуме, нужно считаться с его правилами. А систему можно изменить только изнутри...

Любить — значит доверять. Радоваться улыбке на родном лице. Думать о будущем, строить планы, даже когда знаешь: половина не сбудется. Не потому, что не сумеешь воплотить, а потому, что жизнь хищного опасна. И нередко коротка. Именно поэтому нужно

жить настоящим.

Не могу сказать, что никогда не думала об этом. Не мечтала. Не представляла, как у очага Роб будет читать тайные заклинания. Как свечи вокруг, переплетение запахов, струящихся дымом из аромаламп. Танец теней на стенах. Волнение, что становится комом в горле.

Думала. И мечтала. Только тайно, по ночам, когда все спят и из свидетелей — лишь звезды, луна и скрипящие половицы чердака, где пылятся заброшенные картины. А по утрам говорила себе, что все это блажь, да и не мечтаю я об этом всерьез. Так, мысли...

А сегодня вдруг поняла — я готова.

Стать женой. Навсегда.

Полчаса нам не хватило. Нам не хватило и трех — когда я собралась, за окном была глубокая ночь. Бушевал осенний ветер, срывал последние листья с почти голых ветвей. Небо плевалось дождем, барабанило каплями по подоконнику. Уходить не хотелось, но Глеб звонил уже дважды. Кажется, я его разбудила, а теперь он не мог уснуть и злился.

Хорошо, что я не все вещи забрала из квартиры — блуза оказалась бесповоротно испорченной, а туфли совершенно не хотелось надевать снова. Никогда. Поэтому когда я нашла на нижней полке гардеробной старые потрепанные кроссовки, возникло желание их расцеловать. И джинсы в придачу. Брошь я оставила на тумбочке у кровати — на майке цвета хаки она смотрелась бы по меньшей мере нелепо. Заберу потом, все же теперь нет поводов обходить эту квартиру стороной.

Эрик собираться не мешал. Притих, думал о чем-то своем и ждал. Затем так же молча перенес меня на крыльцо дома атли.

Порывистый ветер забирался под тонкую куртку и заставлял ежиться. В свете фонарей, освещающих подъездной пути, тонкими нитями серебрился дождь. Многочисленными бликами отсвечивала плитка, блестели спины дремлющих машин.

Я обняла Эрика на прощанье и шепнула:

— Я ненадолго.

Он сдержанно кивнул, проверил амулеты, которыми я давно обвешена, как новогодняя елка. Затем поцеловал в лоб, отпустил и... исчез. А я осталась наедине с собственными мыслями.

Ключи у меня остались еще с тех времен, когда я была атли. Назад их никто не требовал, а я и вовсе забыла о их существовании, пока недавно не нашла, прибираясь в квартире.

В гостиной царил полумрак. В камине тлели почти полностью перегоревшие дрова. На диване скомканно притаился забытый кем-то пушистый плед. На журнальном столике лежал томик Дюма с закладкой посередине. Когда-то я вот так же читала здесь по ночам...

Воспоминания — горько-сладкие, острые, пряные — всем скопом обрушились на меня, словно из ведра окатили. И я поняла: никогда больше не буду я здесь читать. Не буду спускаться к ужину, болтать с Глебом на крыльце, кутаясь в клубы сигаретного дыма. Никогда не буду стоять на небольшом балкончике в своей спальне и смотреть на ночное небо. Возможно, скоро, я вообще не буду здесь бывать. Если я и Эрик... если мы...

— Поля?

Голос со стороны коридора, ведущего в кабинет, заставил вздрогнуть и обернуться. Вот она — главная причина того, что никогда уже не будет, как раньше. Глупо было позволять себе поверить — пусть и на миг — что можно войти в одну и ту же реку дважды.

Влад уже шагнул в гостиную, но замер, заметив меня. В руке — папка с документами, рубашка расстегнута. Непослушная прядь упала на лоб, мешая смотреть. Небрежно-очаровательный образ, который он так редко примерял.

И я призналась себе — не все перегорело. Но если я действительно хочу построить семью с Эриком, нужно сжечь дотла. Сегодня же. Облить напалмом и...

— Привет...

Полумрак. Света торшера не хватает, чтобы проявить настроение на лице, отчего оно кажется загадочным и опасным. Тени неизменно приносят с собой романтику недосказанности.

— случилось что?

Я покачала головой и почувствовала, как меня затапливает вина. Та самая, что воском застывает вдали от тепла, а вблизи плавится и течет, обжигая. Хотя вина эта родилась исключительно благодаря моим комплексам — я ведь ничего Владу не должна.

— Я к Глебу.

Тени рисуют облегчение на его усталом лице. И надежда скользит в улыбке. Тишина гостиной четко выделяет его шаги — мягкие, крадущиеся, кошачьи. Треск поленьев в камине, извержение искр — как предупреждение.

Поздно. Он рядом.

— Ты дрожишь. Замерзла?

Обнял за плечи, по-хозяйски так, словно имеет право не только обнимать, но и все остальные права владельца прилагаются, только он не спешит их использовать, а только дает сигнал: смотри, мне все можно. А я осторожно, но настойчиво высвободилась, словно давая понять: нельзя. Уже нет, хотя еще вчера я сомневалась и думала, или не думала совсем, а творила глупости... Неважно. Вчерашний день был пропитан вседозволенностью, сегодняшний же вернул в реальность.

— Не стоит.

Удивился. Замер. Даже на шаг отступил, наверное, чтобы рассмотреть меня лучше. И лицо мое, скорбное и виноватое, хотя вину я отчаянно гнала. Моя жизнь. Мои решения. Сам ведь говорил: подумай. Подумала.

Несколько секунд, немая сцена в темной, пустой комнате, в которую сочится из окон свет фонарей, а на стекле — полупрозрачные точки сентябрьского дождя. Осень просится в дом, но ее не пускают. Осени нет места внутри.

Влад всегда мне нравился тем, что понимал многое без слов. Вот и сейчас понял. Отвернулся, глаза отвел и постарался придать лицу каменное выражение. Не вышло. Эмоции иногда берут над нами верх.

— Извини, — зачем-то шепнула я, хотя извиняться не должна была. Но другие слова на ум не приходили, а молчание — разрушительное бездействие.

— Ну почему? — Он вскинулся, ироничная улыбка добавила драматизма в не без того напряженный разговор, состоящий из коротких фраз. — Почему когда я хочу все сделать правильно, всегда остаюсь ни с чем?

— Правильно — это как? — нахмурилась я.

По полу ползли причудливые тени. Камин снова притих, отблескивая горячим желтым, а по подоконнику снаружи забарабанили крупные капли. Дождь усилился. Выйти бы наружу, а не задыхаться здесь в неправильных диалогах. Так всегда: опрометчивые действия оканчиваются сложными словами. Или еще чем похуже.

— Будь я понастойчивее у сольвейгов или вчера, ты была бы моей.

— Думаешь, все так просто?! — взорвалась я, снова чувствуя ярость, словно после разговора с Эриком она не ушла, а лишь притаилась где-то в глубинах сознания и ждала подходящего момента, чтобы вырваться наружу. Нежеланный пленник, от которого не избавиться. — Думаешь, я вещь, которую можно быстро схватить и владеть?

— Прекрати передергивать. Я совсем не то имел в виду.

— А что ты имел в виду? Считаешь, я буду счастлива лишь оттого, что прересплю с тобой? Если бы это было так, у меня в жизни не было бы проблем. Но мне нужно немного больше...

— И я могу тебе это дать!

Он шагнул ко мне снова. Глаза горят. И прядь эта непослушная... неужели не мешает? Убрать бы, только не имею права. Вообще нужно держаться подальше. А прийти сюда сегодня — плохая идея.

— Ты этого не знаешь... — Отступила на шаг и потупилась. Трещина на паркете, ее видно даже в темноте. Большая, изогнутая, змеей заползает под журнальный столик. Когда я была здесь в последний раз, ее не было. Или была? Как много я пропустила! И пора признаться себе: я тут чужая давно. Несмотря на комнату на втором, которую держали в идеальном порядке, будто я могу в любой момент передумать и вернуться.

— И ты не узнаешь, пока не попробуешь. Нужно уметь рисковать.

— Мы пробовали и не раз, — пробормотала я.

И диван новый. Кресла. Те, что я помню, были с высокими спинками. Лина сидела на том, что правее, держала спину прямо, а Алишер неподвижным стражем чуть позади. Давно. Еще перед войной...

— Чушь собачья! Стейнмод тоже облажался.

— Я ничего тебе не обещала, — сказала я вслух, словно озвучивание придаст большую значимость словам. Словно для Влада это станет облегчением.

Не станет. Он надеялся. И совершенно не умеет проигрывать. Никогда не умел.

— Я не сдамся так просто, и не надеюсь.

Я и не прошу. Понимаю, что бесполезно. Но вслух не отвечаю — молчу, продолжая рассматривать новые, чужие для меня детали. Стол с напитками убрали. И на камине статуэтка совы — красивая такая, с открытыми крыльями, в прошлом я бы восхитилась.

— Я устала, — сказала больше самой себе, чем Владу. — И пришла к Глебу.

Влад догонять не стал, но пока я поднималась, чувствовала, что спина горит от его сверлящего взгляда.

Некоторые люди не сдаются никогда. Наверное, это хорошо, ведь если сдашься, опустишь руки, к цели не придешь никогда. Только вот теперь мне точно легко не будет. Эти несколько дней изменили не только меня — наверняка Влада тоже. И в том, что он будет делать в дальнейшем, как поступит, есть доля и моей вины. Только бы глупостей не наделал, сейчас они нам ни к чему. Потому что именно сейчас, считая ступени, я почувствовала, ощутила в воздухе то, о чем говорил Барт.

Опасность. Незримую, пока еще далекую, но уже необратимую. И нет, дело не только в таинственном любителе ритуалов, хотя и в нем тоже, но он — частность, один пазл огромной, пугающей картины будущего. Как и я. Как и все мы.

И уже дойдя до комнаты Глеба, я поняла — оно наступит, это будущее. Сомнет наши

планы, бросит в огонь и развеет пеплом. И все, что мы можем — дать себе насладиться тишиной.

Перед бурей всегда тихо.

Глава 11. Соринки и бревна

— Чо говоришь, ты сделала?! — Глеб окончательно проснулся и смотрел на меня так, будто бы я совершила самую огромную глупость из всех возможных глупостей. Это правда. Совершила. А теперь расплачиваться придется. — Совсем, что ли, мозги отключила?

— Отключила, — согласилась я и, едва касаясь, провела указательным пальцем по струнам его гитары. Расстроенная. За годы дружбы с Глебом я научилась различать. — Тогда я мало думала вообще. Разве что о том, что умру.

— Если Эрик узнает...

Он замолчал. То ли испугался, то ли сожалеет о том несбывшемся, что непременно произойдет, если Эрик узнает.

— Он знает. И о том, что на Тибете было, и о том, что вчера.

— Еще и вчера?!

Не выдержал — встал. Прошелся по комнате, взъерошил волосы, отчего они забавно топорщились в разные стороны. И футболка помялась — моя любимая, с красной надписью. Вернее, уже бледно-розовой от частых стирок. Лет этой футболке больше, чем мы с Глебом знакомы. Впрочем, как и шортам с потрепанными краями. Босые ноги шлепают по паркету, когда он ходит весь такой домашний и глубоко несчастный. Отшельник в раковине.

— Влад умеет убеждать, — пожала я плечами. Снова провела по струнам. Они жалостливо откликнулись отнюдь не гармоничным звуком. — Я это... наверное, замуж выхожу.

— За Влада? — ошеломленно спросил Глеб, даже не пытаясь скрыть обреченность в голосе.

— За Эрика.

Молчание. Тишина. Только часы на комоде тикают и занавески колышутся от ветра. И зачем только Глеб окно открыл? Холодно же. В такую ночь хорошо перед камином, когда поленья трещат и мягкий плед на полу. Вино. Сыр. Тихие разговоры ни о чем.

— Что-то я запутался. — Он внимательно на меня посмотрел. Пытать не будет, но я ведь и сама пришла рассказать. Нужно произнести вслух, чтобы поверить. Осознать.

Я. Выхожу. Замуж.

Нет, одного раза недостаточно. Наверное, нужно раз десять сказать, и лучше перед зеркалом.

— Ты уверена?

— На все сто.

— А с Владом зачем целовалась? Подразнить?

— Не хотела я никого дразнить! Я растерялась. Испугалась. Не знала, что делать. А Влад... он всегда знает.

А ведь и правда, всегда. Куда идти, кому звонить, с чего начать. У него нет неразрешимых проблем — только трудности. Он выживает всегда, а в тот момент мне именно это и нужно было — выжить. Выбор невелик: сдохнуть, сломаться или что-то делать. Не останавливаться, потому что если остановишься — начнешь сомневаться. Влад не сомневается никогда. Его решения порой бесчеловечны, но если понадобится выкарабкаться из дерьма, я пойду к нему. И неважно, что будет потом. Когда ты мертв, принципы не имеют

значения — этому он меня научил. Он меня многому научил, и, если разобраться, не только плохому.

— У вас прошлое, Полевая. Это нельзя отбросить. — Глеб покачал головой, выражая неодобрение. Несколько раз запустил пальцы в волосы, стараясь разгладить. Тщетно. Такие же непокорные, как он сам. — Влад не скрывает, что хочет тебя вернуть — неважно как, главное — результат. И ты даешь ему надежду. Зачем?

— Я ему ничего не обещала, — пытаюсь оправдаться и стереть осуждение, с которым он смотрит на меня.

— А ты не думала, что Эрика это тоже нехило напрягает? Твои эти... метания? Только вот тебе он не выскажет — необъективен, а Владу прилетит ответочка!

— Влада никто не просил меня возвращать! И знаешь, если уж мы начали друг другу претензии высказывать и соринки в глазах искать, то в твоих глазах тоже немало бревен.

— Например?

Он все еще не понимает, к чему я веду. И когда я озвучиваю, хмурится. Глаза отводит, будто если я увижу их в тот момент, пойму то, чего не стоит понимать. То, что он хочет оставить себе. Такой себе маринад для души. Концентрация страданий и жалости к себе. Даже такие, как Глеб, себя жалеют. Редко. В одиночку. Пока никто не видит. Но я-то знаю, налет тоски не скроешь. Она сочится изнутри, покрывая тебя всего. Оседают серым на коже, делает глаза тусклыми, а движения вялыми. Она множит лень и бессилие, и раковина, в которой ты прячешься, становится плотнее, жестче. Так тебя не найдут, не достанут, не заставят вывалить содержимое души на смотровой стол, чтобы там могли его перебрать и вычленивать гниль. Гниль пахнет сладко, но ничего хорошего не несет. Только разложение. И смерть.

У меня есть козырь — я поборол собственную гордость. Надеюсь, это поможет вразумить Глеба.

— Предательства не обсуждаются, — резко ответил он, отвернулся и шагнул к окну. Занавески качались и ласкали его напряженные плечи.

— А ты не предавал? Ее народ и ее, в частности, когда питался? Превращая ее собратьев в растения? Думаешь, ей было легко видеть Лидию каждый день? Других ясновидцев, которых теоретически ты мог выпить? Понимать, что ты, в принципе, не виноват, тебе жить надо, но все же... Ты мог выбирать! Они — не могут.

— Не надо...

— Нет, надо! — напеваю я. — Ты говоришь о моих косяках, но сам косячишь. Нужно уметь принимать человека не только, как дополнение себя. Ника — личность, и у нее свои принципы. И да, они отличаются от твоих. Потому что вы разные, ты — хищный, она — ясновидица. Я говорила тебе, еще когда у вас все началось. Помнишь, что ты ответил? Преодолеем. Сможем. И что, смогли? При первом столкновении характеров ты прячешь голову в песок. Обидели тебя, понимаешь. А ее? Кто ее пожалеет?

— Я поверил ей! — Обернулся. Глаза лихорадочно блестят, а губы горечь кривит. Скулы четко выделяются, щеки впали. Трехдневная щетина. Волосы топорщатся. — Как тебе тогда, когда...

Замолчал и снова глаза опустил. То ли понял, что глупость сказал, то ли просто не хотел ссориться. Развивать тему. Тема стара, как мир. Плавали, знаем. Ничего нового он мне не скажет. И я ему.

— Так ты наказываешь Нику за меня? За Юлиану, до которой тебе якобы дела нет?

Женщины лгут, значит, не заслуживают прощения, так?

— Я не то имел в виду...

— А что? Все лгут, Глеб. И ты, когда придется выбирать между ложью и жизнью, тоже солжешь. Ложь — не смертельный грех. А женщина эта... — Я вздохнула. Говорить было тяжело, ведь говорила я вовсе не своими словами. Повзрослела? Возможно. Мир таков, какой есть, и его не изменить. — Потеряешь ее, будешь жалеть. Но это твоя жизнь, решать тебе.

Глеб молчал, и мне говорить больше не хотелось. Хотелось домой. Туда, где камин в комнате, где в кровати тихо посапывает Алан. Где Эрик неизменно бодрствует — ему ведь почти не нужно спать, чтобы восстановиться. Он увидит меня и улыбнется. Отложит планшет в сторону и похлопает ладонью по кровати...

— Лара пакуется, знаешь? — прервал мои размышления Глеб. Тему, видимо, решил сменить, но хоть успокоился. Не хотелось ссориться. Все же я приехала поддержать, а не ругать.

Кивнула. Разгладила покрывало и отодвинула подальше гитару.

— Не целуйся больше с Владом.

— Не буду, — пообещала я.

В окно серым заглянуло утро.

Мы немного постояли на балконе. Глеб курил, а я всматривалась в плотный, молочный туман, оседающий на траву. Дождь кончился, и плитка блестела в тусклом свете ночных фонарей. На ветвях застыли липучие капли. А на расстоянии пяти метров, все тонуло в белой беспросветной дымке.

У крыльца припарковалось такси. На красном его, блестящем корпусе лоснилась влага.

— За Ларисой, — подал голос Глеб и затушил сигарету. — Поезжай, нечего тут ошиваться и Влада дразнить.

— Уверен? Не хотелось бы прощаться с тобой на такой ноте...

— Все ок, не парься. Да и спать охота, ты же меня разбудила.

Закрылся. И разговаривать больше не настроен. Впрочем, я тоже устала и с удовольствием прилегла бы на пару часиков. Слишком насыщенная неделя выдалась, слишком много впечатлений и эмоций.

В гостиной царил полумрак. Огонь в камине догорел, торшер был выключен, и свет проникал только через окна.

Входная дверь скрипнула, выпуская меня на свежий воздух. Пахло почему-то дымом и прелыми листьями. Уже почти совсем расцвело, свет фонарей терялся в тумане, окрашивая воздух сиреневым. Небо — низкое, пасмурное, нависло и дремало.

На широком крыльце, если немного зайти за угол дома, есть небольшой уголок, где можно спрятаться от всех и просто подумать. Подышать, расслабиться.

Ладони упираются в перила, лицо обращается к небу, и то отвечает мелкой моросью. Спокойно. Тревоги постепенно покидают тело, мышцы расслабляются. Стою. Улыбаюсь, как идиотка, строю планы. Несколько минут всего, и домой. Полчаса напряженного молчания в машине, потому как с Ларой мы никогда не ладили. Надеюсь, Эрик дома, и не придется ждать до вечера, чтобы его увидеть.

Наконец, входная дверь щелкнула замком, и я вынырнула в реальность. Отлипла от перил, шагнула назад, к повороту...

— ...и то, что ты будешь скади, ничего не меняет, — донесся до меня отрывок

насмешливой фразы. — Все меняется, но не главное.

— Главное тоже, — раздраженно ответила Лара и, спустя секунду, добавила: — Я его люблю.

— Вот как? Тогда что мы делали наверху?

В тот момент я буквально увидела, как иронично изогнулась бровь Влада, как саркастично скривился рот. И я застыла все там же, невидимая для них, но будто пойманная с поличным. Не знаю, почему. Наверное, нужно было выйти, но то ли любопытство, то ли неловкость, то ли все это вместе не дали ступить и шагу.

— Это было... прощание, — сдавленно ответила Лара. Я не могла ее видеть, но показалось, в тот момент она опустила глаза.

— Ты уже говорила мне это однажды. Помнишь?

— Не нужно... Сам же сказал: все кончено. — В ее голосе нет обычной уверенности. С Владом она другая. Всегда была. Не надменная, ослепительная красавица, у которой всегда есть что ответить. Не холодная принцесса из сказки. Просто Лара. Женщина, которая зависит от мужчины.

— Я передумал, — безразличный ответ, и после него у меня кровь буквально закипает в венах. Сжимаю кулаки, с силой, чтобы не сорваться. Держусь на грани.

— Поздно... — звучит фальшиво.

Меня передергивает от абсурда и нелепости ситуации, меня там и нет вовсе, но я будто часть этого. словно судьба насмеяется надо мной, заставляя это слушать и наблюдать. Не хочу. Это не мое дело вообще, но обида все равно не отпускает. И да, ни капельки Влад не изменился! Впрочем, он-то ладно, но Лара... Сознание рисует лицо Роба — участливое, доброе. В ушах звучат его слова о Ларисе. И хочется ударить уже ее — пару раз, хлестко, по лицу, чтобы очнулась, чтобы поняла, что она может потерять в результате таких вот... прощаний.

— Да ну, никогда не бывает поздно. — Голос Влада вкрадчивый, гипнотизирующий, пьянящий. И я буквально слышу, как рушатся стены ее сопротивления.

Шагаю вперед, сворачиваю за угол, подгоняемая растущей яростью, и теперь они уже могут меня видеть. Прокашливаюсь громко. Лара вздрагивает и смотрит на меня затравленно. Бледнеет и сливается с белесым, пропитанным туманом воздухом. Выражение же лица Влада не меняется ни капли — такое же самодовольное и дерзкое.

— Некоторые просто не понимают слова «нет», — сказала я и сложила руки на груди.

— Тебе не говорили, что подслушивать нехорошо? — Влад недобро улыбнулся и придвинулся к Ларисе, но она попятилась, не сводя с меня испуганного взгляда.

— Когда не хочешь быть услышанным, говоришь за закрытой дверью.

— Не будь ханжой, Полина.

— Прекращу сразу же, как только ты перестанешь быть придурком!

Если его и задела мои слова, то вида он не подал. Повернулся к Ларе и покачал головой.

— Смотри, напугала Лару. Она небось думает, что ты побежишь к жрецу скади. Но ведь ты не можешь жаловаться, верно? Сама не без греха.

— Что?.. — наконец, выдавила Лара и перевела на него взгляд.

— Интересно, что скажет Эрик, когда узнает о нашем... хм... ужине? Или о том, что случилось на Тибете? — Он ядовито усмехнулся и добавил: — Уверен, Полина не станет ябедничать.

Я с шумом выдохнула и досчитала до пяти. Надо было до ста, но тогда пауза получилась

бы слишком затянутой. Затем улыбнулась и с огромным удовольствием, граничащим со злорадством, ответила:

— Дай подумать... Возможно, он придет сюда, в этот дом, и вызовет тебя на поединок? Или, если тебе повезет, предупредит, что вторая попытка соблазнить его женщину станет для тебя фатальной? Ах да, забыла... Он уже это сказал. Вчера вечером.

Немыслимое наслаждение — наблюдать, как с его лица сползает эта самодовольная ухмылка. Как он щурится, пытаюсь понять, блефуешь ты или нет. Особенно, когда ты не блефуешь.

— Эрик в курсе, — добила я и повернулась к Ларе. — Интересно, что скажет Роб, когда узнает.

— Прошу, не говори... — Лара замолчала. Понимала, что мольбы не помогут или не хотела просить именно меня. Гордая. Снова. Не то, что с Владом.

— Поехали домой, — резко сказала я и пошла к машине. У самых ступеней правый кроссовок смачно хлопнул, погружаясь в лужу. Нога тут же промокла. Ну и черт с ней! Я смертельно устала сегодня...

Чемоданы послушно легли в багажник, мы уселись в такси, и водитель тронулся. Влад провожал нас безучастным взглядом, и по лицу его — спокойному и снова уверенному, нельзя было понять, о чем он думает.

В тот момент мне не было дела. Изнутри съедали сомнения, рыли червоточинами душу. Рассказать Робу? Смолчать? А Эрик? Вдруг узнает, он ведь мысли умеет читать. Попробуй тут не думать, когда встречаешь Лару каждый день в доме, здороваешься и стараешься делать вид, что ничего не произошло. Фу, противно!

Сказать... И тогда Роб изменится — если не навсегда, так надолго. Разочарование всегда уродливо, даже если видишь его на чужом лице. И Лару не примут в скади. Если я скажу, посвящения не будет. Что тогда случится с ней? Уверена, Влад будет только рад. Так и представляю его снисходительное лицо, когда она вернется проситься обратно. Лара не из тех, кто выживает вне племени.

Защитница молчала. Поджала губы и отвернулась к окну. Всю дорогу мы так и ехали молча, не замечая друг друга, желая поскорее добраться, выйти из замкнутого, ограниченного пространства салона и не видеться некоторое время. Уверена, Лара тоже не горела желанием со мной общаться.

Уже когда впереди мелькнули очертания вековых дубов и влажные каменные стены трехэтажного дома, она повернулась ко мне.

— Мне нужно знать... если ты скажешь.

— Не скажу, — не раздумывая, ответила я, но на нее смотреть не стала. Боялась, что не сдержусь, выскажу все, о чем думала. — Но не ради тебя. Роб не заслуживает разочарования. А ты... если еще хоть раз... если это повторится...

— Не повторится, — мрачно заверила она.

Я кивнула.

— Но если повторится, я лично тебя приблю, и это не преувеличение.

Лара не ответила и до самого дома делала вид, что меня нет.

На крыльце нас ждал Роб. Заспанный, кутал плечи в светлый клетчатый плед и счастливо улыбался. Я отвернулась. Не хотелось видеть его. Их. Объятия, насквозь пропитанные фальшью. Ложь, звенящую в воздухе, словно надоедливый комар. И как только он не слышит?

Он не слышал. Помог Ларе выбраться из машины, обнял, заворачивая ее в тот самый плед, и поцеловал в висок. Выглядел при этом по-детски счастливым, и мне все больше захотелось ее придушить.

Я сухо поздоровалась и поинтересовалась, дома ли Эрик. Дома. У этого факта две стороны, как у медали. С одной — мне станет легче, если переключусь на что-то хорошее, а с другой... с другой я могу выдать себя. Ее. Их. Или правильнее сказать «нас»? Нас было трое в этой лжи, и от осознания стало еще хуже.

Я миновала гостиную, бросив испуганный взгляд в сторону коридора, ведущего в кабинет. Решила дать себе несколько минут, и это правильно. В комнате наверху меня ждало бледное отражение в старинном, почти на весь рост зеркале. Впалые щеки. Лихорадочно блестящие глаза. Сутулые плечи. Эрик и без чтения мыслей поймет, что что-то не так.

Бесшумно я скользнула в детскую. Алан спал, подложив кулачок под пухлую щеку, отчего губы выпятились и открылись уточкой. Милота просто! Я поправила одеялко, подвинула ближе плюшевого тигренка, с которым сын не расставался на минуту. Вдох-выдох. Умиротворение накатывало волнами, смывая с души, как с песка, рыхлые следы смятения.

В конце концов, кто я такая, чтобы вершить судьбы? Меня на том крыльце не должно было быть. Так почему бы не сделать вид, что не было? Что я не слышала того ужасного разговора, не вошла в ту грязь, которая мне не предназначена?

Усталость медленно стекала по плечам на пол. Туман за окном рассеивался, являя чистое лазурное небо без единого облачка. Осень отступила, словно давая нам шанс попрощаться с летом.

Я задремала. Съежившись на стуле, у кровати, закрыла глаза и...

У очага атли темно. Одинокaя свеча стоит у алтаря, пляшет пламя на конце фитиля, словно хочет оторваться и улететь, как юркий мотылек. Я стою у самого камня, стараясь превозмочь страх, отрезать его, как ненужную часть, вбросить. Не выходит. Страх, словно раковая опухоль, цепляется за меня длинными щупальцами, пускает в душу новые побеги. Мне не скрыться. Не убежать. Не будет никакого выбора в конце — первый сольвейг ошибся. Только смерть. Я и она, в конце пути.

Впрочем, есть еще кое-кто.

Его лица не видно, но голос мне знаком. У него в руке нож — древний, с изрезанной вязью рун рукоятью. Лезвие блестит, и на нем танцует отражение огня. Он шепчет заклинание, а я стою. Жду. Чего? Бежать бы, но ноги стали ватными. Болит под ребром и в виске пульсирует. На запястьях порезы — неглубокие, потому что глубоких не нужно, кровь несущественна, не в этот раз. Это лишь часть ритуала, дань давно погибшим богам. Погибли ли они?

Страх ползет по комнате, нависает с потолка липкими каплями. Он воняет, и я вдыхаю этот запах вместе с серым дымком благовоний.

Жертвенный камень зловеще отблескивает, словно говорит: никуда тебе от меня не деться. Здесь ты и умрешь. Но я не хочу умирать! Не хочу думать, что это конец, что завтра для меня не наступит, я не увижу тех, кого люблю, а они не увидят меня.

Страху плевать на мои мысли, как и тому, кто бубнит себе под нос заклинание на древнем, давно забытом языке. Он поднимает голову, но тьма все еще держит в заложниках его лицо. Шаг ко мне, и я замираю. Внутри холодеет от его выверенных, бесстрастных движений. Он сильный, и мне его не одолеть. Я пыталась... Не помню, кажется, кто-то

пострадал... Или нет? Неважно. Он идет ко мне плавно, я пячусь к камню, и ощущаю его холод. Ладони — липкие от крови — скользят по его гладкому боку.

Скоро он получит еще крови — много, наверное, всю. И кен, выплеснутый наружу, впитается в многовековой монолит...

Еще один шаг — и я уже вижу, что конец у ножа изогнут вверх. Перевожу взгляд на убийцу и, несмотря на то, что все так же не вижу лица, понимаю: он улыбается.

Дергаюсь, хватаю губами воздух, но он держит крепко, за плечо. Не вырваться. Не убежать. Не...

— Полина! — Кто-то тряс меня, но почему-то шептал. — Очнись.

Я открыла глаза. Светло. Солнце заглядывает в окно сквозь полузадернутые шторы, и стелет свет по мягкому ковру. Я выдыхаю шумно, со свистом, рука инстинктивно прикрывает живот.

Эрик напротив — хмурится, тревожится, не понимает. И я не понимаю. Что это? Пророчество? Будущее, которым меня пугал Барт? Могу ли я его предотвратить?

Алан беспокойно заворочался в кровати и хныкнул, но Эрик даже внимания не обратил. Повернул мое лицо к своему и настойчиво спросил:

— Что?

Я замотала головой, подавляя непрошенные слезы. Тщетно. Они брызнули из глаз, потекли по щекам горячими потоками. Эрик крепко сжал мои плечи и, не обращая внимания на начинающуюся истерику, повторил вопрос:

— Что, Полина?

Я глубоко вздохнула. Раз. Еще раз. Постаралась взять себя в руки, ведь все хорошо пока. Я дома. Эрик рядом. Он не даст меня в обиду.

— Я видела... видела его, — шепнула и покосилась на кровать, но Алан снова сладко спал, перевернувшись на живот.

— Кого? — спросил Эрик, все еще не понимая.

— Того, кто убил ясновидца из клана Гектора. Он придет... придет за мной...

Эрик отпрянул, губы сжались в тонкую линию, а в глазах мелькнуло то, что я впервые увидела в его квартире, когда мы ссорились. Ярость — темную, тягучую, неконтролируемую. Она мелькнула там и потухла, а он крепко прижал меня к себе и шепнул:

— Пусть попробует. — Поцеловал мои волосы, висок, положил голову себе на грудь. — Пусть только попробует...

Я знала — убийца попробует. Возможно, скоро. Перед этим он убьет охотника, затем Альрика, если хватит сил и хитрости, а потом придет за мной. Но пока у нас есть время его найти. Пока еще есть время...

В комнате потемнело — невесть откуда взявшаяся туча закрыла солнце, и холод из моего сна, из святилища атли, проник в комнату. Но лишь на миг — затем свет прогнал его, снова путаясь в высоком ворсе ковра.

Еще не время. Пока еще нет.

Глава 12. Игорь

Снова был вечер, снова свечи и снова бесформенный балахон — только уже не на мне. Приторная, пряная корица в венах отторгалась жилой, но я даже не поморщилась. Терпела. Делала невозмутимое лицо. Старалась не смотреть на шелк темных волос, рассыпанных по спине, на сжатые губы и бледность щек. Не слушала слова присяги. Отрешилась.

Тот вечер тянулся мучительно долго. Небо, низкое, вспухшее тяжелыми перинами туч, молчало. Земля пахла сыростью, на клумбах умирали последние цветы — белые хризантемы и сиреневые сентябрины клонились к земле, будто пытались вымолить для себя еще несколько дней жизни.

Скади радовались, обнимали Лару и желали им с Робом долгой и счастливой семейной жизни. Они не знали то, что знала я.

За домом, где таился очаг племени скади, ветвился сад. Старые яблони, клонились к земле, отягощенные крупными краснобокими плодами. Мокрая ржавая трава мочила полы джинсов. С веток на плечи падали крупные холодные капли.

В глубине сада, под широкими сводами яблонь и лип, прятались округлые бугорки могил. Кладбище скади... На деревянных табличках никаких дат, лишь имена с посмертным напутствием, некоторые из них затерлись почти окончательно, некоторые — были четко видны.

Адам, великий целитель Борислава, покоится здесь. Переродись и прославься!

Дана, воительница Альберта, убившая древнего, покоится здесь. Переродись и прославься!

Алексей, жрец в восьмом поколении...

Давид, воин Альберта...

Виктория, защитница Эдмунда...

Много имен. Историй. Смертей. Однажды и меня похоронят здесь, на мою могилу по осени будут падать листья, укрывая ее плотным желтым покрывалом. Запахнет яблоками и сыростью, а весной — свежей травой и ландышами. Летом здесь будут роиться пчелы, собирая нектар сладких лип...

Под одной из таких я нашла еще две могилы.

Эдмунд, — было высечено на табличке, — великий воин покоится здесь. Переродись и прославься!

И рядом, украшенный цветами холмик поменьше:

Божена, целительница Эдмунда, потомок великого Херсира, отправившаяся искать и нашедшая. Переродись и прославься!

Родители Эрика. История, покрытая тайной. Та, о которой не говорят, лишь шепчутся на кухне, испуганно оглядываясь, не подслушивают ли... Хотелось бы мне знать, что там на самом деле произошло. Что за таинственный ритуал очистки жилы и правда ли он исполняет последнее желание хищного.

Жаль, мертвые не скажут...

Тот вечер вымотал меня окончательно, и я уснула, как только голова коснулась подушки. Снилось мне серая, туманная дымка, липкая, как паутина. Я пыталась выбраться на свет, но света не было, и я все больше путалась и терялась, пока окончательно не выбилась

из сил.

Проснулась рано от телефонного звонка. Голова наполнилась чем-то тяжелым и клейким, в висках и затылке пульсировало, а тело было вялым и непослушным, словно за ночь душу вынули и запихнули в соломенное пугало. Пальцы не слушались и напрочь отказывались держать телефон. С третьего раза получилось его поднять и поднести к лицу.

Нет, ну невиданная наглость! После того, что случилось, после нелепой, аморальной мести звонить — верх бесстыдства. Хотя, возможно, это только снится мне?

Не снилось. Буквы на дисплее четко говорили: звонит Влад. Несколько секунд я пребывала в шоке, а затем отклонила звонок, давая понять: я не хочу с ним говорить. Слышать его. Видеть. И вообще хочется забыть о том, что мы знакомы.

Влад, видимо, не понял, потому как позвонил снова. А потом, когда я не взяла трубку, еще раз.

— Не хочу с тобой разговаривать! — резко выпалила я и поморщилась от яркой вспышки боли в виске. — Знать тебя не хочу и вообще...

— Мне нужна помощь.

Вечно он так. Слова, сбивающие с толку. Короткие фразы. Не терпящая возражений интонация. И послать бы сейчас куда подальше, да совесть не позволяет. Голова болела все больше, и я прикрыла левый глаз.

Утро удалось!

— Что случилось?

— Ты знала, что в Липецке есть еще один ясновидец типа Гектора? У него свой клан в Москве, но он приехал сюда создавать новый. Засранец портит моих людей!

— Я тут причем? Пусть не питаются в городе.

— Немного поздно. Один из лучших воинов атли умирает, Поля, и у меня нет времени на разглагольствования о морали. Ты поможешь?

Бешеный напор, ни секунды на подумать. Белесые взрывы боли в голове. Спутанные мысли. Хочется послать его к черту и снова уснуть, но совесть не дает так поступить с атли. Другие не должны страдать по вине Влада.

Впрочем, я ведь не обязана отвечать быстро, верно?

— Я поговорю с Эриком. Если он не будет против, перезвоню.

— С каких пор ты советуешься с вождем? — иронично поинтересовался Влад.

— С тех самых, как у меня появился адекватный, — съязвила я и положила трубку.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

А через минуту пришла смс: «Скажи Эрику, у меня есть кое-что на вашего маньяка. Так он быстрее согласится».

Не знаю, как Эрика, но меня заинтересовало. После того видения я никак не могла прийти в себя — чудилось, что маньяк сейчас выпрыгнет из-за угла и потащит меня к жертвенному камню.

Голова болела все больше, боль захватывала себе новые территории и постепенно подбиралась к затылку. Левый глаз практически невозможно было открыть, я выпила шипучую таблетку, приняла душ и переоделась.

Эрика нашла внизу. Вообще его сложно было не найти, потому что говорил он на повышенных тонах откуда-то из кухни. Как оказалось, он отчитывал Дашу, хотя за что, я так и не поняла. Обрывки фраз типа «сам решу» или «у тебя есть чем заняться» ситуацию не прояснили, поэтому я осторожно прокашлялась, объявляя о своем присутствии.

— Тебя можно? — спросила смущенно. Почему-то было неловко вмешиваться в их семейные разборки.

— Займись делом, — сердито бросил Эрик Даше и направился ко мне.

— Тебе плохо? — В коридоре его тон изменился, стал мягче, пропитался нежностью с налетом тревоги.

— Просто голова болит, — попыталась улыбнуться я. Не вышло. Пульсирующая агония полностью захватила глаз и заставила дергаться веко.

— Сейчас.

Его ладонь — теплая, большая — легла на лоб, и боль отступила. Медленно капитулировала куда-то вглубь черепа и там затаилась.

— Спасибо, — блаженно выдохнула я. Все же хорошо, что у Эрика такой дар. — Ты поссорился с Дашей?

— Не волнуйся, мы брат и сестра, и у нас с детства разногласия. Вечно что-то делим.

— До сих пор играете в игрушки?

— Во взрослые игрушки, — пошутил он. — Получше?

Я кивнула.

— Влад звонил.

Эрик напрягся. Тут же превратился из в меру беззаботного Эрика в другого, который стоит близко от края. А там, за чертой, плещется и манит широкое, темное море бесконтрольности. Нельзя его туда отпускать. Взять за руку и держать, чтобы не шагнул.

Рука теплая, и пальцы сжимают мои, когда переплетаю.

— Чего хотел? — обычный вопрос, и голос тихий, только в словах — скрытая угроза. Мне ли не знать?

— Просил меня приехать. Его человек выпил ясновидца. В Липецке есть еще один — такой, как Гектор. Ты знал?

Эрик кивнул.

— Виктор. Он приехал на прошлой неделе. Гектор считает, что в Липецке слишком много хищных, и я не могу с ним не согласиться.

— Не знала, что вы с Гектором все еще так близки, — проворчала я и отняла руку.

— Полина...

— Влад сказал, его воин умирает, — решила я сменить тему. — Я могу помочь. А еще он намекнул, что у него есть информация о человеке, который убил ясновидца.

— Откуда? — Взгляд серьезен, а в голосе — заинтересованность. Эрик искал любую возможность, лазейку, чтобы найти маньяка. Уверена, Маршал не спал ночами и занимался поисками. Безрезультатно. Либо убийца слишком умен, либо слишком осторожен.

Я пожала плечами.

— Почему мне знать?

— Ты хочешь пойти? Потому как я могу сам. Уверен, Влад и так поделится.

— Хочу, — кивнула я. — Барт открыл во мне этот дар, и я не могу просто отсиживаться в стороне.

Эрик иронично приподнял бровь.

— Барт? Или человек с ванильным кеном?

— Зачем ты так?

— Извини, но мне все еще непросто воспринимать как должное.

— Эрик, это была просьба помочь, а не попытка соблазнить меня по телефону. К тому

же, мы скоро поженимся, разве нет?

— Как на счет субботы? — мрачно предложил он и обнял меня. — Мы могли бы сделать это сразу после Роберта и Ларисы.

— Вот уже чего не хочу, так это венчаться в один день с Ларой, — проворчала я.

— Хорошо, Полина, мы поедем, — снова становясь серьезным, согласился Эрик.

— Поедем? Разве не быстрее будет использовать твой дар?

— Немного вымотался ночью, не стоит тратить пока.

Эрик перестраховывался. Боялся, что если мы встретим убийцу, он не сможет меня защитить. Но ведь он сможет! Всегда мог. И тогда, с Гердой, и после... Я влипала, он спасал. Я привыкла, наверное, поэтому легкая его растерянность смотрелась неестественно и притворно.

Но я решила не спорить.

— Хорошо, поедем.

День выдался теплым, щедро обливало плечи солнечным светом, пах кострами и жареным мясом и высушил лужи на асфальте. Мы ехали с открытыми окнами, ветер хулиганил в салоне, трепал мои волосы и забирался под воротник. Эрик молчал и сосредоточенно смотрел на дорогу. Я включила музыку, откинулась на сиденье.

Владу звонить не стала — если он считает переписку приемлемой, то чего мне жаловаться? Больше нервных клеток сохраню. Поэтому я просто набрала смс: «Скоро будем» и закрыла глаза в надежде вздремнуть.

Проснувшись уже перед домом атли от легкого прикосновения к плечу.

— Приехали.

Влад встретил нас в гостиной, и не похоже было, что он просто нашел повод мне позвонить. Скользя по мне напряженным взглядом, он поздоровался с Эриком, ничем не выказывая, что его задел мой недавний выбор. Когда на кону что-то важное, Влад всегда умел собраться. Странно, но мое раздражение тоже рассеялось, и даже воспоминания о нашей последней встрече не вызывали злости.

У окна, наполовину спрятавшись за шторой стояла Рита. Нос ее покраснел, а под глазами явно различались следы размазанной туши. Плакала. Это Рита умеет.

Больше никого в гостиной не было.

— Где он? — спросила я коротко.

— В бывшей спальне Макарова, — напряженно ответил Влад.

Каждая ступенька отдавала в голове пульсирующим грохотом. Словно Эрик вместе с болью очистил мою голову от мыслей, и теперь в опустевшем мозгу гуляли сквозняки. Эрик шел за мной — я не оглядывалась и не слышала шагов, но чувствовала его. Напряженный и молчаливый. Сосредоточенный на ожидании.

Распахнув дверь бывшей комнаты Филиппа, я на секунду замерла.

Он сидел на кровати — мужчина лет тридцати пяти с застывшим выражением ужаса на лице. Бледный, покрытый испариной лоб, красные пятна по щекам, как яркие цветы на снегу. Лихорадочный блеск в глазах. Губы кривятся в оскале.

Держали его двое — Глеб и еще один незнакомый мне воин.

Меня схватили за руку, чуть выше локтя — цепко, сильно сжали. Обернулась — Рита. Снова на грани слез.

— Помоги...

Я кивнула и ступила внутрь. От ее прикосновения на коже остался липкий след.

Пострадавший дернулся, выгнулся дугой и застонал. Было видно, что мужчинам тяжело его держать — их пальцы побелели от напряжения, а губы сжались в тонкие линии. Я едва заметно кивнула Глебу, здороваясь.

— Давно он... такой? — спросила, запнувшись.

— С пяти утра, — ответил Влад, скользнув мимо нас и проходя к окну. Взглянул почти умоляюще. — Поможешь?

— Не уверена, что получится. Никогда этого не делала раньше, — предупредила я.

— Получится, — сказал Влад, и я поняла: действительно верит.

Я вздохнула и присела на свободный кусок кровати. И только тогда заметила язвы, покрывающие все тело мужчины — начинаясь мелкими точками на тыльных сторонах ладоней, они поднимались вверх, к плечам, постепенно становясь больше, и заползали на шею почти сплошным полотном. Язвы кровили и сочились сукровицей. Ноги хищного подрагивали в коротких судорогах.

Я подумала, что, захоти Гектор, я могла бы вот так же умирать, медленно сходя с ума и корчась в агонии.

— Как его зовут? — спросила глухо.

— Игорь.

— Игорь. — Я взяла его за руку, подавляя брезгливость и жалость. Он не виноват, что родился таким. Не виноват в том, что система не совершенна. Каждый имеет право на жизнь. — Ты слышишь меня?

Игорь никак не отреагировал, наоборот, закатил глаза и притих, откинув голову на плечо Глебу. Светло-русые волосы беспорядочно рассыпались по футболке друга.

Я бесцеремонно задрала рубашку Игоря, предварительно вытянув ее из-за пояса летних брюк. Нашла жилу — пульсирующий от мучений сгусток, где уже нельзя было отличить, где кен Виктора, а где — его собственный. Я постаралась. Однороден. Кен ясновидца всегда однороден. И ничем не пахнет. Он липкий и вязкий, как кисель. А на этот раз еще и горячий. Настолько, что я инстинктивно отняла руку и потрясла ею в воздухе.

— Она горит! — воскликнула. — Его жила. Плавится.

— Помоги! — почти взвизгнула Рита и зажала рот ладонью, приседая и сползая по стенке в углу.

Я глубоко вдохнула и снова коснулась жилы воина.

Мои ладони — магнит. Подцепить и вытянуть, по чуть-чуть, по капле, избавляя жилу от убийственного кена. Кожу обжигало, в ушах шумело. Игорь дернулся и закричал, но крик его слышался мне словно через толстый слой ваты. Не отступать. Не медлить. Еще немного, и жила повредится изнутри. Тогда уже не спасти...

Кен Виктора ядовито шипел на ладонях. Норовил впиться внутрь, проникнуть в кровь, но мой собственный кен не позволял, сжигая его на входе.

Игорь дернулся, и моя ладонь соскользнула с его живота. Кажется, он даже руку высвободил, чтобы меня ударить, но Глеб вовремя перехватил. Влад влез на кровать, как был, в туфлях, мажа пылью по подушкам, и удержал его за плечи. Но Игорь будто не замечал — рвался, кричал, буйствовал. Лечить было все труднее. Рита рыдала в углу. Зачем только пришла? Лучше бы ждала в гостиной...

— Эрик, — выкрикнула я. — Помоги!

Эрик, казалось, не проникся страданиями несчастного. На лице интерес, не более. Он плавно опустил на корточки перед кроватью.

— Смотри на меня, — скомандовал спокойно. Игорь замер в напряжении. — Не дергайся, понял? Веди себя тихо.

Воин кивнул и расслабился, кен потек почти самостоятельно. Еще чуть-чуть. Еще немного, и закончу.

— Очень мило, — проворчал Влад. — А нельзя было сразу?

Эрик пожал плечами и встал.

Я почти не чувствовала собственных ладоней, казалось, они отделились от остального тела и жили своей жизнью. Тянули и жгли, снова тянули. Игорь потерял сознание и лежал на руках мужчин безвольной куклой.

А потом липкая, агрессивная субстанция перестала течь. В воздухе разлился едва различимый мятный запах — жила отдавала чистый кен хищного, без примесей. Отдавала, правда, неохотно. Внутри почти ничего не осталось — все сгорело в попытках побороть болезнь.

— Кто-нибудь, попросите сварить карое, — устало сказала я, опуская полу рубашки вниз. — Жила почти пуста.

Рита всхлипнула, вскочила и пулей вылетела из комнаты. Меня бережно подняли, поставили на ноги и зачем-то отряхнули, как запачкавшегося ребенка.

— Ты как? — спросил Эрик.

— Нормально. Голова кружится немного.

Он взял меня за руку. Я ойкнула и непроизвольно дернулась, перед глазами поплыли багровые круги. Посмотрела вниз, на свои ладони — кожа сморщилась по краям, а в середине была покрыта огромными, бургистыми волдырями. Они лопались, истекая прозрачной жидкостью, и пульсировали болью. Почти как тогда, с нали. Каждый из них тогда тоже сопротивлялся. Противился воле сольвейга. Надо же, я даже не заметила, как это произошло...

— Что за черт?! — выругался Эрик.

— Фига се! — сказал Глеб. Уложил Игоря на спину, поднялся с кровати и подошел к нам.

— Его жила горела. Буквально. Вот я и...

Я не договорила. Смотрела на собственные руки и не знала, что дальше делать.

— Попрошу Кирилла глянуть, — предложил Влад и шагнул ко мне, но Эрик резко вскинулся, обнял за плечи и почти зарычал:

— Я сам!

Мимо нас еле слышно шмыгнул второй, незнакомый мне воин атли и прикрыл за собой дверь. Мы остались впятером — я, Эрик, Глеб, Влад и спящий на кровати Игорь.

— Твое дело, — пожал плечами Влад.

— Как это случилось? — спросила я, косясь на мирно спящего Игоря. — Разве атли не в курсе, что питаться в Липецке опасно?

— В курсе, — мрачно ответил Влад. — Но некоторые слишком самонадеянны и сумасбродны, чтобы доверять вождям.

Это был камень и в мой огород, но я мудро промолчала. Нечего раздувать скандалы из ничего — это обычно добром не заканчивается.

— Ясновидцы подстраховываются, — пожал плечами Эрик. — Нас тут слишком много на квадратный метр.

— Ах да, я и забыл, ты же у нас теперь дружишь с едой, — съязвил Влад и отвернулся.

— Для некоторых они уже давно не еда, — спокойно ответил Эрик и посмотрел на Глеба. — Для некоторых атли, в частности.

— Морить себя голодом так благородно!

— Хватит вам уже, — вмешался Глеб. — Не надоело еще собачиться? Достали! К твоему сведению, есть другие способы пополнить жилу.

— Там, откуда можно не вернуться? Ты знаешь мое мнение, Глеб.

— А ты — мое. И что?

— То, что атли многое потеряют, если ты там подохнешь! — взорвался Влад. — Спроси своего приятеля, как ему жилось среди аун. — Влад повернулся к Эрику. — Сколько ты там пробыл? Года два? Повезло — выбрался. А вот он, — Влад ткнул пальцем Глебу в грудь, — не сможет. Не тот потенциал. Кормишь его сказочками о дружбе с ясновидцами. Зачем? С едой дружить не выйдет.

— Они не еда! — прошипел Глеб и оттолкнул его руку.

— Андрей тоже был ясновидцем, — сказала я и подула на израненную ладонь. — А потом стал убийцей. Не помню, чтобы это мешало тебе с ним общаться. Как и с Альриком.

— С Альриком полезно дружить. Иногда он делится бесценной информацией. Например, сегодня мы говорили о том, кто убил ясновидца из клана Гектора. Как его там звали? Артем?

— Антон, — мрачно поправил Эрик.

— Не суть.

— Что сказал Альрик?

Эрик напрягся. Губы сжаты, глаза прищурены. И рука сильнее впивается в мое плечо. Его тревога передается мне, перетекает из его ладоней в меня — прямо сквозь свитер, впивается в кожу, течет по венам, холодит внутренности. Эрик боится. А если он боится, что делать мне?

— Ночью наш маньяк убил охотника.

Тишина, воцарившаяся в комнате после этих слов, оглушает. Погружает нас в звуконепроницаемый кокон, обволакивает, дурманит. Задыхаюсь. Пытаюсь сосредоточиться на боли, почувствовать ее острее, для этого соединяю ладони. Боль тупая, не спасает от навязчивых мыслей, от страха, обступившего со всех сторон. В коридоре глухо хлопает дверь.

— Где? — почти шепотом спрашивает Эрик.

— В Москве.

И снова молчание. Глеб отвернулся и царапает ногтем стекло. Противный звук, но сейчас радует и он. Тишина убивает.

— Больно, — вырывается у меня. Не могу больше молчать. Думается, если буду говорить о чем-то будничном, осязаемом, нависшая угроза рассеется хоть на время.

Эрик, похоже, и сам рад отвлечься. Бережно касается моей руки, аккуратно кладет свою ладони поверх моих. Боль отступает, сменяется приятным зудом затягивающихся ран. Те, что внутри, не затягиваются. Страх рождает язвы на душе.

— Ничего не скажешь?! — взорвался Влад, и я вздрогнула.

— Альрик боится, — спокойно констатировал Эрик.

— Боится, — кивнул Влад. — И готов сотрудничать.

— Тогда ему нужно искать среди своих. После изгнания Девяти хищный становится охотником.

— Необязательно. Ты знал, что если отсечь только появившиеся щупальца, ты

сохраняешь сущность и кен, полученный в результате ритуала?

— Он может быть хищным! — выдохнул догадку Эрик.

Влад кивнул.

— Тут искать нужно нам. Вернее, тебе. Это ведь ты знаешь почти всех пророчиц на планете.

— И если какая-то из них погибла в ближайшие годы...

— Мы найдем убийцу, — закончил за него Влад.

Они что-то планируют, а я едва различаю слова. Утыкаюсь лбом Эрику в плечо и почти плачу.

Не хочу больше бояться! Вздрагивать каждый раз, когда кто-то касается руки, от хлопков петард на улице, от звука салютов. Я замуж хочу. Цветы и праздник. Шампанского. Первую брачную ночь. Медовый месяц где-то на пляже. Чтобы песок щекотал пятки. Жмуриться от солнца. Целоваться в соленой воде.

Чтобы как в кино... Возможно ли для меня, как в кино?

— Отправь ее в сольвейгам, — предлагает Влад. — К Барту. Там безопаснее сейчас.

Эрик сомневается. Глаза опустил, думает, взвешивает факты. Отпускать не хочет, но предложение Влада благоразумно. Даже я понимаю. Понимаю, но все равно все внутри противится.

— Нет, — возразила, — не пойду. Не оставлю Алана.

— Ничего не станет с твоим Аланом! — возмутился Влад. — Хищный маньяку больше не нужен.

— Я. Не оставлю. Сына.

— Не надо никого оставлять, — ласково успокоил Эрик. — В скади тебе ничего не грозит.

— Ага, с тобой, — съязвил Влад. — Но тебе-то надо искать убитую пророчицу. Кто за ней присмотрит в это время?

— В скади достаточно защитниц и воинов. Да и друзей у Полины, я смотрю, не меньше.

— Будто ты позволишь помогать, — фыркнул Влад.

— Будто я могу тебе запретить, — поддразнил его Эрик. — Только если хочешь помочь, боюсь, того, что у тебя есть, будет мало. Готов сходить туда, откуда не возвращаются?

— На нижние слои? С тобой? — удивился Влад. Он и правда не ожидал такого щедрого предложения. Впрочем, я тоже. Думала, они теперь до конца жизни будут собачиться.

— Почему бы и нет. Или боишься?

Лицо вождя атли окрасилось злостью, он сжал кулаки и процедил:

— Когда?

В комнату бесшумно скользнула Рита с чашкой карое в руках, и напряжение схлынуло. Эрик отвернулся и бросил как бы между прочим:

— Обсудим.

Глеб отвернулся к окну и сосредоточенно царапал ногтем подоконник. Рита присела на кровать, осторожно потрясла Игоря за плечо, глубоко и скорбно вздохнула. Я почувствовала себя лишней. Да не только я была лишней — все мы. Влад, который все еще раздраженно сжимал кулаки. Эрик, делающий вид, что ему безразлично все на свете, даже опасения Альрика. Глеб, который и сам, видимо, хотел оказаться отсюда подальше. Уйти. Курить у себя на балконе и думать. О Нике. Об альтернативных способах питания. О глобальном решении для хищных — ведь если мы получим доступ к силе на нижних слоях, нам не

придется калечить людей.

Если...

Думаю, будь такая возможность для всех нас, проблема решилась бы давным давно. Но увы, Влад прав: это опасно. Игра не стоит свеч. Он, как вождь, должен беречь своих людей.

Впрочем, сам-то пойдет. Несмотря на злость, я видела, как загорелись его глаза, когда Эрик предложил. И да, Влада совершенно невозможно взять на «слабо». Он не импульсивен, и если согласился, понимает, что справится.

Игорь тихо застонал на кровати, и Рита зашептала — едва слышно, горячо — уговаривая его выпить карое.

— Пусть отдохнет, — сказала я, обращаясь непонятно к кому, и вышла из комнаты. В коридоре дышалось легче, но все же дом атли оставался домом атли, со всеми вытекающими. Подавляющий, пусть и светлый.

Глеб, Влад и Эрик вышли вслед за мной. Глеб прикрыл дверь, а Влад сказал вполне искренне:

— Спасибо.

— Пожалуйста, — сердито ответила я.

Здесь, в коридоре, поджидали воспоминания о нашей последней встрече. Через пару дверей от бывшей комнаты Филиппа находилась комната Лары, а в паре шагов — спальня Влада. Мне не хотелось вспоминать и проводить параллели.

Влада моя враждебность нисколько не задела — он тут же потерял ко мне интерес.

— Как на счет обсудить? — повернулся к Эрику.

Тот пожал плечами, будто говоря: как хочешь. Глеб, похоже, тоже заинтересовался, и они отошли в сторону, оставляя меня одну.

Дом, построенный из воспоминаний.

Они нападали спереди и со спины, впивались сильными, когтистыми лапами в душу и не отпускали. И первый мой приход сюда — я стояла испуганная, потерянная и смотрела на Влада, застывшего на лестнице. И усталая я после посвящения и присяги. Война и пол, заваленный телами близких. Герда. Возвращение из Москвы. Изгнание...И даже когда я вышла на улицу, они тянули ко мне серые, полупрозрачные щупальца, стараясь ухватить. Тщетно. Я выжигала их на подходе.

Рита нашла меня в беседке. Той самой, за домом, где мы с Владом говорили о ритуале. Тут тоже жили воспоминания, но не навязчивые и полезные. Те, которые учат: нельзя подставлять вторую щеку.

— Спасибо, что помогла Игорю, — тихо сказала Рита и присела рядом со мной на скамейку. Ветер трепал ее выкрашенные в черный волосы, челка навязчиво лезла в глаза.

— Атли мне не чужие, — ответила я. Отвернулась. Рядом с ней было... нет, не тяжело. Скорее, неудобно. Сестра по крови, близкой она мне так и не стала. И от несостоявшегося единства Рита вызывала во мне чувство отторжения, побороть которое я никак не могла.

— То, что делают ясновидцы, ужасно, — запричитала она. — Надо же — подвергать человека таким мучениям!

— То, что делаем мы, не лучше, — возразила я. — Ты всегда пила и уходила, Влад не учил тебя оглядываться назад. И правильно. Если бы ты оглянулась хоть раз, сошла бы с ума от того, что натворила.

— Легко тебе судить, — обиделась она. — Сама-то никогда не нуждалась в кене.

— Никогда, — согласилась. — Но и лицемерить не собираюсь. Надо было бы — пила

бы, наверное. Чтобы выжить. Но гордиться этим — уволь. И уж точно не стала бы винить их в том, что они защищаются.

— Ты и твой этот... Эрик ставите себя выше остальных, — фыркнула она. — Пришел сюда весь такой благородный. Типа позволил тебе помочь Игорю... А ведь ты была атли, забыла?

— Не забыла. — Я встала, всколыхнув воспоминания, и они серыми тенями отпрянули от ног и забрались обратно под скамейку. Продолжать этот неприятный разговор больше не хотелось. Слепая вера никогда не была признаком ума. — Поэтому и пришла. А Эрик действительно мне позволил. Если ты забыла, он теперь мой вождь.

— Не только твой. Лариса тоже теперь скади. А скоро у Влада не останется ни одной пророчицы. Если этот... будет приходить.

— Что за глупости? У Влада есть Лина.

— Пока есть, — поправила Рита. — Достала уже своими восторженными вздохами. Только и слышно: Эрик то, Эрик сё.

— Эрик ей помог. Рядом с ним она стала сильнее. Это нормально, что Лина чувствует благодарность. А что делал Влад? Только орал и упрекал. Очень повышает самооценку, ничего не скажешь!

— Будто ты не знаешь, почему Влад так себя вел. Да он тут совсем извелся, пока тебя не было. Влад тебя любит. И не делай вид, что...

— Хватит! Ничего не говори. Ни слова больше. Ты вообще права не имеешь меня упрекать. Лучше займись своей жизнью. Тебе, кажется, нравится Игорь? Вот с ним и откровенничай.

Ее взгляд еще долго жег мне спину, едкий, как кислота. Странно, но было плевать — и на ее мнение, и на мнение остальных атли. Наверное, я стала жесткой.

Эрик что-то обсуждал с Владом на крыльце. Стоял, прислонившись спиной к колонне, и изредка кивал, вставляя реплику. Мазнул по мне ласковым взглядом и снова повернулся к собеседнику. Глеб чуть поодаль курил и пялился в небо.

Я подняла глаза. На голубом полотне плыли облака, редкие и полупрозрачные. Солнце уже почти не грело, ветер охлаждал ладони и норовил забраться под одежду. Пахло прелостью и дымом. А значит, скоро зима...

— Мы так и не назначили день. — По дороге домой Эрик спокоен и сосредоточен. Смотрит на дорогу. Большие пальцы ласково поглаживают руль.

О делах он ни слова не говорил, будто не хотел тревожить. Я тоже не спрашивала. Их с Владом тандем казался миражом и неправдой. Нелогичной сценой, по ошибке впиленной в спектакль.

Немного болела голова и мышцы ныли, словно я накануне много времени провела в спортзале. Волдыри на ладонях покрылись бугристой коркой и безбожно чесались.

— Уверен, что сейчас время? — с сомнением интересуюсь. Хочется уже приехать. Выйти из машины. Спрятаться за толстыми, надежными стенами дома, а лучше в объятиях Эрика.

Словно уловив мое настроение, он повернулся ко мне:

— Ты не должна бояться, слышишь. Со мной ничего не бойся.

Я кивнула. Хотелось ему верить. Хотелось, но... не получалось. Я буквально чувствовала изучающий взгляд убийцы на затылке, представляла выжидающую позу. Он может быть кем угодно. Хищный. Охотник. Тысячи людей на планете. Как найти того

самого?

Эрик знает пророчиц, сказала я себе. Он найдет ту, что не выжила.

И чтобы отогнать едкие мысли, решила сменить тему. Вернее, вернуть ее в первоначальное русло.

— Я мало что знаю о свадьбах хищных. Понятия не имею, сколько времени нужно на подготовку и все такое... Я была всего лишь на одной, когда Влад и Ира венчались, но мало что помню.

— Та Ира, которая от меня прячется? — иронично поинтересовался он. — Митаки?

— Она. Но Ира не прячется, просто живет в Москве.

— Оу, даже так?

— Долгая история. Вы не ладите, да?

— Да я не видел ее сто лет, — безразлично ответил Эрик. — Наши отцы не ладили, а мы общались всего пару раз. Я почти ее не помню. Потом я слышал, что все митаки погибли на войне.

— Иван погиб, спасая мне жизнь. А Ира посвятилась еще до войны, перед венчанием. Уехала с нами в Елец.

— Ты говоришь о ней с особой интонацией, — как бы между прочим заметил он.

— Ира очень поддержала меня, когда... — Я вздохнула. Некоторые воспоминания не привязаны к зданиям. Такие ходят за тобой по пятам, липнут к одежде, смешиваются с запахами. Впечатываются в кожу клеймом. — После истории с Гердой.

Эрик повел бровью, но ничего не сказал. Во мне проснулось любопытство — в отличие от него, я не могла влезть в его мысли и узнать. Поэтому просто спросила:

— Что?

Он пожал плечами.

— Это странно, учитывая твоё отношение к полигамным бракам.

— Я никогда не собиралась... то есть... Ира — хороший человек, глупо ненавидеть ее за то, что она...

— Жена Влада, — закончил за меня Эрик.

— Для меня это никогда не имело значения, — нахмурилась я. Слукавила: имело. Когда-то давно, еще до смерти Тана. Впрочем, после тоже. Но ведь сейчас не имеет, так какая разница?

— Я не упрекаю, просто уточняю. — Его рука соскользнула с руля и погладила меня по щеке. — Хочу знать о твоём прошлом.

— Как и я о твоём.

Я попыталась съехать. Тема отношений с Владом — опасна. Особенно теперь, когда они с Эриком негласно заключили пакт о мире. Неизвестно, чем нам грозит последовательный и хитрый убийца, и любая помощь пригодится. Лучше им с Владом не ссориться из-за пустяков.

Эрик не возражал.

— Ты всегда можешь спросить.

— И про картины?

Взгляд из-под ресниц должен был уберечь меня от негатива Эрика. Когда я вспоминаю о портрете, он всегда сухо отвечает и переводит тему. Злится, хотя и старается вида не подавать. И сейчас по скулам ходят желваки. Не хочет отвечать, но обещал, потому сдержанно кивает.

— Почему ты прячешь их? — тихо спрашиваю я. Пальцы нервно теребят цепочку амулета, и мне кажется, он греется, наполняется силой и готовится взорваться у меня в руках.

— Сложно на них смотреть, вот и все.

— Из-за мамы? Ты на нее злишься?

Молчит. Несколько секунд мы едем в тишине, пальцы Эрика с силой сжимают руль, даже костяшки белеют. А потом он расслабляется.

— Больше нет.

— Раньше злился? — делаю осторожный шаг вперед. Разговоры с Эриком о его прошлом — игры со зверем, чтобы он там ни говорил. Но зверь Эрика сегодня расслаблен и спит.

— Раньше я на многих злился. Но на нее тоже, да. Глупо умирать вот так.

— Глупо решать за других, — вырывается у меня невольно. Слишком эмоционально, чтобы не обратить внимание Эрика, поэтому я опускаю глаза. — Думаю, у нее была причина. У всех таких поступков причины есть.

— Ты хочешь вернуть картину? — Голос его изменился, стал низким и глубоким. Взгляд потеплел, ладонь снова коснулась моей щеки.

За поворотом нас поджидала аллея из многолетних дубов, ведущая к дому скади. Усыпанная желтыми листьями дорога, склонившиеся в поклоне ветви. А в конце — распахнутая пасть кованных ворот и серый дом, обвитый плющом и диким виноградом.

— Если тебе неприятно, то нет. Но она мне нравится, талантливая работа. Уверена, на чердаке еще много таких пылится.

— Не все там, — улыбнулся Эрик.

— У Даши и Роберта, помню.

— Следующая суббота — отличный день, как считаешь? — спросил он, паркуясь у крыльца. — Раз уж эту ты делить не хочешь.

— Следующая суббота — замечательно, — согласилась я, хотя на самом деле, не против была поделить ближайшую. Или даже завтрашний день. Кому нужен пышный праздник? А вот мне — мне нужен Эрик. Весь. Без остатка.

В тот вечер мы не вспоминали о плохом. Уснула я рано, спокойная и счастливая, под мерный стук клавиатуры — Эрик переписывался с деловым партнером.

А утром, когда открыла глаза, на стене снова висел его портрет.

Глава 13. Свадьба

Свадьбы всегда красивы и торжественны. А перед этим неизменно суетливы. Все бегают, что-то несут, кричат в коридоры, спотыкаются с подносами, норовя вывернуть их содержимое на пушистые ковры.

А в воздухе царит атмосфера предвкушения, она пахнет яблоками и медом, мясным соусом и лимонным освежителем. Двери нараспашку, а с улицы тянет осенью...

Скади любят праздники, и сегодняшний не стал исключением. Фуршетный стол в гостиной, цветы, нарядные костюмы, и улыбки не сходят с лиц. Машины у крыльца. Гости. Терпкое вино. Поздравления. Смех.

Невеста сверкает — красное платье, бриллиантовое кольцо подчеркивает декольте, волосы уложены в высокую прическу, и лишь две пряди темным шелком лежат на ключицах. Жених не может стереть счастливой улыбки с лица, полусумасшедшей, полупьяной от венчания.

Даже мне радостно. И ненадолго можно забыть о проблемах.

— Лара всегда умела блеснуть на публике. — Вкрадчивый голос у самого уха заставил вздрогнуть и обернуться. Дежурная улыбка и хищный блеск в глазах — лишь маска, за которой скрывается остывшая, затаившаяся злость. Но я улыбаюсь в ответ — сегодня он гость, а я почти хозяйка. Влад склоняет голову набок в приветственном жесте и приподнимает бокал с шампанским.

В его словах тайный смысл. Нечто зашифрованное, втиснутое между букв, понятное лишь нам. Туманное утро, подслушанный разговор, секрет. То, что мне хотелось бы забыть, но не могу.

— Тебе лучше знать, — едко замечаю я, не прекращая улыбаться. Сегодня я играю роль. Но эта моя сцена, здесь я режиссер и сценарист — как захочу, так и будет.

— Все еще злишься? — наигранно удивляется он, хотя прекрасно знает ответ на свой вопрос. Злюсь. Не забыла. Осуждаю. В глубине зеленых глаз — угроза. Отвергнутый Влад хуже хищника на охоте.

— Нет, — отвечаю честно. — Скорее разочарована.

— Ты меня удивила. — Он перевел взгляд на гостей, и я явно уловила сарказм в его голосе. — Сделаю вид, что никогда не слышал от тебя этой фразы.

Атли приехали в полном составе. Даже Глеб, хотя он предпочитал не бывать в нашем доме по известным причинам. Но сегодня был тут. Много общался с Эриком и хмуро водил глазами по залу. Эрик следил за нами с Владом. Так ястребы следят за добычей — неотрывно, напряженно. Странно, но меня напряжение не коснулось. Ни от колкостей Влада, ни от нервных флюидов Эрика. Возможно, все дело в вине — красном, кисловатом, с тонким малиновым ароматом. Его я сегодня выпила достаточно.

— Не перекладывай на меня своих обид, — произнесла я достаточно резко. — Я не обещала тебе ровным счетом ничего.

— Я не обижен, Полина, нет, — безбожно соврал Влад. И добавил тише: — Сейчас не время для обид.

Знаю, они с Эриком много говорили об убийце. О его целях, планах, предполагаемых действиях. Меня на эти встречи не звали, хотя, думаю, если бы я попросила, Эрик бы не

возражал. Я не просила. Старалась держаться подальше, трусливо спрятав голову в песок. До венчания — так я себе сказала. До свадьбы не буду думать о плохом.

К нам подошла Дарла. Вернее, «подошла» — не совсем правильное слово. Скорее, подплыла, вальяжно покачивая бедрами. Толстый слой косметики на лице, жирные стрелки, обтягивающее лимонное платье, едва прикрывающее пятую точку и нагло выставляя на всеобщее обозрение пышную грудь. Бокал «маргариты» изящно зажат между пальцами с ярким маникюром. В этом вся Дарла. Всегда немного подшофе. Не знаю, может, это помогает ей легче управлять кеном.

— Не позволяй мне больше пить сегодня, — проворковала защитница и фамильярно взяла Влада под руку, отчего он поморщился и слегка отодвинулся. Руку, к слову, не отнял.

— Пожалуй, ты права, — сдержанно ответил Влад, явно недовольный, что нас так бесцеремонно прервали. — Не стоит пить, Дарла.

— У скади так мрачно, — защебетала она и, как ни в чем не бывало, отхлебнула из бокала. — И места столько — заблудиться можно!

— Мы в детстве любили играть в прятки, — решил поделиться воспоминаниями Влад и незаметно высвободил локоть. — Даша обычно пряталась на чердаке, а я в подвале, и никто не мог нас найти. На чердаке слишком пыльно, а в подвале — мрачно и страшно. Хорошее было время.

— В детстве все кажется проще, — согласилась я.

— Лариса очень красивая, — тут же перевела тему Дарла, видимо, не сочтя ностальгию по детству Влада интересной. Она восторженно проводила взглядом улыбающуюся невесту и вздохнула. — Только жених мелковат. Не пара ей.

— Женщины нелогичны в выборе спутника, — иронично согласился Влад. — Впрочем, как и в выборе племени. В атли она была сильнейшей, а в скади — всего одна из.

— Не расстраивайся, теперь у тебя есть я, — томно протянула защитница и одним глотком осушила бокал. — О, там шампанское принесли! — И упорхнула к подносу с напитками.

— Да уж, она будет отличной заменой, — невольно вырвалось у меня, что тут же вызвало ожидаемую реакцию Влада — интерес и насмешку.

— Тебе не нравится Дарла?

— Она очень... колоритная.

— Рад, что ты все еще ревнуешь, — шепнул он мне на ухо вполне двусмысленно, и я заметила, что Эрик на другом конце зала прищурился и напрягся.

— Твои попытки достать меня вызывают эмоции, но это не ревность, — спокойно ответила я.

— Кое-какие привычки остаются с человеком навсегда. Одна из таких — врать себе. Тебе с ним удобно, — он кивнул на Эрика, — он надежный, прислушивается, ценит. У него нет жены. Он сильнее. Грубая сила не требует ума — бей и иди вперед. Ему никогда не придется выбирать — оставить тебе жизнь или не искалечить. Я тебя понимаю. Ты настрадалась достаточно и заслужила кусок сладкого пирога. Но подумай, тот ли он, кто тебе по-настоящему нужен? — Секунда — и маска снова на его лице. Одна из привычных. Отстраненно-саркастичных, тех, что прячут истинные эмоции так глубоко, что и не разберешь, если ли они там вообще. — Впрочем, кто я такой, чтобы тебе теперь указывать...

— Ты тот, кто спас мне жизнь, — тихо сказала я. От вина во рту осталась горечь. А сам напиток, до этого даривший легкость, осел в желудке камнем. Давило виски и гулко стучало

сердце. — И тот, кто так и остался в тени. Твой поступок не оценили, и меньше всего оценила я, верно? Не думай, что я не помню. Ты спас меня. Я больше не вру себе, Влад. — Я коснулась его руки — едва-едва, даже не кожей, флюидами. — Он тот, кто мне нужен.

Прощаться всегда тяжело, особенно если человек тебе близок. Еще труднее ставить точку. Люди иногда не верят в точки. Дорисовывают снизу запятую и ждут.

Влад уехал рано — сразу после нашего разговора. Бессмысленно было его продолжать. На некоторые вещи мы всегда будем смотреть по-разному.

Я нашла Глеба на улице. Он гулял, пиная волглую, слипшуюся листву на аллее, ведущей в сад. Смотрел под ноги и обиженно поджимал губы.

Солнце светило ярко, проникало сквозь почти полностью голые уже ветви деревьев, сушило серые бока камней, которыми выложена дорожка. По утрам на примятой траве появлялся уже белый налет изморози. В этом году лето сбегало от нас, не попрощавшись. Ранняя, холодная осень принесла низкие туман, зябкие рассветы, дожди и промозглость.

Я застегнула куртку и направилась в сад.

— Ты чего здесь? — поймала руку Глеба и развернула его к себе. — Эрик сказал что-то?

Он покачал головой.

— Люблю скади, ты же знаешь. Но она просто вымыкает. Смотреть не могу — тошно!

— Зачем тогда приехал?

Скамейка была чуть влажной, но я все равно присела и похлопала ладонью по дереву, приглашая и его.

— Лара позвала. — Глеб примостился рядом и подкурил, смешно шурясь и продолжая ковырять носком туфли листья. — Скоро вон ты позовешь. Когда, кстати?

— Эрик хочет в следующую субботу. Только вот... — я поморщилась. — Не уверена, что мне стоит звать атли. Не уверена, что вообще хочу, чтобы Влад знал.

— Меньше нужно было с ним целоваться, — угрюмо заметил Глеб.

— Ха-ха, очень смешно!

— Смешного тут мало. Вот разругаются атли со скади, будешь знать. Влад, когда злой, может выкинуть всякое. Мозгов, слава богам, хватает не налажать серьезно, но подлянку сделать может.

— Да, я в курсе. Было недавно уже.

С Ларой. И я прекрасно понимаю, какие у этого «всякого» могут быть последствия, если узнает Роб или Эрик.

— Есть вероятность, что твое венчание скинет его с катушек, — мрачно резюмировал Глеб.

— А что он сделает? Эрик сильнее, и Влад это понимает. Сам мне сегодня сказал. Влад достаточно любит жизнь, чтобы не рисковать ею так глупо.

— Эрик сильнее, — согласился Глеб и затушил истлевшую сигарету. Пепел прилип ко влажным камням на дорожке и еще не окончательно увядшей траве. — Но не ты. Ты всегда была на нем помешана, сколько я тебя помню. Боролась с собой, но так и не поборола. Так ведь? Дашь Владу повод, невольный знак, что у него есть шанс, он его не упустит. А Эрик не сильно будет разбираться, кто виноват.

— Намекаешь, что я виновата? — обиженно возмутилась я. — А пострадает Влад?

— Не намекаю — прямо говорю. Вся суть в том, Полевая, что Влад тебя насквозь видит. И то, что не все перегорело, понимает не только он. Эрик тоже в курсе.

— Все перегорело, — возразила я. Прозвучало неубедительно и насквозь фальшиво. Не к месту вспомнилась сегодняшняя фраза о том, что я вру себе. Но я ведь не вру! Совершенно. Ни капельки. Надежда не живет вечно, а прошлое не вернешь.

А Глеб... Он всегда преувеличивает. Владу и Эрику сейчас не до разборок, и оба понимают это. Я не разжигаю вражду. В чужую голову не влезешь и мыслей не затрешь. Даже если эти мысли идут вразрез с реальностью.

Да, были моменты, когда мне казалось, что все можно исправить. И тогда, на Тибете, и после. Город в огнях. Небо так низко, что, кажется, можно достать рукой. Теплые пальцы на запястье, искры на коже — от взглядов, прикосновений, от прерывистого дыхания сводит живот, и я сантиметр за сантиметром сдаю с таким трудом завоеванные территории.

Они были — эти минуты, когда неизвестность могла свернуть в любое направление. Но выбор сделан, и я ни капельки о нем не жалею.

В доме стало уютнее, когда атли уехали. Некоторые вещи скади не выставляют напоказ, хранят исключительно в семье, словно посторонние лишним словом или даже вздохом могут испортить атмосферу волшебства.

Девушки столпились вокруг стола, обступив его стеной, шушукаясь и смеясь.

— Что там? — с любопытством спросила я и попыталась протиснуться сквозь плотное полотно спин.

— Тамара рисует, — пояснила Алла, оборачиваясь и немного пропуская меня, чтобы я тоже могла посмотреть. — Традиция. В скади она лучше всех исполняет брачный рисунок.

Я, наконец, протиснулась вперед и застыла статуей, замороженно следя за движениями Тома. Тонкая кисть, словно частичка ее самой, опускалась в рыжую краску и скользила по коже Лары. Рисунок начинался от ногтей, вился к тыльной стороне ладони, переплетаясь завитушками и плавными линиями, и поднимался к локтю. Тамара аккуратно и педантично выводила каждый штрих, каждую линию, остальные же замороженно и с завидной долей зависти наблюдали.

Алла еще что-то шептала мне на ухо, но я не понимала ни слова. В сознании гулким пульсом билась одна-единственная фраза — пророчество, которое должно сбыться. Что-то сугубо личное, только мое, для меня.

Пять слов, ранее казавшиеся бессмыслицей, теперь обрели смысл.

Тебе раскроят руку. Совсем скоро.

Кто я такая, чтобы спорить с ясновидцами?

— Хочешь себе такой же? — шепнули мне на ухо, а затем прижали к себе, и я улыбнулась.

— Хочу, — призналась честно и развернулась к Эрику. Ладони коснулись его груди — в том месте, где слышно было, как сердце бьется. — И не уверена, что готова ждать до следующей субботы. Как по мне, воскресенье тоже неплохой день. Особенно подкупает, что оно завтра.

Глава 14. Тот день

Сложно организовать праздник, когда у тебя всего сутки впереди. Еще сложнее — если ни черта не понимаешь в организации праздников.

Но мне не хотелось банкета. Не хотелось искренних и не очень поздравлений, музыки, еды, цветов. Даже платья, ведь я, по сути, никогда не любила платья и не умела их носить.

Я хотела быть с Эриком, остальное меня мало волновало.

Платье мне все же принесли. Белое, с россыпью камней на лифе — они сверкали в свете вечерних ламп, переливались и отбрасывали блики на внезапно побледневшую кожу. Оно было немного длинным и волочилось по полу, но Тамара уверила, что до завтра исправит это недоразумение. Она была намного выше меня — та, для кого оно шилось.

Божена Стейнмод.

Почти до утра мы с Томой рассматривали фотографии из старого альбома, который она тайно хранила в тумбочке у кровати.

Эрик негласно запретил воспоминания в доме скади. Нет, прямого приказа не было. Была злость, которая все выжгла. Которая заперла картины на чердаке, избавилась от одежды и украшений, запретила называть вслух имена. Обида, зарубцевавшаяся уродливым шрамом. Ноющая на погоду старая рана.

Платье Эрик достал сам. Вытащил из шкафа в пустой комнате на третьем этаже. Молча протянул мне, и показалось, его рука слегка дрожала. В той комнате всегда пыльно, и пауки плетут паутину. Солнце струится в щель между плотных штор белесыми лучами и рисует на полу изогнутые тропинки. А вечером там темно, лишь по стене аляповатыми, неровными кругами ползет свет тусклых бра.

Пока Тома возилась с платьем, я рассматривала альбом. На выцветших, истертых картинках улыбалась красивая девушка. Льняное платье в крупный горошек, с клешеной юбкой и ярким поясом облегалo стройную фигуру. Сияющие глаза смотрели прямо в объектив. На заднем фоне — сад скади, совсем новые, покрытые лаком скамейки, брошенное кем-то красное ведро, лопатка в полуметре, наполовину торчит из травы.

На другом фото они уже вместе. Он безумно похож на Эрика, вернее, Эрик на него. Неважно. Эдмунд держит Божену за руку, а вторая рука обнимает плечи. Она маленькая по сравнению с ним, тоненькая, хрупкая. В глазах — нежность и непонятная мне глубина. Тома говорит, я на нее похожа, но лукавит — не похожа. Божена носила платья и отличалась кротостью. Во всем слушалась мужа, не перечила, вела хозяйство. Занималась детьми. Лечила. Говорили, однажды она исцелила надорванную жилу. Кто знает, правда ли, и на что способны потомки Херсира.

Вот Даша — да, похожа на мать. И внешне, и поведением.

Была и свадебная фотография. Вернее, ее фото в платье. На этом фото она смеется. Лежит на большой кровати, раскинув руки в стороны, на левой — брачный рисунок почти до плеча. Платье задралось, обнажая загорелые колени. Наверное, это фото делал Эдмунд лично. Наверное, они были красивой парой...

Глеб приехал ближе к утру. Рассвет разлил на горизонте розовый и пурпурный, мазнул облаками по небу. Мир спал, даже ветви не качались от ветра. Казалось, жизнь замерла в предвкушении.

— Я привез тебе... вот, — сказал Глеб вместо приветствия и протянул мне сверток, украшенный нелепым красным бантом. Мы пили кофе на крыльце. Я вытащила кресла-качалки и столик, с кухни умыкнула вчерашние булочки и молоко. Люблю вот так сидеть. Когда никто вокруг не суется и не мешает говорить. Дом скади спал, лишь Эльвира тихо напевала на кухне какую-то английскую песенку, полностью поглощенная приготовлением завтрака.

Я развернула подарок. Венок из засушенных цветов, покрытый каким-то специальным составом, видимо, чтоб не портились. Полевые. Ромашки и бессмертники. Лен. Ковыль и душица.

— Говорят, можно взять кусочек счастья, если надеть вещь, в которой венчалась другая пара, — тихо пояснил Глеб. — Мама была счастлива в браке.

— Спасибо! — растроганно прошептала я, осторожно касаясь украшения.

— Волнуешься?

— Боюсь, — призналась я. — Но хочу этого так сильно, что плевать на страх.

Страх был по-настоящему сильным. Весь день я пила успокаивающий отвар Томы. К слову, ее способности целительницы были примерно на том же уровне, как мое умение ставить защиту. Почти нулевые. Но отвар я послушно пила — хотя бы для того, чтобы чем-то занять руки, которые безбожно тряслись. Казалось, у меня землетрясение внутри. Извержение вулкана. Обжигающая лава по венам. И полное отсутствие связанных мыслей.

Тамара колдовала надо мной весь день. Мы уехали на Достоевского, чтобы никто не мешал. Я опасалась, что кто-то вмешается и все испортит. Например, если проболтаются Даше, а она донесет Владу. Не знаю, что он может предпринять в таком случае. Если верить Глебу, мое венчание сорвет ему крышу.

Но, вопреки моим страхам, Влад не появился. Не возник на моем пороге с претензиями и обвинениями. Не звонил, не писал в соцсетях и никак не давал о себе знать.

Тома купала меня в ванне с отварами трав, растирала тело маслами, и в итоге у меня закружилась голова от насыщенных запахов, которыми пропиталась моя квартира. Затем она втирала мне в кожу специальный крем, от которого та стала мерцать в темноте. Смотрелось красиво. Завораживающе.

Неброский макияж, прохладный шелк платья, шпильки в прическе. Венок Ольги. Я была похожа на эльфийку или лесную нимфу. Сказочное существо не из нашего мира.

— Ты красивая, — похвалила Тамара.

— Любая была бы в этом платье.

И в колье, подаренном Эриком на день рождения. В легких сандалиях из мягкой кожи. В ореоле предвкушения счастья.

— Поехали, — скомандовала воительница и открыла для меня входную дверь. — Негоже опаздывать.

Я еще раз посмотрела на себя в зеркало. Бледная, лишь на щеках — пятнами лихорадочный румянец. Глаза блестят, губы сжаты. Около ключицы, под самой костью загнанной птицей бьется голубая жилка.

Я действительно сегодня сделаю это? Шаг, который невозможно будет отменить, переиграть. То, что навеки изменит меня. Эрика. Нас.

Готова ли я?

— Идешь? — окликнула меня Тома, и отражение без промедления кивнуло. Оно было готово. Оно рвалось к источнику силы скади.

— Не бойся, — шепнула Тома мне в самое ухо. И когда успела подойти, ведь только что у самой двери была? Легкое прикосновение к спине, успокаивающие поглаживания. Не помню, чтобы когда-нибудь видела ее такой терпеливой. — Эрик любит тебя. Ты будешь счастлива. Поезжай. А когда вернешься, я тебя разрисую. Это будет самый красивый рисунок из всех, что я наносила, обещаю.

Отражение еще раз кивнуло — на этот раз увереннее. Наверное, потому что я кивала вместе с ним.

Я никогда до этого не ездила с Тамарой. Тогда еще, во время беременности и после, с Аланом, нас всегда возил Роберт. Осторожничал, не гнал и постоянно смотрел по сторонам.

Тома лихачила. Резко выворачивала руль, с силой жала на газ и развивала бешеную скорость на центральных улицах. То ли это, то ли предстоящее венчание повлияло, но на крутых поворотах я зажмуривалась и от страха вжималась в сиденье. Мерцали огни ночных витрин, ветер врвался в открытое окно, и кожа от холода покрылась противными мурашками.

У дома, где находился источник скади, были припаркованы две машины — синий «Ауди» Роберта и внедорожник Эрика.

— Когда вернетесь, я тебя разрисую, — в очередной раз напомнила Тамара и изнутри открыла мне дверцу. Не разгибаясь, пристально осмотрела меня, словно пыталась выискать невидимый изъян в макияже или прическе, а когда не нашла, удовлетворительно кивнула: — Ступай.

На улице было холодно, даже морозно. Порывистый ветер пробирал насквозь, а тонкий шелк совершенно не защищал. Впрочем, я почти не чувствовала этого — разве что мышцы свело и идти было трудно. Или я настолько боялась?

Ошибка, если это она и есть, станет для меня фатальной. И слово «никогда», в которое не верила Лара, превратится для меня в палача.

Если это ошибка... Как понять?

Вдруг через несколько лет мы осознаем, что совершенно чужие друг другу? Вдруг Эрик полюбит другую? А если я полюблю не его? А может, мы оба... Что тогда?

У самой калитки я остановилась. Глубоко вдохнула. Где-то вдалеке включилась сигнализация, свет фонаря в двух метрах от меня погас, затем снова вспыхнул и замерцал.

Ты сама этого хотела, помнишь?

Теплые руки на плечах. Взгляд слегка ироничный, прищуренный, отчего в уголках глаз появляется сеточка мелких морщинок. И сами глаза редкого цвета — глубокие и прозрачные.

Я перешагнула границу, защищающую землю от чужаков, ступила во двор. Туфли на тонкой подошве совершенно не защищали от холода. Я судорожно терла пальцы рук, они онемели и не слушались.

Когда он спит, он милый. Раскидывается на кровати, так, что мне нет места. Я сижу в глубоком, мягком кресле и смотрю, не в силах оторваться, как он спокойно дышит...

Пересекла просторный двор, шагнула к дому. Пять ступеней. Дверь.

Трясущаяся рука легла на ручку...

Синий. Он любит синий. И морепродукты. Когда он нервничает, я могу успокоить. Сажусь сзади, распускаю мягкие, как шелк, волосы, и провожу по ним пальцами. Он закрывает глаза и жмурится. Громко дышит. А потом оборачивается, обнимает меня и мы молчим. С ним не нужны слова.

Я зажмурилась и потянула ручку на себя.

Он заразительно смеется — громко, раскатисто. А от его улыбки становится теплее. Шершавый подбородок с ямочкой. Большие ладони, в которых мои просто тонут.

В коридоре темно, и приходится идти на ощупь.

Я родила ему сына.

Я толкнула дверь и вошла в комнату.

Повсюду свечи. Скади очень почтительно относится к огню, и он занимает почетное место в их ритуалах. Как и запахи. Сейчас тут особый букет. Иланг-иланг и лилия. Легкий сандаловый шлейф.

Роб одет в белое, как и я. В руках — распахнутая книга. Он вне круга, у стены, тени от огня заползают ему на плечи и цепляются за рясу гибкими лапами. Душно. Вокруг все в тумане от аромасмесей, что дымятся в углу, в старинной лампе.

— Сними обувь, — велит Роб, и я послушно разуваюсь. Влажный пол холодит ступни. Ступни — единственное, что я чувствую. Остальные части тела больше не подконтрольны.

Эрик в кругу. В черном, как и тогда, когда я впервые увидела его. Рубашка наполовину расстегнута, волосы распущены и отливают золотом в ярком свете ритуальных свечей. Он серьезен. Смотрит на меня, и по взгляду не поймешь, светлы ли его мысли. В потемневших глазах — что-то глубокое, опасное, обжигающее. И кожа горит там, где ее касается этот взгляд.

Он пахнет карамелью...

— Присядь в круг, — приказывает Роберт.

Я близко. Дыхание прерывистое, и руки дрожат. Вверх по коже ползет, извивается, впитывается в вены тепло. Я смотрю в глаза Эрику и стараюсь не потерять сознание. Все плывет — стены, потолок, свечи в витиеватых канделябрах, Роб в белом, до пола, балахоне. Очертания становятся нечеткими, голову заполняет туман, сандал проникает в мозг и дурманит.

— Ты очень красивая, — шепчет Эрик, и его голос дрожит. Все вокруг дрожит, даже воздух. Покрывается рябью и вибрирует.

Роберт говорит слова. Они сливаются в низкий, непрекращающийся гул. Колени давит жесткий пол, я смотрю на очертания круга и на знаки стихий. Вода на западе. На севере — воздух. Восточное пламя и южная земля. И вот уже не Роб — боги шепчут мне в уши, но я не понимаю ни слова.

Дыхание Эрика разрывает ткань реальности. Передо мной другой мир — весь в трещинах — и из них сочится кен. Его кен. Сладкий. Я вдыхаю эту смесь — благовония и тягучая карамель.

Хочется его коснуться — неудержимо, до покалывания кончиков пальцев. Но я понимаю: нельзя. Еще не время. Будут еще слова, и я их услышу. А пока сижу. Смотрю в пол, на белую краску и трепещущие кляксы теней.

А потом понимаю: они оба на меня смотрят. Роберт — выжидающе, и Эрик... почти испуганно. Боится, что передумаю. Дыхание затаил. Мир обретает целостность, давит, распирает меня изнутри.

— Нам нужно взяться за руки, — шепчет Эрик, и я уже потом понимаю, что губы его не шевелятся. Он говорит мысленно, его слова во мне, и я отвечаю — в нем уже: «Хорошо». Ладонь касается ладони, по коже — искры, и кен, кажется, стекает прямо на пол. Мой? Его? Он смешивается, мы исторгаем его, как ненужное, как то, что необходимо отдать. Кен

клейкий и застывает на коже.

— Соедините свой кен там, откуда он выходит в мир, — наконец, я понимаю хоть что-то из того, что говорит Роб. Голова кружится от карамели, от горячих, обезоруживающих взглядов, которые заставляют раскрываться, распечатывать самые глубокие тайники. Хочется кричать и плакать, смеяться и танцевать. Мои ладони уже не единственное, что отдает кен. Он сочится, выступает потом на коже. Жила набухла и пульсирует. Эрик с силой сжимает мои руки, Роберт снова говорит тарабарщину.

Дышу. Стараюсь, во всяком случае, не потерять связь с реальностью. Мы у источника скади. В Липецке. За стенами — город. Магистралы и супермаркеты, кафе и спортзалы, офисы, парки, больницы. Но мир все равно ускользает, меняется, пол засыпает песком — теплым и мягким, в потолке — небо, голубое, без единого облачка. Мы с Эриком, не отрываясь, смотрим на неподвижную гладь воды.

— Соедините свой кен там, где он уходит в землю, — врывается в наш мир голос Роба. Эрик улыбается. Глаза все так же темны, почти безумны. Безумие завораживает. Пол уже не холоден. Нет, не пол — песок. Его греет солнце. Наши колени соприкасаются, жила исторгает очередную порцию кена.

Я должна сказать «согласна». Или не должна? Или я уже сказала?

— Запечатайте кен в жиле друг друга, — громогласно приказывает Роб.

Мутит. Голова кружится, перед глазами плывет, и я уже не отличаю видения от реальности. Где мы? На пляже в выдуманной хельзе или же у источника скади? Кто говорит с нами?

Кто мы?

Кто?..

Эрик кладет ладонь мне на живот и шепчет:

— Верь мне...

Я вдохнула, чтобы ответить, но не успела. Жилу обожгло, в нее хлынул кен, и она поддалась, открываясь. От кончиков волос до кончиков пальцев ног я больше не принадлежала себе.

Я больше не...

Смеюсь. И слезы текут. Глаза закрыты, но я знаю, что Эрик улыбается. Я знаю все о нем, а он — обо мне. Его кен говорит мне, что делать.

Я поднимаю руку, касаюсь его живота — в том месте, где напряжена и звенит сильная жила. Теперь-то я знаю, насколько она сильна... И равно перед тем, как провалиться в беспамятство, направляю в нее горячий поток кена.

Я дышала. Во всяком случае, старалась. Вдох-выдох. Свет золотом струился по стенам, стекал на пол, окружал. Проникал в нас, вспыхивал искрами на кончиках волос Эрика.

Он обнимал меня и улыбался. Моя голова лежала у него на коленях, его пальцы гладили меня по щеке. Амулет на груди нагрелся, но дискомфорта не доставлял. Тепло растекалось по коже — приятное и живое. Казалось, воздух вокруг пропитался жизнью. А еще карамелью и ароматом лотоса — сейчас я чувствовала и его.

Я лежала, старалась дышать и думала о том, что ни один священник ни одной религии не способен настолько связать двух людей, как обычный жрец любого племени. Мне повезло родиться хищной. Я испытала это. Моя жила трансформировалась в нечто новое, распирала, росла, пульсировала. Эрик держал ладонь у меня на животе, и это было самое прекрасное, что я когда-либо ощущала.

Принадлежность.

Слова перестали что-то значить. Зачем слова, если я и так знаю, о чем он думает? А вот прикосновения — их не хватало. Хотелось вжаться в него, втиснуться, стать его частью. Никогда не отпускать. Разве что... пусть Тома разрисует мне руку.

— Я переборщил? — встревоженно поинтересовался Эрик, и я попыталась сфокусироваться на его лице. Оно расплывалось светлым пятном, обретало четкость, вновь расплывалось.

— Мммм, — получилось сказать. — Нет...

Роберт ушел. Оставил нас вдвоем в этом волшебстве, среди догорающих свечей, наслаждаться друг другом.

— Если хочешь, можешь отдать немного. Я действительно перестарался. — Он аккуратно приподнял меня, прижал к себе и шепнул в ухо: — Ты моя.

Его. Полностью. Странно, но это не пугает меня больше. Меня вообще ничего не пугает, кроме одного: не хочу его потерять.

— Замерзла? — Эрик потер мои обнаженные плечи, пощупал ступни. Руки у него были теплые, в отличие от моих ног, так что, наверное, и правда замерзла. Я не чувствовала холода. Наоборот, жила источала тепло, и оно грело меня изнутри. — Поедем домой?

Я кивнула.

— Там Тома... ждет, — прохрипела ему в грудь, цепляясь пальцами за его рубашку. Рисунок хотелось, видеть Тому — не очень. И почему Эрик сам не может его нанести? — В твоей квартире.

— В нашей, — поправил он меня. — Ты точно не хочешь праздник? Потому что мы могли бы устроить его — через неделю, скажем.

— Не хочу. Вообще ничего не хочу, кроме тебя.

— Это нормально сразу после венчания, — улыбнулся Эрик и осторожно меня поднял. Пол качнулся, стены накренились, над головой опасно навис потолок.

— У меня всегда было плохо с чувством меры, — проворчал Эрик, поддерживая меня под руки.

— У тебя не может быть с чем-то плохо, — запротестовала я и обняла его за шею. Так пол качался меньше. — Ты идеален!

— Бесспорно...

Домой мы возвращались вдвоем. Роберт уехал раньше — когда Эрик вынес меня из здания, машины жреца уже не было. Сидя на сидении, рядом с Эриком, я насильно удерживала себя от того, чтобы его коснуться. Голова все еще кружилась и немного мутило несмотря на то, что он приоткрыл мое окно, и свежий, почти морозный воздух обдувал лицо.

Дальше все помнится туманно. Тома — радостная и оживленная, мягкая спинка дивана в квартире у Эрика, прохладная кисть, скользящая у меня по руке. Краска обжигала, будто въедалась в кожу, и на ней расцветал понятный только воительнице рисунок.

Эрик держал мою ладонь и улыбался. В нем тоже что-то поменялось, или же я раньше не замечала, а сейчас вдруг заметила. Хотелось кричать о том, что произошло. Чтобы весь мир знал, что сегодня я стала женой, что отныне моя жизнь полностью зависит от мужа. Теперь я понимала женщин-хищных. Это в нашей природе — принадлежать, и где бы мы не воспитывались, какие бы ценности не впитали, кен решает многое. Жила иногда говорит за нас, и рассудок не влияет на решения. Наверное, так правильно... Иначе как бы мы выжили?

— Эта линия символизирует любовь, — поясняла Тома, выводя широкую витиеватую

линию посреди тыльной стороны моей ладони. Она извивалась, начинаясь от основания кисти и продолжаясь вдоль среднего пальца до самого ногтя. — От нее пойдут все остальные: достаток, плодородие, верность, здоровье.

— Это жила, полная кена, — вторил ей Эрик. Их голоса сливались в один, и мне снова казалось, что со мной говорят боги.

Тусклый свет ночных бра рассеивался по комнате, следом рассеивались мысли. Вначале я пыталась их собрать, но сознание заволокло туманом — густым и плотным. Все, чего мне хотелось, чтобы Тамара поскорее ушла, и мы с Эриком остались вдвоем.

Кровать. Провал окна за синей занавеской, покачивающейся от легкого сквозняка — Эрик оставил окно приоткрытым, чтобы я быстрее пришла в себя. Не пришла. Мне всего было мало — прикосновений, поцелуев, ласк. Я растворялась в воздухе, пропитанном ароматом карамели. Задыхалась от невыплеснутых эмоций.

Я не спала, но все было, как во сне. По-новому. По-особому. Ни одна наша с Эриком ночь не шла ни в какое сравнение с той ночью. Первой. Единственной.

Сама того не ведая, я вылечилась. Эрик стал моим лекарством от прошлого. Комплексы, обиды, недосказанность — все это исчезло, перестало иметь смысл. Эрик сформировал новую меня в тот момент, когда наполнил жилу кеном, и сейчас наносил последние штрихи.

Отныне и навек.

До самой смерти.

Мы — единое.

Глава 15. Разоблачение

Эрик обнимал меня расслабленно, по-хозяйски. Читал. Он часто читает, пока я сплю. Или работает. А иногда смотрит как-то по-особенному и тут же вычисляет, что подглядываю. Улыбается, целует в нос и шепчет:

— Хитренькая.

В окне серым просыпался рассвет. Веяло морозом, пахло палеными листьями и назревающим дождем. Сыростью. Зимой. Под плотным, широким одеялом было уютно.

— Поедем к скади? — лениво спросила я, плотнее прижимаясь к Эрику и пряча ладони под подушку. — Никто ведь не знает еще.

— Знает Роберт, — заметил он. — И Тамара.

— И больше никто, — кивнула я. — Мы так торопились, что никому не сказали.

— Чтобы сказать, не нужно много времени, малыш. Но есть люди, и есть их мысли. Не всегда хорошие.

Я нехотя выбралась из-под его руки. Плечо тут же окатило холодом — волглым, пронизывающим. Тут же захотелось залезть обратно, но я подавила это желание.

— То есть ты не сказал... намеренно?

Он кивнул.

— Почему?

— Дарья, — коротко пояснил он. — Извечный шпион атли. Она бы и об источнике разболтала, думаю. Слабое звено скади, и разговоры на нее не действуют. А наказать рука не поднимается — родная кровь.

— Это ведь наше решение...

Прозвучало неуверенно. Вообще после слова «атли» проснулось уснувшее вчера волнение и разворошило страхи. Теперь они кружили в воздухе, словно рой рассерженных ос. Нехорошо.

— Наше, — спокойно согласился Эрик. — Но кому-то оно могло показаться неправильным. Так сказать, поспешным. А нам сейчас нужны союзники гораздо больше, чем враги.

— Боюсь, постфактум ничего не решит, — мрачно сказала я и снова влезла под одеяло — туда, где тепло и уютно и где нелепыми кажутся угрозы будущих скандалов.

— Решит. Постфактум ничего не изменить.

Не изменить, верно. Разве что... Нет, Влад не станет вызывать Эрика — это глупо. Тем более, из-за женщины. Он слишком умен и расчетлив, чтобы так поступать. У Влада племя. Сын. Это ответственность. Этим словом он всегда умел упрекнуть.

— Мы скажем скади сегодня. — Эрик медленно поднялся, одеяло сползло, дразняще обнажая спину. Тут же захотелось вернуть его обратно. Я нимфоманка, определенно. Если все после венчания становятся такими, то как мужчин хватает на нескольких жен?

Чтобы отвлечься, я начала изучать брачный рисунок. Ржавые линии, одна из которых основная — та, что наполненная жила, от нее витки — лоза и розы, тонкие, острозубые листья. Рисунок преодолевал локоть и наползал на плечо.

Станет ли наш с Эриком брак причиной ссоры атли и скади?

С кухни доносился чарующий аромат кофе — единственное, что Эрик готовил

замечательно. Я встала и прикрыла окно. За стеклом растеклась осень. Впиталась в асфальт, кору деревьев, стены домов, выступила серостью на крышах и меланхолией на лицах людей.

Ближе к обеду пошел дождь. Мелкий, морозящий и затяжной. Низкие тучи — сизые, сбитые на западе в темные комья — медленно наплзали на небо. Росли лужи, и на них мелкими точками плясала морось. Прохожие под зонтами, улицы запружены машинами. Дворники методично счищали последствия непогоды с лобового стекла.

Должна признать, голова все еще кружилась. И вообще вылезать из кровати сегодня — плохая идея. Но у Эрика дела, я соскучилась по Алану, да и вообще лучше сейчас быть среди семьи. Смутные времена. Предчувствия перемен.

Ранняя осень...

Дома было тепло. Растопили камин, включили светильники. Пахло имбирем и корицей, а еще шоколадом и паленым деревом. Где-то наверху играла приятная музыка, из кухни доносился веселый гомон.

Отпустило. Тревоги ушли, вернулось предвкушение праздника. Хотя праздника мы не планировали, но скади будут рады. Соберутся вечером. Будут бросать на нас взгляды из-под ресниц, полузавистливые, полувосторженные. Будет ужин, вкусная еда, вино, воспоминания о прошлом. Улыбки. Посиделки на шкуре у камина. Смех. Беготня. Детские визги. А потом меня, разомлевшую и полусонную отнесут наверх, в кровать.

— Найду Антона, — сказал мне Эрик в гостиной. — Мы кое-что обсудим, а затем соберем всех. Идет?

Я кивнула.

— Идет. Я пока наверх, к Алану.

К Алану я так и не дошла — меня перехватили на лестнице. Коварно так. Вырулив из-за угла — еще несколько минут, и я бы скрылась в безопасном пространстве детской, прикрытая стенами и дверью от любопытных глаз. Но закон подлости работает всегда и везде — даже там, где остальных законы не действуют.

Даша сияла. Не знаю, что Влад ей рассказывал, но она цеплялась за его руку и заливисто смеялась, а он улыбался ей в ответ. Прекрасная пара из них могла бы получиться. Но увы, лишь френдзона. Жизнь несправедлива.

— Привет. — Защитница, казалось, смутилась, что я застала ее такую — раскрепощенную и открытую. Настоящую Дашу, которую она обычно прикрывала масками серьезности и мудрости, приправляя все это толикой недовольства. — Роберт сказал, вы сегодня в городе.

— Решили приехать, — уклончиво ответила я. Отчего-то пересохло во рту, а грудная клетка сжала легкие. И я вдруг поняла: не хочу, чтобы Влад знал. Продлить бы неведение, прикинуться, слиться со стеной — неважно. Только бы не говорить. И вообще, мы с Эриком планировали вдвоем, а не вот так, внезапно... в одиночку. Под внимательным прицелом зеленых глаз. В присутствии его союзницы. Один на один с...

— Мы чай пить, — радостно сообщила Даша и зачем-то взяла меня за руку. Дыхание сбилось окончательно, отчего сердце застучало аритмично. — Идем с нами!

Это был не вопрос. Меня буквально потащили вниз, во внезапно переставшую казаться уютной гостиную. Усадили за столик и, пока я не передумала, вручили вазочку с конфетами.

— Изумительные просто! — поделилась восхищением Даша. — Подруга прислала из Лондона.

Я кивнула и, кажется, буркнула недовольное «спасибо». Да, с вежливостью у меня

сегодня не сложилось. А еще и Влад смотрит как-то странно. И молчит. Будто подозревает. Будто понял и ждет, что я озвучу. Что? Что я вчера... сегодня... всегда...

— Ты попробуй, а я принесу чай, — добила меня Даша и упорхнула на кухню. Все. Мы остались вдвоем. Влад, непринужденно сидящий в кресле, и я — растерянная и злая. Зачем только согласилась на это чаепитие?

— Боишься? — подозрительно тихо поинтересовался он после нескольких мучительных минут тишины, разбавляемой лишь треском поленьев в камине.

— Я? — вскинулась. — Чего? То есть... Разве я должна бояться?

По бесстрастному лицу всегда непонятно, что за мысли рождаются в голове. А вдруг Даша как-то прознала о венчании? Роб сказал, например, или подслушала? За бесстрастным лицом частенько скрывается ярость...

— Убийца пока никак не проявил себя. Да и Альрик бдит. Не бойся.

— А, это... — облегченно выдохнула. Поставила конфеты на столик и взяла одну. Фантик противно зашелестел, когда я машинально ее развернула. — Как поживает Игорь?

— Хорошо. Передавал тебе благодарность и все такое.

— Атли мне не чужие, — пожалала я плечами и завернула конфету обратно.

— Ты какая-то странная сегодня. Жмешься. Случилось чего?

Случилось. Я замуж вышла вчера. Только вот сказать об этом, выдавить из себя жестокие слова не получалось. Нужные никак не хотели подбираться, другие казались неуместными и пошлыми.

Меня спасла Даша. Грациозно всплыла в комнату с большим подносом, на котором дымился чай и удивленно заявила:

— Эрик сегодня странно-тихий. Даже на Антона не кричит, хотя он налажал. — Она аккуратно поставила поднос на столик, рядом с вазочкой, и начала разливать чай по чашкам, изящно придерживая крышечку заварника пальцем. — Он не заболел?

— Эрик умеет себя контролировать, — уклончиво ответила я, облегченно выдохнув. Все же она появилась вовремя. Думаю, лучше нам сообщить сначала скади, а потом уже... возможно, завтра или через неделю...

— Не скажи. Антону частенько достается. Эрик умеет поставить на место. — Она лучезарно мне улыбнулась и протянула чашку. — Правда, не всех.

Я машинально улыбнулась в ответ. Все же хорошо, что она вернулась и разбавила обстановку болтовней. Ей, наверное, и самой неловко из-за напряжения, что вечно царит там, где находимся мы с Владом. Да и вообще, ей не позавидуешь: все же Влад ее друг, а Эрик — родной брат. Обоих она, должно быть, любит. А они собачиться вздумали.

Чашка была приятно-теплой, и чай пах вкусно — лимонной цедрой и полевыми травами. Такой Эля часто готовит мне по утрам. Замечательно поднимает настроение. Я расслабилась и откинулась на спинку кресла.

Вообще, расслабляться иногда вредно, а то и вовсе нельзя.

Нужно было отказаться сразу, пойти к Алану и закрыться в детской изнутри. Там Тамара, игрушки, там пахнет детским маслом и присыпкой. Там все проще и нет подводных камней.

Но я не пошла. Это было ошибкой.

— Симпатичный рисунок, — как бы между прочим обронил Влад и кивнул на мою руку. Сам как ни в чем не бывало потянулся за конфетой и тоже зашелестел фантиком. Противный звук — мне он сразу не понравился. Думаю, эти конфеты я пробовать не

стану. — Что он означает?

Я облажалась. Не надела перчатки, не засунула руки в рукава. Позволила себе беспечность просто быть счастливой. За такое не прощают. Особенно такие, как Влад.

Даша побледнела. Закусила губу. Ее руки нервно сжимали дымящуюся чашку. Она смотрела на рисунок и, казалось, хотела мысленно его стереть. Выжечь, как лазером выжигают татуировку. Отмотать назад время и сломать кисточку Томи. Сломать меня, чтобы не...

А потом она медленно подняла на меня глаза. Испуг. Злость. Обида. Что-то по-детски трогательное было в ее взгляде. А губы почти беззвучно прошептали:

— Когда?

— Вчера вечером, — выдохнула я сухое, пустынное. И замолчала. Бывают ситуации, которые объяснения опопшляют.

Полено в камине треснуло и взорвалось тысячами ярких искр — мне хорошо их видно с кресла. Я смотрела туда, потому что нужно было куда-то смотреть. Застыла в межвременье, между «остаться» и «убежать». Между сказанным и утаенным.

— Что — вчера вечером? — поинтересовался Влад. Он пытался, наверное, оставить достаточное количество невозмутимости в своем голосе. Процентом семьдесят, не меньше. Уверена, даже лицо его сейчас одето в одну из популярных масок — интерес в зародыше, который проявляешь чисто из вежливости, услышав совершенно не касающуюся тебя новость.

В этот раз не вышло. Голос дрогнул, последний слог треснул, и фраза осыпалась осколками на пол.

Разоблачен.

Мне нужно на воздух, и я малодушно встаю. Ставлю чашку на стол — механическое движение. Шагаю к двери, оставляя вопросы без ответа — ответ на поверхности, настолько очевиден, что слепит. Сверкает гранями на песке — мое счастье. Это плохо. Кое-кому никогда не выбраться из тьмы.

На улице дышится. Дождь ластится к коже, оседает бисером на куртке. Кривые лужи я обхожу, трава между камней на мощеной дорожке елозит по светлым джинсам, бессовестно их пачкая. Мне все равно. Я так боялась высказать вслух, признаться, что просто забыла, как дышать. Вспомнила уже тут, в саду. С веток, покрытых редкими листьями, безжалостно капало за шиворот.

Не может быть, чтобы Влад не знал. Столько лет атли и скади вместе, наверняка он видел такие рисунки на руках их женщин. На руке Божены был и вообще...

Зачем он тогда спросил? Сам боялся поверить или...

Впрочем, гадать не имеет смысла. И я надеюсь, что он не найдет меня здесь, в зарослях, во влажном, холодном саду, за сомкнувшимися у меня за спиной ветвями.

Убежище оказалось ловушкой. Это я понимаю слишком поздно.

— Как же глупо... Почему ты всегда поступаешь так глупо? — Он появляется, как всегда, из ниоткуда. И слова его ледяные, острые, от них озноб и паника... должна быть, но нет. Лишь усталость.

— Я знала, что ты это скажешь.

— Я не о венчании. О том, что не сказала мне. — Его лицо портит эта саркастичная ухмылка. Трещина рта. — Чего ты боялась, Полина?

— Ничего. Ничего я...

— Врешь! — слова хлестают плетью наотмашь. Не дают опомниться, собраться, быть. Новая «я» замирает, выпихивая вперед другую меня — старую, ветхую, в шрамах от былых порезов. Она сильнее и привыкла к таким поворотам. В ней мудрость боли. Я думала, она умерла... — Ты боялась. Ты думала, я буду действовать, противиться. Помешаю.

— Боялась! — почти кричу. Ветер вторит мне возмущением, качает ветви, и с них сыпется горох ледяных капель. Волосы намокли и липнут к щекам. Вчерашнее счастье — неразбавленное, приторно-сладкое, воздушно-карамельное — горчит. — Ведь так и было бы. Ты... ты всегда...

— Неважно уже, — перебивает он. Выдыхает и опускает взгляд. Перебирает внутри варианты, просчитывает вероятности. — Неважно. Совсем. Такие, как Эрик, не погибают в битвах. Всегда выходят героями. Рыцари в сияющих доспехах. Таких печатают на обложках журналов и приводят в пример детям.

Он говорит, и горечь растворяется в воздухе. Вода, льющаяся с неба, отравлена. Отравлены мысли, слова, движения. Отрава сладкая и липнет к губам.

— Я не хочу, чтобы он погиб, — выдыхаю неуместное. Лучше бы молчала, право.

— Не хочешь. — Он кивает. На меня не смотрит больше, но я и рада.

Взгляды иногда тоже ранят. Я ранила его, он меня — разве не это зовется справедливостью?

— Я хочу, — признается он неожиданно спокойно. — А еще лучше, чтобы вообще не рождался.

— Не надо...

— Не буду, — соглашается он. — Это ничего не изменит. Ничего уже не способно это изменить. На твоей жиле его отпечаток, и ничто его не затрет.

— Прости, что не сказала.

Эти слова — шелуха. Ненужная, сухая. От них першит в горле, как от песка, который случайно вдохнул.

Влад выстрелил в упор коротким, ненавидящим взглядом.

Контрольный.

— Послать бы тебя к черту...

Небо прячет мои слезы в дожде. Мы еще долго в саду там втроем — я, он и небо. Извечный наш безмолвный свидетель.

Глава 16. Вести из столицы

— Совсем промокла, — ворчала Тома, растирая меня полотенцем. Щеки онемели, а еще ныло в груди, глубоко.

— Это мой защитник, от него не будет вреда, — вяло ответила я, глядя на синеющую дыру окна. Сумерки прячут тени. Дождь закончился, в широких лужах тонули желтые листья, погружаясь на мутное дно. Я мысленно хоронила их, когда шла обратно, к дому. Влад уехал, а я еще долго стояла там, где дождь размывал его следы.

— Был защитником, — поправила Тома. — Ты уже не атли.

Не атли.

Не.

Атли.

Перекаत्याю эту фразу на языке. У нее знакомый вкус. Терпкий вкус свободы от прошлого. Я все сделала правильно, говорю себе. Если долго говорить, то можно поверить. Даже доводы есть, например, своя рубашка ближе к телу. Я не обязана говорить Владу обо всем, что происходит в моей жизни.

Когда я вернулась в дом, Даша молчала и хмурилась. Обнимала себя за плечи, смотрела в окно и, казалось, вот-вот расплачется. Еще одна не рада. Ну и черт с ней! Зато Лара меня поздравила. Сухо, конечно, в ее излюбленной высокомерной и отстраненной манере, но все же. Неожиданно.

В целом вечер прошел тепло. Ужин, посиделки у камина, тихие разговоры. Только сон не шел. Перевалило за полночь, а мы все сидели: я, Эрик, Тома, Эля. А еще Даша в кресле, поджав колени к груди. Она не участвовала в беседе — только слушала и почти не шевелилась. Еще гипнотизировала экран смартфона. Смартфон молчал.

Эрик казался задумчивым и отстраненным. За руку меня, правда, держал и иногда прижимал к себе, целуя в затылок. Было тепло и спокойно, я куталась в пушистый плед и прижималась спиной к груди мужа.

В дверь стукнуло неожиданно и резко — я даже подскочила. Такое впечатление, что в нее бросили чем-то тяжелым, и оно, ударившись, рухнуло на крыльцо. Эрик тоже встал и крепко сжал мои плечи, Даша поднялась, Тома воинственно подалась вперед...

Я замерла. Внутренности сжались. Сердце заколотилось, как сумасшедшее, плед сполз с плеча.

— Дарья, — бросил Эрик, и она кивнула. Подошла ко мне и зачем-то обняла. Бледная, испуганная.

Перед глазами пронеслись картины — одна красочнее другой. Неизвестный убийца в черном плаще с ритуальным ножом. Кривая улыбка, прищуренные глаза, впалые щеки. И волосы темные развеваются.

Почему я его таким представила?

Эрик уверенно подошел к двери, открыл ее... и за шкуру втащил в дом мокрого Дэна.

Его светлая майка была полностью испачкана грязью, чуть выше локтя алела ссадина, а на лице застыло выражение удивления вперемешку с досадой.

— Предупреждать надо, что у вас тут такая защита стоит, — недовольно пробормотал он и настороженно покосился на Эрика. — Может, отпустишь уже?

— Эрик, отпусти, — облегченно выдохнула я и высвободилась из объятий Даши. Эрик выпустил Дэна, но косился на него все равно подозрительно. — Что случилось?

— Навел я, значит, прицел. Чувствую — ты внутри. Ну и телепортнулся. А тут защита. Меня об дверь и жахнуло. Летел со ступеней я знатно. То еще удовольствие, я тебе скажу.

— Что-то с Бартом? Он прислал тебя? — Я опустила его жалобы на недостатки защиты скади. В груди проснулась тревога — тягучая, как смола.

Дэн тут же посерьезнел и кивнул.

— Трое его людей мертвы, Полина. Альрик постарался. Уж не спрашивай меня, как он их нашел. Сначала выманил, так как в послеление не зашел бы даже он. А затем прибил.

— Альрик? — испуганно выдохнула я.

— Избавляется от сольвейгов, — мрачно предположил Эрик. — Умно.

— Избавляется? Но... зачем?

— А затем, что убийце не будет проку с его кена без сольвейга. Не будет суперспособностей и прочего профита.

— Если все сольвейги умрут, чокнутый прогорит, — подтвердил Дэн. — Барт считает, тебя Альрик прибьет последней. Здесь у скади ты в безопасности... пока.

— Кто? — вырвалось у меня. Слова обжигали губы — кипящая лава. — Люсия... она...

Перед глазами поплыло от ужасных предположений. Картинки множились, как на ксероксе — одна красочнее другой. Нет, Люсия не могла погибнуть! Я бы почувствовала, я бы...

— Жива-здорова твоя Люсия, — успокоил меня Дэн. — В отличие от Юлия, Лехи и Гали. Сольвейги ищут убежище, так что я ненадолго. Пришел тебя предупредить. А еще Барт просил передать: ищите в Москве. Думаю, гад затаился там, хотя не уверен. Он так замаскировался — фиг вычислишь. Тогда, помнишь, у тебя в квартире — этот чокнутый с ножом? Ведь ни следа не оставил!

— Яд... — задумчиво произнес Эрик. — Нужно было сразу догадаться...

— Яд? При чем тут яд? — удивилась я.

— Тот яд был особенным — он должен был привести тебя к отравителю. По сути, неопасный, если сразу зовут. Такого типа яд используется обычно женщинами. Ну там, призвать неверного мужа или соперницу. Я тогда еще удивился, кому бы это понадобилось кому-то — призывать так тебя. Но теперь... теперь все становится ясно. Скорее всего, убийца приметил тебя еще тогда. — Он взял меня за плечи, несильно сжал. — А теперь попытайся вспомнить, малыш, были ли у тебя новые знакомства в то время? И самое важное: кто из них знал, что ты сольвейг?

Молчание клубилось дымом вокруг нас, смешивалось с чернилами ночи, которую Дэн принес с улицы. Холод. Скрип мыслей в головах. Ледяное расползлось по полу и морозило пятки. Страх ли? Есть ли разновидности у страха?

Тома воинственно натянулась, как струна на гитаре Глеба. Даша побледнела еще больше. Эрик выжидающе смотрел на меня, а с моих губ рвалось одно слово: ты.

— Андвари, — тихо сказал Дэн. Выдержал многозначительную паузу и добавил: — А еще я.

— Я хотел съездить к андвари, — задумчиво произнес Эрик, проигнорировав фразу Дэна касательно него самого. — Три года назад. У них была пророчица. Не вышло. Застрел у аун.

— Была у них пророчица, ага, — кивнул Дэн. — Погибла на войне.

— Не суть, можно было найти другую для ритуала.

— Можно было, — подтвердил Дэн. — Или провести ритуал и списать ее смерть на охотников. Крег мог, например. Как жрец.

— Не мог, — глухо возразила я. На до блеска вычищенном паркете ползли багровые пятна моего испуга. Я водила глазами, но они ускользали от прямых взглядов. Перетекали в сторону, изламывали края, выгибались. — Тот, кто сделал это — охотник, пусть и маскируется. А Крег, он... ну... с Ирой...

— И то верно, — кивнул Дэн. — Не он. Тогда Рик или Саймон. Несмотря на внешнюю безалаберность, говорят, наследник силен.

— Он нападет, если я буду рядом, — вырвалось у меня. — Не упустит возможности, верно?

Глупая, глупая Полина. Замолчи. Иногда молчание — правда, золото.

Но молчать я так и не научилась. Посмотрела на Эрика и спросила:

— Ты ведь успеешь, если он вдруг... — фраза оборвалась судорожным вдохом.

— Опасно. — Дэн покачал головой. — Если это кто-то из андвари.

Эрик молчал, буравя меня тяжелым взглядом. Думал. О чем? Насколько я безумна в своих предложениях? Или решал, стоит ли поставить на моей вменяемости жирный крест?

— Пока он еще недостаточно силен, ты сам говорил, — продолжала я. — Пока не убил Альрика. И Альрик понимает, что будет следующим. Если он нашел возможность искать сольвейгов, он перебьет их всех. А потом меня. С Альриком ты драться не можешь, он Первозданный. Выхода нет, нужно рискнуть.

Эрик опустил глаза, сжал кулаки. А у меня в голове рождались образы. То, что больше не повторится. Юлий, говорящий скороговорками. Леша с топором наперевес — улыбающийся, добродушный. Он всегда отвечал за огонь, берег его для сольвейгов. Кто теперь будет его беречь? И кто приготовит фирменный плов Гали?

Если я не попробую помочь, умрут еще сольвейги. Те, к кому я привязалась. Умрет Люсия. И Барт. Я сама умру — уверена, Альрик найдет способ обойти даже самую древнюю защиту. Эрик силен, но Альрик живет слишком долго, чтобы знать много лазеек.

— Это безумие, Эрик! — подала голос до того весь вечер молчащая Даша.

Он на нее даже не взглянул. Посмотрел на меня и кивнул:

— Хорошо.

Мир обрушился на меня водопадом, будто над головой его держало сверхпрочное стекло, и оно треснуло, не выдержав напора. Звуки, запахи, касания — все стало невыносимо ярким, четким, раздражающим.

Я видела в глазах Эрика сомнение. Он сомневался и выбрал меньшее из зол. Так делают, когда почти уверены в поражении. Так делают на пороге прощания.

Но я не умру! Я не для того пережила драугра, которого выносила и родила, чтобы сдохнуть вот так — от руки того, кто ищет власти! И пусть они все хоть сто тысяч раз не верят, моей веры хватит на всех. Я — сольвейг, и умею драться. Если кому-то нужна моя жизнь, пусть попробует взять!

— Используешь ее, как наживку? — мрачно уточнил Дэн. — Смело.

— Ты знаешь их лучше. Андвари. Расскажи мне о каждом. О том, кого подозревал бы сам. И об их пророчице, как ее там звали...

— Кэт.

— О ней тоже.

Они говорили, подключилась Тома и Даша, Эля незаметно убежала на кухню готовить кофе. А я стояла у окна и смотрела в ночь.

Смерть всегда черна. Застилает сознание, как темнота — землю. Лишает ориентиров, связанных мыслей, логики. Вот был человек — и вот его нет. Все просто. Ничего не вернуть, время не обратить вспять. Чертов Альрик! Ненавижу. Его и тех, кому власть дороже жизни. Всех тех, кто, не задумываясь, переступает через мораль, кто идет по головам, затем — по трупам.

А ведь я еще помню, как застенчиво умел улыбаться Алексей... Один из нас, почти брат мне, ведь сольвейги все близки. Связаны.

Если умрет еще хоть кто-то, я себе не прощу.

Получается, из андвари я могу исключить только Крега, остальные — под подозрением. Рик... Да, пожалуй, его я проверила бы первым. Он еще с того раза показался мне жутко неприятным, но, возможно, за ханжеством скрывается нечто большее, чем обычный шовинизм? Что если он уже тогда пропустил всех нали, убил свою пророчицу, или не свою... Неважно. Барт был в кане, следовательно, мог проболтаться о ритуале. Что мешало Рiku стать на путь искушения властью? Вожди вообще любят власть. Все, без исключения.

Крег обещал помочь. Почитать летописи, поискать в старых записях что-то, что могло бы хоть косвенно указать на убийцу. После того он не звонил, и Ира тоже, а я настолько углубилась в собственные заботы, что и думать забыла о поддержке из Москвы. Самое время напомнить о себе. А заодно и показаться на глаза убийце. Если он, и правда, там, в доме андвари. Если один из них...

— Я буду с ней, для подстраховки, — услышала я краем уха уверенную фразу Дэна. — Но вначале мне нужно помочь Барту устроиться на новом месте. Он полагается лишь на меня, других связей с внешним миром у него нет.

— Когда? — тихо спросил Эрик.

— Дай мне пару дней.

Пара дней на самом деле немного. Серый рассвет особенно сер после бессонной ночи. Туманный день украшен рыжими пятнами опавших листьев. Низкие облака. Октябрьский воздух мелкими каплями оседает на коже.

Один звонок. Два слова.

— Можно приеду?

А в ответ обиженное:

— Зачем спрашиваешь? — А через секунду тревожное: — Случилось что?

Пауза. Глубокий вдох. Пальцы мнут манжет куртки. Кивок, словно та, кто на другом конце воображаемого провода может увидеть. И запоздалое:

— Случилось.

Воздух выдыхается с трудом, липнет к гортани. Во рту противный привкус страха. И тишина вокруг. Дом скади ничто не может потревожить, он под защитой. Во всяком случае я лелею в себе веру в это. Пока я здесь, мне ничего не грозит.

Но два дня действительно мало. Настолько, что я не успеваю опомниться.

В Подмоскovie тихо. Ветра нет, сырые деревья дремлют на обочинах. На раскидистых клумбах примятые дождем цветы. Пестрят разноцветные крыши элитных домов. Из них особенно выделяется дом андвари — величественный, роскошный, пафосный. Одно успокаивает — Дэн держит меня за руку. Так и не выпустил после перемещения. А еще в сознании постоянно крутятся слова Эрика: «Я все время буду рядом. Каждую секунду. Не

бойся».

Не боюсь. Во всяком случае, стараюсь.

— Тревожненько, — тихо обронил Дэн и поднял глаза к небу.

Я кивнула. Не то слово. Но на груди у меня амулет Эрика, чуть выше, на веревочке, оберег Барта. Я верю в защиту сольвейгов и первого жреца ар.

Ира не живет здесь, я знаю. Но мне нужно к андвари, поэтому я договорилась встретиться здесь. Тем более, Дэн тут обитает часто. У него есть своя комната и кровать, андвари приветливы к хищному-одиночке.

С утра морозно, и кроссовки скользят по гладким ступеням. Величественная дверь устрашающе глядит провалом глазка.

Отстранненно-вежливый дворецкий отворил нам почти сразу — андвари были предупреждены о визите. Дэн решил не нагнеть и не телепортироваться в дом. Сохранить видимость тактичности. Словно по волшебству, в гостиной появилась Лили — как в первую нашу встречу, элегантная и собранная. Мелкие шаги, вежливая улыбка, прямая спина. В сверкающей золотом комнате она смотрелась гармонично в узкой юбке-карандаш и бледно-розовой блузе с пышными воланами.

— Полина, дорогая! — она раскрыла руки в радушном жесте, а через миг уже сжимала меня в объятиях — по моему мнению, ничем не обусловленная фамиллярность. — Посмотри на себя — красавица! — Затем она повернулась к Дэну и едва заметно кивнула, приветствуя.

— Лили. — Я постаралась изобразить искреннюю радость и не выдать беспокойства. Постоянно хотелось оглядываться, словно убийца мог наброситься на меня со спины и прирезать.

Эрик успеет, сказала я себе. Почувствует. Придет. Иначе просто быть не может.

— Твой визит — неожиданность для нас. И честь.

Лили проводила нас к столу и распорядилась на счет чая.

— Я приехала к Ире, — нагло соврала я и посмотрела на Дэна. — Ну и Дэн звал говорил, вы не будете против. Вот я и...

— Умница, что приехала! — перебила она и стиснула мою руку. — А Ира... Не люблю обсуждать людей, но она поступает неправильно. Замужняя женщина. Венчанная. Срам! — Целительница покачала головой. — Мы ценим Крега, но он не должен поощрять. Хорошо будет, если ты, как подруга, наставишь Иру на путь истинный.

— Согласна, не стоит обсуждать Иру за ее спиной, — проворчала я и высвободила руку. — Это их дело. Ее и Влада. Личное.

— Поверь, я знаю мужчин, — доверительно сообщила она мне. — Они не всегда озвучивают сокровенные мысли. Уверена, ее муж тоже не в восторге от такого поступка. Но мы иногда терпим, когда любим. — И добила пафосно: — Мужчинам тоже не чужда любовь.

Дэн едва подавил смешок, и Лили окатила его ледяным взглядом.

— К тому же, — заявила прохладно, — когда женщина замужем, она не может больше смотреть на мужчин, как на добычу. Жила всегда знает, кому ты принадлежишь. — Она снисходительно мне улыбнулась. — Вот выйдешь замуж и поймешь.

— Вообще-то, я уже... — Рука невольно потянулась к брачному рисунку, подушечки пальцев бережно коснулись завитков и линий. Моя личная метка принадлежности Эрику.

— О, красота какая! — восхитилась Лили и тут же принялась рассматривать художества Томы. Ее ладонь бесцеремонно сжала мою кисть, будто я на выставке рисунков в качестве экспоната, а не гостя. — Я и не знала, что древние традиции еще кто-то соблюдает. Атли

рисуют такие?

— Не атли. Я вышла за Эрика Стейнмода из скади, — поправила я.

— Надо же... — Ее большой палец скользил по моей коже, будто хотел вытравить краску. — Талантливая работа. В свое время я знавала Эдмунда. Красавчик был, я тебе скажу. Девчонки с ума сходили. Но он, кажется, всего раз женился.

— На Божене из митаки, — кивнула я.

— Да, теперь припоминаю... Ира говорила что-то. — Она всплеснула руками и посмотрела на меня настороженно. — Выходит, ты больше не атли...

— Я не атли давно. После возвращения из Москвы мне пришлось уйти.

— Ты отреклась! — Она отпрянула от меня, как от прокаженной, и почему-то испуганно оглянулась по сторонам, будто после ее неосторожных слов должны были низвергнуться небеса и поразить меня молнией.

— Она не отреклась, Лили, — ответили ей спокойно с вершины лестницы. — Я ее изгнал.

Мой взгляд взлетает наверх — туда, где, небрежно облокотившись о перила, стоит Влад. Он отвечает мне не менее проникновенным взглядом. От его лучей электричество ползет вверх, к плечам, стекает к лопаткам, шевелит волосы на затылке.

Наша последняя встреча — еще один сожженный мост. Казалось, ступим навстречу друг другу — утонем.

Не утонули. Его лицо смягчилось, когда он перевел глаза на неуверенно мнущуюся у входа в гостиную горничную.

— Кажется, я успел к чаю. Какая удача!

Глава 17. Привет от Альрика

Я вертела в руках пустую чашку и молчала. Слушала, как Лили приветливо общается с Владом, наблюдала за насмешливым Дэном, которого, казалось, ситуация забавляла.

Меня раздражало все: дом андвари, уверенная в мужской вседозволенности Лили, даже спокойствие Влада, который чувствовал себя тут, как дома. Постоянное напряжение от страха встретиться с маньяком усиливало злость.

Потом Дэну, видимо, надоело наше общество, и он ушел ворковать с какой-то новенькой андвари. Симпатичной, молодой и наверняка доступной. Дэн остался бабником, ничего не изменилось.

Лишившись его поддержки, я почувствовала себя хуже. Повторяла себе мысленно, что Эрик где-то неподалеку, оберегает меня и выжидает, но помогало мало. Тонкий фарфор в руках рисковал разлететься на кусочки, от усилий, с которыми я его сжимала. Огромная хрустальная люстра угрожающе нависала над головой, глаза слепил блеск и приторная роскошь гостиной. Мужчин все не было, а я почему-то решила, что убийца — непременно мужчина. Кто же еще решится пропустить нали? Кто сможет? Я — сольвейг, поэтому не в счет.

Похоже, мне одной тут было некомфортно — Влад мило улыбался Лили и непринужденно рассказывал о делах атли, о том, как надоели охотники с их податями и о прочей ерунде.

Поэтому я была безумно рада, когда у Лили зазвонил телефон, и она, извинившись, покинула нас ненадолго.

— Что ты здесь делаешь? — прошипела я, едва сдерживая злость. Поставила, наконец, чашку на столик, и она жалобно звякнула о до блеска начищенный поднос.

— То же я мог бы спросить и у тебя, — ехидно ответил Влад. — Но хвала богам, мы не обязаны друг другу отчитываться.

— Хочешь, чтобы я поверила, что в Москву тебе привели личные дела? И что Даша не разболтала о предупреждении Дэна? — Я настороженно огляделась и снизила голос до шепота. — Убийца в Москве, Влад.

— Тогда что ты делаешь тут одна, без мужа? — въедливо поинтересовался он. И, пока я не успела ответить, добавил безэмоционально: — У меня личные дела в Москве. Если ты не забыла, у меня тут жена.

— Хочешь вернуть ее? Как благородно: сначала отпустить, а затем потянуть за поводок.

— Мило, что ты все еще ревнуешь. Кроме того, что Ира моя жена, она еще и атли. Я обязан заботиться о ней. И, как ты сама недавно сказала, сумасшедший маньяк может бродить неподалеку. Думаешь, ее любовник защитит, если Ира будет в опасности? Такие, как он, сбегают сразу же.

— Странно, что ты вспомнил о жене только сейчас. Раньше не задумывался.

— Всякое бывает. — Он пожал плечами. — Твой муж тоже не отличается дальновидностью. Отпустить тебя туда, где, возможно, ждет убийца или, что вероятнее, Альрик сможет достать — верх рассудительности!

— Продолжаешь унижать Эрика в моих глазах? На меня это больше не действует, извини, — холодно сказала я.

— Как и на меня — твои нападки, — спокойно ответил Влад.

— Не ссорьтесь, — примирительно улыбнулась возвратившаяся Лили и присела на край дивана. — Будьте снисходительнее друг к другу. Смутные времена настали, хищные должны сплотиться, а не собачиться.

— Извини, не хотел устраивать скандал в твоём доме, — мило улыбнулся Влад в ответ. — Впредь обязуюсь выяснять отношения за его стенами.

— Ну что ты, я вовсе не хотела тебя стеснять! — всплеснула руками целительница. — Мне сложно видеть, как ругаются те, кто раньше был... — Она вздохнула. — Нехорошо забывать свои корни.

— Ты права, — тихо согласился Влад и странно на меня посмотрел. — Нехорошо.

К вечеру собрались все андвари. Дом наполнился шумом, гулом и голосами. Один из них, вероятно, желает моей смерти. Тщательно планирует ритуал, где будем мы втроем — я, он и нож.

Впрочем, среди мужчин андвари я не нашла расположения. Рик поздоровался сухо, бегло осмотрел брачный рисунок, который в красках описала ему жена, и, мрачно кивнув, отошел в сторону. Оттуда бросал на меня неодобрительный взгляды и что-то говорил Владу. Тот кивал и отвечал коротко.

Саймон утратил ко мне всякий интерес сразу же, как узнал, что я замужем. Или сделал вид, что потерял. Переключил внимание на Сесиль и весь вечер обхаживал уже ее.

Десятки взглядов — заинтересованных, осуждающих, неодобрительных.

Станных.

Как в одном из них найти то, что я ищу? Или стоит подождать? Расслабиться, позволить убийце проявить себя? А может, попытаться спровоцировать его на действия? Остаться одной, например? Успеет ли Эрик, если...

— Глупо было приезжать сюда. Ты никогда не умела играть.

Я вздрогнула. Слова вернули в реальность слишком резко, странно, что я еще не выплеснула страх криком или, что еще хуже, не начала бить каждого, кто подойдет.

Обернулась, готовая ответить на издевательство, но злые слова застряли в глотке. Влад насмешливым не выглядел, наоборот — на его лице читалось явное сочувствие, что сбило с толку.

— Ты устала. Перенервничала. Сейчас не то время, чтобы становиться приманкой.

— Альрик убивает сольвейгов! — с чувством выдохнула я, понимая, что он во всем прав. Я устала. Постоянно бояться вредно. И сейчас я должна быть с мужем. Мы должны лежать в обнимку, говорить друг другу милые вещи, целоваться, смеяться, наслаждаться счастьем. А не ловить маньяка на живца.

— Всех не перебьет. Тех он выманил кровным ритуалом — через их племена. Но Альрик не знает обо всех, а тем более не знает, как сольвейги получают. Пусть так и остается.

— То есть мне цинично позволить ему убить еще нескольких? — возмутилась я. — Ты был там, жил у Барта, как ты вообще можешь...

— Главное, не сможешь ты, — перебил он, взял меня за локоть и отвел в сторону, подальше от любопытных ушей. — Поэтому ты здесь. И убийца, если он умен, как я думаю, не проявит себя. Он знает, что Эрик рядом. А вот Альрик — этот ждать не будет. Своя шкура ему дороже всех нас вместе взятых, какими бы интересными мы ему не казались. Дом андвари защищен паршиво — я тут со вчерашнего дня и все проверил. Альрик придет. И

вовсе не тебя ждет наш маньяк сегодня, так что можешь расслабиться. — Он усмехнулся и покачал головой. — Действительно стоит объяснять, зачем я здесь?

Получается он тут... он...

Ледяной водой за шиворот опрокинулось понимание, что я тут могу стать не просто приманкой. Эрик ждет неизвестного убийцу, но если придет Альрик, я обречена. Первозданный больше не будет беречь ни одного из нас ради интереса. Убьет — и глазом не моргнет. Потому что собственная жизнь всегда дороже.

Голоса в зале резко стихли, словно рябью по воде, пошли недовольные, осуждающие, редкие шепотки. Я обернулась и встретила глазами с Ирой. Она держала под руку Крега, высоко держа подбородок, словно ей было наплевать на то, что подумают о ней андвари, а то и весь мир. Воительница улыбнулась мне, приветствуя, скользнула безразличным взглядом по мужу и нарочито громко поздоровалось с Риком. Того даже перекосило, но на приветствие он ответил легким кивком головы. Крега вождь андвари привечал более радушно. Пожал руку и спросил, как они доехали.

Влад расслабленно подпер стену спиной и обронил ироничное:

— А вот и моя лягушонка в коробчонке приехала.

Я не знаю, ревновал ли он, но даже сам факт, что приходилось жить тут гостем, в доме человека, который спит с его женой, бесспорно, задевал Влада. Впрочем, он ни за что не покажет, что задет.

Они были у источника, сказала я себе. Соединялись, как совсем недавно соединялись мы с Эриком. Ее жила так же отмечена кеном Влада, на ней его отпечаток. Странно, что я не понимала этого раньше. Не понимала, насколько тогда они стали близки, и близость эту не затрешь ссорами, переездами, сильной волей.

Приветствовать жену Влад не торопился. Так и остался стоять в отдалении, пока я обнимала Иру и радовалась, что, наконец, вижу ее. Крег как обычно был сдержан и мил. Пожал мою руку и сказал тихо — так, чтобы слышала только я:

— Я знаю, зачем ты здесь. — Затем кивнул на мою руку и улыбнулся: — Вижу тебя можно поздравить.

Ира проследила за его взглядом, ее глаза расширились от удивления, и все, что она могла, это произносить несвязанные друг с другом слова:

— Когда... ты... зачем... Полина!

Последнее слово вырвалось вздохом недоумения, ярости и обиды.

— Мое решение, — твердо ответила я. — И оно не импульсивно. Я давно хотела, и Эрик хотел. Вот и...

— Идем! — скомандовала она, схватила меня за руку и потащила вглубь коридора.

В коридоре царил полумрак. В мягком ворсе ковра тонули наши шаги, вернее шаги Иры, шпильки ее туфель безжалостно впивались в ткань, и та глушила звук, как могла. Мои кроссовки ступали мягко и неслышно, утопая и вновь выныривая из роскошной дорожки.

Светильники на стенах лили приглушенный свет нам на головы, смягчали контуры теней.

Наверное, не нужно было идти с ней в отдаленное крыло незащищенного дома, но я шла. Каждый шаг наполнял изнутри тревогой, за спиной мерещились шорохи, тихие шаги, и я испуганно оборачивалась, и, никого не обнаружив, уверялась в мысли, что следят за нами тайно. Впитавшись в стену, слившись с ней, расставив жучки по дому — не суть. Я — дичь, и охотник близко.

Ира буквально захлопнула за нами дверь кабинета. Я была тут однажды — когда впервые увидела Барта. Он обнимал, а я плакала.

— С ума сошла?!

Ира смотрела прямо в глаза, выжигала паутину, которой я заплела в попытках спрятать главные свои душевные тайны. Я плела ее старательно, каждую секунду, пока никто не видит, вытаскивала из-под кучи прелых листьев крупицу важного и прятала в кокон. Затем снова. И так, пока не спрятала все.

— Это же навсегда, не понимаешь, что ли?

— Понимаю, — кивнула.

— А как же... как же Влад? — Она выглядела растерянной и несчастной. — Я думала, вы когда-нибудь...

— Что? — Я подошла к ней, взяла за руку — почему-то холодную и влажную. — Ира?

Молчала. Смотрела в пол и, казалось, вот-вот расплачется.

Ира редко плачет. Было однажды зимой, в снегу. Тишина вокруг и деревья голые, облепленные белым, липким. Если пошевелить, белое падает за воротник, и приходится комично дергаться, чтобы вытряхнуть.

— Ничего.

Глаза она так и не подняла. Наверняка, плела свою паутину. Расстояние разделяет, раньше она многим делилась, а сейчас не хочет сказать главное.

— Ты поэтому не возвращаешься?

Дыхание замирает на выдохе, пока она поднимает на меня глаза. И спокойно говорит:

— У меня есть Крег.

Крег для нее — прикрытие. От собственных мыслей, сожалений, обид. И я впервые подумала о том, что он ей, по сути, не нужен. Просто ширма, не более. Впрочем, доказывать что-то и проводить сеанс психоанализа не хотелось. Когда Ира в таком настроении, из нее лишнего слова не вытянешь. Поэтому я кивнула и согласилась:

— Хорошо.

— Влад сказал, тот, кто проводит те жуткие ритуалы, в Москве. Он может быть одним из андвари, да?

— Может.

— И где тогда, к чертям, твой муж?! — возмутилась она. — Отпустил тебя сюда одну. Разве он не в курсе? Разве не должен запереть тебя на семь замков и беречь, как хрустальную вазу?

— Ну хватит уже, — нахмурилась я. — Тебе не кажется, что ты относишься к нему предвзято? Что ненавидеть Эрика за разногласия Ивана с Эдмундом глупо? — Я склонилась к ней ближе, чтобы никто — даже стены, даже тени на этих стенах — не мог нас услышать, и шепнула: — Он рядом. Нам нужно поймать сумасшедшего маньяка сейчас: если он убьет Альрика, Эрик не справится, понимаешь?

— О нем столько говорят, что я даже сомневаюсь иногда, что он настоящий. Кровь Херсира... будто кто-то верит еще, что легенды говорят правду, — буркнула она.

— Эрик верит в Первых. Он учился у Арендрейта.

— Или у того, что называет себя Арендрейтом, — скептически заметила она.

Я пожала плечами, провела ладонью по животу.

— На мне его печать, я видела, на что она способна. Думаю, даже Альрик не в состоянии меня убить, не погибнув сам. И Эрик может себе позволить отпустить меня сюда.

Он бы не стал рисковать, если бы...

— Если бы был умнее, — перебил меня Влад и неслышно скользнул в комнату. — Кажется, недальновидность заразна и передается через кен. Говорю же, дом не защищен. Умный поступок — пойти в безлюдную его часть и разводить мимими!

— Ой, — вырвалось у Иры, она зажала рот рукой и огляделась, будто враги должны были тут же посыпаться на нее горохом.

— Эрик знает, что делает, — возразила я раздраженно. — Ничего не случится. А если случиться...

Договорить не вышло. Тяжело у меня сегодня с законченными фразами. Окно звякнуло, стекло брызгами осыпалось на пол — прямо нам под ноги. А через секунду на подоконник взобрался охотник.

Я знала его. Знала всю их двадцатку. Их лица впечатались в память клеймом еще с того дня, когда я стояла одна, у трибуны, а они смотрели мне в лицо и мечтали устроить охоту. Но этот был особенным. Сильный, сильнейший из древних — именно он приходил в дом атли с Мишелем во время последнего боя, который нам так и не удалось выиграть.

Влад шагнул ко мне, резким движением задвинул за спину и бросил Ире:

— Уходи. Приведи Рика и остальных. Нам не помешают свидетели.

Ира послушно скользнула за дверь, наградив перед этим незваного гостя испепеляющим взглядом.

Охотник покачал головой и сказал:

— Свидетели тебе не помогут. Альрику нужна девушка, и она пойдет со мной.

Влад улыбнулся. Недобро, хищно. Выставил руку в защитном пассе и ответил:

— Попробуй, возьми.

Этот пасс я помню — он уже использовал такой, когда приходил Рихар. Тогда Влад обмолвился, что его научил Альрик. Не думаю, что защита такого рода поможет сейчас — уверена, Альрик подготовился к встречам такого рода.

Дальше все произошло быстро. Настолько быстро, что я не успела опомниться. Я шагнула из-за спины Влада, выставила вперед ладони, но ударить не успела. Меня швырнуло в сторону, я стукнулась животом о стол и рухнула на пол. Сверху что-то взорвалось, треснула лампочка, свет погас, и кабинет погрузился в вязкую, непроглядную тьму. Я прикрыла руками голову и заползла под стол.

Послышался звук падения — кто-то или что-то с грохотом свалилось на пол. Совсем рядом грязно выругались, хрустнуло стекло.

Затем меня схватили за руку, вытащили, закинули и куда-то понесли. Я царапалась. Кричала. И даже пыталась ударить. Не вышло.

Паника отступила лишь в коридоре, где меня бережно поставили на ноги и шепнули на ухо:

— Это я, успокойся.

Теплое дыхание в волосах. Крепкие объятия. Успокаивающие поглаживания по спине. Облегчение разлилось по телу теплом, за ним волной — слабость. Колени подкосились, хорошо, что было, на кого опереться.

— Эрик...

— Я же сказал, что буду рядом.

Теплые пальцы коснулись щеки, и я благодарно прижалась к его ладони. Но Эрику было не до меня, он посмотрел куда-то поверх моей головы и сказал:

— Альрик не придет.

— Похоже на то, — ответили ему со стороны кабинета. Я обернулась. Влад стоял, прислонившись к дверному косяку, и аккуратно касался ссадины на виске. — Чертовы древние!

— Но теперь наш может выйти на след, — продолжил Эрик очень серьезно.

— Что предлагаешь?

— Присмотри за ней. — Он встретился со мной глазами. Во взгляде — твердость и извинение. — Я должен найти Альрика первым...

— А где... — Я запнулась. Ошалело огляделась по сторонам, наблюдая, как по коридору к нам спешат Рик, Саймон и Ира, а за ними выкруливает Дэн. У всех серьезные лица, у Саймона — испуганное, я не понимаю ничего, что произошло только что.

— Охотник? — невозмутимо уточнил Влад. — Рассыпался пеплом. Какая жалость, правда, Эрик? Как много мы могли бы узнать в твоей пыточной в подвале!

Эрик ответил ему самым холодным из своих взглядов, но ничего не сказал. А я только и могла, что дальше удивляться. Пыточная? У нас есть пыточная? Серьезно? А потом вспомнился рассказ Даши о том, как Эрик убил своего первого охотника... Мороз по коже. Не хотелось бы мне на это смотреть, будь сам Альрик в роли пленника. Я не верила, что Эрик может быть таким — холодным, жестоким дознавателем, что не знает жалости. Знала, что так было — прошлое, в котором он сам признался. Но не верила, что теперешний Эрик — мой, близкий, теплый — способен превратиться в палача.

Сегодняшний Эрик им не был. Приподнял мой подбородок и очень серьезно сказал:

— Не снимай амулет.

Я кивнула, глотая подступившие слезы. Старалась быть сильной, хотя страх вырос и, казалось, обрел плоть. Он ширился, обнимал, обволакивал и впивался в плечи костлявыми пальцами. И если тот, призрачный убийца, вызывал лишь тревогу, то от Альрика я знала, чего можно ждать. Этот не остановится. Не отступит. Пойдет до конца. И пока я — единственный сольвейг, которого может достать неведомый маньяк, для Альрика я — угроза.

— Что ты будешь делать? — тихо спросил Влад, и от деланного спокойствия в его голосе, которым он не смог прикрыть опасение, грудь будто веревкой стянули — ни вдохнуть, ни выдохнуть.

— Найду Альрика, — ответил Эрик. На меня не смотрел — скосил взгляд в сторону, будто чувствовал вину. Будто...

— Глупо пытаться его убить, Эрик.

Послушай его! Влад всегда умел мыслить рационально. Он знает, он провел много времени с Альриком. Изучил его — повадки, образ мыслей, психологию. Он знал, что Альрик попытается убить меня сегодня. Послушай его, прошу!

Но тогда уже поняла — не слушает...

Тряхнул головой, будто пытался сбросить ненужные, бесполезные слова.

— У меня нет выбора. Вероятно, я найду там того, кто нам нужен.

Влад молчит, и молчанием этим соглашается. Что ему до моего Эрика? Что им всем?

— Не уходи... — срываются у меня с губ шелестящие слова. Я почти плачу, горло царапает паника, а он обнимает и шепчет в макушку:

— Я вернусь.

Цепляюсь за эти слова, как за соломинку, когда он отпускает меня. Все должно быть не

так. Мы недавно обвенчались и должны наслаждаться друг другом, а не ловить убийцу или пытаться уничтожить Первозданного. Но все так, как есть, Эрик уходит, и я остаюсь одна среди толпы.

Ира смотрит испуганно, остальным все равно. Или нет?

Ловлю на себе пристальный взгляд Влада, а потом отворачиваюсь. Не хочу его видеть. Никого из них. Альрик вряд ли сегодня придет, убийца скорее всего последовал за ним, поэтому я хочу остаться одна.

Разворачиваюсь и, не глядя ни на кого из них, бреду к выходу. На воздух. Считать минуты до возвращения Эрика.

Минуты тянулись бесконечностью. Мучительно хотелось курить. Всегда хочется, когда волнуешься — старые привычки не отпускают, как от них не отгораживайся.

Сигарет не было, поэтому я с силой сжимала перила на ступенях, что вели из дома в роскошный парк, позади дома андвари. Фонтан не работал, уснул серой глыбой посреди витиеватых дорожек, усыпанных желтой листвой. Ночь сгустила краски, постепенно наполняя воздух непрозрачным индиго. Зажглись фонари, преобразуя парк, освещая дорожки и пряча темные углы.

Стою и держусь за перила. Пальцы замерзли, не разогнуть, но сил уйти в дом, к всеобщему веселью, не хватает. Понимают ли они, что произошло? Чем это все грозит нам? Ведь если зритель Москвы узнает... если...

Хотя что им? Спихнут все на Влада и Эрика, посетуют, что пригрели в своем доме противников власти, и все. Умолчать не смогут — Альрик, если посмеет высунуться, не оставит убийство одного из своих лучших воинов без наказания.

Что мы можем против Альрика?

Я зажмурилась, стараясь не думать о плохом. Впрочем, думать поздно: после сегодняшнего вряд ли кто-то из нас останется в живых...

— Всегда поражался твоему умению изводить себя.

Влад, как всегда, спокоен. Остановился чуть выше меня, на небольшой площадке, ведущей к двери черного входа. Выглядел непробиваемым, за что его безумно хотелось треснуть. Эрик там, один, а он тут, как ни в чем не бывало фонтанирует сарказмом.

— Зачем ты здесь? — спросила раздраженно. Действительно хотелось знать, какого черта он постоянно строит из себя героя.

— Ты забыла? Эрик попросил меня присмотреть за его женой, которая постоянно норовит нарваться на неприятности.

— Эрик не оставил бы меня, не будь он уверен, что я в безопасности!

— Он оставил тебя лишь потому, что знает, что я могу тебя защитить, — резко возразил он, шагнул ко мне и схватил за локоть. — Мне уже надоели твои нападки, поэтому давай ты будешь просто молчать и оставаться рядом. И все будут довольны.

— Зачем? — Я вырвалась и оступилась, чудом не упала — удержалась за перила. Еле сдерживала слезы, которые рвались изнутри. Злилась — на Влада, который постоянно норовил меня задеть, на себя за то, что позволяла, показывала слабость. Сейчас я должна быть рядом с Эриком, а не здесь, не вдали... Внутри — огонь. Пламя лижет внутренности, печет, разрывает изнутри. Жила ноет от предчувствия беды. И ни одного видения. Тоже мне пророчица называется! — Тебе это на кой? Помогает Эрику, хотя в душе ненавидишь его. Меня. Нас. Так зачем?

— Перестань истерить, и пойдем в дом. Я не разделяю убежденности Эрика, что

сегодня больше никто не придет за тобой. Мало ли кому понадобится твой треклятый кен! — Он вздохнул, как мне показалось, устало, и протянул руку. — Я утомился за тобой бегать. Ты дрожишь вся от холода. Идем.

Может, я действительно замерзла. Или надоело ждать — ожидание выматывает, выжимает все силы. Вложила руку в ладонь Влада и не без удовольствия отметила, насколько она горячая. Тепло было неожиданно приятным, а вторая его рука на моем плече не вызывала возмущения.

Когда мы вернулись в дом, гостиная была пуста.

— Рик сообщит зрителю? — тревожно спросила я и огляделась по сторонам.

— Не станет. — Влад покачал головой, подталкивая меня к лестнице. Руку, к слову, не выпустил. — Альрику сейчас не до обвинений, да и покушение на хищную из древнего племени вызовет вопросы, на которые ему придется отвечать. Законы существуют для охотников тоже.

— И что теперь?

Послушно ступаю за ним по лестнице, сворачиваю в коридор — пустынный, как и гостиная. Тишина будит страх, перед бурей всегда тихо.

— Теперь будем ждать вестей от Эрика. Если их не будет, с утра отправимся домой. Нужно забрать Риту, твоего сына и спрятать вас где-нибудь.

— Почему Риту? — не понимаю.

— Она твоя сестра. Кровью Альрик выманил остальных сольвегов. Так что сегодня будь рядом, поняла?

Звучит как приказ, но я киваю. Не до разборок сейчас. Смотрю на спящий экран телефона, нажимаю кнопку разблокировки, снова блокирую. Словно от этих действий телефон может ожить, засветиться фотографией Эрика и заиграть знакомой мелодией.

Вестей все нет, и я почти мертва внутри от предположений.

И Алан. Он ведь там совсем один, у скади. Тома, несомненно сильная, но не сильнее Альрика и его древних. А если... что если...

Паника охватывает с головы до ног, и, кажется, я дрожу.

Словно почувствовав это, Влад останавливает меня у двери одной из спален. Разворачивает к себе и очень серьезно говорит:

— Твой сын в безопасности, Поля. Дом защищен лучше, чем когда-либо — была бы ты сильнее в защите, почувствовала бы. Эрик старался неделю. И Даша всегда на связи.

— Тогда, может, мне лучше туда, к нему? — спрашиваю неуверенно, и слезы все-таки льются. По щекам, по куртке, прямо на устланный мягкими коврами пол.

— Пока доедем, будет утро. Да и Эрик просил дождаться. — Влад аккуратно вытирает слезы с моих щек, поправляет воротник куртки. Совсем как раньше.

— А где остальные? — устало спрашиваю я, подавляя зевоту. Хочется под теплое одеяло, немного отдохнуть. Хотя бы пять минут. Успокоиться. Взять себя в руки.

— Ира с Дэном на кухне, чай пьют. У андвари совет. Решают, что делать дальше со всем этим. Хотя я знаю, чем он закончится. Они дождутся Эрика. Ссориться со скади не будут. Впрочем, с атли тоже. Не волнуйся.

— Хорошо.

В комнате уютно. Скромная кровать в углу, письменный стол и небольшой телевизор на тумбочке. На полу — открытая сумка с вещами, на столе ноутбук. Влад подошел к нему и включил. Я неуверенно мялась на пороге.

— Ложись, — бросил он через плечо. — Отдохни. Там, на стуле плед — укройся.

Спустя несколько секунд раздумий я сдалась. Сбросила кроссовки, аккуратно улеглась и поджала под себя колени. Телефон не выпускала из рук, молча пялилась на темный дисплей. Позвонить бы Томе или Глебу, но нет сил и не хочется волновать.

Уже сквозь дрему слышала знакомую мелодию, подскочила.

— Эрик! — выдохнула в трубку.

— Все хорошо. — Голос у него усталый, но спокойный. — Переночуй у андвари или попроси Дэниэла вернуть тебя домой. Задержусь немного, малыш.

— Альрик... — Горло сдавило спазмом, и больше я не смогла выдать ни слова.

— От него больше не будет проблем.

Фраза многообещающая, но радости от нее я не уловила. Я ведь теперь хорошо чувствую его эмоции. Устал. Вымотан. И проиграл этот бой.

— Он мертв, верно? — Слова острые и царапают горло. Ожидание ответа мучительно, но разбавляется радостью оттого, что Эрик жив.

— Одной проблемой меньше, — иронично отмахивается он.

Как по мне, так проблема теперь еще острее. Если Альрик мертв, убийца сосредоточится на мне. Ну или на ком-то из людей Барта. Почему не на самом Барте? Если убийца — кто-то из андвари, о сольвейгах он узнал гораздо раньше, чем я появилась в Москве. Впрочем, Альрик уничтожил всех, до кого можно было дотянуться из внешнего мира. Всех, кроме меня...

— Ты слышишь? — Голос из телефона вернул в реальность.

— Я... да, я здесь.

— Я постараюсь его выследить. Если успею сегодня, есть все шансы покончить с ним. Кен Первозданного обуздать непросто. А еще он оставляет приличный след — в город этот урод сегодня не сунется. Контролирует себя плохо и живой мишенью вряд ли становиться захочет.

Я поймала вопросительный взгляд Влада. Сидит на стуле, вытянутый, как струна, и глаз с меня не сводит. Кивнула ему в знак того, что все в порядке. Хотя словосочетание «в порядке» к нашей ситуации мало отношения имеет.

— Здесь безопасно? — спросила Эрика. — Вдруг тот все же придет?

— Не придет. Он ушел, спрятался в месте, где не отследить. Думаю, у источника племени — там можно затереть любые изменения в жиле. Он надежно спрятан от всех, кроме своих.

— Получается, если убийца — андвари, Рик... знает?

— Мы обязательно спросим его об этом, — вкрадчиво и зловеще уверил меня Эрик. — Завтра. — И словно бальзамом на душу, его последующие слова: — Я нашел Теплова. К утру будет в Липецке.

После разговора мне легче, пусть он и принес неутешительные вещи. Впрочем, один преследователь лучше двух, но я отмечаю про себя, что мне отчего-то досадно, что Альрика больше нет. Такой бесславный финал у тысячелетнего интригана. Он был не так уж плох, если сравнивать с остальными нашими врагами. Бездушен, правда.

Радуюсь, что Мирослав нашелся, я так долго не знала, что с ним.

Уже лежа пересказываю Владу новости. Он хмурится и держит руки сложенными под подбородком. Эта поза всегда выдает его задумчивость и попытки анализировать ситуацию на лету.

Мне уже не хочется ничего анализировать. Набираю Тому, и она сонно ругается на меня за поздний звонок. Три раза спрашиваю, все ли в порядке с Аланом, и три раза она уверяет, что он спит без задних ног. Хочется верить, что дом склади защищен так, как говорит Влад. А еще я верю Эрику. Он бы не оставил меня здесь одну, если бы...

— Нужно узнать, кого из андвари сейчас нет в доме, — вяло шепчу, закрывая глаза.

— У нас для этого есть Дэн. Спи.

Его голос тих и мягок. Мне хорошо. Тревога постепенно отпускает, уступая место расслаблению. Завтра буду волноваться, сегодня слишком устала. Сон накатывает теплыми волнами, баюкает, уносит в спасительную, спокойную темноту.

Просыпаюсь лишь дважды. Один раз — когда Влад укрывает меня пледом и подтыкает его, как одеяло ребенку. Его пальцы на несколько секунд запутываются в моих волосах, а мгновение спустя я ощущаю легкий, словно перышко, поцелуй на правом виске. От него в груди становится горячо, и сердце стучит сильно-сильно. Но сон сильнее, и уносит меня в уютной, глубокой лодке по озеру в выдуманной мною хельзе.

Второй раз я просыпаюсь сама. Влад сидит ко мне боком, сосредоточенно глядит в монитор ноутбука и периодически щелкает мышью. Я смотрю на него и вспоминаю время, когда была еще совсем девочкой и засыпала в кресле, а просыпалась уже в кровати, укрытая под горло одеялом. Влад гладил меня по голове и шептал: «Спи», а ночник отбрасывал пятно света на темный участок покрывала.

Странно, что я вспоминаю об этом именно сегодня. Память вообще странная штука.

Я еще долго стараюсь на него смотреть. Даже не знаю, почему — просто захотелось. А где-то глубоко, в груди шевелится холодной змеей старая обида.

Как мы допустили все это?

Что с нами произошло?

Глава 18. Подводные камни

Свет лился из полуоткрытой двери, нагло врывается в спальню, стелился по полу и норовил забраться под кровать. Я смотрела на него устало и почти безучастно — лишь отмечая присутствие, но не выдавая, что не сплю.

В коридоре шептались. Старались тихо, видимо, чтобы не разбудить меня, но выходило не очень — я все же проснулась. Лежала и слушала. Слова мне предназначены не были, но уши затыкать было лень.

— Меньшее, что мне сейчас нужно — война со скади, — донесся из коридора раздраженный голос Влада. Его спина перекрывала дорогу свету, тень от его фигуры стелилась по полу, а свет обтекал ее по контуру.

— Так нельзя, — отвечали ему, и я не сразу поняла, что говорит Ира — говорит тихо, но яростно, пытаюсь убедить и воззвать к благоразумию. — Законы писали не мы. Если ее муж узнает...

— Ее муж в курсе, — зло перебил Влад, его спина дернулась, и тень дернулась следом, угрожающе заползая на постель. — Форс-мажор у нас, если ты не в курсе. К тому же, я не лезу в твою жизнь, и не спрашиваю, с кем спит моя жена.

— Я не хочу ссориться, — примирительно сказала Ира. — Лишь напоминаю, что раздоры со скади не принесут атли добра.

— За ней приходил древний. Древний, Ира! А теперь Альрик мертв, и невесть кто еще придет. Предлагаешь оставить ее одну? Или сама посидишь, покараулишь?

— Я могу, ты же знаешь.

— У андвари небезопасно. Теперь, когда я почти уверен, что тот, кого мы ищем, из этих... — Он сделал паузу и добавил ядовито: — Но можешь покараулить своего друга. Он-то не воин, а всего лишь жрец.

— Мы обсудили это давно, — недовольно пробормотала она, сбавляя тон.

— Я был на нижних слоях, — серьезно произнес Влад, видимо, посчитав тему ее отношений к Крегом недостойной внимания, — и кое-чему научился. Пока Эрика нет, я единственный, кто сможет сейчас ее защитить. Неуместно вспоминать о нелепых законах в нашем случае.

— Они не нелепые, — почему-то обиженно возразила Ира и сдалась: — Хорошо. Только не делай глупостей. И учти, Лили не считает такое поведение приемлемым, так что готовься к утренним нотациям.

— Да плевал я на Лили и всех андвари вместе взятых! — раздраженно бросил Влад и оглянулся, видимо, побоявшись, что может разбудить меня. Увидел, что не сплю, странно сощурился и зачем-то добавил, не сводя с меня колючего взгляда: — А чтобы наделать глупостей, нужно делать их вдвоем.

Почему-то мне стало неловко, что я их подслушала. Стыд пополз по лодыжкам, по бедрам перебрался на бока, разлился теплом в животе — пульсирующим и дискомфортным.

Или то был не стыд?

Странное чувство, будто бы взгляды и правда умеют обжигать. Не затрагивая ткань одежды и пледа, которым я была укрыта под самое горло, проникать, растекаться по коже и оставлять ожоги.

Чтобы как-то отвлечься от пугающих ощущений, я села. Прервала связь взглядов, опустив свой на сжатые в кулаки руки. Влад прикрыл дверь, и свет, моргнув на прощание, просочился обратно в коридор. В комнате осталось лишь расплесканное, мутное излучение монитора.

— Не спишь, — констатировал Влад. Шагнул в пространство спальни, тут же его заполняя. Подошел к окну и отодвинул занавески. Со второго этажа парк за домом наверняка выглядит красиво.

— Выспалась.

Голос прозвучал тихо и как-то затравленно. Плохой знак.

Телевизор в углу молчал и паялся темным экраном.

— Ира приходила, — сказала я зачем-то.

Влад кивнул, не поворачиваясь.

— Предостерегала меня от глупостей.

— От каких?

— Ира считает неприличным, что мы проводим ночь в одной комнате. Ты же теперь замужняя женщина.

Последняя фраза напрочь пропитана сарказмом и горечью. После нее тепло усиливается, жжется, и я встаю. На ногах легче. На ногах я не чувствую себя настолько беззащитной. Тру плечи и мнусь с ноги на ногу.

— Эрик звонил, — как бы между прочим, холодно обронил Влад. И замолчал, выжидая. Свет из окна проникал в комнату полуразбавленным и покрывал маской загадочности его лицо.

— И? — спросила я, приложив ладони к груди. Сердце билось под самыми ребрами, словно пыталось вырваться.

— Не нашел, — ответил он, и по голосу я поняла: Влад и не надеялся, что найдет. — Зато Мирослав в порядке. Потрепанный немного и устал, но в целом...

— Он андвари, так ведь? — перебила я. — Убийца?

Влад кивнул.

— Кто-то из главных или вновь принятых. Не все были на совете сегодня, Дэн доложил.

— Кто?..

Голос дрогнул, готовый сорваться.

— Ставлю на Рика. Он отсутствовал около часа, говорил, что был у зрителя, — безэмоционально сказал Влад, задернул штору и вернулся в комнату. — Или из новеньких кто, эти мутные вообще.

— Эрик говорил, он не станет светиться в городе. Слишком много кена, да и контролировать сложно.

— Но не невозможно. Слова Эрика не истина в последней инстанции, Полина. Все могут ошибаться.

— Я верю, — упрямо заявила я.

— Тогда это не андвари — сейчас-то все на месте.

— Крег может знать. Хотя бы предположить. Он ведь с ними живет, общается. Ира говорит, он умный... — сказала я и осеклась. Глупость сморозила, не подумала. По лицу Влада скользнула тень неприязни, даже презрения к человеку, заменившему его жене мужа.

Сколько Крег с Ирой уже вместе? Год? Два? Ведь я помню, как все начиналось — еще когда мы только приехали в Москву. Я ушла с Бартом, а Ира осталась. Они держались за

руки, улыбались друг другу. И вот к чему это привело.

— В первую очередь я подумал на него, — криво усмехнулся Влад. — Но как мы знаем, тогда бы у них с Ирой возникли определенные трудности.

— Сварю кофе, — нахмурилась я, жалея, что вообще упомянула жреца андвари.

— Иди, конечно, — кивнул Влад. — Амбициозный охотник за кеном сольвейга наверняка упустит шанс поймать тебя сегодня.

— Зачем ты так?

— Зачем что? Волнуюсь о тебе? Будто тебе есть дело...

— Ты постоянно на меня злишься! Всегда. Будто я виновата, что не отвечаю твоим требованиям. Будто виновата, что родилась и выросла такой. Если я тебя настолько раздражаю, ехал бы домой, в свой привычный мир, где все так, как тебе нравится.

Я нахмурилась и отвернулась. И почему так хочется убежать сейчас? Или чтобы Эрик вернулся? Зона комфорта бессовестно нарушена ночным разговором, возмутительными намеками Иры и моей собственной реакцией на эти намеки.

Я не обязана находиться тут с Владом. В конце концов, в доме есть Дэн, и он тоже на моей стороне.

Я не ушла. Осталась сидеть на кровати, молча пялясь в быструю смену картинок на телеэкране.

Змея охотится. Замирает под листьями папоротника, сливается с землей. Позволяет добыче подойти ближе, совсем близко, чтобы потом резко броситься на нее из укрытия.

Охота. На меня сейчас тоже ведется такая. Где-то там, за этой дверью, в уснувшем до утра мире затаился тот, кто с радостью воткнет ритуальный нож мне в жилу. А затем, упав на колени, в диком экстазе от благополучного жертвоприношения, выпьет мой кен — весь, до капли.

Странно, но страха нет. Лишь интерес: кем потом станет он — человек, убивший Альрика? Новым Первозданным? Подобным Херсиру? Богом?

Боги мертвы, часто повторяет Влад. Возможно, пришла пора родиться новому? Тому, кто смешает в себе сущности тех, кого некогда создали давно забытые, и потому мертвые идола? Кто, захлебываясь безумным смехом, будет пить эту смесь?

Влад захлопнул ноутбук, встал и потянулся. Разговаривать со мной не спешил, всем видом выказывая осуждение и неприязнь. Если он настолько меня ненавидит, зачем возится? Зачем помогает Эрику, приехал сюда, размышляет об убийце? Подставляется же. Снова. Не проще было бы остаться в Липецке, в кровати, согретой какой-нибудь защитницей? Так нет, приехал, строит из себя героя и друга Эрика. Будто я не знаю, что он на самом деле думает о нас.

Я злилась и сама не понимала причину собственной злости. Сжимала кулаки под теплым пледом и старалась не смотреть на Влада. Чем больше смотрю, тем сильнее раздражение. И оттого, что он просто рядом, как раньше, заботится и защищает, несмотря на осуждение. И оттого, что подвергает себя опасности. Зачем? Глупый. Это моя жизнь, и он давно не ее часть. Прошрое, упрямо желающее просочиться в настоящее. Нас ничего не связывает. Ничего, кроме пепла от сгоревших мостов.

Пепел этот пахнет ванилью...

На прикроватной тумбочке часы показывали два.

Сон слетел окончательно, Влад бесцеремонно улегся рядом и отобрал у меня пульт. Включил скучные финансовые новости, в которых я ничего не понимала и, казалось, совсем

не обращал на меня внимания.

Захотелось домой, к сыну. От щемящего этого желания глазам стало горячо. Телефон молчал, и я только могла надеяться, что у Эрика все хорошо. Что они с Мирославом решат свои проблемы, и завтра мы все увидимся дома.

Завтра? А какого черта, спрашивается, я должна тут сидеть до завтра? Убийцу мы так и не вычислили, Альрик мертв, а Эрик сам говорил, что я могу попросить Дэна доставить меня домой.

Озвучивать эту мысль Владу не хотелось, произвольная обида была сильнее желания оказаться дома.

Впрочем, скоро финансовые новости утомили и его. Пульт выскользнул из руки на покрывало, а голова склонилась набок. Устал. Кто знает, сколько он не спал тут, пытаюсь вычислить неизвестного маньяка.

Когда он уснул, я разглядывала его уже беззастенчиво. Светлая прядь нагло упала на глаз, на лбу пролегла новая, глубокая морщинка. Щеки выглядят слегка впалыми, отчего скулы выделяются четче.

Раньше я любила смотреть, как он спит. Просыпалась ночью и разглядывала часами, выделяя каждую черточку, считая каждую ресницу, пока к рассвету глаза не начинали слипаться, и сон не побеждал меня окончательно.

Раньше.

Давно.

В прошлом, из которого у меня ничего не осталось. Но почему-то именно сегодня я почувствовала его дыхание, словно дверь приоткрылась, и оттуда повеяло сквозняком — стылым, будоражащим. Опасным.

В прошлое возврата нет.

Отчего-то слова Иры больше не казались мне бессмысленным бредом. Не сейчас, не здесь, где слишком мало места, а каждая эмоция — насыщеннее, ярче, острее. Каждая из тех, которые я не хочу пробуждать.

Пепел не горит. Даже не тлеет.

Я выключила телевизор и аккуратно встала, чтобы не разбудить Влада. Подошла к двери. Сосредоточилась. Дэн где-то рядом, скорее всего, его комната на этом этаже. Дэн гость, а гостей андвари привечали. Нужно просто напрячься и почувствовать, он ведь чувствует меня. Найти и попросить вернуть меня домой.

Я закрыла глаза. Вдох — и я пытаюсь отделить энергетику каждого, кто живет в этом доме. В темноте и тишине сосредоточиться легче. Мелькнула мысль, что и убийца меня может вот так почувствовать, стоит лишь захотеть. Выдох — и я различаю едва заметные тени домочадцев андвари.

Рик пылает негодованием и злится в соседней спальне. Уж не знаю, что его разозлило больше: то ли инцидент с древним, который теперь придется замалчивать, невольно становясь соучастником преступления, то ли превращение его дома в обитель разврата.

Лили — скорее всего, это она — светится теплом и сочувствием к мужу. Наследник андвари, повеса Саймон покидает дом. Следом за ним мелькает тень — кто-то сильный, с терпким, пахнущим дымом кеном. Не разобрать...

Неважно — он уже ушел.

Прислуга на первом этаже бледно отсвечивает голубым.

А Дэн действительно рядом, через две двери от нашей. Успею.

Не раздумывая, шагаю к двери и выхожу. В коридоре — приглушенный свет и мягкие ковры, которые крадут звуки шагов. Ощущаю себя преступницей, сбежавшей из-под стражи, и от мысли этой весело и задорно. Мучительно тяжело лишь внутри, рядом с Владом. Чем дальше от него, тем свободнее. Тем легче дышать. Тем четче видна картинка событий.

Почему-то кажется, что мне нечего бояться. В конце концов, на мне два защитных амулета, на жиле моей — печать Арендрейта, а сама жила полна кена.

Жаль, что не от каждой беды может уберечь все эти плюшки. Я ступаю по ковру осторожно, не чувствуя беды рядом. Я за шаг до осознания истин. За шаг до роковой ошибки.

За шаг до...

Дэн не спал. Открыл почти сразу же, как только я постучала. И удивился. Удивление на его лице смешалось с легким разочарованием, а затем разбавилось беспокойством.

— Случилось чего? — нахмурился он и для пущей уверенности, наверное, что за дверью его не поджидает еще и маньяк выглянул в коридор.

— Хочу домой, — с ходу заявила я. — Поможешь?

— Эээ... разве ты не собиралась тут заночевать? Вроде спокойно все...

— Непокойно мне тут. Вдали от сына не хочу оставаться. Эрик будет только утром.

— А Влад где?

— Спит.

— Ты это... понимаешь... — Дэн опустил глаза. — Я тут вымотался слегка. Барт, убийца этот ваш. Передохнуть бы, жилу пополнить. А сегодня охотиться не стоит, после смерти древнего в городе небезопасно. Я вообще не люблю питаться в Москве, пусть и сами предлагают. — Он вздохнул и добавил, наверное, для пущей убедительности: — А еще я жду кое-кого, так что...

— О... — выдохнула я и тоже зачем-то опустила взгляд в пол.

Ковер темно-зеленый, пушистый, даже жалко по нему кроссовками-то. Он наползает на плинтуса и щекочет обои — белые, с золотом, выпуклые и, бесспорно, дорогие. Андвари наверняка любят покичиться богатством.

— Там Лили тебе постелила. Третья комната справа. А потом ты уснула у Влада. Стучать они не посмели, Иру, кажется, заслали.

Я кивнула и сложила руки за спиной.

— Похоже, не андвари он, этот ваш маньяк.

Я кивнула еще раз.

Боковым взглядом заметила бледную фигуру в той стороне коридора, что ведет к лестнице. Девушка — та самая, которую Дэн предпочел общению с Лили днем, одна из служанок андвари — заметила меня тоже. Испуганно остановилась, прижала ладони к груди, прикрывая глубокое декольте на белой кружевной сорочке.

— Пойду, — пробормотала я, стараясь прогнать возникшую неловкость. — Третья дверь, говоришь?

— Ага, — как-то виновато ответил Дэн. — Ты это, если что — зови.

Посторонившись, я пропустила смущенную девицу, и та юркнула в спальню. Дэн еще пару мгновений стоял, будто колебался, а затем вздохнул и прикрыл дверь. Коридор снова заполнила тишина.

Третья дверь была похожа на остальные. Белая, резная, с кованной позолоченной ручкой. Та легко провернулась и впустила меня внутрь.

На тумбочке у кровати ночник. Тумбочка, как и сама кровать, а также шкаф у стены —

вычурная, на изогнутых ножках, светло-кремовая, в тон шторам. Обои, наоборот, темные, отчего в красноватом свете ночника, комната кажется слегка угрюмой.

Впрочем, кровать выглядит мягкой, и это хорошо, потому что я устала. Только здесь почувствовала, как вымоталась за сегодняшний день. Я разулась и, сбросив куртку, влезла под теплое, невесомое одеяло. Часы на стене мерно тикали, убаюкивая. Начало четвертого. Еще несколько часов — и утро. Утром, в свете нового дня, я вновь увижу Эрика. Мирослава. И все будет хорошо.

Я улыбнулась этой мысли, и она вытеснила все остальные — ненужный мусор, который давно пора выкинуть. Забыть. Я и забыла.

Закрыла глаза и...

Мне снились путанные сны.

Тепло и темно. В темноте уютно, словно в коконе, и я стараюсь не шевелиться, чтобы не прогнать это ощущение. Меня обнимают. Я любима. Желанна. Я знаю это, чувствую, как бережно, но в то же время крепко сжимают меня чьи-то руки. Как скользят по спине, переходят на талию, а затем чуть ниже ее, но все же не нарушая рамки приличий.

Это игра. Когда-то я любила в нее играть.

В этой темноте больше нет никого, и мыслей тоже нет. Я ловлю горячее дыхание у себя на шее, жмурюсь, шумно дышу.

В темноте нет запретов, она стирает их темно-синими, почти черными разводами. И я отвечаю на поцелуи — жадные, горячие, требовательные.

Странный сон.

И пробуждение странное.

Лежу. Перед глазами — потолок, на нем — тени. Фонари на улице горят, ветер шевелит ветви деревьев, и тени на потолке шевелятся в такт, танцуют, сплетаясь.

Потолок мне виден плохо, обзор закрывает лицо. Глаза блестят, странно, но в темноте я это вижу. И с ужасом замираю, понимая, как он близко.

Непозволительно близко.

Его грудь почти касается моей, а рука бесцеремонно перекинута через мой живот. Он дышит и смотрит, смотрит и дышит, и я понимаю, что вторю такту его дыхания.

Выдохи выходят почти свистящими.

— Ты упрямая девчонка, пророчица, — хрипло шепчет Влад, и я чувствую его дыхание у себя на щеке. — Все же ушла.

— Убийца не андвари, — зачем-то оправдываюсь я, но выходит жалко. Не в тему. Не об этом он будет говорить сейчас.

Сейчас ему плевать на всяких там убийц.

— Полина... — Голос глухой, низкий, от него клокочет в груди и гулко стучит сердце. Он смотрит на меня, как удав на кролика. — Как же мне хочется нарушить все запреты сейчас.

Осадок сна всколыхнулся, туманя сознание. Был ли тот сон пророческим? Был ли он проекцией того, что происходило на самом деле? Или произойдет?

— Сильные всегда идут против своих «хочу».

Мой последний аргумент, но он не убедил его. Лишь вызвал улыбку. Улыбка та была странной, полупьяной, полубезумной. Она не сулила ничего хорошего.

— Мы сейчас так близко к краю, что можно и шагнуть. — Его рука сжимает мою талию, и внутри у меня все сжимается пружиной. Чувства, эмоции, ощущения. Я звеню. —

Шагнешь со мной?

Слова и значение их я понимала плохо. О каком крае он говорит, если я парю, летаю, и никакие края мне не страшны? Только держит что-то у земли: то ли рука, обнимающая крепко, то ли губы на моих губах. Как ниточка, что привязала меня к земле.

Его рука нашла мою, ладони соприкоснулись. В этот раз разрешения моего Влад не спрашивал. Ему не нужно было ни мое разрешение, ни мое согласие. В ванильном кене я почувствовала злость. Досаду. Обиду. И желание.

И без того острые эмоции захлестнули с новой силой. Казалось, во мне не осталось ни капли воли — ядовитый ванильный кен выжиг ее всю, до остатка.

Как и память.

Кто я? Что здесь делаю? Зачем пришла? Разве это важно?

Имена, статусы, обязательства — все было несущественным в тот момент.

Влад потерся носом о мой нос и прошептал:

— Что же ты наделала, пророчица?

Его дыхание обожгло щеку. Рука крепко стиснула мой подбородок, стараясь зафиксировать. Ненужное движение — я и так не могла оторваться от его лица, от горящих, почти ненавидящих меня глаз, от стиснутых обидой и сожалением губ.

Ответить бы, да только что?

— И что мне делать теперь с тобой?

Погуби.

Я всегда этого хотела. Подсознательно стремилась, шла — во снах, в тайных желаниях, в непреднамеренных поступках. И вот отказалась тут, у черты. С ним. Снова.

— Ты ведь не остановишь меня, Полина. — Прикосновения становятся едва ощутимыми, меня больше никто не держит, и я с шумом втягиваю в себя воздух, стараясь освободиться от яда. Тщетно. Яд внутри, в венах, в жиле. Яд постепенно лишает сил. — Почему ты не останавливаешь меня?

И только тогда я поняла — я уже шагнула. То был не полет — падение. Где-то там, внизу, после головокружительного ощущения свободы меня ждут острые камни разочарования. Так было всегда и так будет снова.

И лишь у самого дна в голове искрой вспыхнула одна-единственная мысль. Вспыхнула и погасла, погружая сознание в осуждающую, молчаливую темноту.

Эрик.

И посыпались, звеня, осколки образов, желание обратилось отвращением, я оттолкнула Влада и, как ошпаренная, вскочила с кровати.

Эрик.

Кто я? Что здесь делаю? Зачем пришла?..

Я — Полина, пророчица скади.

Ска-ди. Слово перекачивается на языке — колющее, ранит небо, и оно кровит.

Я жена вождя. Жена. Несвободна. Принадлежу.

Неважно. Все это неважно, потому что есть Эрик. Просто Эрик — без титулов, званий власти.

Эрик.

Мужчина, которого я встретила ночью, в темной и тихой гостиной атли.

Эрик Стейнмод. Мой муж.

Руки сжались в бессильной злобе.

Сегодняшней ночи не затрешь. Сама виновата... сама...

И слеза градом по щекам. Ненавижу слезы!

— Эй, ты чего?

Кажется, я еще умею удивлять.

Влад тоже встал. Кровать скрипнула, отпуская его, словно недовольная женщина поутру. Андвари могли бы и позаботиться о кроватях в гостевых комнатах.

— Ты чего ревешь?

— Потому что ты... всегда... так...

От рыданий болели ребра. Живот. А всхлипы мешали говорить. Да и что тут говорить? Все и так понятно.

Похоже, понятно было только мне.

— Что всегда?

— Приходишь, рушишь все... всегда... А я... позволяю.

— Да ладно! Что такого я разрушил?

Не понимает? Серьезно?

Мой брак. Счастье. Мир.

Секунда — и я потеряла все.

— Полина?

— Я была счастлива, понятно! — выкрикнула, даже не задумываясь о том, что нас могут услышать. Что за стенкой, в соседней комнате спит какой-то андвари, и от моих криков он может проснуться. Узнать. Какая разница? Все равно не получится скрыть... Но рыдания отнимают силы, и кричать я больше не могу. Вздыхаю, глотая всхлип. — Я была счастлива, а теперь... Теперь — все.

— Была счастлива? Серьезно? — Иронию Владу скрыть не удалось, а может, он и не хотел.

— Представляешь? И без тебя бывает счастье. — Плююсь ядом. А что мне остается теперь, когда... — Я люблю Эрика.

— Тогда что это было, Поля? Сейчас?

— Не знаю. Какое это имеет значение? Теперь, когда моя жизнь разрушена? Надеюсь, ты доволен!

— Брось. Что такого произошло? Подумаешь, поцеловались. — Он шагнул ко мне, и я инстинктивно отступила, будто вновь вторгнувшись в мое личное пространство, Влад мог еще больше отравить меня. Куда уже больше? Он тоже остановился, как бы желая показать, что не станет ничего предпринимать. Давить. — Стейнмод не узнает. От меня — так точно... Я не желаю тебе зла. Думал, ты понимаешь. И если ты не повторишь ошибку, которую совершила тогда с Глебом...

— Это необязательно, — перебила я. Сердце гулко стучало в груди, сознание заволочло туманом — густым и безнадежным. — Эрик умеет читать мысли.

Молчание. Секунда, может, две... И глухой вопрос:

— Чего?!

Удивлен. Нет, ошеломлен, но пытается это скрыть. Только маски сегодня плохо держатся на лице, слетают, не желая садиться на привычное место. И за обычным спокойствием прячется настоящий испуг.

— Не только Альрик это умеет... умел, — на ходу исправились я. — Я плохая актриса, Влад, и скрыть не смогу.

Он отступил и сел на кровать. На меня не смотрел, думал. Сосредоточенно, лихорадочно, и нерадужные мысли, сгущаясь, тенями окружали его.

Я всхлипнула последний раз. Глупая. Думала, избавилась, затолкала ненужное в прошлое. Только важное не затолкнешь.

Я люблю Эрика. Он изменил меня, научил снова доверять, как лежачего больного снова учат ходить. И я действительно стала другой.

Только кое-что Эрику выскрести так и не удалось... И кое-кого.

Кое-кто этот сидит сейчас на кровати и делает вид, что не рад. Ищет выход. Для меня ли? Если Эрик узнает, Владу тоже достанется. Эрик не станет разбираться, кто виноват.

Виновата я. Готова признать и... Что? Лишиться всего?

Предательские слезы выступили снова, и я отвернулась. Вот уж нет, слез не покажу! Закусила губу, стараясь болью отвлечься от обиды на саму себя. Обида сменилась злостью. О чем я думала? Нужно было сразу домой, как только охотник рассыпался пеплом. Ведь ясно было уже тогда: убийца не придет сегодня меня искать.

Теперь найдет точно. После того, как я лишусь защиты скади, ему не составит труда взять мой кен.

Прикосновение к плечу заставило вздрогнуть от неожиданности. Я сбросила руку, будто можно было заразиться еще больше. Словно ванильный кен может проникнуть сквозь одежду.

— Отстань!

— Поля...

— Уйди, говорю! Не хочу тебя видеть.

Влад резко развернул меня лицом к себе и ответил:

— Придется. — И добавил уже мягче: — Еще немного потерпи, а потом я уйду, ладно?

Я не ответила, и он, видимо, принял молчание за согласие.

— Никто ничего не разрушал, слышишь. Ты спишь. Это просто сон. И на самом деле ничего этого не было.

— Что? — Я нахмурилась. Вырываться сил не было, да и держал он крепко. Тело не слушалось совершенно, обмякло, налилось тяжестью. Даже держать глаза открытыми стало невероятно сложно.

— В тебе остался мой кен. Совсем немного, но хватит.

Взгляд у него тяжелый и требует подчинения. Сначала сопротивляюсь, пытаюсь отстраниться, закрыться энергетическим щитом. Защититься.

Защитница из меня всегда была неважная.

— Утром ты проснешься и ничего не вспомнишь, слышишь, Полина, ничего! — его голос настойчив, и я киваю. — Повтори.

— Ничего... — вторю эхом.

— Хорошо. — Его вздох прячется у меня на ключице, когда он берет меня на руки. Я больше не понимаю ничего и не хочу понимать.

Это ведь сон. И я забуду его к утру.

Становится хорошо. Спокойно.

Голова моя лежит на подушке. Или это чье-то плечо? Плечо того, кто к утру растворится в тумане навек утраченных воспоминаний.

Так не все ли равно?

И последнее, что я ощущаю перед тем, как провалиться в беспамятство — отпечаток

поцелуя на правом виске.

Озеро волнуется. Вода потемнела, покрылась рябью, на берег наплзают пенистые волны и лижут песок. Небо нависает тучами — темными и низкими. Они клубятся над головой и обещают скорый дождь.

Я люблю дождь.

Сажу на берегу, обняв колени, и смотрю вдаль.

Пытаюсь вспомнить сон. Он был яркий. Чувственный. Красивый сон, из тех, что хочется сохранить в памяти. Досадно, что не получилось.

— Знаешь, ты мне как дочь, — говорит Барт спокойно. Он сидит рядом, на песке, и волны омывают его обнаженные лодыжки. Ногти на ногах ровные, правильной формы. Его голос сбивает меня с мысли, остатки сна развеиваются туманом.

— Да, — киваю. — Ты говорил мне однажды.

— Как дочери, хочу дать тебе пару заветов. — Его ладонь — большая и теплая — прячет мою. Взгляд проникновенный, ласковый. Он близок, как и любой сольвейг, с ним рядом спокойно и хорошо, но почему-то мне все меньше нравится этот разговор. — Будь храброй. Поступай по совести. Береги близких.

Он вздыхает, вдруг порывисто обнимает меня за плечи и прижимает к груди. Я слышу, как бьется его сердце — быстро, как испуганная птица. Это настолько идет вразрез с его образом спокойного и уверенного вождя, что я невольно пугаюсь.

— Не бойся ступить во тьму.

— З...зачем ты...

— Пророчество сбудется, и ты знаешь это.

Он отворачивается, и смотрит на воду, темную, будто смола.

— Я... умру?

— Тебе решать, Полина.

— Я не хочу умирать!

— Не ты, так твои близкие. Готова на такой обмен? — Он снова поворачивается, и я вижу — не шутит. Действительно ждет ответа. На дне глубоких, карих глаз — просьба и надежда.

— Эрик меня спасет, — говорю упрямо. Ищу на его лице хоть тень поддержки. Не нахожу, но все равно цепляюсь за нерушимые истины. — Не даст меня в обиду.

— Он силен, твой воин. И печать на тебе испепелит любого, кто к тебе притронется. — Барт указывает на мой живот, и я вспоминаю: печать Арендрейта. Убережет ли она от убийцы? — Карающий огонь.

— Тогда чего бояться?

— Мне было видение этой ночью. Ты на ритуальном камне атли. И печати на жиле не было.

— Кто-то... снял ее? — ужасаюсь.

— Ее может снять тот, кто ставил. — Он посмотрел на меня серьезно и добавил: — И тот, кто носит.

Порыв ветра рвет мои волосы, небо вдоль, до самого горизонта разрезает молния, а через секунду гремит так, что закладывает уши. На песок падают первые капли дождя.

— Что это за место? — вырывается у меня мимо воли.

Барт довольно улыбается, касается моего лба ладонью, и последнее, что остается у меня от этого сна — его прощальная фраза:

— Иногда ты задаешь правильные вопросы. Я отвечу на этот, когда мы встретимся в следующий раз.

И этот сон, так же, как и тот, прошлый, тает, просыпается песком между пальцев. Ускользает. А я возвращаюсь в реальность.

— Просыпайся, соня!

Глаза открыть оказалось трудно. Тревожное сновидение навалилось на плечи грузом и никак не хотело отпустить.

— Слышишь, вставай.

Пальцы щекочут кожу за ухом — одно из самых чувствительных моих мест. И я, наконец, разлепляю веки.

Высокие потолки с лепниной. И свет бьет сквозь начищенные окна, стелется по полу, впитывается в покрывало, наползает на кровать. Дома. Как же приятно проснуться дома!

Остатки сна слетают мгновенно, губы растягиваются в блаженной улыбке.

— Я так соскучилась!

— Когда только успела? — пошутил Эрик и погладил меня по щеке.

— Ты меня забрал? Когда?

— С рассветом. Не захотел будить, ты такая милая, когда спишь.

— Больше никогда меня так не бросай, — отчитала я его и ни капли при этом не шутила.

— Ты же сама просила найти Мирослава, — прищурился он, и в глазах заплясали смешинки.

Доволен. Дрался и победил. От него даже сейчас пахнет битвой — карамельный, пьянящий аромат.

Но мне не интересно, кого он там убил. Скольких. Я вскакиваю на ноги — у меня свой азарт.

— Где он?

— Внизу. Ждет, когда ты, наконец, проснешься.

Я метнулась было к выходу, но застыла у огромного — почти во весь рост — зеркала в резной оправе. Вид у меня был тот еще: смятая одежда, заспанное лицо, всколоченное гнездо волос на голове...

Эрик проводил меня насмешливым взглядом и со знанием дела кивнул:

— Пожалуй, сначала тебе нужно в душ.

Не согласиться с ним я просто не могла.

После душа полегчало. Воспоминания о кошмаре смыло теплой водой, сам кошмар развеялся и ничего плохого не предвещал.

Нет, я знала, что Барт не снится просто так. Знала и задвинула это знание куда подальше. До лучших времен. Возможно, вечером я подумаю над этим. А сейчас нужно помочь Мирославу.

В гостиной шумно илюдно. Эрик, Даша, Тамара. Роб обнимает Лару за плечи. Ирэ притаилась в глубоком кресле у камина. Влад полусидит на подлокотнике рядом, и вместе они кажутся до жути милыми и гармоничными.

Даже Каролина здесь, по правую руку от Эрика, и мне невольно вспомнились слова

Риты. Въедливые, злые. И сомнение червяком поселилось в груди.

Рита тут, рядом с Дашей, а по другую ее сторону — Игорь. И она держится за него, как за спасительную соломинку — крепко, будто боится, что если выпустит, он исчезнет.

Дарла, как всегда чересчур яркая и громкая, что-то быстро шептала незнакомой мне брюнетке. Брюнетка не сводила с меня внимательных, серых глаз и морщила аккуратный смуглый носик. От взгляда ее — прямого и наглого стало не по себе.

Стол накрыт — бутерброды и чай. Для тех, кому недостаточно просто поесть — спиртное. Коньяк в пузатых рюмках и вино в глубоких бокалах на тонких ножках. Теплая атмосфера общения. Как раньше. Как в атли до войны...

Мирослав был все тот же. Улыбался, сидя на диване в гостиной, и что-то отвечал Эрику. Увидев меня, поднялся на ноги, и разговоры как-то сами по себе стихли.

Тишина после гомона показалась оглушающей.

— Привет.

Не верилось, что я, наконец, вижу его. Гектор обещал, что не тронет, но разве можно верить Гектору?

— Я волновалась.

Слова липли к нёбу. Слов было недостаточно. Мало. Ничтожно мало. И когда Мир шагнул навстречу, раскрывая руки в приглашающем жесте, я наплевала на незнакомых мне людей, преодолела разделяющие нас ступени и утонула в крепких, терпких объятиях.

— Никогда так больше не делай! Не пропадай, слышишь.

— Не буду.

— Как ты... вообще? Ты все еще...

Кивнул.

— Влад сказал, ты можешь помочь.

Взгляд лукавый, как обычно. Щурится. И словно окатывает теплом. Давно я его не видела. Слишком давно, чтобы успеть забыть.

— Могу, — кивнула и снова прижалась щекой к его груди. Запах незнакомый — сладковатый, но не отталкивающий. Не его запах — чужой, но крепко привязавшийся к коже.

— Ценное умение накануне войны. — Голос этот мне незнаком, и я поворачиваю голову. Брюнетка все так же смотрит — с вызовом, не стесняясь. И представляется четко и кратко: — Алиса.

— Поля, это Алиса, моя... подруга.

Мирослав смущен. И немного воодушевлен оттого, что она представилась мне.

— Полина, — просто отвечаю я.

Теперь и я могу рассматривать ее. Красивая. Правильные черты лица, чуть вздернутый, небольшой нос, острые скулы. Темные брови вразлет, волосы чуть длиннее плеч, темные и блестят. Глаза серые, почти стальные, будят в душе неприятные воспоминания.

Пыточная. Распятый на дыбе человек. Злобная, мстительная улыбка.

Но только лишь глаза — в остальном Алиса ничем не походит на Мишеля.

Она чем-то похожа на Лару, если убрать идеальность и некую жеманность. Прямая. Решительная. Дерзкая. И, пожалуй, сильная.

— В войне? — До меня поздно доходит смысл сказанного ею.

— Она ничего не знает? — Алиса поворачивается почему-то к Эрику.

— Не успел рассказать, — отвечает он и встает. Смотрит на меня серьезно. — Если

вкратце, то после смерти Альрика охотников больше некому сдерживать.

— Сдерживать... от чего?

Я все еще не понимала, как он погиб. Нет, мне не было его жаль, но все же Альрик — единственный, кто контролировал существующую систему. И теперь, когда его не стало, кто будет следить, чтобы все оставалось по-прежнему?

— От войны, верно? — ответила сама же на заданный вслух вопрос. — Охотники снова нападут?

У них для этого есть все, что нужно. Локализация племен хищных, отчеты, планы... И никакого сдерживающего фактора.

— Не о том сейчас нужно думать, — подал голос Влад. — Альрик мертв. Последнее звено цепи. И теперь охотник придет за кеном сольвейга. Самое время обсудить альянс.

— Я не могу ничего требовать, — глухо сказал Эрик. — Только просить.

— Не надо просить. Атли у тебя есть. Альва?

— Не совсем еще понял, в чем тут дело. — Мирослав немного отстранил меня и спросил очень серьезно: — Ты снова влипла, да?

— Сначала тебе поможем, — проворчала я, — а потом о делах, ладно? Не вижу необходимости в таком ажиотаже. Здесь безопасно. Безопасно ведь, Эрик?

В сознании всколыхнулись отголоски ночного кошмара, и предупреждение Барта эхом звучало в ушах.

— Конечно, безопасно, — ответил Эрик, не глядя в глаза. И мне не нужно было читать мысли, чтобы понять: врет.

Иногда мы прощаем друг другу вынужденную ложь. Иногда врем сами, чтобы успокоить.

Я старалась не думать о плохом.

В кабинете склади пахло мускусом. Воском еще — свечи оплыли, и он стек на медные подсвечники, образуя причудливые фигуры. Свечи Роб унес сразу же, а я усадила Мирослава на диван.

— Будет больно, — попыталась оправдаться.

— Потерплю.

Он метнул настороженный взгляд в сторону письменного стола, на который, ни капли не стеснясь, уселась Алиса. Пришла посмотреть, как я буду вытягивать кен Гектора. Странно, но внезапный интерес ни капли не льстил, а наоборот, раздражал.

Я присела рядом с Миром и взглянула на Эрика.

— Подержишь?

Алиса сложила руки на груди.

— Лучше я, — вызвался Влад и, не дожидаясь ответа, уселся по другую сторону от Мирослава и крепко обнял его за плечи.

Ира глубоко вздохнула в полутемном углу. Ей было неуютно здесь, и на Эрика она косилась с опаской, но неприязни не выражала.

— Нужно, чтобы ты поднял... ну... — Я указала на кашемировый свитер, светло-серый, который собрался на животе складками. Мирослав молча подчинился.

Закрыла глаза.

Жила была спокойна. Затихла в ожидании вторжения. Кен ясновидца — мутный, темно-серый, лениво ворочался и, казалось, спал. Его владелец благосклонен и не собирается причинять вреда. Пока не собирается. Мы не знаем, что стукнет в голову Гектору завтра.

Особенно, если охотники...

Я приказала себе выкинуть дурное из головы.

Мои ладони — магнит. Цепляю кен и тяну на себя. На этот раз он не обжигает — приятно холодит кожу и выходит легко, не сопротивляясь.

Наверное, все равно больно, потому что Мирослав стонет и впивается пальцами в обивку дивана, а Влад крепче сжимает руки, чтобы не дергался.

Мирослав сильнее Игоря, и ему удастся сохранить самообладание. Я радуюсь, что он нашелся — целый и невредимый. Но мне хочется поскорее с этим покончить и узнать о том, где он был, почему отключил телефон, что с ним произошло за то время, пока мы не виделись. А еще безумно хочется расспросить Эрика об Альрике. Мне до сих пор не верится, что он мертв — сильный, умный, хитрый. Кто мог убить его? А главное — что этот кто-то использует, когда придет за мной?

Ночной кошмар не давал покоя, возвратившись назойливым мыслями и тупой болью в затылке. Барт словно прощался со мной во сне. Словно... приговорил. А ведь я только начала жить! Только нашла семью, любимого, у меня сын растет.

Не хочу умирать! Только не сейчас. Это несправедливо.

Жизнь редко показывает справедливость. Бережет, видимо, на будущее.

Серый кен закончился внезапно. Ладони опалило мятой — освежающей и терпкой, а значит, жила чиста, и больше Миру не придется бояться мести ясновидца.

Я поправила его свитер и устало вздохнула.

— Все? — разочарованно поинтересовалась Алиса. Кажется, ритуал ее совершенно не впечатлил.

— Ты просто... сокровище, — шепнул Мирослав и осторожно меня обнял, а я уткнулась носом ему в плечо, понимая, что это только начало. Действий. Планов. Трудных решений. Казалось, я на грани очередного — и оно мне совершенно не понравится.

— Не нужно было уезжать так надолго, — обиженно ответила я.

— Знаю, я заставил поволноваться. Сначала я искал тех, кто может... — Он запнулся, посмотрел почему-то на Влада и тут же продолжил: — Сольвейгов, в общем, искал. И набрел на одно племя. Там было много сильных воинов, но не один из них не выжил. Тогда я узнал о готовящемся бунте охотников.

— Один выжил, — поправила его Алиса, с безразличным видом рассматривая собственный маникюр.

— Один выжил, — исправился Мирослав. — Алиса.

Воительница. Ну теперь понятно, почему она так себя ведет. Воительницы часто забывают о чувстве такта.

— А потом мы нашли ту стаю убийц, что напали на мое племя, — продолжила она и улыбнулась. — Славная была охота.

— Их было десять, из них один древний, — мрачно продолжил Мир. — И они не единственные, кто перестал подчиняться Альрику. Первозданный в последние месяцы потерял авторитет среди своих.

— Его никто не прикрывал, — тихо сказал Эрик, и волнительная радость от победы, азарт от свершившейся мести тут же улетучился из глаз Алисы. — Альрик был совсем один, когда...

Он замолчал. И словно не чувствуя себя в праве продолжать его фразу или даже разговор в целом, остальные молчали тоже.

Тишина стучала в висках пульсирующей болью, накатывала волнами, заставляя жмуриться. И я поняла, насколько устала. Прятаться, пытаться вычислить маньяка, переживать за жизнь близких и свою собственную.

— Кофе бы сладкого, — вырвалось у меня против воли, и кто-то в кабинете тихо выдохнул.

Ира — а это была она — тут же вызвалась помочь:

— Я сварю! — Осеклась, нерешительно посмотрела на Эрика и добавила: — Если можно.

Он кивнул, и она быстро вышла из кабинета.

Наверное, ей тяжело было тут находиться — вернуться в Липецк после нескольких лет, проведенных в бегах, находиться в доме человека, которого она с детства — нет, не ненавидела — сторонилась. Побаивалась. И считала виновником, хотя вины Эрика ни в чем и не было.

Но Иван ненавидел Эдмунда, и ненависть эта, даже отголосок ненависти, остался Ире в наследство от отца. Больше ничего не осталось, и она берегла эту эмоцию, лелеяла, возвращала в себе новые побег. Зачем? Возможно, чтобы не забыть собственные корни.

Митаки больше нет. Альва тоже — настоящих альва, новые наверняка не настолько близки Мирославу. Вот теперь еще и племени Алисы.

Сколько еще племен было убито на войне? Сколько будет уничтожено на следующей?

Только вот война с охотниками, как правильно выразился Влад, не единственное, о чем нам нужно сейчас думать. И Алиса, будто стараясь напомнить об этом, повернулась к Эрику и спросила тихо, но требовательно:

— Кто он? Этот... человек? И что ему нужно?

— Если бы я знал.

Он далеко, в своих мыслях, и мне хочется утешить, поддержать. Дотронуться. Прикосновения как доказательство присутствия. Кожа у него теплая, и пальцы сжимают мои, когда я беру его за руку. Улыбка усталая, Эрик наверняка не спал. Вымотался. Нужно пополнить жилу, а для этого необходимо строить порталы на нижние слои. Уходить. На время, но все же...

Вернулась Ира с подносом. Дымящийся кофейник, свежие пряники горкой на блюде, чашки и блеск серебра. Кофе обжигало небо, но я все равно глотала жадно. Сладкий. Гул в голове постепенно стихал, а руки переставали дрожать.

Мирослав пил беспокойно, постоянно дергаясь и ероша волосы. Изредка касался живота — там, где еще совсем недавно таился в жиле ядовитый, чужеродный кен. После избавления еще болит некоторое время.

Пришла Дарла и утащила слабо сопротивляющуюся Алису в коридор. Эрик отошел к окну и с кем-то говорил по телефону.

Влад выглядел расслабленным и разбавлял обстановку редкими шутками.

— Хорошо дерется? — подмигнул Мирославу и кивнул вслед вышедшей Алисе. Намек был явным, незавуалированным, как и насмешка, и Мирослав опустил глаза.

— Та еще штучка.

— Хочешь себе?

— От моего желания мало что зависит. У Алисы ценный дар и она может выбирать.

— Разве она не воительница? — вырвалось у меня.

Воины всегда ценятся, но разве это такой уж редкий дар? У Мирослава полно воинов,

причем, не слабых.

— Так и есть. Алиса убила древнего, Полина. Кроме того у нее есть способности к защите, причем, немалые.

— Защитница-воин? — удивилась я. — Разве такие бывают?

Мирослав кивнул, и пепельная прядь упала ему на лоб, прикрывая морщинку между нахмурившимися бровями.

— Она — единственная, кто выжил, когда на них напали. Ну и я еще. А потом, когда Эрик нашел меня, мы выследили тех охотников. Славная была битва.

Я в убийствах не видела ничего славного, но кивнула.

— Все равно у тебя есть шанс забрать ее себе, — сказал Влад и улыбнулся Ире, принимая у нее из рук чашку. Она улыбнулась в ответ — робко и как-то застенчиво, в несвойственной ей жеманной манере, поправляя волосы и опуская ресницы.

И я подумала, что зря Крег отпустил ее вот так, одну, с Владом. Впрочем, разве мог не отпустить? Ира уехала с мужем, туда, где живет ее племя. Рано или поздно ей бы пришлось... Два года назад она не была готова, но теперь что-то изменилось: взгляд стал другим, высказывания — не такими резкими, а принципы иногда меняются под воздействием времени и обстоятельств.

В конце концов, Влад тоже изменился.

— Боюсь, у меня в этом городе полно конкурентов, — пошутил Мирослав. — Алиса может захотеть в атли.

— Это вряд ли, — деланно вздохнул Влад. — У меня неудачный период — все красивые и сильные девушки уходят. Вон скоро еще одна сбежит в андвари.

— Не сбегу, — проворчала Ира и намотала на палец локон темных волос. — Мне и тут хорошо.

— Это радует, — совершенно искренне ответил Влад.

С ними рядом было тепло. Уютно. И я забыла — пусть и ненадолго — о сумасшедшем убийце, поджидающем где-то на улице. Хотелось говорить — неважно, о чем. Лишь бы выгнать дурные мысли, что вороньем кружили над головой.

— Ты решила вернуться? — спросила я Иру, когда мы остались наедине. Она собирала посуду на поднос и на меня не смотрела. Рука ее дрогнула, чашка стукнулась о другую чашку — фарфор стучит звонко — но голос остался твердым:

— Не решила. Но пока атли в опасности, да и ты тоже. — Она, наконец, на меня посмотрела. — Я нужна здесь.

— Я рада, что ты здесь. Крег... то есть вы...

— Он не возражал, — быстро ответила она. — Крег понимает серьезность ситуации и постарается помочь. Чем сможет.

— Тебе повезло с ним, — улыбнулась я.

— Повезло, — тихо согласилась Ира, подняла поднос, но рука снова дрогнула, и серебряная ложечка с витиеватой ручкой глухо стукнулась о ковер.

Я не стала ее задерживать и расспрашивать не стала. Показалось, Ира не готова к откровенностям даже наедине с собой. Она бескомпромиссна, упряма и не умеет прощать.

Но некоторые люди меняют нас, даже будучи на расстоянии.

Закаты в октябре ранние и внезапные. Глядя в окно, я провожала холодное солнце, спрятанное за редкими, рваными облаками.

Меня прикрывала плотная штора — я часто пряталась в кабинете, ожидая Эрика. Здесь,

сидя на широком подоконнике, устланном меховой шкурой, уютно и спокойно. А еще можно подумать — в доме, полном людей, редко выдается урвать минуту одиночества.

Покой нарушает скрип двери, и я вздрагиваю.

Шепот и шарканье шагов, а еще голоса — не разобрать, чьи — восторженно шепчутся. Затаившись и поддавшись любопытству, я стараюсь различить слова.

— ...и племя сильное, — говорит один из них, и я узнаю его обладательницу. Это Дарла, развязная защитница атли. — А главное — древнее. И вождь красивый. Где-то тут я сережку обронила. Золотая, жалко...

Она охнула и чертыхнулась, наткнувшись на какое-то препятствие. Я не видела, но судя по звуку, это была ваза. По видимому, после столкновения с Дарлой та упала и покатила по ковру, а цветочная композиция, привезенная из Лондона, которой так гордилась Даша, наверняка навсегда испорчена.

— Осторожнее, — строго отвечал другой голос, и это без сомнения была Алиса. — Найдем мы твою сережку, не истерии. На счет племени, ты же знаешь, я уже определилась. Решения не поменяю, племя сильное и не менее древнее, чем атли.

— Влад говорил, Эрик не принимает в скади никого, — шипяще возразила Дарла. — Разве что этот кто-то замуж выйдет. Лара вон недавно за жреца их пошла. Да где же она? Черт меня дернул с Антоном этим обжиматься! Бабник он и есть бабник. Поматросил и бросил...

— Мужика тебе надо нормального, — усмехнулась Алиса. — Чтобы темперамент твой гасить.

— Где же найдешь его, мужика этого. Нормальные все заняты, — посетовала защитница.

— Хищный мужчина априори не занят! А замуж — я не против. За вождя. А что? Он сильный, привлекательный — жутко привлекательный, такому любая даст. Остальные на его фоне как-то меркнут, а я привыкла получать лучшее.

— Говорят, он однолюб. — Дарла зашептала еще тише, но подошла так близко к окну, что я прекрасно ее слышала. — И девочку эту переманил из атли. Влюбился типа. Венчались они совсем недавно.

— Не верю в однолюбов, — упрямо заявила Алиса. — Мужчины по природе полигамны. А жена не шкаф — подвинется. Я хочу в скади, и я буду скади, вот увидишь. Ты знаешь, я всегда добиваюсь своего!

Сидя там, на подоконнике, вынужденная прятаться и таиться в собственном доме, я поняла: у Мирослава нет шансов. А с Алисой этой мы не подружимся никогда.

Впрочем, у меня вообще не выходит дружбы с защитницами.

Я была рада, когда они все уехали. Нет, возвращение Мирослава, конечно, замечательная новость, и на душе стало легче оттого, что с ним все хорошо, но Алиса — его гостья, и он забрал ее с собой. Как и ее притязания на Эрика.

Эрик остался. Только мой. И мы, наконец, вспомнили, что совсем недавно поженились. Поиски таинственного охотника за силой неимоверно отвлекают от романтических мыслей.

— Ты очень активная сегодня. — Эрик улыбнулся, закидывая руки за голову. Я сидела на кровати, скрестив ноги по-турецки, и жевала булку. Активность стремительно поглощает силы, нервная обстановка — тем более. — Москва пошла тебе на пользу. Только вот как-то быстро ты Теплова выставила. Мне казалось, ты волновалась за него.

— Волновалась, — мрачно кивнула я. аппетит пропал, и я положила булку на тарелку. — И соскучилась. Я же не знала, что он вернется... с подругой.

— Тебе не понравилась Алиса?

Удивление. Судя по всему, искреннее. Зачем Эрику врать и играть со мной в игры?

— Не понравилась, — честно ответила я. — Я слышала, как она говорила... ну... о тебе.

— Обо мне?

— Ты ее так чем-то впечатлил, что она тут же захотела за тебя замуж. Тебе, наверное, лестно, но...

Эрик расхохотался, и мои слова утонули в его раскатистом смехе. Щеки обожгло обидой, я нахмурилась и отодвинулась к краю. Смеяться он перестал, но глаза улыбались, и я уже пожалела, что сказала.

Что смешного в том, что я ревную? Сам совсем еще недавно...

— Глупости какие, — сказал он и протянул мне руку. — Иди ко мне.

— Может, для тебя это и глупости, — обиженно бросила я, но знак примирения приняла, и через секунду Эрик уже обнимал меня, а я прятала лицо у него на груди. — Законы хищных всегда были против женщин, а Алиса наверняка сильная соперница, и я...

— Она тебе не соперница, — оборвал он. — Если бы я обращал внимание на каждую женщину, которая хотела за меня замуж, мы бы никогда не познакомились. Я бы не искал пророчиц, не спускался на нижние слои, женился бы пять раз и оброс бытом лет десять назад. Но я здесь, с тобой. — Его большой палец скользнул по тыльной стороне моей ладони, поднимаясь вверх и повторяя завитки брачного рисунка.

— И это должно меня успокоить?

— Должно. У меня был выбор, и я его сделал. Законы хищных ничего не значат, если тебе нужен только один человек. — Он поцеловал меня в макушку и довольно добавил: — Но я рад, что ты ревнуешь. Теперь ты сможешь меня понять.

— Тебя понять? — удивилась я. Подняла на него взгляд, чтобы проверить, что не шутит. Не шутил. Смешинки из глаз исчезли, сами глаза потемнели и опасно прищурились.

— Кое-кто не умеет проигрывать. Совершенно.

— Кое-кто — это...

— Влад, — кивнул он. — Я прекрасно понимаю, зачем он приехал к андвари.

— Разве вы не договорились? Охотник опасен для всех, не так ли?

— Так, — подтвердил Эрик. — Резонно было бы остаться с атли и оберегать сестру, в

которой твоя кровь. Но он поехал в Москву.

— Ты не прав. В Москве жила Ира, а она...

— Жена?

— Именно.

— И живет в Москве со жрецом другого племени? Живет с другим мужчиной, Полина! Этот брак очень похож на фарс.

— Ира уехала со мной после истории с Гердой. Поддержала меня. Если бы не она, я бы никогда не выкарабкалась!

— Чтобы поддержать тебя, ей понадобилось крутить роман с андвари? Ты слишком несерьезно относишься к браку, Полина.

— Причем тут я? Какое мне дело, женат ли Влад, если ты мой муж?

— Я не о том. — Он поморщился, и на лице его мелькнула тень недовольства. — Брак хищных нельзя разорвать. Только смерть ставит точку, даже отречение не стирает печать с жилы.

— Разве муж не имеет права отречься от жены?

— Возможно, в этом виновато твое воспитание, Полина, ты не росла среди хищных. Да, муж имеет право отречься от жены, но чтобы отречься, ему нужна веская причина, и он должен доказать эту причину на совете. В любом случае, окончательное решение принимает вождь. Женщина не может искать варианты после венчания. Не имеет права пускать других мужчин в свою жизнь.

— Даже если венчание — ошибка? — возмутилась я. — Если муж вел себя как... как...

— Даже если так. Нельзя гневить богов. Херсир прогневил, и они послали Хаука.

— Никто уже не верит в богов, Эрик. И в Первых. Это просто легенды...

— Вот как? Легенды? — Он приподнялся на локте и внимательно заглянул мне в глаза. От взгляда этого, пронзительного, осуждающего, стало не по себе.

— Многие считают, что...

Его ладонь коснулась моей жилы, и я замолчала.

— То, что случилось между нами у источника — навсегда. Это не просто союз двух людей. Ты отдала себя мне. Полностью. Призвав в свидетели Первых и богов.

В глазах темно. Или то темно в комнате? Не осталось запахов и звуков — лишь голос Эрика и его прикосновения.

Жила горит и отзывается на них, хотя он даже не делится кеном. Влияет? Определенно. Но нет, не так, как вождь влияет — я помнила это прекрасно, ведь именно так Влад поставил печать.

Я не являюсь исполнением воли Эрика. Я — сам Эрик. Часть его, продолжение, и мне не нужен дар, чтобы читать его мысли.

Злится. Печален. И рад, что сейчас он может делать это со мной.

Словно в подтверждение этих моих мыслей он шепчет:

— Я могу управлять твоим телом. Могу доставить удовольствие...

Внутри все взрывается, и я разлетаюсь мириадами сверкающих осколков по окутывающей нас темноте.

— Могу причинить боль...

Жила натянулась и дернулась, тело будто в кипятке опустили. Боль длилась всего мгновение — не думаю, что Эрик хотел делать по-настоящему больно — но была такой сильной, что я невольно вскрикнула.

— Могу управлять тобой, — шепот обжигает ухо, и тепло дыхания Эрика спускается по шее воздушными волнами. — Потому что ты позволила. И они были свидетелями этого...

Перед глазами возникают образы. Мужчина и женщина. Она — высокая и стройная, темные волосы до талии блестят шелком. Глубокие, темные глаза. На плечи наброшена лисья шкура.

И мужчина.

Русоволосый. Глаза голубые и светлые смотрят прямо на меня. Губы кривятся в саркастичной улыбке. Над правой бровью, чуть ближе к виску — белесый шрам. Кожаные штаны испачканы морской солью. А на груди — тот же амулет, что оберегает меня. Амулет Арендрейта.

Я знаю его, он снился мне однажды. Давно. В ночь после посвящения.

Херсир.

— Нельзя врать Первым, Полина, — откуда-то издали слышится голос Эрика. Знаю, он говорит о венчании, но понимаю, что тут, в темноте, в лицах пригрезившихся мне Первых есть что-то еще.

Что-то важное.

Но момент был и схлынул, лица Херсира и Лив смазались, расплылись, затерлись темнотой, и мысль ускользнула от меня юрким ужом.

Я на кровати в нашей спальне. Смотрю на исчерченный лепнинами потолок и стараюсь отдышаться. Хватаю губами воздух — жадно, как принимает к воде путник в пустыне. Пальцы сжимают гладкие простыни, стараясь удержать тело в реальности.

— Венчание объединяет. — Голос Эрика гулок и отбивается пульсом в висках. — Даже если муж отрекается от жены, она остается женой. Навсегда.

Злость — отличный способ удержаться, и я заставляю себя разозлиться. Неважно, на кого — на Эрика, на саму себя, на видение Херсира и Лив.

— Ты сказал... вождь принимает... решение... — Слова выходят рывками, натужно, но я все равно выталкиваю их. Колючие. Острые. — Если ты захочешь отречься от меня... кто будет... решать?

Эрик отпрянул, будто не слова я плеснула ему в лицо, а кислоту. Едкую, жгучую, которая, соприкасаясь с кожей, оставляет ожоги.

— Зачем ты это сказала?

Прозрачные глаза смотрели с укором. Только вот на меня это не подействовало, ведь еще несколько минут назад он упрекал меня в том, чего я не совершала.

— У вождя безграничная власть. Кто помешает тебе избавиться от меня, если захочешь? — Я поднялась на локтях, а пальцы все еще сжимали шелк простыней. — Неважно, что думают боги, Эрик. Или Первые. Даже если они есть. Венчание — таинство для двоих. Если чувства уходят, ничто не будет иметь значения. Любые клятвы станут ненужными. Я вышла за тебя, потому что хотела усилить то, что между нами было. Укрепить. Мне не нужно доказывать богам, что я тебя люблю. И тебе не нужно.

Он молчал, поэтому я села и взяла его за руку.

— Неважно, что сделала Ира, не так ли? Ты боишься, что так сделаю я?

— Не сделаешь, — покачал головой. И в шепоте шелестяще скользнула угроза. — А если вдруг... — Холодные губы коснулись моего лба, а руки крепко сжали плечи. Жила все еще помнила прикосновения этих рук — наслаждение и боль. И нить, связывающая нас с Эриком, казалось, звенела в воздухе. — Я не Влад и чту законы.

Наверное, он хотел меня предостеречь. Или даже напугать — иногда в моем Эрике просыпался другой, тот, из прошлого, которого он просил меня бояться. Я старалась привыкнуть к нему. К внезапным вспышкам злости — иногда не в действиях даже, а во взгляде, что заставлял глаза резко темнеть и щуриться. По напряженной позе, лицу с выражением деланного безразличия, которое Эрику совершенно не шло. По фразам, звучащим двусмысленно.

Я привыкала и больше не боялась.

— Не сделаю, — шепнула ему на ухо и обняла за шею. — Потому что сама не хочу.

Мне нужна была эта возможность — выбирать самой. Остаться в какой-то мере хозяйкой своей жизни. В мире хищных для женщины это непросто, но мне хотелось оставить частичку той себя, которая была до посвящения в атли. Давно. Много лет назад.

— Как Макаров стал вождем?

Я уже почти задремала, когда Эрик спросил это. Сам

Эрик, похоже, даже не думал спать. А ведь устал и надо бы силы пополнить. Но нет, лежит, думает о чем-то своем и, наверное, пытается вычислить убийцу.

— Почему ты спрашиваешь? Его подозреваешь, что ли?

Эрик пожал плечами.

— Я должен принимать во внимание всех. И учитывать каждую мелочь.

— Филипп не смог бы, — уверенно сказала я. — Не потому, что не захотел бы, просто кишка тонка.

— Возможно, но проверить не помешает. Так что там, с перерождением из жреца в вождя?

— Ну, там было все... сложно.

Я зевнула и поплотнее закуталась в одеяло. Окно Эрик оставил приоткрытым, а в камине едва теплились угли.

Эрику нравился открытый огонь. Центральное отопление скади включали ближе к зиме, и всю осень в доме пахло дымом, а в многочисленных каминах трещали, сгорая, дрова.

Прошное давалось мне с трудом. Возвращаясь, оно хваталось за меня костлявыми пальцами и царапало острыми когтями.

Прошное всегда имеет цепочку последовательностей. Мотивы-крючки цепляются за связаную ткань бытия.

Филипп ушел почти сразу после поединка. Я помнила тот день отчетливо, словно это было вчера.

— Однажды я убила колдуна, — сказала я Эрику, который терпеливо ждал моего рассказа. — Я говорила тебе. Тан был...

— Одержим, — подсказал он.

Пожалуй. А еще умен. И почему-то попался.

— Я убила его ритуальным ножом.

Весьма прозаичный ритуал.

У каждого племени хищных есть такой нож. Обычно его делает жрец, и он передается из поколения в поколение, с каждым годом наполняясь силой от проведенных ритуалов. Кроту, например, дает клинку хороший заряд.

Тот нож был иным — его создал Ирвин, темный колдун. А Эрик забрал себе, как трофеем.

— Потом началась война, и Лара... Она выложилась однажды, была при смерти, а

Филипп сказал, что сможет ее спасти. Ему бы чуть-чуть темного кена Тана. Самую малость, чтобы помочь Ларе. Я не смогла отказать. Доверилась. А потом он отрекся и сбежал, не оставив во мне ни капли.

— Солгал, — кивнул Эрик, что-то про себя отмечая.

— Солгал, — согласилась я. — Но прямо против Альрика он не выступил бы никогда. И против тебя не выступит.

— Тот, кто провернул все это, хитер, Полина. С Альриком он напрямую не дрался, ставлю на кровную связь и магию.

— Кровная связь и Альрик? — удивилась я. — Ему же дофига лет!

— Это не значит, что у него не осталось потомков. Это очень древний и мощный ритуал, и действует он на всех без исключения.

— Знаю. Видела пару раз. Да и Тан использовал на поединке.

— Это было очень опасно — идти против колдуна. Ты могла умереть.

Я пожала плечами.

— Тан мечтал быть вождем атли, а никто из атли его не хотел. Был поединок, и Влад...

— Проиграл?

Интерес. Любопытство, которое он пытается скрыть, но не получается. Мне не хочется скрывать, потому отвечаю:

— Они оба играли грязно. На кону слишком многое было.

— И ты нарушила закон? Вмешалась?

— Лишь на словах. Просила Влада присягнуть. Не ждала, что послушает, но не хотела упускать шанс. Он присягнул. Затем остальные, и я в том числе.

— А потом ты сорвалась, верно? Убила колдуна, а Влад спустил с рук нарушение закона?

— Я ничего не нарушала. Я была в своем праве разрушить проклятие. Отличная лазейка для того, кто хочет безнаказанно убить вождя.

— Проклятие?

Он отстранился, заглянул в глаза.

— Проклятие вождя и пророчицы, — вздохнула я. — Давнее, тысячелетнее заклинание.

— Я что-то слышал. Они должны драться на смерть или что-то в этом роде, да?

— Я не уверена, что проклятие существовало, — ответила я мрачно. — Влад никогда не верил... В легенде говорилось: оно разрушится лишь тогда, когда один из них убьет другого. Никто из атли не хотел присягать Тану, но никто не мог причинить ему вред. Никто, кроме меня.

— Удобно, — усмехнулся Эрик и откинулся на подушки.

— Именно из-за проклятия Влада не судили после ритуала изгнания Девяти, — подытожила я. — А мне оно позволило убить Тана.

— Умно. Хороший план — использовать проклятие, чтобы устранить колдуна, — похвалил Эрик. — Один из лучших планов Влада, я бы сказал.

Я опустила глаза.

— Влад ничего не знал, — прошептала. — Я все придумала.

Эрик несколько секунд странно на меня смотрел, а затем кивнул.

— Пора ложиться. Завтра нужно сделать много дел.

Ира приехала очень рано, едва рассвело. Куталась в свободный красный свитер с широким воротом и прятала ладони в рукава. Выглядела растерянной и какой-то несчастной.

От кофе отказалась, зато попросила ключи от моей квартиры на Достоевского.

— Крег приехал, — пояснила коротко. — Ты там все равно не живешь, вот я и подумала...

— Крег приехал к тебе? — удивление сдержать не получилось. — Я думала... Ну, ты в Липецке, и Влад...

— Это ничего не значит.

Отвела покрасневшие глаза. Губы поджала, всем видом показывая, что говорить об этом не хочет.

Я не стала настаивать и отдала ключи.

Наверное, Эрик в чем-то прав: эта связь незаконная и неправильная. Счастья Ире не принесет, ведь печать на жиле не сотрешь. Печать на жиле, воспоминаний, чувств...

Никто никогда не примет их вместе.

И будущего нет, но... кто я такая, чтобы судить?

— Знаешь что, а приходите сегодня в гости, — предложила я. — Ты и Крег. На ужин.

— Не думаю, что твой муж одобрит, — неуверенно возразила Ира.

— Это и мой дом тоже. А ты — моя подруга. Эрик смирится. К тому же, не ты ли сама говорила, что Крег — сильный жрец. Возможно, если мы объединим усилия, то быстрее найдем свихнувшегося охотника. Да и после смерти Альрика ситуация нестабильна. Скади нужны сильные союзники, Ира.

— Разве атли вам не союзники?

— Атли тоже, но... Все сложно.

— Не сложнее, чем у меня. — Она покачала головой. — Ты играешь в опасные игры, подруга.

— Как и ты.

— Я — нет. Владу плевать, где я и с кем. Твой муж терпеть не станет.

Мне показалось, в ее голосе скользнула обида. И костяшки пальцев побелели, сжимая злосчастный ключ. Всего одна ночь в доме атли, и много месяцев тренировки самоконтроля насмарку. Сложно оставаться объективной, когда ситуация затрагивает тебя лично.

— Разберусь, — уклончиво отмахнулась я и добавила: — А вы приходите. Вечером, скажем, часов в шесть. Идет?

Ира кивнула, соглашаясь. Не уверена, что ей понравилась идея, но возражать она не стала, а я решительно настроилась сгладить острые углы в их с Эриком общении, да и Крега, как близкого ей человека, хотелось бы узнать получше. К тому же, в поисках убийцы он, помнится, обещал помочь. Уверена, Эрик не откажется от поддержки прогрессивного жреца.

Правда уже к середине вечера, я поняла, что просчиталась.

Нет, Эрик с интересом слушал Крега, особенно ему приглянулась теория сохранения энергии в условиях кризиса и нехватки кена. И опыт в подпольной войне с охотниками впечатлил. Крег не боялся экспериментировать, несмотря на трусоватость Рика.

Алиса тоже присутствовала на ужине. Смотрела на Эрика восторженным взглядом и не упускала возможности напомнить о себе. Вовремя вставленной репликой. Приглушенным смешком. Поддерживающей фразой. Воительница была остроумна, знала себе цену и умела держаться. Чем невероятно меня раздражала.

Если Крегу Эрик был явно рад, то на Иру не смотрел. Совсем. А она вообще не поднимала глаз, ковыряя в тарелке давно остывшее жаркое. Пила вино. Бросала быстрые взгляды на часы, как бы показывая, что ужин явно затянулся, и она устала.

А напротив сидел Влад, и Даша шептала что-то ему на ухо. Он отвечал коротко, либо просто кивал, соглашаясь.

Именно тогда я поняла, что ужин был не такой уж хорошей идеей, и мирить Иру с Эриком нужно было в другой, более интимной обстановке. Например, прийти вдвоем к ним с Крегом в гости. Без присутствия всяких Алис и Владов разговор мог бы получиться совсем другим...

Я вышла на крыльцо и позвонила Глебу. Он не появлялся давно, ограничивался парой смс или коротким звонком. Занят. Скоро появлюсь. Не парься, Полевая.

Не парилась. Во всяком случае, старалась. Своих проблем было по горло, но именно сегодня поняла: хочу его видеть. Глеб слишком импульсивен, чтобы я могла не обращать внимания на такие вот пропажи. Вдруг он влип в историю, а я не в курсе?

Несколько длинных гудков, щелчок, шорох на заднем плане. И прерывистое дыхание.

— Слушай, давай я чуть позже наберу. — И извиняющееся: — Занят немного.

— Чем? — бескомпромиссно поинтересовалась я. — Куда ты пропал, Измайлов?

— Я тут... не в городе, короче.

— А где?

— В Ельце. Решил пожить немного подальше от атли.

— Один?

Молчание. И мысль, которая пришла слишком поздно. Настолько очевидная, что я сама себя выругала за то, что не догадалась раньше. Голос у него счастливый. Беззаботный. Убежище, куда он сбегает, лишь когда...

— С Никой! — догадалась я.

— Альрик мертв, — мрачно подтвердил Глеб мою догадку. — Остальным пофигу.

— Я люблю тебя, Измайлов.

— Береги себя, — проворчал Глеб и добавил: — Знаю, у вас там сейчас все сложно, и я приеду, честно, только...

— Даже не вздумай! — перебила я. — Это твоё время, используй его. А я тут просто за тебя порадуюсь.

Новость о Глебе и Нике взбудрила. В последнее время мир явно сошел с ума, но такие новости всегда вдохновляют. Дают надежду.

Входная дверь приоткрылась, яркий свет из гостиной вылился на крыльцо и смешался с приглушенным светом фонарей, что полукольцом окружали подъездной путь. Наружу выскользнула Ира и вздохнула с облегчением, когда увидела меня.

— Плохая идея была, да? — извиняясь, спросила я.

— Да нет, все нормально. Компания напрягает немного и... Ты того, следила бы за Алисой этой. Интерес нездоровый у нее к твоему мужу.

— Знаю. Меня сейчас мало волнует Алиса. Есть проблемы посерьезнее. Охотник, например. Тот, что хочет мой кен. Да и остальные после смерти Альрика не будут сидеть и ждать с моря погоды. Скорее всего, будет новая война...

— Все лучше, чем подчиняться! — злобно выдала подруга и облокотилась о массивные каменные перила. Губы поджала. И глаза сузились, предвкушая новые битвы.

Иногда у нас ничего не остается, кроме врожденных талантов. Иногда мы одиноки настолько, что лишь в деле можем почувствовать себя нужными. Ира — воин, а во время перемирия необходимость в воинах отпадает.

— У тебя есть Крег, — тихо сказала я и встала рядом. — По-моему, он замечательный.

— Замечательный... — шепотом согласилась Ира, и голос ее дрогнул на последнем слоге.

— Но не тот, да? Не тот, кто тебе нужен?

Она пожала плечами. Улыбнулась, и улыбка эта насквозь пропиталась иронией.

— Он и не тот. Он мой друг. Просто друг, Полина.

— К...как друг? — опешила я. — А как же... вы же вместе живете... и андвари... и даже Влад... все уверены...

— И что? — усмехнулась Ира. — Каждый думает то, что хочет думать. А я не мешаю людям делать выводы.

— То есть вы не...

— Крег не мой любовник, если ты об этом. Он мой близкий друг. Знает обо мне все, поддерживает. Помогает, ведь я одна в Москве. Андвари не горят желанием со мной общаться. Ты уехала. И правильно сделала, кстати. Нужно жить дальше. Только вот я пока не умею. И Крег меня учит. По чуть-чуть.

Она отвернулась и снова посмотрела вдаль. Бросалась словами, которые долго держала в себе и которые нужно было сказать. Просто проговорить вслух. Чтобы осознать. Поверить. И смириться.

— Я думала, если он узнает, что у меня другой мужчина, среагирует как-то. Приедет, наорет, заберет назад в Липецк. Сделает хоть что-то. Он приехал... — Ира усмехнулась, только усмешка эта больше напоминала оскал. — Говорили мы долго, в основном о том, как жить дальше, не мешая друг другу. У меня ведь теперь другой. Мне показалось, ему даже легче стало оттого, что я не одна. Гора с плеч. И жена вроде, и не жена...

— Ира...

— Что — Ира? — Она тряхнула волосами. — Ира не железная! Пусть говорят, что хотят. Только ты не думай, что я Крега использую. Он хороший, по-настоящему заботится, и это он сам предложил. Говорил, что мужчины — собственники, заревнует — вернет. Не вернул. Не так уж и нужна оказалась...

Я так и стояла, не в силах выдавить из себя и слова. Растерялась. Сознание швырялось обрывками мыслей и сводить воедино все не желало.

Ира... Как же так? И как я могла не заметить? Настолько заиклилась на себе и не увидела, что подруге плохо. А Ира отлично умеет маскировать эмоции. Только вот она не интриганка, вот ни разу.

Отличный способ — заставить мужчину ревновать. Жаль, Влад не повелся, ему было на руку. Но легенда придумана, и нужно было поддерживать. Зачем? Надеялась ли Ира, что это поменяет что-то в будущем? Что Влад передумает, вернет ее в атли, домой? Наверное. Только вот... В бескорыстие я давно перестала верить. И если для Иры эта фиктивная связь была защитой, криком души, то чем она была для Крега?

Ответ пришел внезапно. Ужасающий, дикий.

Мужчины в мире хищных используют женщин, и Крег не стал исключением. Сыграть на эмоциях Иры было несложно, прикинуться другом, обещать помочь. И оградить себя от подозрений, ведь кто станет подозревать человека в том, что он охотник, если его женщина — хищная? Атли. Моя подруга.

И сокровенное, которым они наверняка делились, сыграло ему на руку. Ира доверяет тем, кто близок. И Ира знает обо мне все. Где живу, с кем общаюсь, когда остаюсь одна.

Противный холодок пробежал по позвоночнику, я инстинктивно обернулась и

встретилась глазами с внимательным взглядом жреца андвари.

Можно ли его теперь так называть? И сколько из нашего разговора он слышал? Достаточно ли, чтобы понять: я догадалась?

Крег непринужденно улыбнулся и шагнул к нам, заставляя меня вздрогнуть.

— Замечательная погода для октября, — сказал он спокойно. — На удивление теплая.

Глава 21. Золотая клетка

Темный воздух, разбавленный светом фонарей, дрожал. И небо, нависшее низко, давило.

Страх имеет кисловатый вкус, он вязкий и стынет на языке терпкостью. Телефон в руках и позвонить бы Эрику, но... успею ли?

— Как по мне, так холодно, — безразлично ответила Ира, обнимая себя за плечи и быстро пряча невольно прорвавшиеся в мир эмоции. Холодность напознала на ее лицо, в то время как мои щеки пылали. — Поехали домой.

Крег не ответил ей. Смотрел прямо на меня, и уголки его губ приподнялись в улыбке. Полусумасшедшей, опьяненной близостью успеха. Я поняла: не успею. И сунула телефон в задний карман джинсов.

— Очень беспечно сейчас тут находиться, — спокойно произнес жрец андвари, не делая абсолютно никаких попыток приблизиться. Улыбался. Играл. За его спиной маячила входная дверь, а за моей — подъездной путь. Только вот если бежать, то куда? И наверняка догонит. Он не стоял бы тут так смело, если бы не был уверен, что Эрик в доме и занят. Далеко. Не успеет, даже если... Закричать? Услышат ли из другого крыла дома? Успеют ли выйти, пока Крег... Что? Убьет меня? Нет, он не станет убивать меня здесь, для ритуала нужно время.

Меня нет, а вот Ира ни от чего не застрахована.

— Беспечно, — кивнула я. — Если ты не защищен.

Блефовала ли я? На мне два защитных амулета, и жила полна кена. Взбунтовалась, натянулась струной, и ладони горели от не выплеснутой мощи.

— Любую защиту можно обойти, — многозначительно заметил Крег.

— Ну что ты ее пугаешь? — Ира всплеснула руками и отлипла от каменных перил. Доверяет. Ничего не поняла. И не поймет, пока...

Играть? Крег, возможно, не догадался, что я знаю. Только что мне это даст? По глазам его видно: не отступит. Не сегодня, ведь я — последний ингредиент для смеси. Другого сольвейга он не достанет.

Опасно драться — Ира рядом. Она, конечно, сильная, но вряд ли способна противостоять Крегу. Способна ли я?

— Возможно, пришло время испугаться. — Он шагнул вперед, и я инстинктивно попятилась. В спину уперлись холодные перила, а Ира зыркнула подозрительно.

— Какого черта?

— Ее хоть отпусти. — Голос был глухим и как будто не моим. Воздух потяжелел и лип к гортани. Ладони чесались.

— Все будет зависеть от тебя. Ты слишком долго бегала от меня, Полина.

Верно, долго. Мне везло. Только вот везение рано или поздно заканчивается.

— Что происходит?! — требовательно спросила Ира и тоже шагнула вперед. Прямо на линию огня, становясь между мной и Крегом. Серьезная, все еще не понимающая ничего, но готовая разобраться.

Только вот разбираться поздно...

— Сейчас не сбегу. Только Иру отпусти.

Ира, однако, уходить не собиралась. Повернулась к Крегу, дышала шумно, со свистом выдыхая клубящийся паром воздух. И правда, холодно, зима скоро. Только ладони горят,

чешутся, не в силах сдерживать рвущуюся наружу ярость.

— Только не говори, что все это время это был ты!

Голос у Иры усталый, в нем сквозит обида, отчаяние, и разочарование — очередное, но последнее ли? И я уже не знаю, за что больше злюсь на Крега: за то, что собирается убить меня, или за боль, причиненную подруге.

— Это был я, — не стал юлить Крег. — Ничего личного, милая. Я ничего тебе не обещал, впрочем, как и ты мне.

Справа от Крега мелькнула тень. Где-то шагах в пяти, показалась из-за угла и исчезла, но мне хватило, чтобы заметить. Тень принесла надежду и добавила сил.

— И когда ты решил меня использовать? — деловито спросила Ира. Отойти не пыталась, наоборот, прикрыла меня спиной, будто защищая. И я знала: ударит. Дождется подходящего момента и попытается отбиться. Только вот не сможет. Сил недостаточно, Крег взял кен Альрика.

— Сразу, как вы приехали в Москву. Барт слишком скрытный, чтобы я смог подобраться к его сольвейгам, но ты привезла своего.

Тень справа от Крега мелькнула еще раз, ярко вспыхнули и треснули лампочки у нас над головами, последовательно потухли фонари на подъездном пути, и крыльцо погрузилось во тьму.

Я шагнула к Ире, крепко схватила за плечи и дернула в сторону. Вниз. На пол. Она, наверное, не ожидала, потому поддалась. Упала. Я попыталась присесть, но не вышло. Жилу оцарапало щупальцами — сильными и цепкими.

— Зря, — шепнул Крег в самое ухо. — Зря ты это сделала.

И тут же вспыхнули, ослепляя, фонари.

Ира вскочила, складывая пальцы в пасс нападения. Не успела. Крег взмахнул рукой, и ее отшвырнуло в сторону, ударило о перила, и тело ее исчезло в недавно подстриженном кустарнике.

— Стой, атли, или она умрет!

— Ага, как же.

Непонятно откуда взявшийся Влад замахнулся непонятно откуда взявшейся битой, а через секунду летел уже Крег — кубарем, по ступенькам.

— Никогда он мне не нравился, — пробормотал Влад, опуская биту. Синее с красным, и краска облупилась, пошла волдырями. Дерево потрескалось от времени. Старая. Только кровь, оставшаяся на истлевшем дереве, выделялась ярким пятном. — Жива?

Я рассеянно кивнула, не сводя взгляда с биты.

— Ира...

— Иди в дом, быстро! — скомандовал Влад и легонько меня подтолкнул.

В дом, к Эрику. В безопасность. За надежную защиту стен.

Я не сдвинулась с места, смотрела туда, где медленно поднимался на ноги Крег, жрец андвари. Охотник, которому нужна власть. Зачем? Зачем человеку столько влияния? Силы, которые он не в силах контролировать?

— В дом, живо! — почти закричал Влад, вынося на крыльцо Иру — обмякшую, без сознания. Из левого ее виска струилась кровь. Кровь стекала по темным волосам и капала на полированное дерево.

Руки поднялись сами. Ладони плеснули кеном, и Крег, который стоял, пошатываясь, рухнул в пожухлую, примятую утренними морозами траву. Еще удар — и его тело проехало

по этой траве, оставляя после себя жирный, маслянистый след пропитанной дождями земли.

Третий раз ударить не получилось — голову сжало тисками, виски полыхнули болью, а перед глазами поплыли багровые круги. Колени подогнулись, и я упала, больно стукнувшись ими о холодный пол крыльца.

Ослепило. На мгновение, но этого хватило, чтобы страх прошел, и вернулась уверенность. Спину щекотнуло ударной волной, и наваждение схлынуло. Сижу. Упираюсь руками в щербатую древесину пола и стараюсь отдышаться. А там, где только что лежал Крег — воронка. Сам же охотник в воздухе. Висит, будто невидимой паутиной опутанный, кисти нервно дергаются, а лицо запрокинуто к небу, будто он ждет помощи от богов.

Эрик верит в богов. Стоит на верхней ступени, волосы треплет ветер, а лицо... Взгляд, казалось, испепелить готов любого, и мне радостно, что в этот момент он на меня не смотрит.

Боги сегодня на его стороне. То ли безумие, то ли вера, то ли все это вместе взятое помогает. И Крег лишь открывает рот в безмолвном призыве, ждет помощи, которая не придет. Молится? Проклинает?

У меня в голове шумит, и шум усиливается, когда кто-то рывком поднимает меня на ноги. Мелькают огни, тени стервятниками кружат вокруг, во рту пересохло, и ладони горят. Амулет на шее запоздало жжется.

Прохладные ладони касаются щек, и картинка перед глазами собирается из мелких осколков.

— Влад...

— Жива? — повторяет он недавний вопрос. И, не дожидаясь ответа, подхватывает меня на руки.

Вокруг бурлит, клубится, заполняет пространство плотная пелена защиты. Она вьется, захватывает окна первого этажа, затем второго, третьего, проникает в каменную кладку стен, смешиваясь с ними. Наползает на крышу, накрывая дом невидимым куполом. Стелется по ступеням крыльца, превращая его в минное поле для врага.

Мы скользнули мимо Эрика, но он даже не взглянул в нашу сторону. Раскинув руки в стороны, подобно самому Херсиру, бил чистым кеном. Воздух пах карамелью, дрожал и, казалось, боялся приблизиться к Эрику.

У порога нас встретила Даша. Привычный защитный пасс у самой жилы, глаза прикрыты и губы шевелятся. За ней, шагах в трех — Лара. Волосы распустила, карие глаза горят. Бойтся? Наверняка. Не потому ли так крепко сжимает защитный амулет?

Мой взгляд скользит, цепляясь за привычную обстановку. Камин с тлеющими дровами, журнальный столик с расставленными стаканами. Небрежно брошенная на пол салфетка. Диван.

На нем без движения лежит Ира. Широкий свитер задрался, обнажая загорелый живот, глаза закрыты, а волосы спутались и слиплись от крови.

— Пусти!

Я не стала дожидаться, когда Влад поставит меня на пол — вырвалась. Споткнулась, но, удержав равновесие, бросилась к Ире. Дотронулась до безвольно опущенной руки, сжала ладонь.

— Она жива. — Эльвира подошла осторожно, словно боялась напугать. — Дышит, но...

— Никаких «но»! — оборвала я. — Ты ее вылечишь. Вылечишь ведь, Эля?

Покачала головой. И глаза опустила, словно стыдилась, что не может противостоять

магии свихнувшегося жреца.

Она не может, но Эрик-то сильнее!

Из-за плеча Даши виден кусок улицы. Темное небо, гладкие бока колонн, подпирающих спину крыльца. Аккуратно подстриженный кустарник. Эрик, вернее, спина его, и руки, расставленные в сторону. А чуть поодаль, в невидимых путях — Крег.

Казалось, эта игра может продолжаться вечно.

Но Эрик отступает. Руки медленно опускаются, и он шагает за незримую черту защиты. А тело охотника, распятого в воздухе, с глухим звуком приземляется на асфальт.

Ослаб. Русые волосы сбились и торчат клочьями. Только глаза, когда он отводит их от неба, горят фанатичным огнем. И губы кривит едкая усмешка.

А смотрит Крег уже не на Эрика, устало опустившего плечи. На меня. От взгляда этого амулет жжется сильнее, и я невольно поднимаю руку к груди.

— Ты сама придешь, — плюется охотник словами и встает. — Я умею ждать. — Пауза после этих слов звенит неестественной тишиной. — Убивать я умею еще лучше.

Он развернулся и пошел прочь, к распахнутым настежь воротам. Походка его была легка, и, несмотря на изорванную и грязную одежду, выглядел он сильным. В отличие от Эрика, который, прислонившись к мраморной глади колоны, тяжело и часто дышал.

— Эрик...

Я осторожно подняла руку, коснулась его плеча. Обернулся, и меня обдало безумием, остатки которого клочьями кружили в воздухе. Суженные почти в точку зрачки, побелевшие, сжатые в тонкую линию губы. Карамельный ореол вокруг, который надежнее всякой защиты.

— В дом! — почти прорычал он, и в низком, гортанном голосе я уловила угрозу.

Я выдержала взгляд. Расправила спину и выдохнула:

— Ире помощи.

Диван неисправимо испачкался кровью. Кровь засохла на щеке Иры, бледной и впалой. Ира дышала. Грудь вздымалась едва заметно и редко, но, если прислушаться, под ребрами ритмично стучало сердце. Я ловила каждый звук и молила богов, в которых до того дня не верила, чтобы она выжила.

Эрик сидел рядом и держал ее за руку. Хмурился. Молчал. И каждая секунда натягивала струну напряжения в гостиной еще больше. А потом он поднял голову и нашел в собравшейся в гостиной толпе Роберта.

— Нож, — велел коротко и перевел взгляд на Влада: — Если ты не против.

Влад ответил не сразу, и время между вопросом и ответом показалось мне вечностью. Затем он кивнул и отошел в сторону, будто не желал принимать в этом никакого участия. Подошел к Даше, которая все еще стояла у порога и вглядывалась в холодную, опасную темноту улицы.

— Есть шанс, что она не выживет, — сказал мне Эрик. Спокойный, привычный мне Эрик, отличающийся от того, на улице. Предплечье мое сжал, подбадривая. — Фокусы Первозданного я не в силах предугадать.

— Просто... помощи.

Блестящее острие ножа, кровь — теперь уже на ладонях, она смешивается и стекает на пол, но Эрика, кажется, это не волнует. Ему самому интересно, сможет ли он противостоять магии Крега. Кену Первозданного. Азарт на лице, тягостное ожидание, надежда. И облегчение, когда Ира шумно вдыхает и сжимает его руку. Второй судорожно хватается за

спинку дивана.

А мне хочется плакать — то ли от страха, то ли от облегчения, то ли от отчаяния, потому что...

— Он убьет вас всех, — срывается с губ. И вспоминаются последние слова Крега. Убивать я умею еще лучше. — Каждого, кто будет защищать меня тут. Что мы делаем? Я... тут... Нельзя. Я должна уйти, иначе все умрут!

Тишина. Десятки взглядов, как софиты. Лара бледная, и Роб обнимает ее за плечи. В руках у защитницы — злосчастный амулет. Эля, прижавшая руки к груди. Тома — воинственная и покрасневшая, и кудряшки смешно торчат. Она каждое утро укладывает их специальными средствами, но дольше, чем до обеда укладка не держится. Волосы у воительницы такие же непокорные, как и она сама.

Алиса — и та здесь. Я и думать про нее забыла, отвлеклась на Крега и Иру. Ревность, жгучая и горькая, теперь показалась мне глупостью.

Эрик наблюдал за мной, прищурившись, и молчал. Не поверил? Списал на шок? И я сама уже пожалела, что сказала это. Вывалось. Но слово, как говорится, не воробей.

— Куда уйти? Ты же скади! — Роберт отпустил Лару и шагнул ко мне. — Часть семьи. Верно, скади. Но также и сольвейг. Одиночка. Рано я забыла об этом...

Ира застонала, Эля всплеснула руками и убежала на кухню готовить кароэ. Гостиная ожила, словно и не было тех слов, которые всех напугали. Диван обступили. Смотрели все — кто с интересом, кто с сочувствием, шептались, интересовались самочувствием. Ира отвечала вяло, и я слышала нотки вины в ее голосе.

Не рассмотрела. Поверила. И поплатилась. Только вот разве ее это вина? Разве виноват человек в том, что нуждается в понимании? У Иры нет семьи — старую война забрала, а новая ее не приняла. И она бы жила с этим, смирилась бы, если бы он — человек, за которым она в эту семью пришла — был рядом.

Женщина на многое готова ради мужчины. Даже врать, прикрываясь связью с другим. А на слабостях проще всего играть.

Ира не любила казаться слабой. Вечно прямая, как струна, и подбородок задран, в глазах огонь, особенно когда видит несправедливость. И непоколебимые принципы ее меня всегда восхищали. А теперь вот вина в голосе и... За что?

Влад даже не подошел к ней. Так и стоял у двери, отвернувшись, и о чем-то молчал с Дашей. Они всегда понимали друг друга без слов.

Я тряхнула головой и решительно шагнула в толпу.

— Идем, — протянула Ире руку. Кровь запеклась на виске, там, где совсем недавно была рана, остался лишь едва заметный шрам. У Эрика получилось. Она жива, а это главное. — Я тебе комнату покажу. У нас переночуешь.

Это Эрик разрешения у Влада спрашивал, а я не стану. Не унижу подругу.

Она, казалось, была благодарна. В глаза только смотреть боялась, опиралась на руку молча, и мы медленно преодолевали ступени. Под гнетом любопытных взглядов, от которых мне хотелось ее спрятать.

Эрик возмущаться станет — уверена, что станет, Ира ему никогда не нравилась. И он ей. Плевать. Это и мой дом тоже! Семья.

— Прости, — сказала она уже в гостевой спальне, когда я меняла постельное белье. — Прости, что я...

Голос сорвался, а в глазах мелькнули слезы. Держится. Все еще держится, хотя и на

границ истерики. Руку порезанную прижимает к свитеру, пачкая его кровью. Красное на красном.

— За что? — спросила я серьезно и усадила ее на кровать. — Ложись, тебе отдыхать надо.

— Если бы не я, он бы не стал за тобой охотиться.

— Если бы не ты, он бы нашел другой способ, — возразила я. — Такие, как Крег, не отступают.

— Я ошиблась...

— Все ошибаются.

— Он теперь ненавидеть меня будет... — Она всхлипнула совсем по-детски. — Влад.

Я вздохнула и присела рядом. Обняла ее за плечи — иногда нам просто необходимо, чтобы нас обнимали. И жалели, даже самых сильных духом. Так действительно легче.

Я убрала у нее со лба слипшиеся от крови волосы.

— Ну и дурак!

Мы еще некоторое время сидели, обнявшись. Потом Эля принесла кароэ. Ира пила жадно, обеими руками обнимая чашку. Плечи дрожали, и я только теперь заметила, что свитер ее измазался в грязи. Она допила, но еще долго держала чашку, словно боялась выпустить из рук. А когда выпустила, на внешних стенках ее застыла кровавая печать — как память о том, что доверять опасно. Ира молчала, сжимала губы и, как могла, сдерживала рвущиеся на волю слезы. Воительницы не плачут. Разве что в одиночестве.

Она уже почти спала, когда вошел Эрик. Нахмурившись, он присел на край кровати и перевязал ее ладонь. Поздно — кровь уже давно остановилась, но жест этот показался мне невероятно теплым и гостеприимным. Ира наблюдала за ним с опаской и молчала.

Он не злился. Я давно научилась определять, когда Эрик злится, даже если он старается не показывать этого. По сжатым в тонкую линию губам, колючему взгляду, коротким ответам. Сейчас Эрик был теплым. Сочувствующим. И, не отпуская перебинтованную руку Иры, серьезно сказал:

— Ты не виновата.

Она удивленно вскинулась. Всклипнула еще раз и глаза отвела.

— Осуждаешь?

Он покачал головой.

— Я понимаю, зачем ты это сделала. Глупо, конечно, но мы все иногда совершаем глупости.

— Все они считают, что из-за меня...

— Поверь, обо мне думают многое. И не все мысли о том, как я прекрасен. С этим нужно смириться — всем мил не будешь. Ты сильная — переживешь. — Он выпустил ее руку и встал. Отвернулся и шагнул к выходу, словно то, что он хотел сказать, сложно было говорить в глаза. — Приятеля твоего я жалеть не стану. Будет возможность убить — убью. Это так, на всякий случай. Чтоб без обид. — И бросил уже у самой двери: — Поправляйся.

Разговор Иры с Эриком принес облегчение, которое тут же сменилось дикой усталостью. Я слонялась по дому, отрешенная и сонная, изредка отвечая на редкие вопросы. Меня избегали. Сторонились, будто чувствовали: со мной рядом беда.

Беда притаилась. Проникла незримым духом в дом, обойдя сильнейшую защиту скади, и поселилась внутри. Клубилась в углах, пугала тенями, и напряжение, исходящее от тех, кто находился в тот вечер у скади, лишь добавляло ей могущества.

Мирослав прибыл почти сразу. И Филипп. Я удивилась, ведь кто мог позвонить ему? И зачем? Он давно уже не друг. Впрочем, не враг тоже, но звать его сейчас, когда склади угрожает опасность — глупость. Филипп Макаров труслив и наверняка предпочел бы отсидеться в сторонке, пока все не закончится.

Но он приехал. Улыбался ободряюще, будто мы близки, а я от растерянности и слова в ответ не сказала. Глупо кивала и мечтала спрятаться подальше, чтобы никто не нашел. Там, где Крег никогда не сможет достать.

Спрятаться было негде. Дом наводнился людьми, они выливались из комнат, топтали ковры, шумели и мешали сосредоточиться. Люди множились каждый раз, когда открывалась входная дверь. Атли. Альва. Хегни. Я и подумать не могла, что в Липецке столько хищных!

— Зачем они здесь? — рассеянно спросила я Эрика.

Он посмотрел серьезно и ответил:

— Из-за тебя.

Из-за меня. Шутка ли — такая ответственность? И зачем? Ладно, склади — они семья. Влад еще... Глеб. Но остальные?

Глеб был в пути — Влад позвонил, и он сразу выехал, а я отчего-то почувствовала вину перед ним. Глеб терпеть не может сборища. А еще Ника... Только они нашли общий язык, а тут я со своим Крегом!

Охотник, напомнила я себе. Всего лишь...

Щуплый. Жилистый. Взгляд внимательный и теплый. Он всегда интересовался здоровьем Алана, рассказывал забавные истории, делился опытом.

Иллюзия. Маска, которую он носил. Даже Ира — и та была всего лишь маской. Пока нужна была, лелеял, а потом чуть не убил. И убьет, если не найдем способ его остановить. Предупреждение было весьма четким. Не стоит его недооценивать, за это время Крег прекрасно меня изучил. Наблюдал. Слушал. Расспрашивал Иру — ненавязчиво и скорее всего так, что она сама хотела рассказать. Поделиться, ведь с кем ей еще было делиться? Меня рядом не было. Если бы была... Впрочем, прошлого не вернешь.

На чердаке царил полумрак. Влажность и затхлость, а вокруг лампочки, покачивающейся под потолком на толстом, крученном проводе, танцевали пылинки.

Картины укрылись небрежно наброшенной на них простыней и, казалось, спали. Охраняя их сон, старая тумбочка скалилась открытым ящиком, набитым всякой всячиной: палитра с засохшими красками, рваное тряпье, кисти. Они торчали из тумбочной пасти, словно острые клыки.

Стул без одной ножки одиноко притаился в углу. Рядом — коробки со старым хламом и сундук.

Я присела на него на минуточку, отдохнуть. Тут же испачкалась и задела плечом паутину. Пыльно и тихо. Интересно, если я спрячусь в этот сундук, Крег меня найдет?

Жаль, от собственного дара не спрячешься...

Темно. Только свечи мажут тенями по стенам, и огни колышутся от сквозняка. Я не узнаю места, оно представляется смутно, размыто, темнота вползает в голову ядом.

Пахнет кровью. Muskом и медом, и от сладких запахов сводит желудок.

И я стою, не в силах пошевелиться, потому что...

Барт здесь. Лежит, раскинув руки, и я впервые вижу его таким беззащитным. И кровь — она везде, пропитала его просторную рубашку, скопилась лужицей на полу, вычертила брызгами аляповатые рисунки.

Нож с красивой ручкой — черной, резной — торчит у Барта из живота.

Ритуал выкачки жилы очень прост. Несколько секунд — и человек мертв, а его кен достанется тому, кто воткнул ритуальный клинок в его тело.

После этого помочь уже нельзя. Ритуал выкачки жилы необратим.

А я только и могу смотреть, как умирает Барт...

Видение было болезненным, даже слишком. И голова заболела так, что глаза трудно открыть, хорошо, что на чердаке свет неяркий и тихо. Я не сдержалась, и захныкала, пальцы потянулись к вискам. Минут пять понадобилось, чтобы я смогла разлепить веки. В последний раз так больно было, когда я пророчила Эрику.

А когда боль слегка утихла, пришло осознание.

Барт!

Я не единственный сольвейг в мире, а Барт часто появляется у андвари, и если Рик или Лили не знают о Крее — а скорее всего, так и есть — то кто предупредит Барта?

Сила и мудрость — еще не все. Крег хитер, легко втирается в доверие, и может легко переключиться с меня на Барта, ведь зачем тратить много сил и рисковать собой, когда есть гораздо более легкая добыча?

Я понимала одно: если Барт погибнет, я себе никогда не прощу. Нужно предупредить, рассказать о Крее, предотвратить неизбежное.

Мои видения всегда сбываются.

Телефон я нашла в комнате. На тот момент общий ажиотаж поутих, и коридоры пустовали. Я не знала, куда делись гости, меня это мало волновало, впрочем, как и головная боль. Пройдет. Эрик и так слишком выложился сегодня, а голова... В крайнем случае, у меня в заглазнике всегда есть таблетки.

Номер Лили я записала еще в свой первый к ним визит. На всякий случай или же из вежливости, припомнить было сложно — дело давнее — но я порадовалась, что не придется будить Иру. Она и так настрадалась, пусть отдохнет.

Длинные гудки, шумный вздох и лаконичное:

— Слушаю.

В голосе целительницы андвари чувствовался холод. Нежелание разговаривать. Будто трубку она взяла из принуждения, а не по собственному желанию. Тревожный звончок, но я решила идти до конца. Сорвать маски, ведь теперь они точно не нужны.

— Это Полина. Звоню предупредить, что Крег... Крег изменился. Думаю, вам стоит знать.

Молчание и снова дыхание в трубку — громкое, нерешительное. Вроде она хотела что-то сказать, но боялась или оценивала перспективы.

И лишь выдержав паузу, Лили ответила:

— Я знаю, Полина.

— К...как знаешь? — опешила я.

— О Крее мы с Риком в курсе с самого начала.

И что теперь говорить?

Пульс болезненно отдавался в висках, заставляя морщиться. Конечности озябли — от страха, не иначе. От страха и безысходности.

— Послушай, Полина... — Голос Лили звучал мягко, убаюкивающее. — Ты жива, и должна радоваться. Остальное оставь на суд богам.

В голове шумело, и это заглушало ее голос — приторно сладкий, как патока.

— Ты хорошая девочка, и должна понять. У Рика племя. Саймон. Ты тоже мать, и знаешь, на что могут пойти родители, чтобы защитить ребенка...

— Своя рубашка ближе к телу.

Вывалось. И зубы сжались от злости. Она густой, смолянистой жижей заполняла сознание.

— Ближе, — не стала отпираться Лили. Тон ее резко поменялся, слова оцетинились и кололись. — Не тебе меня судить! Война и так слишком много забрала у андвари, и я не могу позволить... мы с Риком не позволим отобрать остальное.

— А пророчица? Как ее звали, кстати? Ту, которую убил Крег? Тогда вы тоже знали? Поощряли? Или же явление охотника для вас было сюрпризом?

— Вынужденная жертва, — резко ответила Лили. — Великие цели всегда требуют жертв.

— Барт знает?

Я не ждала от нее правды. Не ждала ответа, в принципе, да и что мне он — единожды солгавши, как говорится. Верить нельзя.

Верить хотелось. Хотелось думать, что у Лили осталось еще немного совести — совсем капля — и она предупредит Барта.

Не осталось. И голос пропитался безразличием.

— Тебе же лучше, чтобы не знал. И когда Барт придет к нам снова...

— Довольно! — почти выкрикнула я и нажала отбой. Еле удержала себя от того, чтобы запустить телефоном в стену. От бессильной злости дрожали колени, а еще отчего-то захотелось царапать полированную крышку старинного сундука. Я взяла себя в руки. Дыхание даже восстановила, хотя это было непросто. Вдох-выдох, и постепенно затылок перестают давить невидимые тиски. Вдох-выдох, и бордовые круги перед глазами рассеиваются, а боль становится не такой острой, фоновой.

Барт сильнее. Он много лет приходит к андвари, и Крег ни разу его не тронул. Боится. А может, уверен, что не справится.

Был уверен. После убийства Альрика даже Эрик не смог справиться с Крегом. А это значит, Барт в опасности.

Дэн, как обычно, был не в зоне действия сети. Ожидаемо, но как нельзя некстати. Паника мешала соображать, мысли никак не желали строиться в логические цепочки.

Единственно верная мысль пришла внезапно, когда я уже почти отчаялась.

Я — сольвейг, и помимо особенного кена, у меня есть способность чувствовать своих мысленно.

Чувствовать не получалось. Никак. Посылы — направленные, с заданным вектором, разбивались о защиту Эрика и рассеивались под крышей, словно вода, брызгами. И сколько бы я не пыталась, ощутить хоть что-то за пределами дома не выходило.

Эрик постарался с защитой, а значит, передать послание придется вне ее барьера.

Мне только выйти, два шага от крыльца, и я смогу связаться с Бартом, предупредить. Тогда он спрячется, укроет свое племя как можно лучше, и пока мы не решим проблему Кrega, будет в безопасности.

Путь до крыльца показался марафонской дистанцией. Колени подгибались, от видения штормило, безбожно ныли виски. К счастью, в гостиной было пусто. Потрескивали поленья в камине, горели ночные бра, и тени поселились в углах. Со стороны коридора, ведущего в кабинет, слышался гул голосов, звон посуды и редкие смешки.

Прежде, чем выйти, я выглянула в окно.

Темно. Ночь обступила подъездной путь, нависла над фонарями мохнатой паутиной тьмы и пугала. Она свистела ветром, и ветви старого клена царапали крышу крыльца. Ночь засылала тени на разведку, и те, волшебным образом преодолевая защиту Эрика, стелились по дощатому полу.

Внутренний страх рвался на свободу, рождал в голове жуткие образы поджидающего за углом Крега, ритуального камня у очага атли, кинжала.

Страх велел оставаться внутри.

Но другое чувство — глубокое, теплое — неугомонно тянуло наружу.

От окна до двери пять моих шагов. Пять вдохов и четыре выдоха — я старалась дышать глубоко и медленно, будто это поможет мне успокоиться. Пять шансов передумать.

Ручка у двери массивная, резная. Прохладная. Пальцы немеют, сжимая ее, но я все равно тяну дверь на себя, и ветер тут же врывается в дом непрошенным гостем. Вместе с ним врывается октябрьский холод, запах прелых листьев и дождя. Он идет с запада, туч еще не видно, но я чувствую. Странно, что я все еще чувствую защитника, ведь я давно не атли...

На улице зябко. Осень проникает за шиворот, лезет в рукава, кусает лодыжки. Останавливает?

Ступени внезапно кажутся крутыми, скользкими, и я ставлю ногу осторожно, будто прощупывая дорогу. Фонари стелют мне под ноги рассеянный свет. На последней ступеньке, у границы, я замираю. Осматриваюсь тщательно, выискиваю следы чужого присутствия. И, когда не нахожу, наконец, решаюсь на опасный шаг за полог защиты Эрика...

Я не сразу поняла, что произошло. Пальцы ноги обожгло, тело дернулось, как от электрического разряда, непонятная сила толкнула в грудь. Я пошатнулась, зацепилась пяткой за ступеньку и рухнула пятой точкой на отполированные доски крыльца.

Ударилась несильно, больше растерялась и испугалась немного. Вскочила, автоматически оттирая джинсы от несуществующей грязи.

Впереди — все тот же подъездной путь. Машины, аккуратно припаркованные у входа. Фонари с нависшим над ними темным небом. Над головой — безопасный козырек крыльца. Каменные колонны по бокам и ступени, не позволившие мне спуститься.

Я сделала вдох и шагнула еще раз. Осторожно протянула руку и коснулась воздуха в том месте, на которое так странно среагировала. Аккуратно, кончиками пальцев.

И снова электрический разряд, в этот раз не такой сильный, но ощутимый. Воздух на границе крыльца, казалось, прогрелся и плевался невидимыми искрами. Искры падали на кожу, кусались и дальше не пускали.

Что за чертовщина?! Это сделал Крег? Но зачем? Какой прок ему с того, что я не могу выйти? Если только... Вдруг он запер меня именно для того, чтобы я не предупредила Барта?

Дикий страх вернулся дрожью в коленях. И головная боль усилилась настолько, что пришлось жмуриться.

Не буду больше самовольничать. Эрик знает, что делать, и сейчас мне не стоит отделяться от коллектива. Вместе у нас есть шанс. Если бы не было, Крег напал бы сразу, не стал бы выжидать.

В дом я вернулась быстро. Почти бегом преодолела гостиную, метнулась в обжитый тенями коридор и на полном ходу впечаталась в Тамару.

— Поосторожнее будь, — ворчливо отреагировала воительница.

— Где Эрик?

— Ясно где! В кабинете. Собрал там избранных, а некоторых переквалифицировал в няньки.

Тому не взяли на стратегическое заседание, и она злилась. Хмурилась. Смешно сжимала кулаки. Она хотела быть там, где планируется убийство главгада, а приходится идти наверх и охранять Алана.

— Я сменю тебя, — пообещала я. — Дай полчаса.

Тома сразу воспрянула духом, премило улыбнулась и вынырнула в гостиную.

В кабинете было душно, несмотря на распахнутое настежь окно. Люди толпились вокруг письменного стола, облепили диван и расселись на подоконнике. Роб, Лара, Даша, Филипп, Игорь, воины атли и скади, из альва — Мирослав и Алексей. А еще Алиса — независимая и раздражающая.

Влад пристроился на краешке стола и рассеянно болтал ногой.

Говорил Эрик, а остальные, соответственно, молчали. Внимали.

А когда я вошла, замолчал и Эрик. И, как по мановению волшебной палочки, за его взглядом потянулись другие. Прилипли к коже тягучей субстанцией, и я отчего-то вздрогнула.

— Я из дома не могу выйти, — сказала едва слышно, но в образовавшейся тишине, голос прозвучал звонко и отчетливо.

Они должны испугаться. Насторожиться. Сделать что-нибудь! Крег сильнее, чем мы думаем, и это стоит учитывать.

Но никто, похоже, не удивился...

Влад едко усмехнулся. Эрик опустил глаза, глубоко вздохнул и тихо ответил:

— Знаю.

— В смысле? — Я отступила на шаг и уперлась спиной в дверной косяк.

— Это было мое решение.

— Как это? — Красноречивость явно мне отказала. И мозг не выдавал ничего вразумительного, кроме глупых вопросов, ответы на которые очевидны.

Предательство. Обидное, и еще обиднее оно казалось оттого, что задница саднила, и волоски на руках все еще стояли дыбом от взбунтовавшейся против меня защиты.

— Чтобы ты не наделала глупостей, — уточнил Эрик спокойно и снова на меня посмотрел. Без капли раскаяния. Твердо. И его бескомпромиссный взгляд буквально сносил крышу от злости.

— То есть советоваться со мной уже не надо, да? — выплюнула я резко, но тон отчего-то получился писклявым и жалким.

Сегодня было достаточно всего. Иру чуть не убил ее внезапно оказавшийся гадом любовник, Рик и Лили все это время ввали нам, Барт в опасности, а теперь еще и Эрик. Мой Эрик у меня за спиной...

— Давай потом поговорим, — сухо отрезал он.

Я честно старалась успокоиться. Дышать. Несмотря на сжатые в бессильной злобе кулаки, пульсирующую головную боль, обиду и саднящую задницу. Эрик — мой вождь, и существуют правила. Он тут сильнейший, и его авторитет важен.

Но, черт, слова так и рвались с языка. Острые. Злые. Царапались в горле разъяренными кошками.

Алиса улыбнулась как-то торжествующе, и я почти открыла рот, но не успела ничего

сказать.

— Драма-драма, — вклинился Влад, лениво осматривая ногти на левой руке. — Остынь, пророчица. Должна же ты когда-то повзрослеть.

И сместил вектор моей злости.

— Хватит уже лезть! — прошипела я. — Как же ты достал, а. Не надоело?

Чтобы окончательно не выглядеть истеричкой, я вышла. Дверью, правда, хлопнула знатно — не удержалась. Злость нужно вымещать, так пусть это лучше будет дверь, чем один из тех, кто за ней. Даже если этому одному и хотелось двинуть.

Кен буквально вскипал на ладонях, и я спрятала их в задних карманах брюк.

Черт, и что теперь делать-то?

Когда я злюсь или волнуюсь, мне помогает одно волшебное средство. Вернее, много разных средств. Их обычно хранят на кухне в холодильнике. В общем, я решила, что поесть мне сейчас не помешает. Хорошо бы торт или пироженку, но и колбаса сойдет.

Колбаса нашлась. Вернее, ветчина. А еще сыр, свежие булочки с кунжутом, приготовленный по тайному рецепту Эли томатный соус и листья салата.

— Точишь? — Глеб появился из ниоткуда, приобнял за плечи и, пока я отвлеклась, цапнул зубами добрую четверть старательно приготовленного мной бутерброда. — Ммм, вкусно! Сделай еще, а?

Я вздохнула и встала из-за стола, оставляя остатки бутерброда на растерзание этому троглодиту. Благо, булочек еще много осталось и ветчины.

— Ты когда приехал? Я не видела твоего байка у порога.

— Да там стать негде, поцарапают еще, — поморщился Глеб и запихнул остатки бутерброда в рот. — Припарковался у черного хода. У вас тут жарко.

— Жарко, — кивнула я и поставила на стол тарелку. — А еще остыть не дают. Ты в курсе, что я не могу выйти из дома? Совсем!

— Ну ты это... не буянь сильно. Так надо.

Глеб потупился и тарелку отодвинул.

— То есть ты знаешь?!

— Знаю. Вообще-то это была идея Влада...

— Так и думала! Вечно он лезет, куда не просят. Я уже не атли, но он до сих пор думает, что имеет право меня контролировать.

— Он просто изучил тебя лучше, чем Эрик, и сразу предположил, что ты помчишься спасать Барта. Крег не идиот, и этот вариант тоже вполне мог продумать. И ждать тебя где-нибудь в кустах.

— Мой долг, как сольвейга, предупредить Барта! — с чувством сказала я. — Ты на моем месте поступил бы так же.

— Я на твоём месте пошел бы к Эрику. Сразу. А ты наверняка побежала на улицу ловить волны сольвейгов. — Глеб покачал головой. — А ведь Эрик не верил, что ты так поступишь. До конца говорил, что в первую очередь придешь к нему советоваться.

— Но Влад его убедил... — выдохнула я и присела. Есть больше не хотелось, в груди скреблось неприятное, назойливое чувство, от которого хотелось откреститься. Вина. А ведь Глеб прав, я привыкла самовольничать.

— В общем-то, Владу Эрик не особо поверил, — замаялся он.

— А кому поверил?

— Мне.

— Тебе? — удивилась я. — Но, Глеб, зачем?

Он пожал плечами.

— Наверное, я вырос из детских штанишек, и понял, что иногда не стоит бросаться грудью на амбразуру. А может, просто эгоистично не хочу терять свое. Сольвейги умеют защищаться, а Барт, если верить твоим рассказам, гораздо сильнее тебя. Сумеет отбиться. А не сумеет, я переживу. А вот если ты не сумеешь, дурында, тут много кто будет плакать. Поняла?

Поняла. Только от этого не легче. Ведь если Барт не сумеет, плакать буду я. Ведь тогда уже ничего нельзя будет исправить.

Глава 22. Всадник без головы

Алан уснул на удивление рано. То ли его утомило всеобщее напряжение в доме, то ли осень, которая все больше уступала свои владения надвигающейся зиме. Зима приходила ночами, оставляя на еще зеленых газонах белые следы своего дыхания.

Я отправила Тамару вниз, все же там ее место, а не в детской среди подгузников. Сама я там находиться не хотела. Несмотря на то, что сказал Глеб, несмотря на опасность и риск. Эрик должен был спросить, посоветоваться, иначе зачем все это было — разговоры, доверие — если в итоге он поступает так же, как и остальные вожди?

— Все еще злишься?

Он вошел, как всегда, бесшумно. Положил руки мне на плечи, а подбородок — на затылок.

За окном плескалась темнота. Полумрак комнаты, огонь в камине, Эрик рядом — можно было сделать вид, что ничего не произошло. Ненадолго. На пять минут.

Можно было бы, но...

— Злюсь, — кивнула я. Впрочем, злость остыла и перегорела, головная боль утихла, и тело залила усталость. Апатия от безысходности приходит быстро.

— Будь ты на моем месте, как бы поступила?

— Сказала бы тебе. Но даже если бы не сказала, была бы готова к обидам.

— Я готов. — Он развернул меня к себе, приподнял подбородок. — Ты вышла бы за границу защиты? Вышла бы, не сказав мне?

Я вздохнула. Тяжело с ним. Эрик слишком любит все контролировать: племя, ситуацию. Себя. Себя — больше всего, прошлое совсем рядом, дышит в затылок, побуждает измениться. Перемены видны, когда он дерется. И чем важнее для него победа, тем сильнее тот, прошлый Эрик.

Прошлая «я» тоже была здесь. Сильнее, увереннее, напористей.

— Знаешь, почему все эти люди здесь? — Он смотрел пытливо и слушал внимательно, на этот раз мой Эрик, без примесей. — Они здесь потому, что в прошлом я часто делала что-то вопреки вождю. Его это бесило — гордость там, авторитет, все дела. Но если бы я каждый раз послушно исполняла приказы, те, кто мне дорог, были бы давно мертвы. И сегодня никто не пришел бы охранять меня.

— Ты права, — кивнул Эрик. — Но сегодня они здесь. Защищай их здесь.

— Не все! Барт...

— Знает все прекрасно. Влад ему сказал.

— Влад? Когда?

— Полина... — Его рука — теплая и мягкая — накрывает мою. — Все будет хорошо. Веришь?

Верю. Что еще остается делать? Только чувствую себя почему-то маленькой и беззащитной, а ведь должна быть сильной. За все эти годы столько событий произошло, и вот пришел Крег, и я снова прежняя. Иллюзия? Страхи? Комплексы?

Или все из-за того, что меня такой видит Эрик? Недоверие обижает.

— А ты веришь мне? Разве венчание для тебя — не союз двух равных? Сейчас, когда я не могу выйти, чувствую себя здесь рабыней.

— Ты — скади, — спокойно ответил Эрик. — Моя жена. Мать моего сына. И никак не рабыня.

— Тогда открой защиту!

— Ну хватит, — прервал он меня и отстранился. В тоне голоса — тот же холод, что и накануне в кабинете. — Я сказал, ты — услышала. Защита останется. Это я говорю как вождь.

Эрик достаточно упрям, чтобы не поддаться на уговоры. И достаточно тверд, чтобы остаться при своем мнении. Я не стала спорить.

Ночь прошла беспокойно. Нормально уснуть так и не удалось. Мне снился камень. Блестящее лезвие ножа. Кровь. И кен сольвейга цветочным шейфом струился в воздухе. Я вздрагивала, просыпалась, шарилась по кровати в поисках Эрика, но Эрика не было. И сон затягивал меня снова — вязкий, путанный. Мне снилась гора, на которой Херсир принес жертву богам. Лив в белом платье, и платье это забрызгано было кровью. Небо в трещинах молний, и из трещин сочился кен — хищных, ясновидцев, охотников. Он клубился сизым смерчем прямо перед лицом Лив, но она, казалось, не замечала. Глаза ее были закрыты, а губы шевелились в неслышных молитвах. Глупая, глупая Лив! Если бы ты только знала, кого призываешь.

И словно подтверждение моих мыслей — из дыма навстречу Лив шагнула грузная мужская фигура...

Я проснулась в десять. Смыла остатки путанного сна под прохладным душем, поиграла с Аланом в детской, выпила кофе с булочками, заботливо принесенный Элей, и спустилась вниз.

Мое вчерашнее поведение наверняка обсудить уже успели, поэтому я старалась не обращать внимания на любопытные взгляды. Привыкла к такому еще у атли и воспринимала, как должное.

Эрик нашелся в гостиной. В окружении защитниц показывал какие-то пассы и объяснял, как лучше ставить блоки. Алиса была в первых рядах, фонтанировала собственными знаниями и задавала вопросы. Чего и следовало ожидать. Впрочем, меня сегодня это почти не волновало. Пусть пытается, Эрик все равно мой, и я в нем уверена.

Иру я нашла на кухне. Она только позавтракала и допивала чай. Глеб сидел рядом, на высоком барном стуле и болтал ногой.

— Как ты? — спросил он меня. — Попустило?

— Немного, — поморщилась я. — Надеюсь, Влад не соврал, и Барт действительно на курсе насчет Крега.

— Думаю, мы бы уже знали, будь это не так. И в суперзащите не было бы смысла. Сегодня прям мастер-класс от Эрика.

— Да, я видела. — Я повернулась к Ире. — Тебе лучше?

— Жить буду, — вяло улыбнулась она. — К тому же, сегодня планируется вылазка. Если они найдут Крега, возможно, все закончится быстро...

— Вылазка? Какая вылазка?

— Ищейки Эрика выследили Крега. Вызвались добровольцы, чтобы его навестить.

— Здесь? В Липецке?

Ира кивнула.

— Но он ведь сильный! Сильнее Эрика. Ты не видела, там, на крыльце...

— Сильнее Эрика, возможно, — перебил меня Глеб. — Но не сильнее нас всех. Да и

лучше с ним покончить сейчас, пока все спокойно.

— В городе волнения, Полина, — пояснила Ира. — Охотники. Похоже, зреет новая война.

Война. Забытое слово, рождающее новые цепочки других слов. Страх. Смерти. Закрытые двери, за которые выйти нельзя. А если выйдешь — будь готов сражаться. Бледные лица защитниц, напряжение в каждом взгляде, затянувшее в ожидании молчание. Ссылка.

Давно забытые, припорошенные пеплом фразы. Обрывки воспоминаний.

В новую войну не верилось. Она казалась чем-то далеким и, по сравнению с Крегом, нереальным. Пророчеством, что живет уже долгие годы, но все никак не сбудется. О нем говорят, но никто не воспринимает всерьез. А ведь Тан предупреждал о том, что власть охотников не продержится долго, и был прав: Альрик погиб, и власть пала. Пусть охотники еще не понимают этого, но запрещенные по закону альянсы негласно существовали. Хищные собирались неофициально, тайно обсуждали недостатки власти, в шутку говорили о свержении. Хищные поняли свою ошибку и больше ее не совершат. А такие, как Ира и Эрик, первыми рванут в бой, чтобы отбить себе право что-то решать. Отомстить, наказать тех, кто обидел, пусть их уже и нет в живых. Плевать. Есть последователи, их много, и они первыми погибнут за то, что на них снизошла благодать.

— Но зачем идти? — спросила я у Глеба уже в гостиной. Даша обнимала Влада и чуть не плакала, а он гладил ее по волосам и успокаивал привычными словами. Тома о чем-то яростно говорила с Робом. Суэта невыносимо раздражала и рождала желание снова спрятаться на чердаке. — Не умнее ли переждать? Подставляться-то зачем?

— Авторитет нужно уметь поддерживать, — шепнул Глеб мне на ухо уже в гостиной. — Здесь слишком много сомневающихся, некоторые думают, Эрик не справится с Крегом, а значит, не может нас вести. Ты вон даже не веришь. Мы просто обязаны попробовать, Полевая.

Делегация собралась быстро. Воины — самые сильные из нас, кто не побоялся выйти из дома и даже сам согласился выследить Крега. Добровольцы. Влад, Глеб, Игорь, Алекс. Тамара, Роб, Маршал. Несколько воинов Мирослава. И Эрик.

Мой Эрик.

Вчерашняя обида сменилась тревогой, и, когда он обнял меня на прощанье, я уткнулась носом ему в грудь и всхлипнула.

— Не ходи.

— Все будет хорошо, малыш, — ответил он ласково и поцеловал меня в макушку. — У меня есть план.

Его планы всегда также безрассудны, как и мои. Да и кто там будет страховать его? Кто сможет и, главное, захочет? Глеб? Глеб не справится, Мирослав остается в доме, а Владу плевать на Эрика.

— Я сильнее, чем кажется, Полина. А вас будет охранять Мирослав и много сильных защитниц. Ничего плохого не случится.

— И с тобой?

— И со мной.

— Насколько он силен, этот Крег? — Вопрос Алисы застиг врасплох, как и она сама — самоуверенная, настойчивая, упорная. Минуты прощания с Эриком с Алисой делить не хотелось. Но вместе с ней подошел Мирослав, и грубить было невежливо.

— Достаточно, чтобы его остерегаться, — уклончиво ответил Эрик. — Но не настолько,

чтобы бояться. Мы справимся.

— Ты та, кого он хочет?

Она смотрела на меня прямо и пытливо, а в серых глазах мне виделась неприязнь

— Не я. Мой кен.

— Неважно. Почему?

Я посмотрела на Эрика.

— Полина — сольвейг, — ответил он тихо, — и ее кен завершает ритуал.

— А что, если он найдет другого сольвейга?

Острые фразы, такие опасные, потому что память о вчерашнем еще свежа. Скребется сомнениями, развеять который может только Влад. С Владом говорить не хотелось. Не только из-за обиды и гордости — это мелочи. Но он соврет, даже если не связывался с Бартом. Ему важнее моя жизнь, чем правда. Иногда казалось, что жизнь — кровь по венам, биение сердца, тепло дыхания — для него значит больше, чем мысли.

Влад не поймет меня никогда. Никогда не прочувствует близость сольвейгов. Потому что, когда умирает один сольвейг, умирает частица каждого члена племени. Для Влада же жизнь — разменная монета. Особенно жизнь того, кто ему безразличен.

Они ушли, и в гостиной поселилась тишина. Даже дети все спрятались наверху, и радостные визги и крики не нарушали гробового молчания дома.

Защитницы рассредоточились по территории, у каждой был свой сектор, который нужно охранять. Даша сидела на диване, сложив руки на коленях, и смотрела на входную дверь. Мирослав говорил по телефону, поставив ногу на ступеньку лестницы. Ира спряталась за шторой и молча подпирала плечом откос окна.

Улицу постепенно заливали сумерки. Свет фонарей отражали гладкие спины машин. Мощенные дорожки усыпало мертвой листвой.

— Давно вы женаты?

Алиса, похоже, отставать не собиралась. Смотрела все так же прямо и руки на груди сложила. Защищается... от меня?

— Нет, совсем недолго, — ответила я спокойно. Страх за тех, кто ушел свел на нет неприязнь к ней.

— Мне говорили, у Эрика до тебя не было постоянных женщин.

Серьезно? Наши воины сейчас рискуют жизнью, а все, что ее интересует — прошлое Эрика? На лице — ни капли тревоги. Она не боится за него, подумала я. И видит в нем лишь сильную единицу, не личность, а просто альфу. Наверняка Алиса привыкла получать лучшее, именно поэтому хочет Эрика. И глубоко ей плевать на то, какой он — как живет, чем дышит, кого любит.

Меня отпустило, и я улыбнулась.

— Главное, что сейчас она есть.

Общаться с ней хотелось меньше всего. Ира всем видом давала понять, что сейчас ей лучше побыть одной. Подумать, осмыслить, поверить. Крег был добр и понимал ее. А потом предал. Ира не прощает предательств.

Я отошла от Алисы и присела рядом с Дашей на диван.

Даша боялась. На бледном лице четко выделялись скулы, а льдистые глаза блестели выступившими слезами. Она имела привычку паниковать и заражать своей паникой остальных.

— Думаешь, все будет хорошо? — спросила она.

— Я верю, что они вернутся.

Она взяла меня за руку и крепко сжала, а потом зачем-то обняла.

Мы с Дашей никогда не дружили. Она была против нас с Эриком с самого начала, а я не люблю, когда мне указывают, что делать... Но сегодня мне захотелось обнять ее в ответ. От Даши пахло малиновым джемом, а еще духами — тонкими, цветочными и очень приятными. Я погладила ее по плечу и попыталась ободрить:

— Они вернутся, вот увидишь!

— Ты правда любишь Эрика? — шепотом спросила она и покосилась на Алису, которая делала вид, что нас не замечает.

— Конечно, люблю. Я же замуж за него вышла.

— Хорошо, — кивнула она и прижалась ко мне теснее.

Мы ждали до глубокой ночи. Ужинать не стали — аппетита ни у кого не было — лишь детей покормили и уложили спать. Все собрались в гостиной, за исключением тех защитниц, которые охраняли дом наверху. Молчали. Сдирали заусенцы с пальцев. Кусали губы до крови. Ждали.

Ближе к полуночи позвонил Андрей.

— Не выходите из дому, — бросил кратко. — На улицах опасно. — И добавил, спустя несколько секунд: — Альрик мертв.

Началось. Война, которую предсказывал Тан много месяцев назад, грозила постучать в наши двери сегодня же. Не вовремя, если учесть, что Крег в городе, и неизвестно, чем это закончится для нас. Для меня.

Плохо, когда несколько врагов сразу. Защиты может не хватить, а питаться нельзя... Не все знают ход на нижние слои.

Эрик и компания вернулись около трех ночи, когда гнетущая тишина казалась уже пыткой, тревога почти превратилась в отчаяние, а пальцы скользили по экранам смартфонов.

Дверь отворилась почти бесшумно, но в давящей, звенящей тишине этот звук вызвал чувство сродни блаженству. И задорный смех Глеба, и гулкие голоса, и шутливый тон. Облегчение нахлынуло волной, когда среди вернувшихся из опасного похода я нашла Эрика.

В отличие от остальных, Эрик молчал. Хмурился. Волосы растрепались, и светлая прядь знакомо обрамляла щеку. Только вот глаза... Где-то на дне ясно-голубых глаз отсвечивал зверь. Скалился, едва сдерживаемый усилием воли. Дикий. Непокорный. Вынужденный сидеть в клетке. Эрик скользнул по мне взглядом, моргнул, и зверь исчез. И только тогда я заметила, что светло-серый свитер испачкан в крови — брызги рисовали на мягкой шерсти замысловатые узоры. Неизвестному художнику будто мало было холста — капли выбрались за его пределы и отпечатались на шее и кончиках волос. В руках Эрик держал пропитанный кровью холщовый мешок...

Когда Эрик вышел в центр гостиной, облегченные вздохи, перешептывания, разговор самих вернувшихся — все стихло. Лара сложила руки на груди, Даша, до этого рассекавшая огромное пространство комнаты, присела на подлокотник дивана. Алиса шагнула к вернувшимся, ведомая то ли любопытством, то ли желанием засветиться. Все столпились вокруг, и, подгоняемая толпой, я тоже вынуждена была подойти ближе.

Губы Эрик сжал в тонкую линию. Сунул руку в мешок, а когда вытащил ее содержимое, все ахнули.

Я много чего видела в жизни, и крови не пугалась, но это зрелище заставило сглотнуть,

подавляя тошноту, и отвернуться. Хотя жуткая картина привлекала внимание.

Из-под спутавшихся от крови волос, спадающих на лоб, стеклянными глазами на меня смотрел Крег. Вернее, то, что от него осталось...

Пальцы Эрика запутались в шевелюре, вытянутая рука крепко держала... голову. Рваная плоть на шее висела ошметками, снизу полый трубкой трепыхалась гортань. Рот приоткрылся, словно в предсмертном крике. Кожа отливала серым, под глазами пролегли черные круги.

Ира побледнела, громко всхлипнула и присела на подоконник. Даша охнула, Алиса вздохнула, показалось, восхищенно.

— Великий и ужасный Эрик, — тихо и серьезно сказал Влад.

Я перевела взгляд на мужа. Ни единый мускул на его лице не дрогнул, Эрик держался спокойно и уверенно.

— Он... мертв? — зачем-то спросила я и почувствовала, как рот наполняется кислой слюной.

— Ушел, — расстроено ответил Влад. — В последнюю секунду ушел, чертов охотник!

— Он умрет, — без тени сомнения глухо сказал Эрик.

Умрет, в этом не было сомнений. И оторванная голова того, кто недавно был Крегом, показалось, кивнула утвердительно. Или просто дрогнула рука Эрика?

Впрочем, какая разница? Голова снова отправилась в мешок, а мешок вручили Тамаре.

— Убери это, — коротко велел Эрик, и Тома, кивнув, удалилась.

Меня крепко обняли за плечи. Обернулась — Глеб. Улыбается.

— Дрейфила?

Я рассеянно кивнула и обняла его в ответ.

— Очень.

Зажмурилась, пытаюсь отогнать безумное видение оживающей головы. В моем воображении она смеялась, и смех этот был жутким.

— Эрик был очень убедителен. Не думаю, что Крег сунется сюда в ближайшее время.

В ответ на эту фразу Эрик поморщился, словно ему было неприятно слушать о своей победе.

— Приму душ, — буркнул он через плечо, резко срываясь и направляясь к лестнице. — Не ослабляйте защиту.

Ко мне даже не подошел. Наоборот, показалось, сторонился и старался в глаза не смотреть. И спина его — напряженная и прямая — скрылась за поворотом лестницы.

Когда он ушел, гомон возобновился с новой силой. Все с азартом и воодушевлением принялись обсуждать увиденное, лишь Ира метнулась к выходу и скрылась за дверью. Надо бы пойти к ней, утешить, но ноги словно приросли к полу, и сама я будто заледенела.

— Сумасшедшая ночка, — не обращая внимания на уход жены, устало сказал Влад. — И Эрик твой сумасшедший тоже.

— Есть немного, — подтвердил Глеб. — Но ему есть, что защищать...

— У всех у нас свой резон здесь находиться, — возразил Влад. — Был способ проще, ты видел. Но Эрик выбрал именно этот.

— Этот показательнее, — хмуро произнес Глеб.

Я все же смогла сделать шаг. И еще один. Ноги будто крупной набили, как брюшки моих плюшевых совят. Наступать было сложно — колени подгибались, рискуя опрокинуть меня на пол. Перед глазамиплыли темные круги. Кисловатый привкус во рту усилился, и я

поняла, что, если не выйду на свежий воздух, меня стошнит прямо тут, на начищенный паркет.

На улице бушевал ветер. Рвал оставшиеся листья с деревьев и бросал их на подъездную дорожку. Небо сыпало белой крупой — еще не снег, но первый предвестник зимы.

Иру я нашла в темном углу, на террасе. Она стояла, склонившись и упершись ладонями в перила. Плечи воительницы мелко подрагивали, темные волосы вуалью закрывали лицо.

— Ира... — Я коснулась ее спины, обняла и прижалась, стараясь сгладить, облегчить ее переживания, мысленно понимая: не получится. У каждого из нас своя боль, а Ира сейчас далека от меня, как никогда. Ведь именно Эрик принес в дом останки Крега. Именно Эрик убил его таким зверским способом.

— Уйди, прошу.

Голос тихий и злой, и я поняла, что она не плачет, и трясет ее вовсе не от слез. От злости. На Эрика за показушность. На Крега — за обман. На себя — за доверие. И на меня — как причину всего этого.

— Уходи, Полина!

Я отступила на несколько шагов, но войти в дом так и не решилась. Как оставить ее здесь — одинокую и несчастную? Разве не потому все так вышло, что однажды я уже бросила ее? В то же время я чувствовала, что нужна ей сейчас меньше всего.

— Иди в дом, Полина.

Я обернулась, и хотела уже ответить что-то резкое, но Влад шагнул ко мне, положил руку на плечо и добавил шепотом:

— Иди, я сам.

У самой двери я обернулась. Влад стоял рядом с Ирой, облокотившись локтями о перила, и что-то спокойно говорил. Она не шевелилась. Не дрожала больше. Слушала или делала вид, что слушает. Наверное, просто пришло для них время говорить и слушать.

Я глубоко вдохнула и толкнула плечом дверь.

В доме было душно. Жарко и громко. Многолюдно. Хищные разбредались по комнатам, не прекращая обсуждать случившееся, а мне было страшно подниматься вверх, к Эрику.

Он вернулся странным. Слишком выверенные движения, сосредоточенный взгляд, наигранная плавность. Безумие, дремлющее в глазах, проснулось. Оттого он и спрятался от меня, оттого и ушел так быстро. Не уверена, что сейчас Эрик захочет меня видеть.

— ...восхитительно! — донесся откуда-то справа восторженный голос Алисы. Защитница говорила что-то Ларисе, и та рассеянно слушала. Смотрела на Роберта, словно не могла поверить, что он вернулся живым.

— Восхитительно оторвать кому-то голову, ты права, — саркастично ответила Лара и отошла прочь от Алисы, направляясь к мужу.

Я поймала серый взгляд воительницы, но отвернулась и шагнула к лестнице. Наверное, Алиса бы сейчас смогла Эрика похвалить. Поддержать. Сказать, какой он молодец. Я же поднималась в спальню, как на эшафот.

Несколько метров коридора, молчаливые двери комнат провожают и будто бы жалеют. Ноги холодит невесть откуда взявшийся сквозняк. И лишь когда вхожу в нашу с Эриком спальню, понимаю, откуда он появился...

Окно распахнуто. Эрик стоит ко мне спиной и смотрит в ночь. Влажные после душа волосы падают на обнаженную спину, ладони спрятались в карманы черных шаровар.

На мое присутствие он никак не отреагировал — то ли не услышал, то ли не захотел

оборачиваться.

— Простудишься, — сдавленно произнесла я и закрыла за собой дверь. Там, за пределами этой спальни у каждого свои демоны. У меня своих полно, что уж скрывать, но оставлять Эрика наедине с его собственными я не собиралась.

Подошла, осторожно закрыла окно, смахнув с подоконника снежную крупу. Прильнула щекой к холодной коже его груди и шепнула:

— Я здесь.

— Здесь, — повторил он, как заклинание.

— Мы справимся.

Он помолчал немного, а затем совершенно серьезно спросил:

— А если нет?

Я подняла на него глаза, и отголоски собственного страха поймала на его лице. Только страх этот не имел ничего общего с Крегом.

— Значит, так нам суждено. — Я подняла руку и погладила его по щеке. — Нам, слышишь, Эрик? Ты не один.

Прохладная ладонь скользнула мне под свитер, вторая легла на затылок. Настойчивые губы накрыли мои — жадно, требовательно. А через мгновение страхи перестали иметь значение.

Глава 23. Начало конца

Песок на берегу желтый и пахнет летом. Облепил мои ступни, а пальцы ног ласкает теплая вода.

Обожаю это место. Не знаю, кто придумал его и дал мне ключик, но оно будто создано для меня. Низкие, белые облака почти касаются животами покрытой мелкой рябью поверхности озера. Справа шумят ивы — раскидистые, пышные. Тихо так, что различим каждый всплеск.

И шепот на ухо:

— Ты всегда сюда сбегаешь.

Голос мне знаком, и я улыбаюсь. Несмотря на то, кем является его обладатель, я рада, что он пришел. Хотя, признаюсь, черное ему к лицу больше, чем белый балахон и мех.

Он расслаблен. Откинулся назад, темные глаза смотрят в небо. Уголки губ приподняты в ироничной улыбке. Спокоен. И будто бы помолодел на тысячелетие.

— Иногда хочется сбежать, — отвечаю.

Ветер теплый и ласковый, играет с моими волосами.

— Не получится. — Тан настолько уверен, что это заставляет напрячься. Облака на небе темнеют, набухают влагой, и он качает головой. — Сольвейг...

— Ты что-то знаешь? О Крее?

Кивок. И улыбка сползает с его лица.

— Не здесь. — Он воровато оглядывается, будто нас могут подслушать. — Ты не умеешь даже элементарную защиту ставить.

— А где?

Я пропускаю критику своих способностей защитницы. Тану явно есть, что сказать.

Он склоняется ниже, его лицо — напротив моего, и я вдруг понимаю, что глаза у него не совсем черные. Темно-карие, теплые, с широкими зрачками. Дыхание колдуна опалает щеку, когда он шепчет:

— Приходи...

Я проснулась и села на кровати. За окном было темно, рядом размеренно дышал Эрик.

Что значил этот сон? Неужели Тан знает, как победить Крее? Ведь наверняка знает, иначе зачем бы звал к себе? И откуда только? Неважно. Информация лишней не бывает, а Тан всегда помогал мне. А это значит... у нас есть шанс!

Шанса не было — это я поняла, когда подошла к окну.

Он стоял напротив входа, ладони касались купола защиты. Высокий, светловолосый. Густо облитый светом фонарей. Широкие плечи, распахнутая куртка на меху, алый свитер. Глаза закрыты, губы шевелятся, а сам будто улыбается, и от улыбки этой по спине у меня пробежала дрожь. Блондин поднял глаза и...

Задрожали стены. Еле слышно, будто дом проснулся от векового сна и вздохнул. Меня дернули назад, уводя от окна. Эрик тряхнул за плечи и грозно приказал:

— Сиди здесь! — И скрылся за дверью.

Ну уж нет, не собираюсь я отсиживаться наверху! Пусть из дома выйти не могу, но драться еще в состоянии. Не собираюсь сидеть здесь, как...

Стены снова застонали. Показалось, дом ожил и противился вторжению, ворочался,

скрипел половицами. Защита пропитала камни и, разрушаясь, ранила дом. А он плакал, жаловался, просил отвадить незваного гостя.

Не медля ни секунды, я выскочила в коридор. Сначала ринулась в детскую, но там и без меня было полно людей. Эрик давал указания защитницам, Глеб что-то настойчиво объяснял Диме, и тот морщился, но кивал.

Когда я вошла, Эрик бросил в мою сторону недовольный взгляд, но скандалить не стал. Понимал, наверное, что резоннее мне быть внизу, со всеми.

Детей собрали в спортзале. Решили оставить с ними сильных воинов и защитниц — Тому, Иру, Алекса, Дарлу, Дашу и Лару. Дима с Майей вызвались тоже, никто не возражал. По сути, они и сами в какой-то мере были еще детьми, несмотря на раннее взросление хищных.

— Какого черта, Эрик! — возмутилась Тамара. — Доколе я тебе нянькой буду? Может, хватит уже меня задвигать?

— Ты охраняешь моего сына, — спокойно, но твердо ответил Эрик. — Это твой долг, как скади, если ты не забыла.

— Я — воительницы, а не цепной пес! — Тома тряхнула головой, и каштановые кудряшки смешно подпрыгнули. С Аланом на руках она смотрелась скорее смешно, чем грозно. — Ты знаешь, что я могу, так какого лешего мне тут сидеть?! Нам прекрасно известно, что чокнутому плевать на всех, кроме нее. — Она указала на меня пальцем.

Эрик нахмурился, подумал пару секунд, а затем кивнул.

— Хорошо.

— Я могу сменить Тамару. — Алиса появилась, как всегда, эффектно и вовремя. Она что, под дверью все это время стояла? Защитница плавно прошла в центр, повела плечом, отчего бретелька облегающей майки сползла с загорелого плеча. — Твой сын будет в безопасности со мной, Эрик.

— Нет уж, — ответила я и взяла Алана на руки. Обвела взглядом комнату и нашла того, кто понадежнее будет. — Глеб?

— Я останусь, — вздохнул он. — Хотя, по большому счету...

— Спасибо! — перебила я.

Оставлять Алана на Алису совершенно не хотелось. Да и за Глеба здесь будет спокойнее.

— Держись ближе к лестнице, — велел мне Эрик, когда мы вышли в коридор. — Роб подстрахует. И, Полина... — Он остановился, развернул меня к себе лицом, сжал плечи и настойчиво добавил: — Не высовывайся.

Не буду. Крег был очень убедителен в прошлый раз.

Радовало, что Ира осталась наверху. Не думаю, что ей было бы комфортно драться с Крегом. Да и он не пожалеет, если...

Если войдет. А он войдет — это я поняла, когда увидела дверь.

Она замерцала. Вспыхнула голубым, затем ярко-белым, затрещало, ломаясь, дерево, а через мгновение дверь сорвало с петель.

В проеме за клубился туман, как в дешевых фильмах ужасов, и из него, как в лучших традициях этих самых фильмов, шагнул Крег. Вернее, тот, кто был нынче Крегом, потому как сознание напрочь отказывалось признавать в этом перекачанном смазливом типе жреца андвари.

Он был достаточно высок. Широкоплеч. Светло-русые, почти пепельные волосы

стянуты резинкой, и лишь одна-единственная прядь спадала на лоб. Совсем как... как...

— Прочь от двери! — скомандовал Эрик, шагая навстречу Крегу и складывая пальцы в защитный пасс.

— Мы не будем сегодня драться, — спокойно ответил Крег-блондин и провел рукой по воздуху впереди себя. Эрик дернулся и застыл, будто попавшая в мед муха. Видно было, что каждое движение дается ему с трудом, да и сами движения были медленными, словно Крег остановил время в том месте, где находился Эрик.

— Жаль, не получится держать тебя так вечно, — с сожалением в голосе сказал охотник. Затем перевел на меня взгляд и улыбнулся: — Привет, Полина.

Улыбка явно не сулила мне ничего хорошего. Ни мне, ни Эрику, ни Владу с Тамарой, которые замерли в коридоре, ведущем на кухню. Ни Мирославу, притаившемуся у камина. Даже Алиса, почему-то оказавшаяся рядом со мной и Робом, ахнула. Не поверила, наверное, что Эрика можно вот так устранить.

Разговаривать с врагами я не особо любила. Прошлый опыт говорил: ничего хорошего из разговоров этих не выйдет. Куда действеннее — ударить без предупреждения.

Кен послушно потек по венам — к ладоням, жила копила много дней, и там сейчас было достаточно, чтобы драться долго. Не дожидаясь, пока Крег начнет воплощать в жизнь задуманное, я ударила. Как учил Барт — дозировано, не расплескивая, не тратя лишнего, потому что лишнего в драке с таким, как Крег, не бывает...

Он успел прикрыться рукой. Рукав на куртке обгорел полностью, алый свитер обуглился, и, показалось, завоняло паленой кожей...

— Я же сказал, мы не будем драться, — обиженно бросил он и шагнул к Наташе, целительнице скади, замершей у окна.

И откуда она там взялась? Эрик же сказал, предупредил... Я ее и не заметила-то сразу — смотрела лишь на Крега. Надо было спрятаться на кухне или наверху, ведь что может целительница против обезумевшего охотника?

Я резко выдохнула, и в унисон с моим выдохом Крег рванул ее жилу. Девушка побледнела, распахнула глаза, а через миг рухнула на пол, к ногам охотника.

Охотник — в первую очередь убийца, говорил Эрик...

Эрик дернулся в облепившем его невидимом коконе Крега. Наверное, он бы зарычал, если бы не был скован. Но рукой шевельнуть у него получилось и даже сделать шаг — один маленький шаг — в направлении охотника.

Нет, Эрик, ты не дойдешь. Крег пришел убивать не просто так и явно рассчитал силы.

Правда, мои не учел. Я — сольвейг и убивала древних.

Злость буквально вела меня. Сознание затуманилось, мысли рассыпались осколками, страх отошел на второй план. Это мой дом, и я буду защищаться! А убийства соплеменников не прощу.

Шагнула вперед, одновременно выпуская очередную порцию кена. На этот раз Крег ловко увернулся, и пострадала лишь стена у двери. Одновременно на охотника со спины бросились Влад и Тамара, но он взмахнул рукой, и их отбросило на несколько метров назад. Тома стукнулась головой о дверную арку и обмякла на пороге. Я не стала ждать — ударила снова. И снова. Свитер на груди Крега обуглился, кожа покрылась волдырями. Охотник пошатнулся, отступил на шаг и покачал головой. А через мгновение мою голову заволочло туманом — непроглядным, плотным. Жила дернулась, поток кена прекратился, и я, пошатнувшись, чуть не упала. Чьи-то руки подхватили меня, оттаскивая наверх, и усадили на

ступеньку. Тело окутало теплом, будто кто-то завернул меня в пуховое одеяло.

Штормило. Перед глазами бегали противные темные мошки, и происходящее я воспринимала с трудом.

Вот Алиса в двух шагах шепчет что-то на древнем языке ар. Ей вторит Роб, именно его руки обнимают меня, не давая окончательно потеряться. Словно в замедленной съемке, позади Крега встает Влад.

«Не надо, — хочется крикнуть мне. — Уходи!». Но я молчу. Голоса нет, и кен застыл в венах. Непослушный, ледяной — он обжигал жилу изнутри. Что сделал со мной охотник?

— Побереги себя, девочка. — Голос Крега трескучий и назойливый, как насекомые в жару. В нашу сторону летит очередное заклинание, и Алиса падает, как подкошенная. Пытается схватиться рукой за перила, но не успевает.

Глаза слезятся, и я часто моргаю, пытаюсь избавиться от слез. Они текут горячими ручьями по лицу. Только я замерзла. Окаменела. Сажу, вцепившись пальцами в ступеньку. Дышу, вернее, пытаюсь, так как дышать невероятно сложно. Воздух обжигает изнутри, горло сжимается, спазмы идут по всему телу — болезненные, частые.

И вот падает еще один воин — на этот раз альва. Странно, но я не помню его имени...

Крег улыбается, но улыбка эта злая. Оскал чудовища, только вот я не верю в сказки. Он поворачивается к Владу, и картинка замирает. Секунды текут медленно, каждая из них впивается в сознание неконтролируемым страхом, когда охотник касается плеча вождя атли.

Влад никогда не боится. А если и боится, не покажет этого. Но мне показалось, в тот момент на его лице мелькнул страх. Ведь то, что дороже всего, всегда бережешь.

Влад любит жизнь...

Крег обернулся ко мне.

— Как считаешь, пора?

Его голос спокоен. Движения уверенны. И раны, казалось, совсем не тревожат.

— Не надо...

Губы шевелятся, но звуков нет. Звуки исчезли, как и смысл. Зачем мы здесь? Строим планы, деремся, умираем? Спасаем... Кого?

Эрик сделал еще один шаг. Далеко. Слишком далеко, чтобы успеть...

— Он или кудряшка? — насмешливо спрашивает Крег.

Тамара пытается встать. У нее почти получилось, только ноги подводят, и она хватается рукой за стену, чтобы удержаться на ногах.

— Выбирай, Полина.

В голове шумит сильнее, и я почти не разбираю слов.

Смотрю на Эрика, он — на меня. И когда успел повернуться? А может, Крег ослабил силу кокона?

— Выбирай, или выберу я.

Щупальца охотника, подобно древним, держат на крючке две жилы.

Две жизни.

Влад или Тома?

И голос палача звучит громогласно в накрывшей гостиную тишине:

— Выбирай!

Сердце билось сильно, даже болезненно. Рука Роба крепко сжимала мое плечо. Крег ждал. Ждали и остальные, наверное, но я на них не смотрела, только на него. Чего он ждет? Действительно думает, что я буду выбирать?

В происходящее верить не получалось. Ситуация отдавала терпким сюрреализмом: и застывший в невидимой паутине Эрик, и бессильные воины, рассредоточенные по гостиной, и Тома с округлившимися от ужаса глазами, нервно цепляющаяся за стену.

Влад стоял спокойно. Смотрел перед собой, но не на Кrega, а на щупальца, от которых зависела его жизнь. Побледнел слегка, но испуганным не выглядел.

— Сложно решить, не так ли? — Веселость из голоса охотника улетучилась, тон поменялся на высокомерный, а глаза сверкнули злобой. — Что ж, не буду тебя мучить — решу за тебя.

Я не успела выдохнуть, когда он рванул щупальцами жилу. Тамара опустила глаза, пошатнулась и...

Нет-нет, не хочу в это верить! А для того, чтобы не верить, нужно закрыть глаза. Просто не смотреть.

Жаль, что от голоса не спрячешься за завесой век.

— Завтра выберешь ты. А если откажешься, умрут оба кандидата.

— Зачем?

Я не ждала, что он ответит, вопрос просто сорвался с губ.

— Для мотивации. Ты ведь хочешь, чтобы близкие люди выжили? — спросил Крег и тут же сам ответил: — Естественно, хочешь. На тебе печать первого жреца ар. Сними ее и приходи. Больше предупреждений не будет, Полина.

Он исчез быстро — я даже моргнуть не успела. Влад попятился, будто спасаясь от невидимого удара. Эрик комично взмахнул рукой — сдерживающая магия рассеялась, и он пошатнулся. Помедлил всего секунду и бросился к Тамаре.

Поздно...

Для нее, для Наташи, для воина альва, имени которого я не помнила. А завтра будет поздно еще для двоих. В том, что Крег сдержит обещание, я не сомневалась. Впрочем, как и в том, что выбрать я не смогу.

Алиса рядом громко вздохнула и схватилась руками за живот. Казалось, она вот-вот расплачется. Только такие, как Алиса, не плачут...

— Больно? — машинально спросила я. Прозвучало жутко фальшиво, и голос сорвался на писк.

Все они здесь по одной причине. Конкретно Алиса — из-за Эрика, но это неважно. Защищать-то приходится меня.

— Справлюсь! — огрызнулась защитница и встала.

Роберт отпустил мое плечо и прикрыл рот ладонью. Смотрел на Эрика, покачивающего Тамару на руках и, казалось, не дышал. А я все думала, зачем она спустилась. Ведь если бы осталась с Аланом, если бы...

Слез не было. Стылость только в груди, и конечности заledenели.

В дверной проем медленно вползала осень. Стелилась по полу, льнула к плинтусам и основанию лестницы, ластилась к ногам. Промозглая, влажная, пахнущая гнильем и смертью.

Эрик поднялся, Роб встал вслед за ним — как по команде. Шагнул со ступеней вперед и бережно взял у него из рук тело Тома.

— Защитниц соберите, — рассеянно сказал Эрик, непонятно к кому обращаясь. Но Мирослав откликнулся, пошевелился и отправился наверх. Проходя мимо меня, потрепал по плечу.

А я не могла встать. Буквально примерзла к ступеньке. Кто-то накрыл мои плечи пледом и сунул в руки чашку с ароматным чаем из трав. Я отхлебнула — машинально, но ни капли не согрелась. Вокруг сустились люди, говорили о чем-то, спорили. Делегация из нескольких человек склонилась над вышибленной дверью.

Тамару унесли. Я не знала, куда. Возможно, наверх, ведь теперь нужно готовится к похоронам. Нарисовать на груди ритуальный рисунок скади — подношение богам, которые помогут ей переродиться. Отвезти ее к очагу и закопать там, в холодной, липкой земле, пропитанной кеном. Отдать последнюю дань предкам. Зажечь свечи.

Эрика в гостиной не было. Он вышел сразу, как приказал позвать защитниц — на улицу, во тьму. Туда, где недавно колдовал Крег.

— Знаю, о чем ты сейчас думаешь, — глухо сказал Влад, присаживаясь рядом со мной. В глаза не смотрел, буравил взглядом темную поверхность ковра. — И я рад, что Эрик поставил защиту.

— Я должна пойти. Драться с ним...

— Ты не сможешь, — перебил он. — Как не смогла сегодня.

— Рано или поздно придется что-то решать, — спокойно ответила я. — Не хочу, чтобы вы за меня умирали, это неправильно.

— Что и для кого правильно, решать не тебе.

— А кому? Тебе, что ли? — Я дернулась, чашка выскользнула из рук, с глухим звуком приземлилась на ковер. Чай вылился, оформившись в кляксообразное пятно. — Ты чуть не погиб.

— Но не погиб. И ты выживешь, слышишь! — Цепкая рука больно впиалась в плечо, но даже боль эта была далекой и нереальной. — Ты. Будешь. Жить.

— Мне нужно к Тамаре, — устало сказала я, высвобождаясь. На самом деле мне хотелось на улицу — в осень, где ветер рвет последние листья с деревьев. Где морось и воздух свеж настолько, что не можешь надышаться. Стены дома давили. Смыкались вокруг меня кольцом, липли проклятой защитой к коже.

И не выбраться, не уйти, не освободиться, разве что...

Решение пришло на ступенях — между первым и вторым этажом. Такое простое и такое логичное. Я еще раз оглянулась — хищные рассеянно бродили по гостиной. Алекс с Мирославом пытались приделать обратно дверь. Влад у окна разговаривал по телефону. По комнате рассеянно бродил Филипп и почему-то качал головой.

Алиса протиснулась в дверной проем и исчезла на улице. Конечно, она-то может выйти. А я сейчас даже Эрика не могу обнять, потому что он там — за пределами защиты, которую мне не преодолеть.

Нужно отдохнуть. Немного, полчаса или час. Дождаться, пока починят дверь, и хищные разойдутся по спальням. Не все. Защитницы останутся на страже...

На втором этаже меня встретил Глеб. Не говоря ни слова, обнял, и в груди резко стало горячо. Захотелось плакать — громко, навзрыд. Но я понимала: расплачусь сейчас, отпущу себя — не хватит сил и воли воплотить задуманное. Поэтому я настойчиво отстранилась и отступила на шаг.

— Что ты задумала? — нахмурился Глеб, но я помотала головой.

— Ничего.

Нельзя говорить. Даже ему. Эрик умеет читать мысли...

— Но придумаешь, да? — спросил он и, не дожидаясь ответа, добавил: — Я пойду с

тобой.

— Дурак, — устало выдохнула я. — Никуда мы не пойдём. Я и из дома-то выйти не могу. Защита, забыл?

— Да, точно. И что теперь?

— Спать хочу, — соврала я. — А ещё Тому увидеть. Не знаешь, где... — Я замолчала. Слово «тело» застряло в горле, как рыбная кость.

— В спальне, — махнул рукой Глеб в сторону комнаты Тамары. — Там девчонки собрались...

— Спасибо.

Внутри царил сумрак. Горела свеча на прикроватной тумбочке. Рядом на светлой войлочной салфетке кто-то приготовил кисти и краски. Тяжелые шторы закрывали окно. Там же, у окна, стояла бледная Даша. У кровати полукругом застыли девушки. Эля плакала, обняв себя за плечи. Алла хмурилась. Юлиана обнимала ее за плечи. В кресле у детской кроватки Алана сидела Лариса. Она прижимала пальцы к вискам и не шевелилась.

На бледно-зеленом покрывале со сложенными на груди руками лежали Тома и Наташа. Бледные лица, веер ресниц на щеках. Волосы — каштановые, кудрявые Тома и прямые светло-русые Наташи — смешались.

Когда я шагнула внутрь, девушки расступились. Плюшевое покрывало было мягким, рука Тома — холодной. Сколько же я просидела на лестнице?

— Прости, — шепнула я едва слышно. И добавила уже мысленно: «Я остановлю это». Главное, чтобы все получилось.

— Нам нужно... ритуальный рисунок, — тихо сказала Алла, и в голосе ее скользнул холод. Мне показалось, или фраза прозвучала обвиняюще? Впрочем, я и так все знаю. Вслух этого никто не скажет, но Тома погибла из-за меня. Странно, но воспринималось это спокойно. Наверное, шок ещё не прошёл.

Я обернулась. Юлиана смотрела ненавидяще, но она всегда так смотрит. Эля все так же плакала, а Алла стояла, потупившись. Даша отвернулась к окну и нырнула за занавеску.

Должно быть, друзей в этой комнате у меня не осталось.

Алана я нашла все там же, в спортзале, с Майей. Она водила погремушкой по наспех застеленному меховым покрывалом полу, а Алан пытался ее поймать. Я присела рядом, рыжая положила голову мне на плечо.

— Я не провидица, но чувствую плохое, — сказала она, улыбаясь моему сыну, но в голосе явно ощущался страх.

— Плохое случилось. Но ты не бойся, хорошо, малышка?

— Хорошо.

Майя боялась, но была достаточно смела, чтобы не выказывать страха.

— Я могла бы взять его ауру, — предложила девочка. — Если он придет в следующий раз. У папы сильный жрец, он удержит.

— Если придет, ты обязательно попробуешь, — соврала я и улыбнулась. — И Алекс проведет кроту. А пока побудешь с Аланом?

— Отдыхай, — кивнула Майя и повернулась к Алану.

Отдохнуть пока в планы не входило. Когда я подошла к нашей спальне, Эрик был уже внутри. Голос его — тихий и шипящий — вытекал в коридор из полуоткрытой двери.

— И не подумаю даже. А ты уходи, если хочешь! Я никого насильно не держу.

— Ты пойми, я пекусь не только о тех, кто в доме. Полина — главная мишень, так давай

ее спрячем. Влад говорил, у сольвейгов безопаснее.

— Ты видел его, Теплов. В мире не осталось безопасных мест. Мы будем драться, а не прятаться. Влад согласен со мной, а ты, если боишься, уходи. Уводи альва, ведь завтра безумец придет снова.

Мирослав молчал. Возможно, обдумывал слова Эрика, а может, давно уже решил. Я прислонилась щекой к дверному полотну, не решаясь ни сбежать, ни войти, оцарапанная словами, произнесенными не в глаза. Впрочем, какая разница? Могу ли я винить их? Они боятся. Не хотят умирать. Ведь, по сути, в этом доме по-настоящему защищены лишь я, Эрик и Алан — печатью Арендрейта, которая, казалось, сжимает жилу тисками. Остальные — пушечное мясо, и Крегу плевать, кто из хищных погибнет завтра.

Только вот мне не плевать.

— Альва останутся, — наконец, сказал Мир.

Ответ, процеженный сквозь зубы. Которому противится разум, но требует долг. После таких решений рассыпаются привязанности. Сегодня Мирослав лишился воина, завтра может лишиться двоих.

Если у меня получится осуществить задуманное, у хищных Липецка все останется по-прежнему. Почти у всех.

Я прокашлялась, привлекая внимание. Глубоко вздохнула и вошла.

Спальня встретила тенями. Мрачностью. Безысходностью. И ненавязчивым карамельным ароматом.

Мирослав побледнел, когда я появилась. Испугался, наверное, что я услышала. Обиды не было — каждого, кто испугался сегодня, можно было понять. Я и сама испугалась. Не думала, что будет вот так. Что придется уйти без борьбы. Впрочем, конец никто предугадать не может.

Эрик вздохнул, и в виде его ощущалось бессилие. Оттого, наверное, он не смотрел мне в глаза. Оттого и сбежал на улицу прежде, чем я успела что-либо ему сказать. Были ли важны слова?

Мирослав вышел, не проронив ни слова, и его стыд еще долго путался в паутине теней. На Эрика из провала окна смотрели тучи. Необычно серые в предрассветном небе, они будто опускали ему на плечи небо, и спина прогибалась под неподъемной ношей. Сложно принимать трудные решения, когда имеешь личный интерес.

— Тома... — сказала я и прикрыла дверь, отрезая нас от внешнего мира. Прислонилась к ней спиной, преодолевая сильное желание присесть на корточки. Словно кусочек неба упал и мне на плечи.

— Отвезу ее и Наталью к источнику, как только Алла закончит рисовать.

Голос тих и печален, но обвинения в нем нет. Облегченный выдох вырвался вопреки воле, и Эрик поднял на меня глаза. Выражение лица тут же изменилось, он шагнул ко мне от окна, оставляя позади размазанное по стеклу небо.

В его объятиях тепло, оно ползет мурашками по коже, но кожа будто одеревенела, и внутрь тепло не пускает. Внутри все занемело. От страха, сошедшего на «нет». От отчаяния, которое лопнуло, подобно мыльному пузырю. От неизвестности, что впереди.

— Прости, что ушел, — выдохнул он мне в волосы, и я зажмурилась от удовольствия. — Сложно понимать, что слаб. И Тамара... мы многое пережили вместе. Я боялся сорваться.

— Понимаю.

Мне не нужны объяснения, и оправдания тоже не нужны. Стоять бы так вечность,

остановить время, запутаться в коконе, подобном тому, что сотворил Крег. Только я и Эрик. Навсегда.

— Я должен был остаться с тобой.

— Со мной все хорошо. Видишь, жива...

Ответ горчил на губах. Эрик отстранил меня и внимательно посмотрел в глаза.

— Если бы могла, ты ушла бы, верно?

На кивок у меня не хватило смелости. Но кивок был и не нужен.

— Тогда хорошо, что ты не можешь.

Хорошо. Только вот кому? Изнутри рвется, скребет острыми когтями вина. И обида поднимается, вскипает — детская и глупая. Она рождает вопросы, ответов на которые не будет никогда. Ну за что? Почему всегда я? Разве мне это по силам, ведь я обычная девчонка?

Когда решаешься на безумство, думать нельзя. Нельзя оценивать, анализировать, колебаться. Потому что итог предсказуем — передумаешь.

Я не колебалась.

Эрик уехал ближе к обеду. Тому и Наташу подготовили к похоронам, и склади отправились к очагу. Я единственная осталась — из-за той треклятой защиты, которая мешала больше, чем помогала. Ведь толку от нее, когда Крег может войти?

После похорон, ушли воины. Эрик, Влад, Ира, Алиса, Мирослав, Алекс, Игорь. Даже Рита ушла, хотя бледнела и тряслась перед тем, как шагнуть за порог. Рита боялась нижних слоев. Существ, которые там обитают. Трясин, что заманивают кеном, а затем оставляют там навсегда, превращая в бесплотные тени. Рита боялась не вернуться. Она, один из сильнейших воинов атли, чистокровная воительница, мечтала о покое. Сидеть у окна и вязать шарфы. Выйти замуж, родить детей, готовить обеды и ужины, встречать любимого с работы. Забыть об охотниках и кене, об ответственности за племя. Просто быть.

Поэтому Рита завидовала другой, слабой, которая заняла ее место. Аделаида была целительницей. Говорила мало, во всем слушалась Филиппа и почти не выходила из комнаты. А когда выходила, Рита бросала на нее ненавистные взгляды, а не самого Филиппа — взгляды сожаления.

А когда ей приказали идти, а он остался, на лице Риты мелькнула досада, которую она быстро спрятала за испуганными, неестественными улыбками, прикосновениями к руке Игоря, в которую она вцепилась, как в спасительный круг.

Перед тем, как они ушли, Эрик проверил печать. Амулет пощупал, словно за время, пока я его носила, он мог испортиться. А потом обнял — крепко, удушливо. Горло свело спазмом от мысли, что, возможно, я его больше...

Нет, нельзя поддаваться. Внутри меня росла и крепла уверенность: все получится. Что именно получится, я не знала, но инстинктам пророчицы привыкла доверять.

Если бы я знала тогда, как все выйдет, разве пошла бы?

Когда дверь — надломленная, торчащая щепками, наспех поставленная после варварского прихода охотника — закрылась, я выдохнула. Оставшиеся в доме хищные разбредались по комнатам — бессонная ночь и испуг дали о себе знать. Перед очередным приходом Крега нужно выспаться и набраться сил. Подумать. И, возможно, сбежать, пока не поздно.

Впрочем, больше всех из дома хотелось сбежать мне.

Внизу остались лишь защитницы — Лара у главного входа. Даша на кухне, у большого

витражного стекла, и Дарла у черного входа.

Я поднялась вверх, немного побыла с Аланом, который крепко спал после сытного обеда. Мягкий пушок на голове скользит между пальцами. И кожа в районе затылка теплая и пахнет молоком.

В нашей с Эриком спальне, на тумбочке у кровати я оставила оба амулета. Металл и дерево. Кен Арендрейта и вождя сольвейгов. Мне они больше не нужны...

Провела рукой по велюру серого свитера — Эрик снял и как обычно забыл в корзину бросить.

— Прости, — прошептала. — Так нужно.

Затем развернулась и резко вышла за дверь.

В коридоре было пусто. Молчаливые двери стерегли спящие комнаты со спящими в них обитателями. Лишь в конце коридора, у окна, завешенного плотной серой шторой, шептались две защитницы альва. Завидев меня, они замолчали, одна из них юркнула в комнату, а вторая скрылась за шторой, будто одно мое присутствие или брошенный ненароком взгляд могли обернуться для них проклятием.

Я вытащила из кармана телефон и набрала в смс всего два слова: «Нужна помощь». Не очень рассчитывала на ответ, но попробовать стоило — на войне все средства хороши и не стоит пренебрегать возможностями.

Ответ пришел быстро — на полпути к заветной двери: «Через полчаса у ворот». «С этим проблемы», — набрала я. «Так реши».

Будто это так просто — пробить защиту Эрика. Впрочем, план у меня был. Главное, чтобы времени хватило.

Постучала я резко и решительно. И телефон спрятала, словно его могли изъять и приравнять к улике. А когда дверь открылась, выпалила:

— Проведи для меня ритуал.

Просьба не была невинной, и Филипп страдальчески вздохнул. Оглянулся назад, шикнул на маячащую за спиной Аделаиду и вышел в коридор. Аккуратно прикрыл за собой дверь и посмотрел на меня снисходительно.

— Что ты задумала?

— Вожди сейчас переживают не столько о том, что придет Крег, но и о том, что выкину я, да? — заискивающе улыбнулась.

— Мы просто хорошо тебя знаем, — тоном учителя ответил Филипп. — О каком ритуале ты говорила?

— Тана хочу увидеть, — как можно беззаботнее сказала я. — Делов-то...

— Делов-то?! В прошлый раз после подобного ритуала ты чуть не погибла!

— Тан снился мне. А ты знаешь, что не стоит пренебрегать вещими снами. Вдруг Крег до меня доберется? Иметь при этом какой-то план будет очень кстати.

— У Эрика наверняка есть мысли на этот счет.

— Эрик ушел. У него своих дел хватает, нечего его еще и этим нагружать.

— Я так и знал. Иди спать, Полина!

— Вожди такие всезнайки, — надулась я. — Но ты... Ты из народа. Я думала, ты другой.

И отвернулась для усиления эффекта. Губы поджала и за плечи себя обняла, изображая смертельную обиду и разочарование. Эрик говорил, я — хорошая актриса. Сейчас этот талант может пригодиться. Всю жизнь меня учили играть на слабостях людей, используя

меня как подопытную крысу. Немудрено, что я сама теперь умею.

Подтверждением стал растерянный ответ Филиппа:

— Неправда, я не заносчивый...

Рука скользит по моему предплечью вверх, к плечу, касается ключицы. От прикосновений хочется вздрогнуть, сбросить надоедливые пальцы. Но я стою, не шевелясь, и терплю. Мне нужна его помощь — ни один жрец в этом доме не согласится помогать без разрешения Эрика. А на Филиппа надежда есть — если не получится сыграть на чувстве вины, придется играть на инстинктах.

Дыхание у него горячее и согревает затылок. Обернусь — окажусь с ним лицом к лицу. Мне противно. Стыдно отчего-то и хочется сходить в душ. А еще зубы почистить от слов, с помощью которых я манипулирую этим слабым мужчиной. А где-то на задворках сознания ждут другие слова — гораздо более подлые и бесчестные. И я знаю, что скажу их. Пойду до конца. Иначе завтра умрет кто-то еще, а этого допустить нельзя.

— Я просто не могу сидеть без дела, — вздыхаю почти искренне, и вторая рука Филиппа ложится мне на другое плечо. — Должна что-то делать, чтобы не свихнуться. Тома погибла, и я... Это ведь всего-навсего ритуал. Выйти за пределы дома я все равно не могу. Когда-то мы с тобой были друзьями. Понимаю, надеяться на это в будущем не имеет смысла, но все же...

— Неправда! — яростно перебивает он и разворачивает меня к себе лицом. Филипп стоит слишком близко, и я едва сдерживаю дрожь отвращения. Поднимаю глаза и пытаюсь изобразить отчаяние. Потерпеть. Недолго — у меня всего-то полчаса в запасе. Да и Эрик с остальными могут вернуться в любую минуту.

— Я думал, ты меня ненавидишь, — шепчет он почти обреченно, и я мотаю головой.

— Нет. Не ненавижу.

Это правда. Ненавидеть можно лишь того, кого уважаешь. Филиппа же мне просто жаль.

— Мне нужен круг, — наконец, сдался он.

— У нас есть, — решительно киваю. — В кабинете на полу. Идем.

Было светло, но мы все равно крались, словно громкие шаги могли разбудить спящий дом. А он и правда спал. Расслабился после насильного проникновения охотника, и защита сонно колебалась у дремлющих стен, стелилась по скрипящим половицам невидимыми коврами, нависала куполом под потолком.

Гостиная была пуста, и я уже почти обрадовалась, что есть возможность отсрочить вынужденную подлость, но из коридора нам навстречу выплыла Лара с чашкой чая в руках.

— Не спится? — едко спросила защитница и настороженно сощурилась. — Что задумали?

— Да вот, Филипп почитать хотел перед сном, — попыталась соврать я. Только Ларису, в отличие от Филиппа, не проведешь.

— Думаешь, я дура, пророчица? Что вы задумали?

Я вздохнула. Кивнула Филиппу.

— Подожди в кабинете, ладно?

Смотрела на удаляющуюся спину бывшего жреца атли и боялась повернуться к защитнице. Впрочем, Лара не из робкого десятка.

— Так что? — нетерпеливо поинтересовалась она и нетерпеливо постучала ложечкой о блюдце.

Я вздохнула. С Ларой всегда сложно. Нет, у меня не осталось к ней негатива, просто мы настолько разные, что никогда не поймем друг друга. Так стоит ли объяснять?

— Мне нужно увидеть Тана, — наконец, сказала я. И, увидев, как она ожидаемо закатила глаза, добавила: — Знаю, что ты об этом всем думаешь, но мне все равно.

— Какое мне дело вообще? — Лара поставила чашку на старинный комод и сложила руки на груди. — Делай что хочешь.

— Рада, что ты настроена так демократично. Потому что потом мне нужна будет твоя помощь тоже.

— Моя? Извини, но в безумных ритуалах я не участвую.

— И не придется, — уверила я. — Ты — защитница и отвечаешь за входную дверь.

Я не сводила с нее пристального взгляда. Красивое лицо окрасилось непониманием, затем осознание сказанного, наконец, пришло, и Лара рассмеялась.

— Ага, как же. Ничего умнее не придумала?

— Нет времени думать, — спокойно ответила я. — И этот план сойдет.

— Этот план мне решительно не нравится. Эрик мне голову оторвет, а я недавно реконструкцию волос сделала. Так что извини, но нет.

— А придется.

— Знаешь, я лучше расскажу Эрику о том, что ты собиралась уйти. И прическа испортится уже не у меня.

— Не расскажешь, — уверенно кивнула я. — И дверь откроешь.

— Вот как? Заставишь меня, что ли? — усмехнулась защитница.

Лара мне никогда не нравилась, но мне все равно было противно говорить это. Наверное, поэтому я в глаза ей смотреть не смогла.

— Если не откроешь, Роберт узнает подробности твоей последней ночи у атли, Лара.

Эти слова оставили на языке противный, липкий налет. Он горчил, как протухшая еда, и вызывал тошноту. Шантаж не мой метод, но что делать, если других методов не осталось?

Поднять на нее глаза оказалось чертовски сложно. Защитница побледнела и прижала ладонь к губам. Не ожидала от меня, видимо. Я и сама от себя не ожидала. Говорят, перед смертью нужно исправляться и каяться в грехах, а не совершать новые. Даже с этим у меня промашка вышла.

— Оставайся в гостиной и никому ни слова, — пригрозила я и, пока не передумала, направилась в кабинет, к Филиппу.

Лишь внутри, оперевшись спиной о дверь, выдохнула. Глаза закрыла и попыталась избавиться от ощущения грязи на коже. Тщетно. Теперь даже мочалка не поможет.

Надеюсь, Лара не пойдет признаваться в грехах мужу. Иначе мой план не сработает, и все будет напрасно.

Но в глубине души я была уверена: не пойдет. Ведь то была не просто интрижка, и мы обе понимаем это.

— Поцапалась с Ларисой? — вяло поинтересовался Филипп, увлеченно изучая росписи рун на полу. Ковер он аккуратно свернул и подвинул к письменному столу.

— Мы никогда не ладили, — уклончиво ответила я и оторвалась от двери. — Так что там? Ты готов?

— Интересная трактовка легенд. Всегда было любопытно, как колдуют скади.

— Роб — замечательный жрец.

— Раньше ты считала хорошим жрецом меня.

— И сейчас считаю. Потому и попросила о помощи.

Филипп странно улыбнулся и велел:

— Садись в круг.

Я подчинилась. Глаза закрыла. Расслабилась настолько, насколько вообще могла расслабиться в напряженной обстановке дома. Мне в руки сунули флягу — металлическую, в кожаном чехле — и я послушно хлебнула. Коньяк. Паршивый, к слову, который тут же пожелал выйти наружу. Я поморщилась, помотала головой и отдала Филиппу флягу.

Он заговорил. Сначала шепотом, и шепот этот обволакивал, пьянил, и я проваливалась в спасительную темноту, где не было ни страхов, ни сожалений, ни обид.

А потом близко, у самого уха кто-то сказал:

— Бу!

В комнате темно, только из окон льется серость затянутой тучами ночи. Тени ветвей мажут по стеклу, словно просятся внутрь. Я сижу, вернее, утопаю в кресле-каталке, и оно скрипит подо мной, едва заметно покачиваясь.

Я оборачиваюсь и, наконец, вижу его. У окна, сгорбленный, обнимающий себя за плечи — это не тот хищный, которого я знала. Всех меняет время...

— Тан, — окликаю, и спина его вздрагивает. Он резко поворачивается, приставляет указательный палец к губам.

— Тсссс!

Колдун наклоняется вперед и щурится, словно старается внимательнее меня рассмотреть.

— Я тебя знаю.

— Это же я, Полина.

Встаю. Пол холодный, а я почему-то босиком. Осень за окном бушует — треплет деревья, брызгает холодным дождем, и от окон по полу ползут вечные ее спутники — промозглые сквозняки. Пасть камина темна, и мне кажется, оттуда скалятся чудовища выдуманного колдуном мира.

Тан качает головой.

— Этот мир не для тебя.

— Знаю. Ты снился мне, помнишь? Звал...

— Ты в беде, — кивает он. — И времени мало.

— Мне бы сейчас не помешал яд, который мы использовали на Теде. Кстати, где он? Он разве не...

— Ушел. Теодор был неплохим парнем и заслужил перерождение.

— А ты нет?

Он улыбается.

— Я слишком много грешил.

Так и тянет улыбнуться в ответ. Несмотря на холод в его доме, рядом с колдуном уютно. Но я точно знаю, что вижу его в последний раз...

— Яд не нужен тому, кто его изобрел. У меня есть рецепт, Полина. — Он подносит указательный палец к виску, и улыбка его становится полубезумной.

— Да, но как...

— С печатью будет сложнее, — перебивает он. Шагает ко мне, ладонь бесцеремонно ложится на живот. — И времени мало.

— Мало, — соглашаюсь. — Поможешь?

— Крепкая, так просто не снимешь. — Он будто меня не слышит вовсе. — Одно неверное движение, и прощай, Тан. Не видать тебе перерождения больше никогда.

— Я слышала, печать Арендрейта может снять тот, кто носит.

— Если хочет, то может, конечно, — усмехнулся колдун. — Ложись.

За моей спиной, будто из воздуха сотканная, возникает кровать. Розово-зефирная, с высокими стойками под балдахин и сиреневым пологом. Мягкая. И я утопаю в ней, как в пуху.

— Подсознание даже тут пошутило, — смеется мой собеседник.

Мужчина, склонившийся надо мной, будто мне не знаком. Глаза светятся предвкушением и интересом. Таким был Альрик на берегу Дуная. И я уже не знаю, чего больше хочет Тан: помочь мне или снять печать Арендрейта. Имеет ли это значение, когда итог все равно один? И цель у нас одна...

Его ладонь — шершавая и прохладная — касается живота. Жила послушно откликается на прикосновения, хоть я уже давно не атли, а Тан — не вождь. Все это было когда-то: мгновение торжества и всплески страха. Единство крови. Проклятие, которое я разрушила.

Сегодня все по-другому.

Шепот пьянит, хоть его губы и не шевелятся:

— Откройся...

Поднимаю глаза. Под потолком — вспышки, фейерверки, мириады ярких ощущений. Главное из них — свобода. Она опьяняет, и, кажется, я смеюсь.

Тан берет мою руку, кладет туда, где только что лежала его собственная.

— Вот так, девочка, сними ненужное, — проникновенно шепчет колдун. И словно побег пробиваются сквозь растрескавшуюся от жары землю — так и кен рвется наружу. Жила беззащитна и оболочка ее тонка. Под ней бьется, пульсирует средоточие сил сольвейга.

Я дышу. Перед глазами плывет, слезы катятся по щекам.

— Еще не все, — говорит Тан. — К сожалению, не все...

Взгляд его глубок и темен. Пучина, водоворот, и соваться не стоит, но...

— Готова?

Я слышу его мысли. Ему жаль и не терпится уйти. Этот мир ему мал, Тан из него вырос, как ребенок из старых колгот. Он больше себя не винит и ни о чем не жалеет. Ждет лишь. Чего?

Киваю, облизывая слезы.

И тут же взрываюсь болью. Боль вползает в жилу, тянется щупальцами к венам, растекается чернотой по организму. Закусываю губу, чтобы не закричать. Так надо.

Яд во мне, и если не успею завершить задуманное — умру.

Тан помогает мне сесть, поддерживает за руку и обнимает за плечи. Дышать трудно. Воздух тяжелый и пахнет плесенью.

— Страшное случится не сегодня, — устало говорит колдун. Кажется, ему с трудом далась эта вынужденная помощь.

— А когда? — спрашиваю машинально, пытаюсь осознать, что же только что натворила.

— Последствия.

— Последствия чего? Ритуала? Крег сделает что-то? Или я?

— Сегодня сольвейг прольет кровь, и откроются врата всех миров. Я буду свободен! А они придут, чтобы очистить землю от скверны, — пафосно изрекает он.

— Они? Кто, Тан?

— Будто ты не знаешь...

Он склоняется ко мне, и выглядит безумным. Ониксовые глаза горят предвкушением, руки трясутся, как у наркомана в ломке. Бледные щеки впали, и скулы потемнели. Худой. Несчастный. Одинокий.

И неестественно воодушевленный.

Ухо обжигает прикосновением сухих, истрескавшихся губ. А слово, произнесенное колдуном, заставляет замереть и похолодеть от ужаса.

— Первые...

В кевейн из мира искупления Тана меня буквально выпихнуло. Я тут же зажмурилась, привыкая к яркому свету, дышала часто, хватая воздух родного дома, как панацею, лекарство. Только вот никого уже не вылечить — ни меня, ни этот мир... Если то, что сказал Тан, правда, всему конец. Так стоит ли бороться?

Всегда стоит. Наверное, в этом и смысл.

— Поля...

Прикосновения Филиппа жглись, и я выбралась из удушливых объятий. Меня тут же качнуло, и я схватилась рукой за столешницу.

— Ты в порядке?

— Я... мне нужно... идти.

Перед глазами все еще плыло, жила болела от впрыснутого колдуном яда. Времени мало. Нужно поспешить.

— Ты ведь все равно выйдешь, да? — В голосе бывшего жреца атли скользнула горечь.

На ответ сил не хватило, и я просто кивнула.

— Как?

— Лара, — прохрипела.

— Ты ведь погибнешь.

Я посмотрела на него. Не понимает. Не спорит, потому что знает — спорить бесполезно. Но мотивы от него ускользнули.

— Зато вы будете жить, — сказала я спокойно.

Страх и малодушие заставили его отступить. Хорошо быть вождем, когда не нужно принимать трудные решения. Не нужно отпускать на смерть или идти самому. Филипп получил власть, а что делать с ней, не знал совершенно.

Что ж, Кесарю — кесарево...

— Мне пора.

Он за мной не вышел. Остался в кабинете, возле окруженного рунами магического круга скади. Окруженный собственным страхом и слабостью.

Лара ждала на диване. С прямой спиной и сложенными на коленях руками. Защитница смотрела в одну точку и не повернулась, когда я присела рядом с ней.

— Это подло, — тихо сказала она.

— У меня не из чего выбирать...

— Ты умрешь.

— Здесь, там — какая разница? Сегодня Крег убил Тому, что помешает ему завтра убить тебя или Роба?

Лара вскинулась, полоснула злым взглядом. Но даже в нем я прочла — она боится, пусть и не показывает этого. Как и все они.

— Открой защиту всего на минуту — большего не прошу. И твоя тайна умрет со мной.

— Как и я, когда Эрик узнает, — мрачно бросила защитница, но встала. К двери подошла и провела рукой по шерботому дереву. Нажала на ручку, отворяя, впуская внутрь мутный осенний день. Я тоже встала и последовала за ней.

— Эрику необязательно знать, как я вышла. — Положила руку ей на плечо. — Спасибо...

— Иди уже, геройствуй, — отмахнулась она и вытолкнула меня на улицу. Воздух был стылым и волглым, но дышать было намного легче, чем в доме.

Лара подошла к границе, тронула пальцами волосы и закрыла глаза. Я покорно ждала у защитницы за спиной. Через минуту она обернулась и поманила меня.

Касаться воздуха на границе ступеней было страшно, но я пересилила себя. Никаких разрядов, электричества, боли — ничего. Холодный воздух полужимного дня. Не раздумывая, я шагнула за пределы защиты. Глубоко вдохнула. Голова слегка закружилась от неожиданной свободы.

— Одного никогда не понимала, — мрачно сказала Лариса, — тебе разве не страшно?

— Страшно, — кивнула я, не оборачиваясь. — Но мне всю жизнь страшно — привыкла.

И, пока не передумала, зашагала прочь. Дом провожал меня осуждающим взглядом, к нему жались голые деревья и стекались тропинки, будто ища в его лице укрытие. Мне укрытие было не нужно, и я решительно шагнула за ворота, где меня уже ждали.

— Холодно сегодня, да? — нервно улыбнулся Дэн. — Не айс денек, чтобы умереть.

Я не спрашивала, откуда он знает. Наверняка у Барта было видение, а Дэн здесь для поддержки. Одиночка, которому нечего терять. Улыбается вроде, но на лице испуг и обреченность. Не хотелось бы, чтобы он со мной шел, но у меня нет выхода, если хочу выжить. Хотя бы попытаться.

Наверное, моя улыбка тоже вышла нервной, а голос дрогнул, когда я ответила:

— Я и не собираюсь.

Глава 24. Прикоснуться к легенде

Герой одного фильма сказал, что иногда вся жизнь сводится к одному безумному поступку. Иначе, чем безумством, мой план назвать было сложно.

Похолодало основательно, и буро-зеленая трава у забора покрылась белым налетом инея. Небо нависло сизыми животами туч, предсказывая скорый снег. Зима дышала в затылок и заставляла кутаться в тонкую куртку.

Дэн ковырял носком кроссовка ошметки мерзлой земли на обочине.

— И что теперь? — глухо спросил он.

— Я войду, а ты жди. И постарайся не опоздать. Когда Крег умрет от яда, нужно, чтобы ты перенес меня домой. Эрик наверняка вернется до того времени...

— Шаткий план.

— Знаю. Но другого у меня нет.

— Барт верит в тебя, — мрачно повторил он фразу, которую впервые сказал несколько лет назад. В глаза не смотрел: то ли не одобрял задуманное, то ли жалел меня.

— Никто из сольвейгов больше не пострадает. Во всяком случае, от рук Крега.

Он мазнул по мне серьезным взглядом и кивнул.

— Иди, Полина.

Я шагнула к калитке, но, прикоснувшись к холодному металлу, обернулась.

— Если вдруг не вернусь... передай Барту и Люсии, что я благодарна. За все.

— Сама скажешь, — улыбнулся он, но как-то грустно. Обреченно.

А потом я ступила на священную землю.

Страшно не было. Озноб только охватил, но скорее всего от холода. Отчего же еще?

Унылая постройка маячила впереди. Выгоревшая черепица, покосившаяся дверь, облупленные стены — Влад явно переборщил с маскировкой.

Место это и сам дом были мне близки.словно сосуд, наполненный воспоминаниями: сомнениями, радостью, болью. Оттого злость на Крега росла в геометрической прогрессии. Наверное, именно это и добавляло мне решимости, заставляло делать каждый следующий шаг. Прохудившаяся дверь всхлипнула в ответ на толчок, закрипела и впустила меня в святая святых.

Он стоял ко мне спиной в окружении сотни свечей. Несуразный, нелепый блондин в изорванном алом свитере. Волосы выбились из небрежно завязанного хвоста и топорщились в разные стороны опаленными прядями.

Воздух пропитался запахами полыни и ладана. Мои ладони горели, готовые к удару.

— Всегда мечтал тут побывать, — обыденным голосом сказал Крег, когда я вошла. Оборачиваться не стал — трогал пальцем текущую воском свечу на стене. — Ира всегда восторженно отзывалась об этом месте.

— Святотатство, — саркастично ответила я. — Боги не простят.

— Ты грешишь вместе со мной, девочка-сольвейг. — Он обернулся, и на лице мелькнула безумная улыбка. — Но не переживай, боги примут мою жертву.

В руке его блеснул нож.

— Готова стать частью величия?

— Пожалуй, повременю.

— Ты же понимаешь, что все равно...

Я подняла руки и ударила. Крега отшвырнуло назад, впечатало в стену, он сшиб ту самую свечу, которую недавно ласкали пальцы, и еще с дюжину других. Нож отлетел в сторону и лязгнул, ударившись о шершавую поверхность ритуального камня атли.

Крег приказал мне прийти, но защищаться не запрещал. А, как известно, лучшая защита — нападение.

Сощурившись, я ударила снова. Понимала, что нельзя останавливаться — промедление будет стоит жизни. И я била, подстегиваемая яростью, вспоминая скромную улыбку Наташи и резкий, грубоватый голос Томи. Ночь, когда Ира уснула в слезах. Эрика, застывшего в вязкой ловушке. И свой собственный страх, который рождал больше всего злости.

Крег прикрыл руками голову и забился в угол.

Я бы, наверное, так и била бы до истощения, если бы не яд. И если бы не кен Альрика, которым Крег умело пользовался.

Ослабела я резко. По рукам пошла дрожь, пальцы скрючились, а кен из ладоней перестал литься. Жила вспыхнула болью, и меня согнуло пополам, а через несколько мгновений резкий удар по голове швырнул на пол, в центр комнаты.

В ушах шумело, и шаги Крега, которыми он мерил комнату, множились в голове эхом и мешали сосредоточиться.

— Мерзавка! — выдавил он со злостью и пнул меня ногой в живот. Жила натянулась, сжалась в комок, и я невольно застонала. — Хочешь по-плохому?

Меня никогда не били раньше. Удары сыпались, казалось, со всех сторон и не обходили вниманием ни одну часть моего тела. Два раза носок его туфли заехал мне в висок. Хотелось закрыться и отползти в сторону, прячась от череды ударов и пинков. Обида драла горло, глаза горели от подступивших слез. Слабость накатывала волнами, жила ныла от действия яда — он растекался по венам, впитывался в клетки, дурманил голову.

И зачем я только полезла драться? Поверила, глупая, что сила сольвейга настолько опасна, что и против кена Альрика поможет.

А потом удары прекратились — резко и неожиданно. По инерции, опасаясь новых, я отползла ближе к ритуальному камню и прислонилась к нему спиной.

Дышать было больно, перед глазами поплыли багровые круги. Руки ниже локтя онемели и не слушались. Только и хватило сил прошипеть:

— Хватит...

— Что? — саркастично поинтересовался Крег, прикладывая ладонь к уху. Выглядел он при этом феерично: окончательно испорченный свитер висел ошметками, плоть на правом предплечье выжгло до кости, и кость эта торчала белым оскалом из черной пасти обугленных мышц. Волосы на голове опалились и походили на паклю. Воняло горелым мясом. Только Крег словно не чувствовал боли. — Что, прости? Не расслышал.

— Хватит, — повторила я.

— Мне показалось, ты хотела драться.

— Тебе показалось.

Голова гудела. Я машинально коснулась пальцами виска и испачкалась теплым и липким. Кровь.

Кровь сольвейга прольется...

Болели ребра, оттого вздохи выходили рваными. Крег шагнул ко мне, и я смогла получше разглядеть его лицо. Резкие, топорные черты, прямой нос, острый взгляд. Даже

ямочка на подбородке имела, словно охотник специально подобрал себе «сосуд», внешне походивший на Эрика. У этого мужчины была своя жизнь, но, несмотря на то, что он никак не относился к миру хищных, жизнь эту у него отняли.

Крег больше злым не выглядел. Несмотря на увечья, двигался плавно и уверенно. Склонился ко мне и поднял на ноги. Стон сдержать не получилось. Кроме синяков, ушибов, разбитой головы, мучительно болела жила.

Крег уложил меня спиной на камень. Руки, которые уже почти не слушались, упали плетью по обе стороны многовековой глыбы.

Все повторяется. Я и камень. Камень и я. Ему нужна моя кровь — кажется, он распробовал ее в прошлый раз.

— Вот так, девочка, — ласково сказал Крег и покачал головой. Убрал с моего лба прилипшую кровь. — Тебе все равно нужно было попробовать спастись, да?

Я и сейчас пробую, только ты об этом не знаешь.

На потолке тени от свечей путались в паутине.

Крег отошел на несколько мгновений, а когда вернулся, в его руках уже был нож.

Страшно. Черт, как же страшно! Всегда ли так страшно умирать? Я всю жизнь спрашивала себя, зачем выживать, если можно просто сдохнуть, а сейчас... боюсь. Боюсь не боли, а того мгновения, когда она перестанет иметь значение. Когда покой и сон станут важнее дыхания.

И чтобы отстрочить этот миг, я шевелю пересохшими губами. Тем более, что ответ действительно интересен.

— Альрик... Как?

Крег улыбается. Эта улыбка скорее мечтательная, чем сумасшедшая. Ему и самому хочется похвастать — глаза горят в предвкушении. И нож опускается вниз. Время не пришло, мои минуты тикают, стекая воском по рыхлой поверхности свечи.

— У каждого из нас есть корни. И, оставляя после себя потомков, великим нужно быть осторожными.

— Потомки у Альрика? — искренне удивляюсь. — Разве у него были дети?

— Дети — нет. Племянник. И тот спасся чудом, потому что великий подчищал за собой тщательно.

— Альрик убил... всех?

Впрочем, тогда ему это было в радость — благодать для того и дана охотникам, чтобы убивать зверушек.

— Не всех, — отвечает Крег, расстегивая мою куртку и задирая свитер. Его пальцы скользят по животу, и от этих прикосновений хочется увернуться. Но я лежу спокойно. Жила болит все сильнее, но я стараюсь не выдать ни страха, ни нетерпения. — Кровных только. Мальчишка отрекся от племени. Вовремя, к слову. А после создал свое. Вожди андвари всегда были очень предусмотрительны. Такими и остались.

— Рик, — прошептала я, но Крег помотал головой.

— Рик Картер трус. А вот Саймон перспективный мальчик. И помогает мне во всем.

Крег тряхнул головой и снова поднял нож. Пристальный взгляд заставил сжаться. И очередная секунда капнула в никуда...

— Пора, Полина.

Я зажмурилась. Наверное, сильные духом смотрят в глаза смерти, не моргая. И до последнего вдоха мужественно стоят на своем.

Что ж, тогда я не сильна. За мгновение до смерти жизни всегда мало. Мало воздуха, взглядов, улыбок, тепла. Воспоминаний. Они стучатся в сознание хаотично, требуя впустить, приласкать каждое. Но их так много, а времени не хватает.

Потому в сознании только шепот Кrega. Слова на древнем языке, которые я не понимаю. А тени особенно дико танцуют на потолке ритуальные танцы за мгновение до конца.

Конца не случилось.

Щеку опалило ударом, а в следующую секунду меня сдернуло с холодного камня на не менее холодный пол. Ребра отозвались резкой болью, дыхание перехватило, жилу свело спазмом.

— Паршивка! — яростно прошипел Крег. — Яд.

Я облажалась. План не сработал, Крег почувствовал яд, и я тут умру. Медленно, мучительно, от рук заколотого мной же колдуна. Ирония судьбы? Карма? Хотелось истерически засмеяться, но получился хрипящий кашель. Пальцы скребли по грязному полу, и я судорожно пыталась сесть.

— Что ж, умно, — снова спокойно сказал Крег и присел рядом со мной на корточки. — Не хотела умирать одна? Похвально. Но придется все же одной.

Он легким движением толкнул меня в плечо, и я упала на спину, хватая ртом воздух, словно рыба, выброшенная на землю.

— Ты никогда не получишь... сольвейга...

Слова нужны были, чтобы чувствовать, что я все еще жива.

— Я терпелив, Полина. И мы оба знаем, что в атли есть человек, который много знает о светлых. — Он усмехнулся. — Все же правильно, что тогда я выбрал кудряшку.

Резко вспыхнувшая ярость смывается болью, и я уже ни о чем не могу думать, кроме пожара внутри. Лежу, царапая ногтями холодный бок ритуального камня атли, будто ища в нем поддержки.

— Мне очень жаль, — тихо и скорбно произнес охотник. — Жаль, что ничего у нас сегодня не вышло.

Страх возвращается, и слезы катятся — горячие, крупные — падают на пол, оставляя на коже мокрые полосы. Боль настолько сильна, что уже почти невозможно определить источник, мысли испарились, и осталась только одна: я хочу жить. Безумная прихоть...

Жертвовать собой было плохой идеей.

— Со мной выйдет.

От звука этого голоса слезы льются сильнее. И горло сжимается, душа рыдания. Зачем же ты... зачем пришел? Разве я зря все это затеяла? Разве те смерти были напрасны? Я же... мы же... защищали тебя... вас...

— Уходи, — выдыхаю зло. Хочется кричать, но стон — единственное, на что я способна. Голова кружится, мир выключается хаотично, затем включается снова, и я цепляюсь за его рваные края.

— Позволь мне спасти девочку, и я дам тебе то, что ты хочешь.

Голос Барта уверен и тверд. Я его не вижу, его скрывает камень, и голова никак не хочет поворачиваться. Мне остаются потолок и тени.

— Эта комната — ловушка, — расслабленно говорит Крег. — Ты и так не выйдешь. Зачем мне отпускать Полину?

— Потому что иначе ты не получишь кен. Защита на моей жиле намного мощнее печати

Арендрейта, а ты даже ту снять не смог.

Крег думает, а время течет. Мое — утекает, и я теряю связь с реальностью. Проваливаюсь в хельзу, где облака и теплый песок. Где умиротворяюще шумят ивы и плещется прозрачная вода.

А потом голос охотника возвращает меня в кевейн.

— Хорошо, — говорит он. — Спасай свою протезе.

Картинку удержать сложно, перед глазами все плывет. Даже лицо Барта — встревоженное, родное — растекается кляксой.

— Все хорошо, — шепчет он и теплая рука ложится мне на лоб. — Все закончилось, Полина.

Я плачу сильнее, и шершавые пальцы стирают мои слезы.

— Уходи, — шепчу, и собственное дыхание кажется мне ледяным.

— У каждого из нас свой долг, — отвечает он спокойно. — Мой долг — беречь свое племя.

Жила успокаивается, как только Барт касается живота ладонью. Боль уходит, напряжение сменяется усталостью, ладони саднят, но кен больше не кипит в венах. Я дышу. Могу, наконец, дышать и жадно хватаю губами воздух, пропахший ладаном и гарью.

Воздух кончается резко.

Вспышка. Тело выгибает дугой. Глаза раскрыты, но вижу я лишь ослепляющий свет. Свет исходит не снаружи — изнутри. Белый, холодный, наполняет внутренности, вливается в жилу, вырастает в нее, распирает.

И когда я, наконец, снова могу разглядеть Барта, он серьезен. Губы вождя сольвейгов сомкнуты, но в голове я четко слышу слова: «Молчи. Не выдавай».

Молчу. Да и что я могу выдать — непонятно же ничего?!

А свет продолжает литься. Мне кажется, во мне не хватит для него места. Я мала, сосуд переполнен, и меня вот-вот разорвет на части.

Не разорвало. Я дышала, и звуки постепенно возвращались. Трещали свечи на стенах, громко, нетерпеливо дышал Крег. Охотник ждал, пока Барт закончит. Сам Барт сидел рядом со мной, на пыльном полу, с закрытыми глазами и шептал. Слов я, как ни пыталась, разобрать не смогла.

— Ну что там? — не выдержал Крег. — Долго еще?

— Готово, — ответил вождь сольвейгов и открыл глаза. По его лицу мало что можно было понять, а вот мысли... Голос в моей голове не умолк.

«Вставай и иди, Полина».

Вслух он сказал:

— Отпусти девушку.

— Снимай защиту, — скомандовал Крег, — потом отпущу.

К черту! Никуда я не пойду. Не брошу Барта, буду драться, тем более, что теперь я снова могу. Кен бурлит, голова кружится, ладони горят.

— Это так не работает. Защита врожденная, но она не повредит тебе, если я не захочу. Но могу дать клятву глубинным кеном, если хочешь.

— Давай, — без промедления ответил Крег.

Он близок к победе и боится все потерять. Нетерпение так сильно, что выдает его слабости.

Охотник протянул Барту нож, и тот, не раздумывая, полоснул по ладони.

— Клянусь никак не препятствовать твоим ритуалам, — произнес глухо, сжимая ладонь в кулак. — И отдать свой кен и кровь.

Уже отдал — она капала на пол, скрепляя клятву.

Кровь сольвейга прольется...

Крег торжествующе улыбнулся и кивнул, давая добро. Барт встал и подал мне руку.

Как только я поднялась, меня качнуло в сторону. Но не от яда и не ушибов. Кен Барта распирает изнутри, не помещался в жиле, и вены вздулись от бурлящей смеси.

— Уходи, — прорычал Крег. На меня не смотрел. Был лишь он, жертва и нож, остальное для охотника стало несущественным. Я растерянно взглянула на Барта. Тень улыбки тронула уголки его губ.

— Иди, Полина. Иди с миром. — И добавил уже шепотом: — Свершилось.

Что свершилось, я, естественно, не поняла. Но послушно поплелась к выходу — растерянная и слабая. Зачем я пришла, если в итоге все закончится вот так? Я, как могла, старалась уберечь сольвейгов и не получилось. Только и вышло, что бежать с поля битвы.

А у самой двери я услышала тот звук — мягкий, булькающий — и кровью запахло почти сразу. В груди стало горячо, жар поднялся из легких к горлу, вырвался из глотки рыком.

В глазах потемнело от ярости, а потом снова вспыхнуло. И волной поднялся, захлестнул, опрокинул ослепительный кен.

Я на коленях, голова опущена, и я с шумом выдыхаю, стараясь прийти в себя.

Встать. Мне нужно встать, пока еще не поздно. Пока Барт еще...

Больно, но я рывком встаю. За стену цепляюсь, чтобы снова не упасть. Оборачиваюсь.

Барт на камне, голова запрокинута назад, и кровь течет по черным, холодным бокам бесчувственной глыбы.

Кровь сольвейга прольется...

Злость белая и застилает глаза. Выжигает мысли, страхи, сомнения. Все.

Я — спрут, и мои руки — щупальца.

Подаренная сила пьянит, дурманит разум. Кен и злость — все, что от меня осталось.

Делаю один неосмысленный шаг в сторону охотника.

Крег замер, глаза его закрыты. На губах — улыбка торжества. Изуродованный собственными амбициями... нет, не человек. Иное. Существо без души, без совести, без чувств и сожалений. И я буквально чувствую электричество искрами на собственных пальцах.

Пламя свечей танцует, и тень охотника корчится на стене.

А потом он открывает глаза.

— Ваш кен... — восторженно шепчет он, захлебываясь словами. — Великолепен!

— Нравится? — спрашиваю, чувствуя, как злая улыбка кривит губы. — Хочешь еще?

И, не дожидаясь ответа, бью на поражение. Раскрываюсь. Хохочу. Слезы по щекам — теплая вода.

Ничего уже не имеет значения. Ни я, ни Барт, истекающий кровью на ритуальном камне, ни сам охотник, который падает на пол там же, у этого камня.

Раскрываю рот, и крик, царапаясь, вырывается на волю. Лишь теперь я понимаю, что значит безумие...

Волна, сбивающая с ног. Раскаленная лава, выжигающая все на своем пути. Смерч, разрушающий мир. Это все я. Во мне. Из меня.

Злость уходит быстро — так же, как и пришла. Руки повисают плетями.

Почему? Почему он не сделал это сам? Почему позволил уложить себя на жертвенный алтарь? Зачем нужно было...

Умирать?

Барт не мертв. Сползает с камня, держась за темную рукоять ножа, который все еще торчит из жилы. Кашляет, задыхаясь. Воздуха действительно мало в этой комнате для нас троих. Двоих?

Крег лежит на спине неподвижно, руки раскинуты в стороны, а стеклянные глаза смотрят в потолок, на пляску теней.

— Барт! — Я опомнилась, подбежала к вождю сольвейгов. Присела, прикоснулась ладонью к побледневшей щеке. — Зачем?

— Нам нужно уйти, — прохрипел он. — Зови Дэна.

Стараясь не смотреть на мертвого охотника, я встала. В голове снова шумело, каждый шаг гулким эхом отдавал в ушах. Накатила дикая слабость, и я с трудом добралась до двери, распахнула. Холодный, сладкий воздух немного отрезвил.

Дэн появился сразу же, будто ждал сигнала.

— Прости... я... я не уберегла... прости...

Меня трясло, но Дэн обнял за плечи и сказал:

— Соберись. Недолго осталось. Терпи, Полина.

— Барт... там. — Я указала рукой на черный камень.

— Хорошо, жди.

Я осталась у двери, а Дэн пошел за Бартом. Через полминуты он вернулся, таща на себе вождя сольвейгов.

— Уходим, — велел резко.

— Подожди, а как же...

Я перевела взгляд на Крега. Он лежал все так же, раскинувшись на полу, только вот жила его светилась. Буквально — бело-голубым ослепляющим светом, который с каждой секундой разгорался все сильнее, увеличиваясь в размерах.

— Нужно уходить! — дернул меня Дэн. — Сейчас откроется портал, а отсюда я не могу вас телепортировать — священная земля.

— Портал?

— Беги! — крикнул он и побежал так быстро, как мог, таща на себе Барта.

Я медлить не стала. Выяснить, что произошло можно потом. Высохшая трава стегала по коленям, ветер бил в лицо, каждый последующий шаг давался с боем, но мы все-таки успели выбежать за ограду, когда из домика, скрывающим очаг атли, пробивая черепичную крышу, вырвался столп света.

— Что это? — ошеломленно спросила я.

— Портал для Первых, — мрачно ответил Дэн. — Давай руку, нужно убраться отсюда подальше. Скоро от этого места ничего не останется.

— Портал? То есть... как?

— Результат ритуала, — слабым голосом произнес Барт. — Безумец не знал, кого призван выпустить в мир. Но идем, девочка, у меня не так много времени осталось...

Я бросила последний взгляд на источник силы атли, разрушающийся под воздействием стихии древних богов. И только теперь поняла...

Последнее слово, сказанное Таном на ухо.

Первые...

Ты был прав, Крег. Боги приняли твою жертву. Они вернули миру тех, кого забрали когда-то. Тех, кого создали много тысячелетий назад на горе молитв.

Я вздохнула и коснулась протянутой руки Дэна...

...Было тепло. С влажных листьев на голову стекали капли недавно прошедшего дождя. От земли поднимался пар, путаясь в мокрой траве.

Светало, и первые солнечные лучи обнимали рассыпанные по цветущей поляне палатки. Новое пристанище вечных кочевников.

Дэн аккуратно усадил Барта на траву. Крови почти не было, но нож до сих пор торчал из жилы, а это значит...

— Барт... — всхлипнула я и присела рядом с ним.

— Тише, — остановил он. — Мало времени. Нужно много сказать.

— О Первых?

Он кивнул.

— Ты знал, да? Что ритуал заканчивается... так?

Дэн потупился, а Барт отвел взгляд.

Понятно. Отвечать уже не стоило.

— Давно?

— Достаточно давно, чтобы подготовиться.

— К чему?

Наверное, я бы разозлилась, если бы настолько не устала. Спорить и кричать больше не хотелось. Вообще ничего не хотелось. Застыть бы кадром на фото пленке.

— Мир изменился. Мы изменили его. Охотники, торгующие кеном ясновидцев. Ясновидцы, убивающие хищных. Хищные, убивающие охотников. И главная аномалия мира...

— Сольвейги, — мрачно дополнил Дэн.

— Гуди пророчил мне, — продолжил Барт. — Хаос грядет, и только Лив может остановить его. Найди Лив, Полина.

— Если нам нужна Лив, зачем мы ушли от портала?

— Из-за Хаука, — ответил Дэн. — Первые не придут одновременно, и мы не знаем, кто явится сначала.

— Там, у очага атли ты дал мне кен. Почему сам не убил Крега? Зачем лег под нож?

— Крега нельзя было убить иначе. Рано или поздно он нашел бы то, что искал. С того самого момента, как охотник взял кен Первозданного, назад дороги не было — боги разгневались и ждали жертву. А фанатики всегда идут до конца.

— Нужна была кровь сольвейга, — продолжил Дэн. — Ведь именно она скрепляет смесь и открывает портал.

— Погибли люди! Мои соплеменники. Тома. Я хотела спасти их. Вас. А ты...

— Знаю. Все знаю, — тихо произнес Барт. — Все мы проходим испытания, твое было сложным. Теперь ты понимаешь, на что готова ради близких, правда? Будут еще смерти — много смертей. Ты должна быть сильной и в решающий момент сделать то, что суждено. А теперь дай руку, буду учить тебя.

— Учить? Чему?

— Ставить печать.

Красный клубок солнца на горизонте поднимался медленно. Барт держал меня за руку и показывал на Дэне, как правильно складывать пасс, запечатывающий жилу, какие слова

говорить, как использовать при этом минимум кена. Сольвейги высыпали и палаток и окружили нас тесным кольцом. Женщины плакали, пряча слабость за сомкнутыми ладонями. Мужчины скорбно опустили головы вниз.

Барт терял последние крупницы силы. Это было заметно по бледному лицу, по темным кругам под глазами и заострившимся скулам. Крег умер, взяв не весь кен, и сейчас он вытекал, струясь над поляной нежным, цветочным ароматом.

Когда Барт закончил со мной, он повернулся к Дэну.

— Теперь ты, мальчик мой. Ты тоже немало пережил и, наконец, готов.

— К чему готов, старина? — Дэн крепился, но, казалось, вот-вот расплачется. Его нос покраснел и глаза блестели. Но Барту он улыбался, словно эта улыбка — единственное, что все еще держало вождя сольвейгов в мире живых.

— Присмотри за ними. — Барт обвел взглядом сольвейгов. — Береги племя. Управляй ими мудро, как старался управлять я. Ты же так мечтал об этом — править.

Дэн помотал головой.

— Я был неправ тогда, на поединке. И достойным не был.

— Тогда не был, — согласился Барт и потрогал полированную рукоять оружия Крега с таким удивлением на лице, будто до этого момента не догадывался, что у него нож из живота торчит. — Но сейчас ты готов.

— Но я не сольвейг, как я могу...

— Кто тебе сказал? — лукаво усмехнулся он. Настолько, насколько в своем состоянии вообще мог лукавить.

— Но я же... ты... — растерялся Дэн.

— Думаешь, я позволил бы тебе находиться так близко к сольвейгам, не будь ты одним из нас? Когда мы повстречались впервые, ты был не готов, но теперь из тебя выйдет отличный правитель. Ну же, встань! — велел Барт. — И вы, сольвейги, приклоните колени перед новым вождем.

Ошеломленный Дэн послушно поднялся, и каждый из племени Барта присягнул ему на верность. Плачущие женщины, хмурые мужчины. Люсия, кутающаяся в шаль рыжих волос.

А я окончательно перестала что-либо понимать.

— Держитесь друг друга... — Барт закашлялся, Дэн подхватил его и уложил на траву. Я сняла куртку и сунула Барту под голову. Цепкая прохладная рука ухватила мою. — Вы мне как дети. Ты и Даниил. Позаботьтесь друг о друге, когда я...

— Обещаю, — заверил его Дэн.

— Хорошо, — кивнула я, хотя мало себе представляла, как могу позаботиться о Дэне. И в то, что он — сольвейг, не верилось совсем. Ни дара предвидения, ни убийственного кена из ладоней среди его способностей не числилось.

Барт шумно вздохнул и улыбнулся, переводя взгляд вверх.

— Небо такое чистое. И легко. Наконец...

Он не договорил. Ладонь, держащая мою, разжалась, обмякла. И взгляд остекленел. Только что Барт дышал, говорил, и вот... Секунды не прошло. Дэн тихо заплакал, уткнувшись лицом мне в спину. А я боялась дышать.

Может, это сон, и я сейчас проснусь? Барт не может умереть, он же... он...

— Не бессмертен, — сказал Дэн, ровняя ногой землю на свежей могиле. Барта мы похоронили там же, на лужайке, ведь у сольвейгов нет источника, и им все равно, куда уйдут остатки их кена.

— Я до сих пор не понимаю, зачем он это сделал, — тихо пробормотала я и положила голову ему на плечо.

Устала. Болело все — ребра, спина, голова. Левый глаз заплыл, кажется. Какая разница? Барт умер, и у меня внутри будто что-то умерло вместе с ним.

— Барт знал, что так будет. Первые придут, и Хаук найдет и убьет Херсира, а затем уничтожит всех неугодных богам. Барт рассказал вчера, а я верить не хотел, но он знал. Готовился. И тебя готовил. — Вздохнул. — Нас.

— А если бы я не пошла сегодня?

— Но ты пошла. Барт изучил тебя хорошо.

— Одобряешь? — хмыкнула. Отлипла от него, хоть и было тяжело стоять без поддержки. Я не ждала от Барта интриг и недомолвок. И меньше всего — цели, которую он мне пророчил. Теперь у меня был его кен и умение ставить печать.

— Нет. Но я не знаю, насколько тяжелой была его ноша.

— Скоро узнаешь.

Дэн поморщился и покачал головой.

— Не хочу. Да и не умею я — одни проблемы от моих решений.

— От моих тоже. Наверное, это общая беда сольвейгов.

Мы еще некоторое время постояли там, у могилы Барта, пока остальные сольвейги паковали вещи. Скоро они найдут себе новое пристанище, а мне предстоит вернуться домой.

Дома ждет осуждение. Совет. Наказание — Эрик не простит того, что я послушалась. Мой уход пустит липкие ростки недоверия и обид. Впереди трудные разговоры. Советы племен. Стратегии и тактики.

Война?

— Как думаешь, мы выдержим? — спросила я, потому что не хотелось молчать. — Если они действительно пришли...

Дэн пожал плечами и ничего не ответил. Ему, как вождю, теперь нужно учиться недоговаривать.

После возвращения Эрик, казалось, свихнулся. Впрочем, и там, у очага атли, он выглядел слегка безумным.

Хотя очагом теперь это сложно назвать — пепелище. От стен мало что осталось, крыша рухнула внутрь, а вокруг в радиусе километра чернела выжженная земля. Она хрустела под ногами, когда мы подошли к месту, которое раньше было источником. Моим источником.

Теперь тут было пусто. Ни намек на кен предков, ни капли силы, ритуальный камень — и тот расколот надвое.

Не знаю почему, но именно камень мне было жаль больше всего.

О ней я старался не думать. Ни о ней, ни об охотнике, ни о том жутком ритуале, который однажды описал Эрик.

А вот он думал и представлял в подробностях — по лицу было видно. Неумение контролировать себя — плохое качество для вождя.

Мы стояли там около получаса, я продрог насквозь и был безумно рад вернуться к скади. Эрик же, не сказав никому ни слова, заперся в кабинете и колдовал несколько часов. Уж не знаю, кого он там призывал, но вышел хмурый и усталый. Малявка-целительница напоила его успокоительным отваром и отвела наверх.

А я остался в гостиной. С Дашкой. Мы смотрели в окно, как Глеб курит и пинает фонарные столбы. У каждого свои способы релакса.

— Не верю, что источника атли больше нет, — скорбно произнесла Даша и опустила ладони на подоконник.

— Но его нет, — ответил я и снова посмотрел в окно.

Верить в это решительно не хотелось. Как и в то, что Эрик нигде не чувствовал Полины. Она — скади, и вождь обязательно должен ее чувствовать, если только...

— Эрик ее найдет, — словно прочтя мои мысли, сказала Даша и обняла меня. — Вот увидишь.

И она, и я понимали: мог бы, уже нашел. Время тикало, и каждая проходящая минута приближала меня к осознанию: ее больше нет. Совсем.

— Схожу проветрюсь. Подумать надо.

На выходе столкнулся с Глебом — наверное, ему надоело просто маяться и курить. Или замерз — зима уже почти пришла, разве что снегом не сыпала.

— Мы будем что-то делать? — резко спросил Глеб, и в голосе прорезались истеричные нотки. Тут скоро все будут падать на пол и в припадках биться! Паника заразна. — Хоть что-то? Сидим тут, как...

Я не ответил. Протиснулся мимо и вышел, наконец, наружу.

В темноте стало немного легче. Хотя, наверное, это оттого, что вдаль от суеты можно было спокойно вздохнуть. Подумать. В доме думать совершенно не получалось — я очень хорошо отношусь к Даше, но ее забота иногда душит. Особенно когда я почти отчаялся.

Темная аллея спрятала меня надежно. Сомкнулась голыми ветвями над головой и окутала тьмой. Свет от фонарей сюда не проникал, и ощущение, что на меня смотрят тысячи глаз, исчезло.

Итак, что у меня есть? Вариантов немного: если то, что случилось у источника атли,

закончилось для Полины фатально, размышлять больше не о чем, поэтому этот вариант я отмел сразу. К тому же, тела мы не нашли — ни ее, ни Крега, так что имело смысл предположить, что она выжила. Сольвейги сильные, а Полина — особенно, Барт всегда подчеркивал ее выносливость.

Тогда возникает логичный вопрос: если она жива, где может быть? Возможно, Крегу настолько понравился ее кен, что он забрал ее с собой, тогда есть смысл потрусить андвари. Уж с Риком мы справимся, уверен, он быстро расколется.

Я задумался, было темно, и я не сразу заметил сгорбленную фигурку на дальней скамейке. А когда заметил, она уже подняла на меня глаза.

Захотелось сразу и всего: сгрести ее в охапку и ударить, утешить и отругать, смеяться и плакать. Впрочем, нет, плакать не хотелось, да и не умею я. Полина зато умеет — за нас двоих.

Смотреть на нее было больно: синяки изуродовали лицо, левый глаз заплыл. Руки она прижимала к животу и глядела на меня жалобно, а в глазах — слезы.

— Так типично для тебя, пророчица! — зло выдохнул я. Приближаться не стал — сорвусь еще, а ей и так досталось.

— Давай ты не будешь меня сейчас ругать, — тихо ответила она. вытерла рукавом слезы и тут же поморщившись — синяки наверняка болели.

— Тебя вообще нет смысла ругать — проще привязать и отлупить. Наверное, так до тебя быстрее дойдет.

— Отлупили уже, радуйся, — язвительно ответила она и тут же вздохнула: — Крег мертв.

Вот уж чего не ожидал. Полина, конечно, сольвейг и сильна, но не настолько. Я хорошо помнил последний его приход, и цепкие щупальца на жиле. Эрика, который не мог пошевелиться. Тамару, которая и ойкнуть не успела. А ведь перспективная была девчонка, даже жаль, что погибла.

— Что ты сделала? — спросил я тихо и все же присел. Потом позлюсь, сейчас нужно выяснить, что произошло.

— Я — ничего. Налажала, как всегда.

Голос тихий в нем — обреченность. Или показалось, и она просто устала? Избита... Невольно хочется пожалеть, обнять, утешить. Полметра в прыжке, там раз ударишь — переломится. И злость снова поднялась — теперь уже на охотника. На мертвого охотника, так что злость бессмысленна.

— Барт мертв, — добавила она мрачно, и у меня похолодело внутри.

Как мертв? Почему? И что мне теперь делать?

Наверное, я слишком многозначительно молчал, и она продолжила:

— Я была у Тана — перед уходом из дома. Он помог снять печать Арендрейта и отравил жилу ядом. Думала, Крег возьмет мой кен и сдохнет, но охотник просек. Я бы умерла там, если бы не Барт, если бы... — Она всхлипнула и замолчала.

— Барт предложил себя, да? — глухо спросил я, глядя в одну точку перед собой.

Полина кивнула.

Да что же все сольвейги такие жертвенные?! Одна несется подставляться, травится, второй — ложится под нож. Мозгов ни грамма, зато пафоса — завались! И что теперь делать со всем этим? Он должен был сказать, как действовать дальше. Чертов сольвейг выдавал информацию вмясц по чайной ложке, а сейчас знания ушли вместе с ним — в землю. А

ведь он не врал тогда, что она в опасности. И я должен что-то сделать, но что? Когда?

Как же бесят!

— В твоём духе, пророчица, — резко сказал я и встал. Отступил на пару шагов, чтобы не сорваться, не задеть её ненароком. В глазах потемнело от неконтролируемой ярости. Хорош вождь. Гордился контролем и вот. Хотя с ней всегда так. Хочется придушить и обнять одновременно. — То, что ты сделала. У меня нет слов.

— Не нужно слов, — устало вздохнула она и сложила руки на коленях. Вздогнула. Замерзла, наверное. Согреть бы, только вот гордость сейчас сильнее заботы. — Не нужно ничего говорить.

— Нужно, — кивнул я. — Кто-то должен тебе это сказать, иначе не дойдет. Впрочем, и так не дойдет, раз за столько лет не поняла. Пока ты там геройствовала, мы тут сходили с ума. Глеб, Эрик, Марго, твои ненаглядные скади. Хотя что тебе до этого — ты всегда была эгоисткой!

— Эгоисткой? — возмущенно переспросила Полина. — Я лишь хотела, чтобы люди, которые мне дороги, перестали умирать!

— Люди умирают каждый день. Но ты, видимо, решила почувствовать себя вершительницей судеб.

— Своей. Своей судьбы. Тебе всегда было неприятно, что я хочу решать за себя сама! — Она вскочила на ноги, обняв себя одной рукой. Ребра, возможно, сломаны, нужно проверить. Потом. Пусть помучается — заслужила.

— Ой ли? — едко парировал я. — За себя? А как же Барт? Ты ведь понимаешь, что умер он из-за тебя? Ты убила его, Полина!

Мои слова достигли цели — она растерялась. Глаза распахнула, вернее один, правый, левый спрятался за отеком. Рот открыла, только звуков не было — наверное, слов нужных не нашлось. Жестоко, знаю. Но иначе она не научится. Спасая одних людей, она делает так, что гибнут другие. Так есть ли разница?

Черт, как он мог так подставиться?!

Наконец, Полина выдохнула. Отвела глаза и четко сказала:

— Я не убивала.

— Да ну? Разве он не был бы сейчас жив, не пойдёшь ты к охотнику? Я уже молчу об очаге атли — о нас ты давно перестала думать.

— Неправда! — обиженно всхлипнула она. — Я не знала тогда, к чему приведет ритуал. И что Крег откроет портал, тоже. Если бы знала... У нас все равно не было выбора, Влад. В тот момент, как Крег убил Альрика, выбор закончился. Уничтожить охотника мог лишь портал.

— Какой портал? То есть не ты убила охотника и не Барт?

Она помотала головой. И губу закусил.

— Крег ничего не знал о величии. Как и ты перед ритуалом изгнания Девяти. Источник атли разрушил портал, впускающий в мир Первых.

— Кого, прости?

— Знаю, ты не веришь. Я тоже не верила до сегодняшнего дня. Но Барт погиб, а изжила Крега вырос столп света — я сама это видела!

— Хочешь сказать, легендарные Первые бродят среди нас?

Скептицизм скрыть не удалось. Я не верил в легенды — фанатизм нужно оставлять таким, как Эрик. Прогрессивные хищные не молятся, а действуют, полагаясь на себя.

— Я не видела их, но Барт не шутил, когда говорил, что мир содрогнется. Перед смертью шутить не имеет смысла. Да и выброс после ритуала получился вполне красноречивым.

Полина замолчала и тяжело вздохнула. А потом перевела взгляд с моего лица куда-то мне за спину, и я инстинктивно обернулся.

Даже мне стало его жаль. Сильный вождь с большой слабостью — все мы их имеем. Даже я. Эрик смотрел на нее, не отрываясь, и я несколько секунд поколебался, стоит ли оставлять Полину с ним наедине. Сорвется, добьет еще...

Впрочем, это уже не мои проблемы. Он ее вождь и муж, а я так, прошлое, которое никак не отвяжется. Пожалуй, не стану больше за нее бояться — есть кому. У меня племя, сын, и проблема с источником. Нужно думать, как восстановить или создать новый. Да и люди мои измотались в этом противостоянии.

Домой пора. Делами займусь и подумаю, что делать с предсказанием сольвейга. В Первых верится мало, но чем черт не шутит?

А Полина... Пусть разбирается с мужем. Лезть в это — себе дороже.

Опомнился я в машине на трассе. Хотелось скорости, ветра и быть подальше от дурдома. Злость постепенно сошла на нет, обнажая одну-единственную мысль: я все равно вернусь. Врать себе — плохая привычка, никогда ею не злоупотреблял. Эта женщина отравила меня, и это, похоже, неизлечимо.

Мне до конца жизни ее опекать. А значит, работать придется с тем, что есть. Барт сказал не так много, но несложно увязать его предупреждение с сегодняшними событиями. Опасность, грозящая Полине, связана с Первыми — и не просто так Барт сегодня подставился. Уверен, спасал он ее не от большой любви. Ей придется сыграть роль в истории, только вот какую?

Надеюсь, у меня есть время свести все ниточки в одну. И делать это лучше там, где никто не будет отвлекать. Новая квартира — замечательное место. К тому же, я всегда любил высоту.

Больше книг на сайте - Knigolub.net